МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «МЭИ»

СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

VII АРЕФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Международной научной конференции
19–21 ноября 2024 года

Москва
Издательство МЭИ
2025

УДК 1; 7; 14; 32; 37; 101; 111; 123; 130; 167; 168; 141; 172; 316; 378; 304; 372; 504; 658; 811
ББК 7; 60; 63; 80/84; 85; 87
С 56

Подготовлено на кафедре философии, политологии и социологии
им. Г.С. Арефьевой
Гуманитарно-прикладного института

С 56 Современное социально-гуманитарное знание и проблемы высшей школы. VII Арефьевские чтения: материалы Международной научной конференции. – М: Издательство МЭИ, 2025. – 340 с.

ISBN 978-5-7046-3182-8

В сборник материалов международной научной конференции вошли статьи научно-педагогических работников, аспирантов, магистрантов, студентов российских и зарубежных вузов и научных центров. Тематика статей охватывает широкий спектр вопросов по философии, политологии, актуальным проблемам цивилизационного подхода в социально-гуманитарном знании, цифровой трансформации общества и вопросам развития высшего образования.

Настоящее издание может быть рекомендовано студентам, магистрантам и аспирантам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами современного социально-гуманитарного знания.

Материал издается в авторской редакции

Ответственность за оригинальность
и достоверность публикации несут авторы

УДК 1; 7; 14; 32; 37; 101; 111;
123; 130; 167; 168; 141; 172; 316; 378; 304; 372; 504; 658; 811
ББК 7; 60; 63; 80/84; 85; 87

ISBN 978-5-7046-3182-8

© Коллектив авторов, 2025
© Национальный исследовательский университет «МЭИ», 2025

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Рогалев Николай Дмитриевич – ректор НИУ «МЭИ», докт. техн. наук, профессор, Председатель Оргкомитета
Замолодчиков Владимир Николаевич – первый проректор НИУ «МЭИ, канд. техн. наук, заместитель Председателя Оргкомитета
Родин Алексей Борисович – директор ГПИ, заместитель Председателя Оргкомитета, ответственный за проведение конференции
Силайчева Валерия Вадимовна – канд. филос. наук, зам. зав. каф. философии, политологии и социологии им. Г.С. Арефьевой, ответственный секретарь Конференции
Аристов Станислав Васильевич – докт. ист. наук, зав. каф. истории и культурологии, член Оргкомитета
Беспалько Виктор Геннадиевич – докт. юр. наук, профессор каф. философии, политологии и социологии им. Г.С. Арефьевой, член Оргкомитета
Гусарова Мария Николаевна – докт. ист. наук, профессор каф. философии, политологии и социологии им. Г.С. Арефьевой, член Оргкомитета
Гусева Ирина Ивановна – докт. филос. наук, профессор каф. философии, политологии и социологии им. Г.С. Арефьевой, член Оргкомитета
Гынгов Александр – докт. филос. наук, профессор каф. логики, этики и эстетики Софийского Университета им. Св. Климента Охридского, (София, Болгария), член Оргкомитета
Мамычев Алексей Юрьевич – докт. полит. наук, профессор каф. философии, политологии и социологии им. Г.С. Арефьевой, член Оргкомитета
Соколова Юлия Владимировна – канд. филос. наук, зав. каф. философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой; член Оргкомитета
Шелковников Андрей Юрьевич – докт. филос. наук, профессор каф. философии, политологии и социологии им. Г.С. Арефьевой, член Оргкомитета

Редакционная коллегия
Председатель: Ю.В. Соколова;
Члены редколлегии: В.В. Силайчева, И.И. Гусева, В.Г. Беспалько, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Шелковников, Г.А. Ключарев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Арефьевские чтения – традиционная конференция, проводимая кафедрой философии, политологии и социологии им. Г.С. Арефьевой Гуманитарно-прикладного института Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» при активном содействии исследователей из ряда зарубежных стран.

Тематика конференции связана с осмыслением широкого круга проблем социально-гуманитарного знания и педагогики высшей школы. Конференция привлекла внимание ученых, преподавателей высшей школы, аспирантов, магистрантов и студентов из вузов и научных центров Российской Федерации, Болгарии, Уругвая, Италии и др. стран.

Целью конференции является выявление актуальных направлений исследований в области социальных и гуманитарных наук в контексте трансформационных процессов, происходящих в обществе; расширение межвузовского сотрудничества и развитие интеллектуального потенциала молодого поколения российских граждан. В качестве задач обсуждения определены: обмен научно-исследовательским опытом, обобщение результатов научных исследований, расширение научных контактов и межвузовских связей, развитие культурного и социального потенциала учащихся вузов.

Социально-гуманитарные науки в высшей степени восприимчивы к любым изменениям в обществе. Определение новых парадигм в их развитии способно вызвать бурные дискуссии среди специалистов, и одновременно обозначит проблематику для новых исследований.

Выражаю уверенность в сохранении и преумножении сложившихся традиций и убежден, что результаты работы конференции внесут вклад в развитие социально-гуманитарного знания, которое во многом ответственно за формирование мировоззрения и ценностной матрицы российского общества.

Ректор НИУ «МЭИ», доктор технических наук, профессор,
Председатель Оргкомитета конференции,
Н.Д. Рогалев

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 111

ФИКЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Гынгов, А.Л.
Софийский Университет им. Св. Климента Охридского, София, Болгария

Аннотация. В первой части доклада рассматриваются философские концепции фикции, начиная с Декарта. Специальное внимание уделяется Канту, а также взглядам Бентама и Маркса. Обзор философии фикции заканчивается идеями Гуссерля, Бодрийяра и Лосева. Во второй части обсуждается приложение фикции в различных областях современного общества: в финансовой сфере, политике, образовании и морали. Основной вывод доклада состоит в том, что в современности фикция проникла в реальность и преобразовала ее в „фикциональную реальность“, которая имеет мало общего с сущей действительностью.

Ключевые слова: фикция, идеал познания, фикциональную реальность, сущая действительность, превращенная форма

FICTIONAL CHARACTER OF THE CONTEMPORARY REALITY

Gungov, A.L.
St. Kliment Ohridski University of Sofia, Sofia, Bulgaria

Abstract. The first part of the paper deals with philosophical conceptions of fiction, starting with Descartes. Special attention is paid to Kant, as well as to the views of Bentham and Marx. The review of the philosophy of fiction ends with the ideas of Husserl, Baudrillard and Losev. The second part discusses the application of fiction in different areas of modern society: in finance, politics, education and morality. The main conclusion of the paper is that in modernity, fiction has penetrated reality and transformed it into a “fictional reality” that has little to do with the genuine actuality.

Keywords: fiction, ideal of cognition, fictional reality, genuine actuality, converted form

Обычно под „фикцией“ подразумевают продукт воображения, преднамеренно предназначенный для замещения реальности, а возможно и для воплощения в реальность, или это просто случайно возникшие грезы. Кроме употребления в повседневном языке и сознании, фикция нашла свое значимое место в философских трактатах и, как ни странно, призвана была объяснить и обосновать свою противоположность – понятие „реальности“.

Современное употребление этого термина напрямую связанно с философией Иммануила Канта, где фикции уделяется достойная регулятивная функция. Основополагающая роль *идеала познания*, как недостижимого, совершенства, которое подразумевается каждым познавательным действием, является также утверждением основополагающего характера фикции в критической философии. Будучи недостижимым ни при каких обстоятельствах и ни при каком продвижении познания в течении времени, *идеал* очевидно приравнен к *фикции*, но все же, а может быть именно потому, что это фикция, он–идеал познания–становится необходимым, даже неизбежным, элементом всей теоретической системы немецкого мыслителя [4, с. 503-511]. Заметим, что фикция совсем не иллюзия. У Канта уделено специальное место *диалектической иллюзии* как невозможности предоставления чувственного соответствия, или чувственного воплощения, *идеям разума*. Подобно идеям, идеал и его характер фикции, принадлежат изначальному стремлению разума обхватить целое универсума, а не рассудку, способному познавать, а перед тем упорядочивать, эмпирический мир явлений.

Как ни странно, основателя Иезуитского ордена – Св. Игнатия Лойолу – также можно рассматривать как мыслителя, внесшего непосредственный и опосредованный вклад в философскую теорию фикции. Центральным моментом его известных „духовных упражнений“ оказалось умение различать духи добра от духов зла. Критерием при этом различении стала неестественная яркость присутствия (но не существования) зла, а кроме того, чувство грусти и уныния после его удаления [5, с. 75-85]. Эти критерии можно считать и критериями отличия псевдосуществования зла от истинного бытия добра, т.е. различения фикциональной „реальности“ от истинной действительности.

Говоря о непрямом влиянии Лойолы на последующую философию, то оно связано с малоизвестным, но значимым фактом, в биографии Рене Декарта. Декарт окончил престижный иезуитский колледж Ла Флеш, в котором он несомненно ознакомился с духовными упражнениями первого генерала Общества Иисуса, а возможно и был вовлечен в их практическое усвоение. По-видимому, различение духов зла от духов добра,

унаследованное от Лойолы, не было тайной для будущего знаменитого философа. Картезий воплотил усилия предшественника к своему поиске истинного метода и снял достигнутое великим иезуитом в Картезианский критерий ясного и отчетливого созерцания ума как гарантии истинности познания. Некоторые авторы, подчеркивая присутствие фикции в системе Декарта, переинтерпретируют его знаменитый принцип как „создаю фикцию, следовательно существую“. При этом Декарт исходя из полагания фикции – например, из фикции злого гения, вводящего мыслителя в заблуждение – сводит ее к абсурду по методу „доказательства от противного“ [3. с.19-22], и таким образом закладывает основания истины и реальности.

В лоне Нового Времени, британской философии Джереми Бентам рассматривает фикцию как неотменное условие для функционирования юридического и политического дискурса, а в ряде случаев, без фикции, по его мнению, не может обойтись и повседневное мышление. Фикция создается как что-то нереальное, но посредством своего включения в определенный дискурс приобретает реальность, а кроме того, придает всем утверждениям единство и смысл [1. с. 2-4]. Концепция Бентама о фикции является еще одним возможным способом преодоления скептицизма Дэвида Юма наряду с Кантовской критической философией.

Знаток и комментатор Канта–Ганс Файхингер – предлагает в начале XX века стройную систему взаимодействия фикции и реальности. Подобно Бентаму, Файхингер высоко оценивает практический вклад фикции в понимание реальности (в особенности научной картины мира), однако в процессе оформления реальности фикцией, последняя сама превращается в однозначную (сущую) реальность, т.е. в действительность, при этом в конечном счете „фикция“ вообще утрачивает характер фикции [9, с. 28-37].

В феноменологии Эдмонда Гуссерля обосабливаются два типа *нереальности*: а) *идеализации* – здесь основатель феноменологии перекликается с Кантом, но в отличии от него различает идеализацию от фикции и б) *фикция как таковая*. Фикция и реальность по Гуссерлю различаются по специфике своей темпоральности: у реальных объектов темпоральность зависит от взаимодействий между объектами сознания – в этом смысле она объективна – и тем самым отличается от темпоральности фикциональных объектов, где она становится чисто субъективной квазитемпоральностью, зависящей не от самих объектов, а единственно от деятельности трансцендентальной конституции сознания. Операцию так называемых „свободных вариаций воображения“, посредством которой

согласно Гуссерлю достигается эйдос, также можно рассматривать как процесс порождения ряда фикций, который увенчивается достижением истинных универсалий или *сущей действительности* [2, с. 177, 187, 201].

Гиперреальность, описываемая в популярной книге Умберто Эко „Путешествие в гиперреальность“, сильно воздействует на воображение читателя, однако по существу, является не более как довольно мягкая и безобидная фикция реальности – это всего лишь гипертрофированная подделка – абсолютная фальшь. Это подделка, стремящаяся усовершенствовать реальность и занять ее место как более совершенный (и более привлекательный вариант) реальности. Тот же термин – гиперреальность – приобретает у Жана Бодрийяра довольно жутковатый смысл, именуемый *симулякром*. Симулякр, как воплощение гиперреальности, умудряется скрыть отсутствие какой бы то ни было реальности, а в добавок не только свергает с онтологического престола реальность, но и ввергает в небытие само понятие „оригинала“ и само́ различие между оригиналом и копией и тем самым превращается единственную и вездесущую гипер-реальность.

Превращенная форма Маркса-Мамардашвили указывает в общественном бытии с одной стороны на чувственную видимость – „*реальную фикцию*“ – прагматически верифицируемую, а с другой – на *сущую действительность*, которую можно постигнуть и уразуметь только сверхчувственным образом [7, с. 315-328; 8, с. 80-85]. Для нашего изложения самым значимым примером превращеной формы, и ее двойного характера комплекса фикции и реальности, выступает банковский процент, где с назойливой очевидностью проявляется пресловутое „само-наращивание капитала“, за которым по Марксу, несомненно, скрываются „прибавочный труд“ и „прибавочная стоимость“.

Подобная „чувственно-сверхчувственная“ реальность просвечивается в понимании символа Алексеем Федоровичем Лосевым, но с той существенной разницей, что здесь это подобие получает совсем другой смысл. Символ по Лосеву, это истинная действительность эйдоса [6, 39-52], преодолевшая однобокость и наивность позитивизма, но не подающаяся видимости и обману превращеной формы. Та же тенденция в еще более полной мере развертывается в православной иконографии, в которой чувственная материальность не скрывает и не мешает сверхчувственной духовности (и тем более не узурпирует ее место в отличии от симулякра), но воплощает в себя духовность и сама одухотворяется.

Философские концепции фикции способствуют уяснить актуальные фикции современности, в преддверии которых стоят фиатные деньги без какого-либо покрытия. Фиатные деньги одновременно соответствуют и не соответствуют товарам и услугам, которые они обслуживают. Таким

образом, они как реальны, так и фиктивны. Они рассчитывают на дальновидность, опыт и, прежде всего, на мощь своего эмитента, от которого фиатные деньги всецело зависят. Однако главным эмитентом фиатных денег оказывается не государство, а торговые банки, которые эмитируют кредитные деньги как разновидность фиатных. При эмиссии кредитных денег очень существенны два коэффициента: 1.) коэффициент финансовой зависимости и 2.) показатель финансового рычага. Коэффициент финансовой зависимости регулирует кредитование со стороны заемщика. Данный коэффициент указывает на соотношение собственного капитала и полученных кредитов. В этом случае коэффициент и риск обратно пропорциональны: чем больше коэффициент, тем меньше риск. Показатель финансового рычага, это подобное соотношение, но со стороны кредитора. Здесь подразумевается соотношение собственного капитала кредитора и выданных займов. Предполагается, что займы выдаются главным образом за счет привлеченных данной финансовой организацией депозитов, но это не обязательно и не всегда, и не в полной мере, происходит таким образом. В данном случае показатель и риск прямо пропорциональны: чем больше показатель, тем больше и сам риск. Имея ввиду, что кредиты часто не имеют ничего общего с депозитами, становится ясно, что подобно простым фиатным деньгам, огромная часть кредитных денег создается „из ничего“ – *ex nihilo.*

В мире финансов кроме простых активов, а это все кредиты, депозиты, товары, услуги, акции, облигации и т.п., существуют *производные активы* или „*деривативы*“. Из самих названий этих финансовых инструментов следует, что только простым активам можно с известной долей уверенности приписывать статус „реальности“ (если абстрагироваться, конечно, от фундаментальной фикциональности фиатных и кредитных денег, упомянутой выше). В производных активах, в большей или меньшей мере, „реальность“ блекнет и ее место заполняется фикцией. Фикциональный характер производного актива, связан прежде всего с потенциальностью осуществления подобного актива. Самое интересное в том, что даже если эта потенциальность никогда не осуществится, все равно, данный дериватив рассматривается как содержащий стоимость, что всецело противоречиво. Это относится ко всем деривативам, включая опционы на акции, фьючерсы, запродажа будущей продукции, т.е. форвардный контракт, своп, ценные бумаги на основе пула кредитов – *asset (loan)-backed securities.*

Деривативы можно было бы разделить на деривативы первой степени и деривативы последующих степеней. Разница между ними состоит в том, что в первом случае основной актив является *простым* (реальным) *активом*. Это означает, что определенный простой актив послужил

основой для производного актива, например, товары – для фьючерсов или кредиты – для ценных бумаг на основе кредитов. При деривативах второй и высших степеней, называемых *комплексными деривативами*, оба элемента оказываются производными активами. В этом случае любое прямое соотношение с реальностью отсутствует, так как *основной актив* здесь тоже является деривативом. Это приводит к тому, что комплексный дериватив проявляется как полная, т.е. завершенная фикция, в отличии от деривативa первой степени, где основа все же остается относительно реальным активом.

Строго говоря, у деривативов нет собственной стоимости, что становится особенно очевидным при комплексных деривативах. В следствии этого, у дериватива *нет собственной реальности*, а одна лишь „фикциональная реальность“. В данном контексте термин „реальность“ можно как ставить в кавычки, так и употреблять без кавычек, но главным остается то, что под „реальностью“ подразумевается, что-то совсем отличное от сущей, т.е. *истинной действительности*.

Дериватив, будучи всего лишь финансовым инструментом, проникает во все области общественного бытия, ухитряясь перенаправить в них собственные принципы фикциональности. Поэтому в современном обществе производственная экономика отступает на второй или даже на третий план, а ее место восполняет так называемая „финансиализация“, где ведущая роль предоставлена финансовому капиталу, за счет вытеснения производства, и что еще более фикционально: за счет преобладания откровенно спекулятивных финансовых трансакций (здесь понятие „спекулятивного“ употребляется совсем не в его Гегелевском значении, хотя и имеет какое-то с ним сходство [2. с. 123]). В этом же духе, фикция не просто становится частью политической реальности, а приводит к тому, что вообще утрачивается различие между „фикцией“ и „реальностью“ по подобию *гиперреальности симулякра*.

По словам известного кинорежиссера Эмира Кустурицы[1] в современном мире уже не нужны художники, а требуются одни лишь дизайнеры. При этом задача дизайнеров создавать легко сменяемые, но очень *функц*иональные и глубоко *фикц*иональные аватары в зависимости от запросов рынков ценных бумаг. Что же касается образования, то оно, в особенности в области гуманитарных и общественных наук (в меньшей степени в технических и точных науках) призвано прививать умения и развивать компетенции эффективной и элегантной смены аватаров, исходя из изменений в социальной среде.

[1] В интервью при юбилее своего семидесятилетия в 2024 г. Кустурица заявил, что вознамеривается снимать свои последующие фильме в России, где очевидно все еще требуются художники.

Круговым движением мы возвращаемся к вопросу поставленным Св. Игнатием Лойолой, но уже звучащим в новой перспективе: „Как различать духи зла от духов добра?“. В нашем современном контексте его можно переформулировать в виде „Как отличать фикции морали от действительной морали?“ или „Как веря, что служим добру, не становимся орудием зла?“. Мне кажется, что пресловутый Картезианский критерий истины, предусматривающий ясное и отчетливое созерцание ума, как и Кантовский категорический императив, здесь не вполне уместны и не способны дать внятного ответа.

Список источников и литературы:

1. De Champs, E. “The Place of Jeremy Bentham’s Theory of Fictions in Eighteenth-century Linguistic Thought”. *Journal of Bentham Studies*, vol. 2 (1999).
2. Гънгов, А., „Кръговостта във философската логика на континенталната традиция“, София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2023.
3. Декарт, Р. „Размышления о первой философии“, „Сочинения в двух томах“, том 2, Москва: „Мысль“, 1994.
4. Кант, И. „Критика чистого разума“, „Сочинения в шести томах“, том 3, Москва: „Мысль“, 1964.
5. Лойола, И. „Избрани сочинения“, София: Издателство „Натурела“, 1998.
6. Лосев, А.Ф. „Философия имени“, СПб: „Издательство Олега Абышко“, 2016.
7. Мамардашвили, М. „Превращенные формы“, „Как я понимаю философию“, Москва: Издательство „Прогресс“, 1990.
8. Маркс, К. „Капитал. Критика политической экономии“, том 1. Маркс, К. и Энгельс, Ф., „Сочинения“, том 23, Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960.
9. Солонин Ю.Н., Аркан Ю.Л. Философия фикционализма Ганса Файхингера: опыт ретроспекции и оценки // Серия «Мыслители», Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий., Выпуск 11 / К 75-летию профессора М.Я. Корнеева Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2002.

Сведения об авторе:

Гынгов, Александр Любенов, профессор, доктор философских наук, кафедра логики, этики и эстетики, Софийского Университет им. Св. Климента Охридского, София, Болгария, agungov@phls.uni-sofia.bg.

УДК 378.1

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключарев Г.А.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. Цифровизация высшей школы означает существенное повышение роли искусственного интеллекта (ИИ) в учебном процессе. Рассмотрены особенности цифровых форм организации занятий (онлайн курсы, специализированные мессенджеры – приложения, хакатоны, симуляторы, цифровые кафедры, дополненные и виртуальные учебные пространства, гейминг, социальные сети и группы). Показана конструктивная роль генеративных технологий в advanced – обучении. Приведены конкретные примеры цифровизации в социологии (машинная обработка интервью, частотный анализ массивов данных, визуализация эмпирики, работа с Большими данными, SPSS). Сделан вывод, что цифровые технологии существенно персонифицируют учебный процесс в высшей школе, расширяют возможности и эффективность обучения и контроля, изменяют роль преподавателя («Конец Эры Профессора»).

Ключевые слова: Искусственный интеллект, высшая школа, цифровизация учебного процесса.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN UNIVERSITIES: SAMPLES AND PERSPECTIVES

Grigori Kliucharev
Professor, National Research University " Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia

Abstract. Digitalization of higher education means a significant increase in the role of artificial intelligence (AI) in the educational process. The features of digital forms of organizing classes (online courses, specialized messenger applications, hackathons, simulators, digital departments, augmented and virtual learning spaces, gaming, social networks and groups) are considered. The constructive role of generative technologies in advanced learning

is shown. Specific examples of digitalization in sociology are given (machine processing of interviews, frequency analysis of data arrays, visualization of empirics, Big Data, SPSS). It is concluded that digital technologies significantly personalize the educational process in higher education, expand the possibilities and effectiveness of teaching and control, and change the role of the teacher ("The End of the Era of the Professor").

Keywords: artificial intellect (AI), high school, universities, digitalization.

Постановка проблемы. Объективная необходимость цифровизации учебного процесса нашла свое отражение в ряде актуальных на сегодняшний день правительственных документах[2]. Их анализ показывает, что основное внимание государство уделяет развитию средней общеобразовательной школы за счет значительного увеличения современных компьютеров, развития цифровых локальных обучающих сетей и соответствующего программного обеспечения для них. Средства выделяются как из федерального бюджета через Министерство просвещения РФ, так и из местных бюджетов при активной помощи региональных властей. С высшей школой ситуация существенно иная. Здесь государственная поддержка цифровизации предусмотрена федеральной программой «Приоритет 2030». Однако по условиям программы лишь один из пяти от более чем 500 российских университетов смогут рассчитывать на такую поддержку. Разработчики этой программы видимо исходили из того, что Минобрнауки РФ крайние десять лет всячески стимулировало развитие взаимодействия между университетами, сектором реальной экономики (промышленные предприятия, бизнес, финансовые учреждения) и учреждениями науки. В результате некоторые университеты действительно научились зарабатывать внебюджетные средства и расходовать их по своему усмотрению. Понятно, что в острой конкурентной борьбе за абитуриентов и студентов наиболее дальновидные руководители учреждений высшей школы будут совершенствовать учебный процесс, в том числе, за счет новых технологии и использования искусственного интеллекта. Инвестиции в цифровизацию могут оказать очень выгодными.

[2] www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (Указ Президента РФ о цифровой трансформации, в том числе, в образовании); https://национальные проекты.РФ/projects/tsifrovaya-economika/ (нацпроект «Цифровая экономика»); https://government.ru/docs/all/115042/?page=5 (Госпрограмма «Развитие образования», подпрограмма «Современная цифровая образовательная среда в РФ»); https://protect.gost.ru/document1.aspx?control=31&baceC=6&page (ГОСТ Р 71657-2024 «Технологии использования искусственного интеллекта в образовании»).

Университет как субъект цифровизации. Университет, как это хорошо известно, – институциональное решение проблемы статуса научного знания в обществе. Если во времена Платона наука была не демократична и доступна только властным элитам, то в университетском проекте Гумбольдта уже каждый человек имеет доступ к знанию и может использовать это для своего индивидуального развития (меритократическая модель). Однако последние сто лет такой демократичный способ передачи знаний был нарушен сначала дисциплинарной специализацией, а затем – в связи с требованиями рынка и экономики – инструментализацией и соответствующей прагматикой. Сегодня большинство университетов, которые относятся к числу лидеров, превратились в «фабрики дипломов для продажи формальных квалификаций» [2, 5] и, добавим от себя, – иных форм *эпистемической авторизации* (общественного признания). Это – хозяйствующие субъекты, располагающие значительными материальными и прочими активами, включая, не в последнюю очередь, социальный капитал. Общий вектор развития новой субъектности университета направлен сегодня в сторону максимальной интегрированности в экономику и социокультурное пространство каждого отдельно взятого региона. Это хорошо видно на примере *опорных* университетов – ключевых акторов программы «2030». Их основная задача - консолидировать подготовку кадров для рынка труда посредством образовательной, научной и инновационной деятельности. Эта новая *эпистемическая субъектность университета* принципиально отличается не только от гумбольтианской меритократической модели, но и от элитарных (*Академия* Платона, *Касталия* Германа Гессе), просвещенческих (И.Кант, «Спор факультетов»), эгалитарных советских – моделей высшего образования. Инновационная деятельность при этом составляет особый интерес. Она непосредственно связана с цифровизацией и обеспечивает наиболее эффективное взаимодействие университетов, предприятий и государства в виде хорошо известного экономистам «триплекса Ицковца» [1].

Новые предметы и специальности. Очевидно, что по мере становления нового типа университета, о котором шла речь выше, цифровизация обусловит возникновение новых учебных предметов и специальностей. Их появление вызовет значительный (возможно, радикальный) пересмотр учебных планов, содержания и форм занятий, государственных образовательных стандартов. На первый план выйдут те предметы и специальности, которые пользуются спросом у абитуриентов, студентов, работодателей. Этот процесс уже активно идет. Так, к примеру, один из лидеров проекта «5-100» в предметном рейтинге

НИУ ИТМО[3] в Санкт-Петербурге уже несколько лет увеличивает наборы учащихся по таким специальностям как искусственный интеллект, фотоника и опто-информатика (аналог электроники, но вместо электронов изучаются кванты электромагнитного поля), робототехника, квантовые компьютеры и коммуникации, трансляционная и таргетированная медицина (основана на биотехнологиях клеточного микроуровня). Отметим, что за счет таких специальностей, которые невозможны без цифровизации и искусственного интеллекта, данный университет прочно лидирует в стране по размеру зарплат выпускников.

Анализ содержания учебных планов университетов-лидеров [3, 1-400] показывает, что с точки зрения перспектив трудоустройства выпускников и коммерческой выгоды университетов особенно перспективны междисциплинарные курсы, практико-ориентированные на специальные *компетенции*. Для обучения, а лучше сказать, овладения такими компетенциями, требуются именно цифровые технологии, которые позволят обеспечить мультимодальность (максимальную персонификацию) и мультизадачность (междисциплинарность) учебного процесса.

На этом пути постепенно произойдет переход от традиционных форм занятий к инновационным, цифровым (см. Таб.1).

Таблица 1

Формы учебного процесса

Традиционные	Цифровые, инновационные
Лекции	Онлайн курсы
Семинары	Персонализированные приложения (е-студент, е-преподаватель, е-профессор, е-декан, е-начальник курса…), персональные е помощники (Алиса, Маруся, SIRI и т.д.)
Лабораторные занятия	Хакатоны (состязания команд для решения задач на время), гейминг (состязания в игровой форме в т.ч. в виртуальной и дополненной реальностях)
Практика	Симуляторы
Самоподготовка	Мессенджеры, социальные сети студентов и преподавателей
Экзамен, зачет	Собеседование с помощью ИИ, системы антиплагиат, тестирование, создание стартапа
Очная	Дистанционная

[3] Ленинградский институт точной механики и оптики, входит с 2019 года в первую сотню предметного шанхайского рейтинга.

Для перехода к инновационным формам занятий потребуется создание цифровых кафедр, на которых будут заняты специалисты информационных технологий различных уровней и специализаций. Во взаимодействии с профессорами и преподавателями они смогут переводить учебный контент в цифровую форму и обеспечивать все необходимые этапы учебного процесса.

В порядке примера, назовем конкретные направления по специальности *социология*, где цифровизация существенно изменит характер труда. Во-первых, это работа с Большими данными (Big Data) и SPSS. По мере совершенствования компьютеров (а в идеале, при переходе к квантовым компьютерам) объемы данных и характер их анализа принципиально изменятся. Можно предположить, что будет пересмотрено ключевое для социологии понятие *репрезентативность выборки,* поскольку по количественным параметрам она начнет значительно приближаться к генеральной совокупности. Далее, станет возможным автоматизированное создание транскриптов интервью, обработка и группировка ответов на открытые вопросы, типологизация ответов, анализ соцсетей и групп (по ключевым словам, темам, трендам…). Особенно продвинется вперед работа с изображениями и *визуальной эмпирикой.* Это позволит изучать социальные и культурные явления и процессы через зрительные образы, включая фотографии, картинки, фильмы, рекламу, дополненную реальность…

Заключение. Цифровизация учебного процесса в высшей школе, как мы хотели показать, имеет необходимый и неотвратимый характер. Начинать ее и развивать должны сами университеты - как ректораты, так и отдельные подразделения (кафедры, лаборатории). Это осознали уже такие университеты-лидеры как МФТИ, НИУ ВШЭ, НИУ ИТМО, НИУ МЭИ и ряд других. Но интересно то, что высокая степень цифровизации учебного процесса еще раньше началась в корпоративных университетах и учебных заведениях. Опыт работы в этом направлении таких корпораций как ПАО «СБЕР», Яндекс, МТС, VK, ПАО «Газпромнефть», ABBYY и ряда других особенно впечатляет. Видимо, бизнес, как ему и положено, гораздо быстрее увидел в этой деятельности преимущества цифровизации.

Насколько готовы к таким преобразованиям и инновациям учебного процесса люди, работающие или учащиеся в университетах вопрос открытый. На наш взгляд отношение всех этих людей к ИИ нейтральное, но во-многом, зависимое, поскольку у каждого в руках постоянно 1–2 смартфона, с интеллектом которого они находятся в постоянном контакте в режиме 24/7. Но при этом понятно, что смартфон, пусть даже самого продвинутого уровня не может заменить человека, а расширить

его возможности, помочь, повысить качество жизни – может. Такой же результат можно ожидать от разумной (в человеческом понимании) цифровизации учебного процесса.

Список источников и литературы:

1. Ицковиц, Г. Тройная спираль. Университеты, предприятия, государство. Инновации в действии. 2010. https://courier-edu/ru/cour1112/ 0007.htm

2. Ридингс, Б. Университет в руинах / пер.с. анг. М.: издательство Высшая школа экономики, 2010.

3. Шереги Ф.Э. Организация и осуществление мониторинга социально-экономических эффектов государственной поддержки исследований и разработок, в том числе оценки динамики кооперации вузовской науки, а также трансфера результатов в субъекты региональной экономики. Текст отчета. №03.563.11.0037 -2022 https://spcioprognoz.ru/ index/php?page_id=75

Сведения об авторе:

Ключарев Григорий Артурович, доктор философских наук, профессор, Кафедра философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Москва, Россия, KliucharevGA@mpei.ru.

УДК 321

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ РОССИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ЦИФРОВОЙ ТРАНСТФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Мамычев А.Ю.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет» Владивосток, Россия

Аннотация. В статье представлено теоретико-методологическое рассмотрение процессов цифровизации и цифровой трансформации общественно-политических отношений, как переходных состояний

от одного технологического уклада общества к принципиально другому. Обсуждаются проблемы интерпретации последних в качестве явлений и процессов современной политической жизнедеятельности общества. В содержание работы аргументируется, что цифровая трансформация это лишь начальный этап формирования принципиально новых форм социально-экономической, политико-правовой и социально-технической жизнедеятельности человека и общества, где принципиально важным выступает разработка, легитимация и институтционализациия (в научном и повседневном дискурсах, символических и проектных практиках, онтологических стратегиях и мировозренческих структурах) цифрового и технологического будущего общества, а также доктринально-правовое оформление и институциональное обеспечение единой национальной технологическая политика государства как комплексного и стратегического направления деятельности.

Ключевые слова: государство, образ будущего, общественно-политическая организация, политический процесс, технологический уклад, цифровизация, цифровая трансформация.

THE PRESENT AND THE FUTURE OF RUSSIA IN THE ERA OF DIGITALIZATION AND DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIO-POLITICAL ORGANIZATION: THEORETICAL, METHODOLOGICAL AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS

Mamychev A.Y.
"NRU "Moscow Power Engineering Institute"
Moscow, Russia
Vladivostok State University
Vladivostok, Russia

Abstract. The article presents a theoretical and methodological consideration of the processes of digitalization and digital transformation of socio-political relations as transitional states from one technological mode of society to a fundamentally different one. The problems of interpreting the latter as phenomena and processes of modern political life of society are discussed. The content of the work argues that digital transformation is only the initial stage of the formation of fundamentally new forms of socio-economic, political, legal and socio-technical life activity of a person and society, where the development, legitimization and institutionalization (in scientific and everyday discourses, symbolic and design practices, ontological strategies and

worldview structures) of digital is fundamentally important and the technological future of society, as well as the doctrinal and legal design and institutional support of the unified national technological policy of the state as an integrated and strategic area of activity.

Keywords: the state, the image of the future, socio-political organization, political process, technological structure, digitalization, digital transformation.

В современной политической науке, в доктринальных и стратегических документах несмотря на достаточно частое использование таких понятий как «цифровизация» и «цифровая трансформация» нет единого и однозначного понимания последних, равно как и применение ряда смежных понятий – «цифровое общество», «цифровая политика», «цифровое право», «цифровая экономика», «цифровое государство», «цифровое гражданство», «цифровая партия», «цифровая религия» и т.д.

Как правило последние пользуются в качестве научно-практических метафор, с помощью которых эксперт пытается схватить происходящие в обществе изменения и описать трансформации в конкретных политических институтах, происходящих под воздействием внедрения цифровых технологий и различных информационно-коммуникативных инструментов в политический процесс. Хотя исследователи и законодатели в последнее время предлагают различные концептуальные версии и легальные дефиниции, очерчивающие либо общие процессы цифровизации, либо процессы, связанные с цифровой трансформацией общественно-политических отношений [1; 2].

Сложность концептуализации и операционализации понятий «цифровизация», «цифровая трансформация», «цифровая политика» и т.д. обусловлена целой серией причин. Предлагаем более подробно обсудить данные причины.

Во-первых, постоянная изменчивость и неустойчивый характер развития политических отношений, опосредованных цифровыми технологиями. Развитие информационно-коммуникативных инструментов и различных алгоритмических решений происходит достаточно стремительно, а их внедрение в общественно-политическое взаимодействие весьма мобильно, что влияет на постоянное изменение направлений и форм развития политической коммуникации между личность, обществом и государством.

Поэтому специфика и направленность развития политических отношений с использованием данных технологий трудно прогнозируемы. Более того, возникают новые виды социально-политических интеракций

в виртуальной среде, интерактивные формы отношений между общественно-политическими акторами, опосредованные алгоритмическими системами (цифровые боты, gpt-чаты, виртуальные аватары и проч.). Все это затрудняет устойчивые сущностные характеристики процессов трансформации и усложняет формирование их рабочее определение[4].

Во-вторых, текучесть и универсальность цифровых технологий, поскольку последние могут быстро перетекать из одной области в другую, захватывая практически все сферы жизнедеятельности общества. Иными словами, сформированные в одной области человеческой деятельности алгоритмические решения могут мобильно проникать в иные сферы социального взаимодействия.

Так, развитие науки о данных, сформировало отдельное направление аналитики экономического поведения [3], которое значительно расширило традиционные инструменты анализа и позволило сделать «видимым» влияние различных факторов, до сих пор не учитываемых в экономической практике, на принятие социально и экономически значимых решений, раскрыло скрытые возможности стимулирования спроса, активации выбора (например, посредством машиной подстройки с режиму жизнедеятельности человека[5]), а также программирования поведения

---

[4] Как известно определение какого-либо политического явления или процесса включает в свое содержание сущностные признаки их отличия от других схожих явлений и процессов.

[5] Цифровая активация поведения – выражается преимущественно в форме алгоритмической подстройки (от англ. tuning) и подталкивания (от англ. nudge). Первая реализуется путем направления сигналов в подсознание (например, через контекстную рекламу, цифровые образы и символы), призванных тонко корректировать поведение, направлять человека в определенное место и в определённом время, совершать поступки в аффективном и эмоциональном состоянии, точно рассчитывая время суток, состояние пользователя, место его нахождения и проч. для достижения максимально эффективного воздействия (например, совершение крупных покупок в вечернее время суток, предложение ориентированного продукта субъекту в депрессивном состоянии). Второе связано с машинным вычислением и определением любого аспекта «архитектуры выбора», предсказуемо влияющего на поведение людей. С этой целью создаются целые «социальные лаборатории» по так называемой «добыче реальности» (от анг. reality mining – добыча данных и интеллектуальный машинный анализ данных), где по цифровым следам осуществляется сбор и обработка получаемых данных. Здесь алгоритмические решения позволяют анализировать «повторяющиеся шаблоны в получаемом людьми опыте и в том, как они обмениваются идеями, используя для этого виртуальные следы». Полученные этим путем данные далее структурируются и ранжируются, «раскрывая историю жизни каждого человека, документируя все типы деятельности, которые он для себя выбирает, что в итоге позволяет «разработать конкретный план вмешательства и с точностью предсказать результаты» [4, с. 19-23].

экономического субъекта (например, контекстное побуждение к определенному типу действия[6]).

Все эти наработки и достижения в последствие достаточно мобильно были перенесены и в политическую сферу для анализа влияния социально-культурных, когнитивных, эмоциональных факторов, коллективных типов действия и подсознательных реакций на общественно-политическое взаимодействие. Были сформированы разветвленная система алгоритмической активации и побуждения политически значимых действий или бездействий [6].

Поэтому вследствие быстрого развития и проникновения цифровых технологий из одной сферы в другую делает затруднительным фиксацию типичных признаков и характеристик определенных отношений, а также моделей социального взаимодействия, опосредованных данными технологиями. В свою очередь, быстрая смена одних технологий на другие, действующих интерактивных инструментов на более инновационные усложняет в том числе социальное нормирование и общественный контроль за развитием цифровых технологий, прогнозирование рисков и угроз от их внедрения и эксплуатации.

В-третьих, транзитивный характер развития политического процесса под воздействием цифровизации. Сегодня цифровая трансформация общественно-политической организации связана с целой серией факторов и доминант, которые в своей совокупности определяют количественные и качественные изменения функционирующих политических институтов и отношений. Поэтому все современные теоретико-практические разработки, описывающие трансформацию политического процесса, фиксируют лишь общие или специфические траектории перехода (транзита) от одного качественного состояния системы к новому типу цифровой политики.

---

[6] Контекстное побуждение – алгоритмически контролирование и управление окружающей средой человека, т.е. дистанционное управление контекстом жизнедеятельности, что позволяет исключать или существенно сужать альтернативные модели действия, побуждая человека реализовывать прогнозируемые модели поведения. Как отмечает по этому поводу специалист в сфере интернет-вещей: «Мы можем спроектировать контекст вокруг определенного поведения в нужную сторону. данные, учитывающие контекст, позволяют нам связать воедино ваши эмоции, ваши когнитивные функции, ваши жизненные показатели и так далее. мы можем знать, что вам не следует садится за руль, мы можем заблокировать холодильник, поскольку вам не нужны лишние калории, отключить телевизор или иной стриминг, поскольку вам нужно поспать, или приказать студии дрожать, чтобы вы больше двигались, включить кран, поскольку вы мало пьете воду…» [5, с. 364].

Другими словами, современные теоретико-методологические, концептуальные и инструментальные (прикладные) разработки лишь предваряют новую форму властной организации и ее институционального оформления, а в ряде случаев через пытаются «идеологически навязать» определенный проект цифрового будущего общественно-политической организации. Очевидно, что этот новый тип отношений будет характеризоваться отличительными признаками в объекте и формах властного присвоения, в доминирующих властных субъектах, инструментах и технологиях управленческого воздействия, задающих динамику политическому процессу, которые в целом приведут к институциональному оформлению новой структуры властных отношений. Следовательно, дать полное описание различным аспектам цифровой трансформации и цифровизации политики также достаточно затруднительно в силу переходности и не устойчивости последних.

В-четвертых, *отсутствие комплексного социально-нормативного регулирования* процессов разработки, внедрения и эксплуатации сквозных цифровых технологий и сложных алгоритмических решений, что не позволяет прогнозировать развитие отношений с использованием.

В-пятых, разновекторность, т.е. наличие не схожих национально-культурных (цивилизационных) траекториями развития цифровых технологий и разнообразных алгоритмических решений, что обусловливает специфичность цифровизации национального политического процесса, неоднозначной трансформацией отраслевых и региональных политик.

Существующий миф об универсальности технологий, об их объективности и независимости от человеческих ценностей и культурных установок, стилей мыследеятельности и даже предрассудков, уже давно развенчан. Сегодня очевидно, что сложные алгоритмические системы обучаются на конкретном социокультурном материале, «впитывая» цивилизационную специфику общества, программируя свои решения (в процессе машинного самообучения) на основе ценностно и культурно нагруженных данных и информации.

На последней причине предлагаем остановиться более подробнее. В современном обществе уже наблюдается процессы конвергенции (от лат. converge – сближение, смешение, сплавление) социально-культурных, технологических и цифровых форм организации и практик взаимодействия. При этом сквозные цифровые технологии (интернет вещей, виртуальная и дополненная реальность) не «вытесняют» и не «замещают» социокультурные образы, представления, символы, устойчивые формы и практики, а, напротив, переплетаются с ними, в результате и первые, и вторые адаптируются и используют ресурсы друг друга.

В качестве яркого примера последнего может служить китайская система социального рейтинга, которая «сплавляет» как прорывные сквозные цифровые технологии, так и традиционные культурные основания общества. Система социального рейтинга – это достаточно узкое определение и понимание созданного в КНР крупномасштабного проекта развития социалистического устройства общества и организации публично-властных отношений, отвечающих новым вызовам и цифровым трендам развития. В первом узком случае, как правило обсуждаются процессы, связанные со сбором данных, онлайн мониторинге различных форм взаимодействия, индивидуальном поведение и т.д. На основание полученных данных определяется рейтинг юридических и физических лиц, уровень доверия к ним, степень благонадежности и т.д. [7].

Важным здесь является то, что параметры и критерии последнего сформированы на основании традиционной ценностно-нормативной системы китайского общества, прежде всего, моральных норм и духовных стандартов конфуцианской этики, а также требований «построения социалистического гармоничного общества». В этом плане можно лишь говорить о схожести в развитии цифровых форм и режимов.

На каждом этапе появления революционных технологий в общественной жизнедеятельности, которые кардинально меняли характер и направления развития политических, экономических, правовых и других отношений, следовал длительный период адаптации данных инноваций к национально-культурным традициям. Любая инновация не просуществует долго в обществе и не окажет своего значимого влияния на трансформацию общественной системы, если она не будет адаптирована. Русский этнограф К.В. Чистовым справедливо отмечал, что любая «новация может существовать только как инновация, т.е. когда она уже втянута в традицию, адаптирована ею, функционирует в ее составе» [8, с. 110].

В этом плане настоящий период сложен для категориально-понятийного описания тем, что в обществе разворачиваются тенденции адаптации процессов интенсивного развития сквозных цифровых технологий к традиционным социально-культурным процессам, складываются ориентиры технологического развития общества с учётом национально-культурной специфики и требований времени (противодействия геополитическим угрозам, обеспечения цифровой безопасности общества и т.д.). Применительно к развитию политических институтов следует отметить, что последние также адаптируются и изменяются с учётом технологических новаций и вызовов времени. Например, цифровая трансформация, ни отменяет социальную роль и значение государства, а усложняет его

институционально-функциональную природу (появляются новые функции, новые направления, новые элементы механизма государства). Государство не утрачивает свое доминирующее положение в качестве центрального субъекта политической системы, продолжает занимать ведущую роль в международном политическом процессе;

При учёте процессов конвергенции технологического и социокультурного развития современной политической организации общества в то же время следует отметить и *специфичность развития цифровой реальности*. Последняя в отличие от традиционной социокультурной реальности имеет собственные характеристики и специфические траектории развития, которые так же, как и социокультурные доминанты существенно влияют на экономические, политические, правовые, культурные и другие тренда развития общества.

В этом плане представляя сегодня анализ развития политических отношений или моделируя развития конкретных политических институтов эксперт вынуждены учитывать: *с одной стороны*, траектория развития инновационных технологий и новой для человека цифровой реальности; а, *с другой* – переплетение социального и технологического, взаимодействие которых порождает разнообразные эмерджентные эффекты [9].

Следовательно, многие категории, понятия, приемы и методы познания, выработанные в политической науке не всегда адекватны для исследования и прогнозирования развития цифровой реальности и виртуальных интеракций. Поэтому одна из ведущих проблематик современных исследовательских и прикладных разработок связана с научным описанием сущностных и структурных характеристик этого нового пространства существования человека, специфики функционирования цифровых институций и интеркоммуникативных сетей взаимодействия.

С нашей точки зрения цифровизация представляет собой, с одной стороны, фазу перехода от стратегии информационного общества к цифровому, с другой стороны, является лишь начальным этапом к повсеместной цифровой трансформации. Концепт «цифровизация» акцентирует внимание на кардинальных изменениях в традиционных процессах и технологиях, а цифровая трансформация описывает глубинные изменения в общественно-политической организации. Другими словами, цифровизация отражает количественные и качественные изменения в функционировании традиционных социально-экономических и общественно-политических институтов, форматов и характера социального взаимодействия, под воздействием внедрения и эксплуатации цифровых технологий, различных алгоритмических решений, можно обобщить с помощью данного понятия. Понятия

«цифровая трансформация» содержательно характеризует кардинальные изменения в человеке и обществе, описывает транзит от одного качественного состояния социальной системы и профессиональной деятельности к принципиально иному – цифровому.

В свою очередь, с учтём того, что цифровая трансформация это лишь начальный этап изменения технологического уклада общества и формирования принципиально новых форм социально-экономической, политико-правовой и социально-технической жизнедеятельности человека и общества, то принципиально важным является разработка, легитимация и институционализация (в научном и повседневном дискурсах, символических и проектных практиках, онтологических стратегиях и мировоззренческих структурах) цифрового и технологического будущего общества. Кроме того, необходимо доктринально-правовое оформление и институциональное обеспечение единой национальной технологическая политика государства как комплексного и стратегического направления, ориентированного на стимулирование развития критической технологической инфраструктуры страны и продвижение национальных цифроалгоритмических решений в контексте обеспечения цивилизационной безопасности, сохранения гуманистической направленности в технологических инновациях и воспроизводством национально-культурных оснований российского общества, а также защиты политических, гражданских, социальных и формирующихся цифровых прав, свобод, законных интересы человека и общества.

Список источников и литературы:

1. Володенков С.В., Федоренко С.Н. Цифровые технологии и искусственный интеллект в современной политике. М.: Проспект, 2024. 496 с.

2. Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. М.: Проспект, 2023. 896 с.

3. Сидорова Е.Ю., Шипкова О.Т., Краснобаева В.С. Поведенческая экономика в условиях цифровизации экономики. Учебник. М.: Кронос, 2023, 198 с.

4. Пентленд А. Социальная физика. Как распространяются хорошие идеи: уроки новой науки. М.: Издательство АСТ, 2018. 352 с.

5. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческой будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.

6. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Проспект, 2023. 416 с.

7. Цифровизация общества и система социального кредита: проблемы, перспективы»: монография / колл. авт. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. 352 с.

8. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. М.: Наука, 1986. 303 с.

9. Мамычев А.Ю., Фролова Е.Е., Ким А.А. «Будущее» как аттрактор современных политико-правовых и социально-экономических трансформаций: обзор основных проблем и подходов // Advances in Law Studies. 2020. Vol. 8. Special issue. № 5. С. 3–17.

Сведения об авторе:

Мамычев Алексей Юрьевич, профессор НИУ «Московский энергетический институт», заведующий лабораторий социально-экономических и политико-правовых исследований Владивостокского государственного университета, mamtychev@yandex.ru

Исследование выполнено в лаборатории политико-правовых и социально экономических исследований Владивостокского государственного университета в рамках проекта № FZUG-2024-0006 «Прошлое, настоящее и будущее России в цифровую эпоху: формы и механизмы противодействия негативным контентам и фальсификациям» при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

УДК 167.7

ФЕНОМЕН УНИВЕРСИТЕТА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ АУТОПОЭЗИСА

Соколова Ю.В.

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена университета сквозь призму аутопоэзиса. Ключевым моментом, позволяющим применить концепцию аутопоэзиса, принцип нелинейности и динамичности развития к университету является понимание его как сложной

живой системы. Акцент на характеристиках, присущих сложной живой системе, помогает не только рассмотреть скрытые стороны университета, но и сделать ряд практических выводов относительно выбора методов оценки деятельности и достигнутых результатов, специфики стратегического планирования и видения роли элементов рассматриваемой системы. В статье показано, что привлечение к рассмотрению феномена университета различных научных концепций или их элементов может быть очень продуктивным.

Ключевые слова: университет, аутопоэзис, оценка деятельности, холизм, эмерджентность

THE PHENOMENON OF THE UNIVERSITY THROUGH THE PRISM OF THE CONCEPT OF AUTOPOIESIS

Sokolova Y.V.
National Research University "MPEI". Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of the phenomenon of the university through the prism of the idea of autopoiesis. The key point that allows applying the concept of autopoiesis, the principle of nonlinearity and dynamism of development to the university is viewing it as a complex organic system. The emphasis on the characteristics inherent in a complex organic system helps not only to consider the hidden aspects of the university, but also to make a number of practical conclusions regarding the choice of methods for assessing activity and the achieved results, the specifics of strategic planning and vision of the role of elements of the considered system. The article shows that bringing various scientific concepts or their elements into consideration of the university phenomenon can be very productive.

Key words: university, autopoiesis, activity assessment, holism, emergence.

Университет (в широком смысле этого слова) на протяжении всей истории своего существования представляет собой удивительный феномен, к рассмотрению которого можно подходить с очень разных точек зрения. Какие стороны и качества этого феномена откроются нам, если мы применим к нему идею аутопоэзиса?

Этот термин (образованный от двух древнегреческих слов: (αὐτός ауто- – сам, ποίησις – сотворение, производство, созидание, творчество) был предложен чилийскими учеными У. Матураной (1928-2001)

и Ф. Варелой (1946-2001) в новом подходе к теории систем. Опуская интересную историю тернистого пути их концепции в научном мире, сразу перейдем к ее существенным моментам. Аутопоэзис рассматривает все живые системы как автономные, самосозидающие, обращенные сами на себя или творящие из себя. По сути, эта концепция предлагает новый подход к рассмотрению не только отношений системы и внешней среды, но и к их границам: они полагают, что у систем нет начала и конца, то есть предлагают нам посмотреть на систему как на целое, находящееся внутри другого целого [см. 1]. Этот подход с момента появления первой публикации о нем чилийских авторов в начале 1970-х годов был успешно применен в самых разных научных областях: от когнитивистики и философии сознания, до юриспруденции, теории организации, социологии и психотерапии.

Думаю, понимание университета именно как живой системы ни у кого не вызовет отторжения, ведь университет – это прежде всего кадры и студенты, то есть живые сложные системы, составляющие университетскую целостность. Изменчивость и сложность взаимодействий внутри университета тоже очевидна, при этом он сохраняет некую идентичность и устойчивость, прямо как водоворот в реке, который одновременно есть и движение, и постоянство [5, с. 272]. Если применить к университету подход «целое внутри другого целого», то он предстанет перед нами в некотором смысле как матрешка, то есть некая сложная система, в которую включены другие (не менее сложные) системы – факультеты или институты и другие подразделения, которые в свою очередь состоят из более мелких, но не менее сложных систем – кафедр и лабораторий – общностей сотрудников, каждый из которых сам по себе тоже есть сложная система. Обратив свой взор вовне, мы увидим, что университет включен в систему образования вообще, в общество и мир в целом.

Что же нового мы можем увидеть в университете как феномене, применив к нему идею аутопоэзиса? Можем ли мы сделать какие-либо практические выводы из этого взгляда на университет? Прежде всего, применение этой концепции дает возможность по-иному взглянуть на отношение университета с внешней средой, а также на отношения внутри самого университета. Традиционно в теории организации превалировала идея, что условия функционирования и изменения диктуются внешней средой, что это внешние трудности, к которым организация должна приспосабливаться или адаптироваться. В этой парадигме внеш-

няя среда мыслится как существующее независимо от нас пространство (часто враждебное нам), а мы все время находимся в подчиненной, подвергающейся угрозе позиции. Такое видение отношений не только предполагает постоянную конфронтацию, перекладывание ответственности за свое существование на среду, концентрацию на негативных сторонах функционирования, но и постоянное запаздывание с предпринимаемыми изменениями – ведь они всегда лишь ответ на угрозу или требование.

Применение подхода, предложенного в рамках концепции аутопоэзиса позволяет нам увидеть университет (кафедру, сотрудника) как часть целого, заметить взаимовлияние целого и частей, тем самым снять конфронтацию между частью и целым и вывести себя из зависимой позиции. В этой парадигме отношения каждого сотрудника (затем кафедры, института, университета и т.д.) с внешней для них средой определяются их внутренними свойствами, как бы парадоксально это не казалось. Такой ракурс показывает нам, что то, что кажется нам проблемами во внешней среде связано с той индивидуальностью или внутренней спецификой, которую мы пытаемся сохранить. Стремление сконцентрироваться на себе и противопоставить элемент целому создает дисбаланс между ними.

Аутопоэзис предполагает, что каждый из элементов поддерживает (или даже творит, достраивает) и себя, и другие элементы, между ними существует циркуляционная цепь взаимодействия. Игнорирование этого взаимовлияния – видение себя обособленно от среды, может негативно сказаться на существовании. Очевидно, например, что рыболовецкая компания, планирующая свою деятельность обособленно от рыбы, государственных квот на вылов, экологической ситуации в регионе, обречена на крах. Непродуктивно рассматривать университет обособив его от специфики абитуриентов, развития образовательных услуг и технологий, государственной политики в области науки и образования, производства и т. д. Подобная позиция опасна, ведь искусственное изъятие объекта из целого приведет к утрате самой сущности рассматриваемого феномена или по крайней мере ее искажению, а значит будет препятствовать успешному анализу, планированию и развитию.

В рамках теории аутопоэзиса понятие границ преобразовано в подобие мембраны – проницаемой, осуществляющей и регулирующей обмен между внутренним и внешним, как старые кеды, принявшие форму ваших ног, но и изменившиеся вследствие воздействия поверхностей, по

которым вы ходили и луж, в которые вы наступали. Через них вы оставляете следы на мокром песке, постепенно стираете камни дорожки, через них вы можете промочить ноги. Применительно к университету и входящим в его состав живым системам «мембранность» границ еще более очевидна, чем с кедами. Каждый человек, каждое подразделение внутри университета связаны со множеством миров: подвержены их влиянию и сами оказывают воздействие на них. Только представьте эту многофакторность и многообразие взаимовлияния бесконечного множества живых систем – какой набор факторов может оказать влияние на характер лекции, а также особенности и последствия восприятия ее студентом.

Еще одним аргументов в пользу применения теории аутопоэзиса к университету является то, что университет, можно сказать, производит или творит сам себя, ведь наши выпускники, наши разработки и инновации – это то, что становится университетом. Функционирование университета – это постоянное самодостраивание, самотрансформация, самосозидание, становление. А ведь «автопоэтичность[7] предполагает выход за пределы самого себя и самодостраивание» [3, с. 51]. Если помнить, что в рамках теории аутопоэзиса снимается разделение на производителя и продукт, то университет (и все входящие в него системы) как нельзя лучше иллюстрирует этот подход.

Рассмотрение университета как сложной живой системы позволяет нам применить нелинейный и динамический подход к университету и его составляющим. То есть помогает нам увидеть, что динамика функционирования университета гораздо сложнее, чем это можно увидеть, применяя механический подход (предполагающий полную вычисляемость, прогнозируемость, укладывание в строгие схемы), подход, предполагающий управление (как конвейером или комбинатом быстрого питания), а не лидерство. Это важный практический вывод, который касается не только руководства, но и каждого сотрудника и студента.

Предложенный взгляд помогает усмотреть эмерджентность и холизм как характеристики функционирования университета, что тоже способно привести нас к определенным практическим выводам. Так, эмерджентность (от англ. emergent – появляющийся, возникающий, становящийся) предполагает несводимость свойств целого к сумме свойств отдельных элементов этого целого. И это очень легко увидеть на разных уровнях в университете: будь то студенческая группа, кафедра, институт и т.д. Родственное понятие холизма, восходящее еще к аристотелевскому

[7] В цитате сохранено написание термина, предложенное автором статьи.

«целое есть нечто помимо частей» [2, с. 231]. предполагает несводимость целого к частям или сложного к простому. Применив эти понятия к университету, мы можем усмотреть, что анализ как метод не всегда плодотворен (или недостаточен) в оценке деятельности или планировании. Принятие во внимание холизма и эмерджентности необходимы и в таком практическом деле как составление учебных планов и рабочих программ дисциплин, соотнесения программ обучения на разных этапах высшего образования, подготовки кадров высшей квалификации, трудоустройства выпускников и работы с промышленностью.

Нелинейность как принцип, примененный к осмыслению роста и развития университета, позволяет увидеть, что существует «длительная квазистационарная стадия и стадия взрывного роста с характерными скачками, эмерджентными явлениями» [3, с. 48]. Так посаженное в землю семечко огурца на длительной квазистационарной стадии создает впечатление, что ничего не происходит, но на самом деле, глубоко в земле закладывается основание для взрывного роста растения. Качественные изменения в развитии университета заметны только на этапе взрывного роста – это лишь верхушка айсберга, то, чему предшествует длительная квазистационарная стадия, поэтому применение единой методики оценки показателей на разных стадиях развития даст недостоверный результат.

Для живых систем характерно также чередование периодов роста и спада активности, каждому из нас знакомо это по смене интенсивности собственной творческой жизни. При оценке функционирования системы важно, с одной стороны, иметь терпение и дождаться возобновления роста творческой энергии, а, с другой, не пропустить возможные признаки окончательного распада, после которого уже не приходится надеяться на рост.

Еще одним интересным аспектом нелинейности, вполне применимым к университету, является феномен малых причин, вызывающих большие изменения или «эффект бабочки». Можно вывести множество следствий из этого посыла, но в контексте университета имеет смысл обратить внимание на то, что в нашей деятельности (как и воспитании и образовании вообще) возможно нет незначительных или неважных шагов, что влияние на конечный результат могут оказывать не только «главные» жизненные решения, но и множество, казалось бы, незначительных деталей. Этот «эффект» широко отражен в пословицах и сказках разных народов, его корни можно усмотреть в высказываниях древних мудрецов

Запада и Востока, он лаконично передан Самуилом Маршаком в его переводе стихотворения из английской поэзии для детей «Гвоздь и подкова»:

«Не было гвоздя –
Подкова
Пропала

Не было подковы –
Лошадь
Захромала.
Лошадь захромала –
Командир
Убит.

Конница разбита –
Армия
Бежит.

Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице
Не было гвоздя» [4, с. 77].

Существует еще немало идей и концепций из разных областей науки, применение которых к феномену университета позволит посмотреть на него с непривычной стороны. Рассмотрение университета как сложной живой системы сквозь призму концепции аутопоэзиса позволило нам по-иному увидеть взаимоотношения части и целого, проницаемость границ между ними, взаимозависимость на разных уровнях, непрерывность «самодостраивания» элементов и целого. Использование принципов нелинейности и динамичности в анализе развития университета показало непродуктивность механического подхода к оценке результатов и планированию, необходимость использования более гибких инструментов анализа деятельности. Применение понятий холизма и эмерджентности привело к ряду практических выводов.

Привлечение к рассмотрению феномена университета различных научных концепций или их элементов может быть очень продуктивным, особенно если не толь научиться видеть по-новому, но и использовать это видение на практике. И конечно нам обязательно нужно позаботиться, чтобы в нашей кузнице всегда были гвозди.

Список источников и литературы:

1. Varela F, Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, 1991.

2. Аристотель. Сочинения в четырех томах. М., 1976. Т. 1. «Метафизика», Книга 8, Глава шестая.

3. Князева Е.Н. Автопоэзис мысли // Вестник ТГПУ, 2008. Выпуск 1 (75). С. 46-55.

4. Маршак С.Я. Стихи. Дом, который построил Джек. Из английской поэзии для детей. М., 2024.

5. Морган Г. Образы организации. М., 2008.

Сведения об авторе:

Соколова Юлия Владимировна, к. филос. н., доцент, НИУ «МЭИ», заведующий кафедрой. SokolovaYulV@mpei.ru

Раздел I

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 34.09

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОТ КИБЕР-ПРЕСТУПНОСТИ

Власенко О.Б.
ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ»
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена проблем решения задачи обеспечения безопасности от преступных деяний в сфере информационных технологий. Раскрываются основные положения уголовного законодательства о кибер-преступности, нормы уголовного законодательства о преступлениях в области компьютерной информации и преступлениях, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также положения нормативных правовых актов в области информационной безопасности и информационных технологий. Дается краткая характеристика круга деяний, составляющих кибер-преступления с точки зрения российского уголовного права, вносится предложение о совершенствования уголовно-правовых норм в части дифференциации уголовной ответственности за совершение преступления с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: кибер-преступность, кибер-безопасность, уголовная ответственность, компьютерная информация

THE PROBLEM OF LEGAL SECURITY AGAINST CYBER CRIME

Vlasenko O.B.
Moscow Power Engineering Institute
Moscow, Russia

Abstract. The article considers the problem of solving the problem of ensuring security from criminal acts in the field of information technology. The main provisions of criminal legislation on cybercrime, the norms of crim-

inal legislation on crimes in the field of computer information and crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet, as well as the provisions of regulatory legal acts in the field of information security and information technology are disclosed. A brief description of the range of acts constituting cybercrimes from the point of view of Russian criminal law is given, a proposal is made to improve criminal law norms in terms of differentiating criminal liability for committing a crime using information technology.

Keywords: cybercrime, cyber security, criminal liability, computer information

Развитие общества в настоящий период связано с цифровизацией практически всех сфер жизнедеятельности. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы отмечается, что информационные системы, социальные сети стали частью повседневной жизни россиян. Пользователями сети «Интернет» в России стали более 80 млн. человек [1].

Кибер-преступность определяется как преступление, когда компьютер является объектом преступления или используется в качестве основного инструмента для совершения преступления [2].

Ущерб от кибер-преступлений в России с начала текущего года превысил 116 миллиардов рублей, сообщил глава МВД РФ Владимир Колокольцев.

За последние пять лет число противоправных деяний в киберпространстве увеличилось более чем вдвое. Сегодня их доля в общем массиве остается значительной и составляет около 40%. А по тяжким и особо тяжким составам этот показатель уже приблизился к 60%", - сказал Колокольцев на заседании Общественного совета при МВД РФ.

Министр заявил, что приемы обмана становятся все более изощренными, активно используются дипфейки. Глава министерства сообщил, что порой мошенники действуют от имени руководителей различных ведомств, в том числе Министерства внутренних дел. При этом генерируют с помощью нейросетей их изображения и голоса.

Министр добавил, что полиция начинает работать с заявителем, когда преступление уже совершено. Устранение причин и условий, способствующих кибер-преступности, в большей степени находится в компетенции других ведомств: регуляторов, операторов связи, кредитных организаций и интернет-провайдеров.

В настоящее время разработан законопроект, предусматривающий введение уголовной ответственности за передачу электронного средства платежа или предоставление к нему доступа иным лицам на возмездной основе. Внесены поправки, которые позволят правоохранительным органам приостанавливать мошеннические финансовые операции.

В МВД есть специализированные подразделения по борьбе с преступлениями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Председатель Центральной избирательной комиссии Элла Памфилова сообщила о ходе голосования на фоне хакерских атак.

В общей сложности более 100 тыс. кибер-атак предотвратили на ресурсы дистанционного электронного голосования (ДЭГ) и Центральной избирательной комиссии (ЦИК) с момента старта голосования.

Элла Панфилова сказала, что с начала голосования было заблокировано более 4,6 тыс. атак на ресурсы ДЭГ. Средствами защиты интернет-портала ЦИК России заблокировано порядка 100 тыс. потенциально опасных воздействий, из них 232 очень высокого уровня.

Почти все атаки на ресурс ДЭГ были непосредственно на портал голосования, несколько десятков атак – на портал наблюдения за дистанционным голосованием.

При этом на ход голосования хакерские атаки не повлияли. По словам председателя ЦИК, оно прошли в штатном режиме.

Об атаках на систему дистанционного голосования сообщил руководитель общественного штаба по наблюдению за выборами. Хакеры совершили шесть атак, их успешно предотвратили, на работе системы и выдаче электронных бюллетеней атаки не сказались.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, кибер-преступления, в том числе телефонные и онлайн-мошенничества, составили треть всех преступлений, которые были зарегистрированы в России. Главная проблема – это незащищенность персональных данных россиян [3].

Ежесуточно россиянам звонят по 6 млн. раз с целью кражи из средств, число кибер-преступлений все время растет. Причина этого – низкая цифровая грамотность россиян считают аналитики.

Полиция борется с кибер-преступностью не только при расследовании уголовных дел, но и с помощью законодательных новелл и образовательных программ для следователей, сообщил Министр внутренних дел РФ на заседании Общественного совета при МВД России.

Устранение причин и условий, способствующих кибер-преступности, в большей степени находится в компетенции других ведомств, регуляторов, операторов связи, кредитных организаций и интернет-провайдеров.

МВД России, со своей стороны, принимает непосредственное участие в совершенствовании законодательства, регламентирующего использование информационных технологий.

Комплексный подход приносит свои результаты. Одним из важных инструментов в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации является их профилактика, повышение цифровой грамотности населения.

Злоумышленник может использовать компьютер для доступа к личной информации пользователя, конфиденциальной деловой информации, правительственной информации или для отключения требуемого устройства. Продажу или получение вышеуказанной информации в Интернете также относят к кибер-преступлениям.

Кража онлайн-личности возникает в тех случаях, когда преступник получает доступ к персональной информации пользователя, чтобы украсть его деньги, получить доступ к другой конфиденциальной информации или провернуть мошенническую аферу с налогами или медицинским страхованием от лица жертвы. Преступники, используя персональные данные гражданина, могут зарегистрировать на его имя сотовый телефон или Интернет-подключение, использовать его имя для планирования преступной деятельности и требовать от его имени государственных льгот. Кража онлайн-личности осуществляется с помощью паролей, которые хакеры узнают в результате взлома устройства пользователя, благодаря персональной информации, полученной из социальных сетей, или путем обмана с помощью писем - сообщений.

Например такой вид кибер-преступности как кибер-сталкинг включает в себя онлайн-преследование, когда на пользователя обрушивается множество онлайн-сообщений и электронных писем неприятного содержания. Как правило, кибер-сталкеры используют социальные сети, веб-сайты и поисковые системы, чтобы запугать пользователя и внушить страх. Обычно кибер-сталкер знает свою жертву и заставляет человека чувствовать страх или беспокойство за свою безопасность.

Еще один вид преступного деяния в сфере IT - социальная инженерия предполагает вступление преступника в прямой контакт с гражданином, как правило, по телефону или электронной почте. Злоумышленники хотят завоевать доверие человека и обычно выдают себя за сотрудника службы обслуживания клиентов (например, какой-нибудь компании или банка, с кем у данного лица имеются договорные отношения), чтобы их жертва предоставила необходимую информацию. Обычно речь идет о пароле, месте работы, банковской информации. Изначально кибер-

преступники собирают о своей жертве в Интернете (и в других источниках) максимально доступный объем информации, а затем попытаются добавить данного гражданина в друзья в социальных сетях. Как только они получают доступ к учетной записи пользователя, они смогут продавать его информацию или аккаунты от его имени.

В рамках такого вида кибер-преступлений как незаконный контент злоумышленники распространяют неприемлемый контент, который может считаться крайне неприятным и оскорбительным. Оскорбительный контент может содержать, помимо прочего, видео с порнографией, насилием или любой другой преступной деятельностью. Незаконный контент включает материалы, связанные с экстремизмом, терроризмом, торговлей людьми, эксплуатацией детей и т.д. Этот тип контента существует как в обычном Интернете, так и в анонимном «теневом» Интернете.

В цифровом пространстве используется еще один вид преступного деяния - онлайн-мошенничество, которое начинается с рекламы или спама, обещающих вознаграждение или предлагающих нереальные суммы денег. Онлайн-мошенничество включает в себя заманчивые предложения, которые слишком хороши, чтобы быть правдой, и при переходе по предложенной в рекламе или письме ссылке, на компьютер пользователя устанавливается вредоносное программное обеспечение для взлома устройства и кражи информации [4].

Кибер-преступность возникла несколько десятилетий назад с активным развитием информационных систем.

В России правовая основа борьбы с кибер-преступлениями впервые появилась с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации, в котором появилась глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации»,

Вместе с тем преступления, связанные с информационными технологиями, не ограничиваются только преступлениями в сфере компьютерной информации. В ряде составов УК РФ закреплены квалифицирующие признаки совершения общественно опасного деяния с использованием электронных, информационно-телекоммуникационных сетей.

В российском законодательстве при характеристике виртуального пространства и высоких технологий используются такие прилагательные как «цифровое», «информационное».

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации говорит о новых формах противоправной деятельности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий - преступности в информационной сфере.

Наряду с термином «кибер-преступления», используются такие категории как: «преступления в сфере информационных технологий» – «информационные преступления», сетевые компьютерные преступления, интернет-преступления.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит главу 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», включающей в себя четыре статьи с 272 по 274.1 УК РФ: неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру РФ.

Иногда к компьютерным преступлениям относят также мошенничество в сфере компьютерной информации [5].

В заключение, можно сделать вывод, что на современном этапе развития информационного общества кибер-преступления необходимо рассматривать как умышленные деяния, совершаемые с использованием IT-технологий. К кибер-преступлениям относятся специальные кибер-преступления и общеуголовные кибер-преступления. Специальные кибер-преступления – это преступления в сфере компьютерной информации. Общеуголовные кибер-преступления – это иные преступления, совершаемые с использованием высоких технологий. К ним относятся преступления, в составе которых присутствует в качестве конструктивного или квалифицирующего признак совершения деяния с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также преступления, составы которых в качестве предмета преступления называют электронные средства, электронные носители информации. В целях дифференциации уголовной ответственности необходимо включить во все составы общеуголовных преступлений, которые могут быть совершены посредством высоких технологий квалифицирующий признак: совершение преступного деяния с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Список источников и литературы:

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 10.05.2017.

2. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 06.12.2016.

3. Приказ Генпрокуратуры России от 14 сентября 2017 г. N 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // Законность. 2017. № 12.

4. Ефремова М.А. Уголовно-правовое обеспечение кибербезопасности: некоторые проблемы и пути их решения // Право и кибербезопасность. 2014. N 2. С. 33 - 38.

5. Виды киберпреступлений по российскому уголовному законодательству. Иванова Лилия Викторовна, статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок ", cyberleninka.ru

Сведения об авторе:

Власенко Ольга Борисовна, НИУ «МЭИ», старший преподаватель, VlasenkoOB@mpei.ru

УДК 338.984

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИЙ ТЕПЛОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА

Демидов Н.Д.

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. В статье представлены предпосылки процесса цифровой трансформации и новые цифровые технологии, которые способствуют данному процессу. Отражены положительные воздействия цифровизации и философские дилеммы, которые связаны с вопросами приватности данных, безопасности и зависимости от технологий, неравенства доступа к цифровым ресурсам и снижения профессионализма и вовлеченности специалистов. А также отражены основные преимущества цифровой трансформации и вызовы, которые стоят перед этим процессом. В данной работе были разобраны успешные примеры осуществленной цифровой трансформации в теплоэнергетической отрасли.

Ключевые слова: Предпосылки, цифровая трансформация, цифровые технологии, преимущества и вызовы, примеры, влияние.

PREREQUISITES AND CONSEQUENCES OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF ORGANIZATIONS IN THE HEAT AND POWER SECTOR

Demidov N.D.
National Research University «MPEI», Moscow, Russia

Annotation. The article presents the prerequisites for the digital transformation process and new digital technologies that facilitate this process. It reflects the positive impacts of digitalization and philosophical dilemmas related to data privacy, security and dependence on technology, inequality of access to digital resources and a decrease in the professionalism and involvement of specialists. It also reflects the main advantages of digital transformation and the challenges that this process faces. This work analyzes successful examples of digital transformation in the heat and power industry.

Key words: Prerequisites, digital transformation, digital technologies, advantages and challenges, examples, impact.

В нынешнее время одним из главных аспектов или факторов, влияющих на развитие современных организаций в теплоэнергетическом секторе, стала цифровая трансформация. Такие организации постоянно сталкиваются с необходимостью к приспособлению к новым вызовам. Таким как Рост спроса и ожиданий, изменение климата, политическая неустойчивая ситуация на мировой арене. Так как сектор теплоэнергетики представляет из себя ключевой элемент для инфраструктуры Российской Федерации он обеспечивает комфортную жизнедеятельность населения. Например, отопление и горячее водоснабжение. В следствие этого оборудование цифровыми технологиями данный сектор имеет большую важность для государства и населения. Эти мероприятия могут улучшить управление энергопотреблением и мониторинг, оптимизировать производственные процессы и повысить эффективность работы персонала и как следствие самой организации.

Цифровая трансформация как явление не может появиться из ниоткуда в секторе теплоэнергетике, данное явление синергией большого количества факторов. Для более углубленного понимания структуры и механизма данного процесса нужно определить эти предпосылки. [1, с. 222].

Первое, о чем следует рассказать это технологические факторы. Одним из главных факторов, который оказывает серьезное воздействие на развитие цифровой трансформации — это информационные техноло-

гии. Появление таких инноваций, как интернета вещей, искусственный интеллект, облачные хранилища и вычислители дало большую возможность и трамплин для повышения уровня оптимизации производственных процессов. Как практический пример пользы данных технологий можно привести интернет вещей, благодаря которому можно в реальном времени отследить работу и физическое состояние используемого оборудования, контролировать режимы работы различных технологий. Последствием данного введения будет снижение аварийный ситуаций и потерь в результате не эффективного использования оборудования и простоев, это также ускорит окупаемость приобретаемого оборудования. А использование искусственного интеллекта поможет в прогнозировании.

Не менее важным фактором чем рассмотренный выше является экономический фактор. Такое требование как более эффективное распределение и управление ресурсами возникает в связи с ростом конкуренции на рынке теплоэнергетики. В связи с этим от организаций все больше требуется повышение производительности труда и оптимизация своих затрат. Также государство выдает гранты и субсидии на внедрение новых цифровых технологий, что дает дополнительный стимул для организации в цифровизации производства и соответственно ускоряет цифровую трансформацию теплоэнергетического сектора. [2, с. 731].

Еще одной предпосылкой цифровой трансформации являются социальные факторы и потребительские предпочтения. С каждым новым поколением требования потребителей растут как к качеству товаров, услуг, экологии или обслуживания. Из-за увеличения интереса клиентов к прозрачности, надежности и экологии компаниям приходится внедрять и осваивать новые технологии, которые уменьшают выбросы вредных веществ и повышения скорости и качества обслуживания клиента.

Не стоит забывать о регулирующей среде, которая присуща развитию цифровой трансформации. В нынешних реалиях осуществляется ужесточение законодательств в областях экономической устойчивости и экологии. В следствие этого появляется стимул для добавления цифровых технологий с целью адаптации к новым условиям и модернизации цепочки производства.

В сочетании, рассмотренные предпосылки определяют пути развития цифровой трансформации в секторе теплоэнергетики. Благодаря осознанию данных предпосылок компании могут адекватно и своевременно реагировать на изменения внешней среды и формировать долгосрочные и краткосрочные стратегии развития и создавать качественные бизнес модели. [3, с. 54].

Цифровая трансформация является не только способом повышения эффективности производства ни и возможностью проектирования устойчивых бизнес моделей, которые будут способны достаточно стремительно приспосабливаться к изменяемой среде. Таким образом цифровая трансформация способствует формированию фундамента для устойчивого инновационного развития всего сектора. Здесь рассматриваются ключевые технологии, которые содействуют цифровизации отрасли теплоэнергетики, а также достоинства и недостатки данных процессов. Такими процессами являются использование интернет вещей, Big Data, искусственного интеллекта и облачные вычисления.

Суть работы такой технологии как интернет вещей является в том, что физические устройства подключаются к интернету, что дает допустимость сбора и анализа данных моментально. Такие возможности очень важны для отрасли теплоэнергетики так как отслеживание оборудования снижает производственные затраты и снижает человеческий фактор, из-за которого за частую происходит поломка оборудования. К примеру, датчики, которые устанавливаются на котельном оборудовании ликвидируют незапланированные остановки оборудования и моментально реагируют на неисправности приведенного оборудования. [4]

Одним из важнейших процессов для цифровой трансформации является Big Data и аналитика. В результате обработки и анализа колоссальных объемов данных позволяет выявлять ранее неизвестные закономерности или последствия решений, что позволяет оптимизировать рабочие процессы. За счет данных возможностей у организации появляется возможность прогнозирование потребления тепловой энергии, что приводит к снижению затрат на производственные процессы и менеджмент занятости персонала. Еще одним последствием внедрения данной технологии является выявление неэффективных процессов и переработка их. [5].

Таким же значимым процессом можно назвать облачные технологии. Эти технологии предоставляют ресурс для хранения и обработки информации на удаленных серверах. Это снижает затраты на оборудование для IT системы организации и уменьшает сложность доступа к сохраняемой информации. Эти данные возможно просматривать в реальном времени, что оптимизирует рабочий процесс.

Для понимания важности цифровой трансформации необходимо понимать основные преимущества и вызовы внедрения цифровых технологий на рынок теплоэнергетики.

Таблица 1

Преимущества и вызовы внедрения цифровых технологий на рынок теплоэнергетики

Преимущества	Обоснование	Вызовы	Обоснование
Увеличение эффективности работы	Внедрение технологий цифровизации дает возможность оптимизировать производственные процессы снижая затраты на энергию.	Сложность интеграции старых систем	Оборудование и системы, установленные в компаниях, могут быть не совместимы с появляющимися новыми цифровыми технологиями. Это требует больших затрат в модернизацию.
Мониторинг в реальном времени	В результате появления цифровых технологий у людей есть возможность в реальном времени осуществлять наблюдение за оборудованием и различными системами. Это помогает быстро реагировать на изменение в отслеживаемой системе.	Киберугрозы и безопасность данных	В связи с увеличением кол-ва подключаемых и соединяемых с сетью устройств появляются новые уязвимости, которые повлекут за собой слабость к кибератакам.
Снижение потерь энергии	Из-за того, что цифровые технологии оптимизируют процесс производства и усовершенствуют режимы работы, то соответственно и тепловые потери будут уменьшаться.	Высокие инвестиционные расходы	Начальные инвестиции в процесс цифровизации достаточно велики и компании придется задуматься о способах быстрой окупаемости.

Окончание табл. 1

Преимущества	Обоснование	Вызовы	Обоснование
Улучшение планирования и прогнозирования	Внедряемые аналитические инструменты и машинное обучение помогает точнее прогнозировать загруженность азличных схем и потребление тепла.	Сложность нормативного регулирования	При появлении новых технологий, появляются новые нормы и стандарты, которым приходится следовать.
Устойчивость к сбоям	Так как за оборудованием осуществляется мониторинг в реально времени то неполадки получатся достаточно быстро определять и устранять.	Сложность с масштабированием	Данные проблемы обычно возникают на уровнях больших предприятий и территорий, так как большое количество приборов требует более сложной системы учета.
Оптимизация затрат	В результате эффективного управления ресурсами снижаются операционные и эксплуатационные расходы	Зависимость от поставщиков технологий	Данный вызов связан с рисками, которые опираются на надежность и долгосрочность заключенного партнерства между покупателем и поставщиком цифровых решений.
Снижение экологической нагрузки	Снижение выбросов и минимизация воздействия загрязняющих факторов возможна в результате оптимизации процессов и эффективного использования ресурсов	Этические дилеммы	Применение цифровых технологий вызывает моральные вопросы о власти над важными сферами жизни человека искусственному интеллекту.

На данный момент существует множество примеров успешных цифровых трансформаций в сфере теплоэнергетики. Эти примеры иллюстрируют достижения организаций и выделяют значимость данного перехода в качестве залога успешного устойчивого развития и роста в рассматриваемой области. К примеру:

1. Проект цифровой ТЭЦ, проводящая организация Т-плюс. Данная компания осуществляет проект цифровой ТЭЦ. Он заключается в том, чтобы внедрить цифровые технологии для управления технологическими процессами и их мониторинга на теплоэлектроцентралях. Использование данных технологий позволяет сокращать время простоя оборудования и снизить затраты на его эксплуатацию.

2. Проект работы с большими данными, проводящая организация РусГидро. Данная организация использует эту технологию для того, чтобы прогнозировать потребление энергии и анализировать полученные данные. В результате использования данных технологий осуществляется оптимизация расчетов и процессов и улучшение работы тепловых станций.

3. Проект технологии для надежности, проводящая организация энергосети. Данный проект основывается на внедрении систем, основанных на IoT и аналитике данных, в целях увеличения устойчивости и надежности работы теплоснабжения в городах миллионниках. Использование данных технологий позволяет быстро реагировать на изменение в потреблении и оперативно устранять неполадки.

В теплоэнергетическом секторе цифровая трансформация является новым этапом развития производства, внедрение цифровых технологий несет за собой как определенные преимущества, так и вызовы. Для успешного внедрения данных технологий необходимо комплексно подходить к этому процессу, адаптироваться к новым условиям и вовлекать всех участников. Организации способные правильно управлять цифровой трансформацией получают конкурентные преимущества и могут эффективно реагировать на вызовы. Хоть цифровая трансформация и дает множество преимуществ, но с философской точки зрения этот процесс таит достаточно много отрицательных последствий, как например большая зависимость от технологий, открытость информации и снижение конфиденциальности. Философские процессы цифровизации в теплоэнергетике требуют системного подхода, учитывающего многогранность изменений, происходящих в отрасли.

Список источников и литературы:

1. Вихорева О.М., Карловская С.Б. Тренды цифровизации как источник изменений мировой экономики// Вестник московского университета. 2022. №5. С. 221-234.
2. Петровская Т.А. Цифровая трансформация в теплоэнергетики// Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 2020. С. 731-732.
3. Соловьев В.И. Цифровая трансформация систем теплоснабжения муниципального образования// Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2019. №2. С. 52-61.
4. Федеральный закон от 27.07.2010 №190-ФЗ “О теплоснабжении”.

Сведения об авторах:

Вихорева Ольга Михайловна - к.э.н., доцент, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, vihoreva@yandex.ru.

Карловская Софья Борисовна - к.э.н., доцент, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, karlovskaysofi@mail.ru.

Петровская Татьяна Александровна - магистр технических наук., старший преподаватель, БНТУ.

Соловьев Василий Иванович - к.т.н., доцент, кафедра бизнес информатики, solvi2@bk.ru.

УДК 340.130.53

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Жданов С.П.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Москва, Россия

Аннотация. В данной статье анализируются некоторые проблемные вопросы назначения судебной экспертизы в арбитражном процессе и предлагаются пути их решения с учетом особенностей современной судебной практики. Постановка проблем заключается в выборе экспертного учреждения при назначении судебной экспертизы в арбитражном процессе, и критериях, которые имеют приоритетное значение

при назначении экспертизы. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу: 1) если имеющиеся в деле доказательства не позволяют арбитражному суду разрешить (рассмотреть) спор по существу без использования специальных знаний, то это будет являться единственным критерием, имеющим приоритетное значение и влияющие на целесообразность назначения судебной экспертизы; 2) при выборе экспертной организации (кандидатур эксперта) арбитражные суды исходил из сроков проведения экспертизы, стоимости, документов, подтверждающих образование, квалификацию эксперта, наличия соответствующего опыта и стажа работы по специальности.

Ключевые слова: арбитражный процесс, назначение судебной экспертизы, специальные знания, судебная экспертиза, экспертное учреждение.

SOME MODERN FEATURES OF THE APPOINTMENT FORENSIC EXAMINATION IN THE ARBITRATION PROCESS

Zhdanov S.P.
National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Annotation. This article analyzes some problematic issues of the appointment of judicial expertise in the arbitration process and suggests ways to solve them, taking into account the peculiarities of modern judicial practice. The problem statement in the article is the choice of an expert institution when appointing a forensic examination in the arbitration process, and the criteria that are of priority importance when appointing an examination. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion: 1) if the evidence available in the case does not allow the arbitral tribunal to resolve (consider) the dispute on its merits without the use of special knowledge, then this will be the only criterion of priority importance and affecting the expediency of appointing a forensic examination; 2) when choosing an expert organization (expert candidates), the arbitral tribunals proceeded from the timing of the examination, the cost documents confirming the education, qualification of the expert, the availability of relevant experience and work experience in the specialty.

Key words: arbitration process, appointment of a forensic examination, special knowledge, forensic examination, expert institution.

В социально-экономических условиях современной России в гражданском судопроизводстве существенно возрастает роль специальных знаний, что обусловлено, в первую очередь, необходимостью объективизации процесса доказывания и использования в нем новых достижений современной науки [2, с. 7] при осуществлении правосудия арбитражными судами.

1. Какие параметры имеют приоритетное значение и влияют на целесообразность назначения экспертизы в арбитражном процессе.

При назначении экспертизы арбитражный суд и лица, участвующие в деле, должны руководствоваться требованиями Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», который определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, с учетом особенностей положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ст. 11-12, 21, 23-25, 54-55.1, 64, 74-80, 82-87.1, 106-110, 135, 144, 153-153.1, 155, 157, 162, 227, 256, 268 и 311), а также учитывать постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе».

При подготовке дела к судебному разбирательству судья по ходатайству лица, участвующего в деле, или с согласия лиц, участвующих в деле, разрешает вопросы о назначении экспертизы с соблюдением требований, установленных ст. 82 АПК РФ (п. 18 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2006 г. № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству»).

Суд оценивает доказательства по делу в их совокупности и взаимосвязи, а для решения вопросов, требующих специальных знаний, назначает экспертизу (ст. 82 АПК РФ). Заключение эксперта является одним из доказательств по делу и оценивается наряду с другими доказательствами в соответствии с ч. 2 ст. 64, ч. 3 ст. 86 АПК РФ (постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19.04.2021 № Ф01-1118/2021 по делу № А82-7350/2019).

Поскольку в соответствии со ст. 82 АПК РФ назначение и проведение экспертизы является правом, а не обязанностью суда, в удовлетворении ходатайства о назначении экспертизы заявителю может быть отказано (постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29.04.2021 № Ф01-868/2021 по делу № А11-2971/2017; постановление

Арбитражного суда Московского округа от 24.05.2021 № Ф05-11170/2021 по делу № А40-77874/2020), если суд установит, что имеющиеся в деле доказательства позволяют рассмотреть спор по существу (постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.05.2021 № Ф05-14084/2015 по делу № А40-38632/2015).

Однако, отклонив ходатайство о проведении судебной экспертизы, суд по существу лишает ответчиков возможности реализации принадлежащих им процессуальных прав и обязанностей по доказыванию своих возражений (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.04.2018 № Ф09-1527/18 по делу № А60-15545/2017). Аналогичная позиция содержится в постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16.06.2020 № Ф08-3340/2020 по делу № А63-13219/2019, постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.07.2018 № Ф05-10082/2018 по делу № А41-45541/2017 и др.).

При этом, довод заявителя жалобы о том, что судом необоснованно отказано в удовлетворении ходатайства о назначении судебной экспертизы, не может являться основанием для отмены судебных актов, поскольку вопрос о необходимости проведения экспертизы, согласно ст. 82 АПК РФ, находится в компетенции суда, разрешающего дело по существу, при этом заключение эксперта исследуется и оценивается наряду с другими доказательствами по делу, из чего следует, что правовой статус заключения судебной экспертизы определен законом в качестве доказательства, которое не имеет заранее установленной силы и не носит обязательного характера (постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.05.2021 № Ф05-10072/2021 по делу № А40-56813/2020; постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.05.2021 № Ф05-9696/2021 по делу № А40-318938/2019).

Важно отметить, что в силу положений ст. 82 АПК РФ вопрос о назначении экспертизы либо об отказе в ее назначении разрешается судом в каждом конкретном случае исходя из обстоятельств дела и имеющейся совокупности доказательств, при этом суд самостоятельно определяет достаточность доказательств (постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.04.2021 № Ф10-312/2021 по делу № А14-20843/2019).

В свою очередь, председатель судебного состава Арбитражного суда Уральского округа С. В. Лазарев, отмечает, что существуют две основные цели назначения судебной экспертизы в арбитражном суде: 1) доказывание обстоятельств, входящих в предмет доказывания (*ст. 65 АПК РФ; перечень средств доказывания предусмотрен в ч. 2 ст. 64 АПК РФ – добавлено и выделено – С. Ж.*); 2) проверка иных доказательств [1, с. 29-34].

Так, если имеющиеся в деле доказательства не позволяют арбитражному суду разрешить (рассмотреть) спор по существу без использования специальных знаний (постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2020 № 17АП-18299/2018-ГК по делу № А50-15922/2017), то это будет являться единственным критерием, имеющим приоритетное значение и влияющие на целесообразность назначения судебной экспертизы.

2. Какие параметры имеют приоритетное значение и влияют на выбор экспертного учреждения.

Лица, участвующие в деле, вправе ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц или о проведении экспертизы в конкретном экспертном учреждении (ч. 3 ст. 82 АПК РФ).

Экспертиза может проводиться как в государственном судебно-экспертном учреждении, так и в негосударственной экспертной организации, либо к экспертизе могут привлекаться лица, обладающие специальными знаниями, но не являющиеся работниками экспертного учреждения (организации).

Суд не может отказать в проведении экспертизы в негосударственной экспертной организации, а равно лицом, обладающим специальными знаниями, но не являющимся работником экспертного учреждения (организации) только в силу того, что проведение соответствующей экспертизы может быть поручено государственному судебно-экспертному учреждению.

Данные обстоятельства изложены в п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе».

Анализируя информацию на официальных сайтах арбитражных судов Московской области (https://asmo.arbitr.ru/about/help_info/exp_uchr), Ставропольского края (https://stavropol.arbitr.ru/process/expert_org), Республики Саха (Якутия) (https://yakutsk.arbitr.ru/process/info2participants/expert_institutions) об экспертных учреждениях отметим, что в них приводятся как перечень государственных судебно-экспертных учреждений, так и негосударственных экспертных организаций (экспертов) при назначении судебной экспертизы.

Вместе с тем, исходя из формулировки ч. 3 ст. 82 АПК РФ, принятие решения об экспертном учреждении или эксперте, которому поручается проведение экспертизы, а также постановке вопросов эксперту, находится в полномочиях суда (постановление Арбитражного суда

Московского округа от 06.02.2020 № Ф05-14775/2019 по делу № А40-265090/2018; постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.12.2018 № Ф05-20922/2018 по делу № А40-158751/2018; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.04.2021 № Ф10-1400/2021 по делу № А83-17011/2018).

Так, при выборе экспертной организации (кандидатур эксперта) арбитражные суды исходил из сроков проведения экспертизы, стоимости, документов, подтверждающих образование, квалификацию эксперта, наличия соответствующего опыта и стажа работы по специальности (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.06.2020 № Ф09-2384/19 по делу № А50-15922/2017; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.03.2020 № Ф09-5356/19 по делу № А60-56463/2018). При этом арбитражные суды при выборе кандидатуры эксперта экспертной организации неоднократно обращали внимание именно на его квалификацию (постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.10.2019 № Ф05-18099/2019 по делу № А41-74517/2018; постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.02.2021 № Ф05-11974/2019 по делу № А40-16864/2019).

Таким образом, при назначении экспертизы в арбитражном процессе при выборе экспертного учреждения, которому поручается проведение экспертизы, приоритетными значениями будут выступать целесообразность (постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2020 № 17АП-18299/2018-ГК по делу № А50-15922/2017) и стоимость экспертизы (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.03.2020 № Ф09-5356/19 по делу № А60-56463/2018). Усматривается, что использование экспертной организацией более масштабной модели исследования (экспертной методики) при назначении экспертизы не нашло свое подтверждение в практике арбитражного суда.

Список источников и литературы:

1. Лазарев С.В. Когда арбитражный суд должен назначить судебную экспертизу / С.В. Лазарев // Судья. 2021. № 2. С. 29-34.

2. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза – основная форма использования специальных знаний в цивилистических процессах / Е.Р. Россинская // Судебная экспертиза в цивилистических процессах: научно-практическое пособие / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2018. 704 с.

Сведения об авторе:

Жданов Сергей Павлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры ФПС им. Г.С. Арефьевой, ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ», г. Москва (Россия), доцент базовой кафедры «Экономические и правовые экспертизы» Союза судебных экспертов «Экспертный совет» ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», г. Москва (Россия). E-mail: zhdanov120009@yandex.ru

УДК 303.425.6

ЭМОДЗИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Ильинский Г.М.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ влияния «эмодзи» на эволюцию коммуникативных практик в условиях цифровой трансформации общественной жизни. На основании результатов опроса среди представителей студенческого сообщества г. Москвы, автором были сделаны выводы, в числе которых тезис о том, что активное использование «эмодзи» делает общение в мессенджерах в значительной степени более эмпатичным и способствует более точному восприятию информации.

Ключевые слова: эмодзи, цифровизация, невербальное общение, мессенджеры, социальные сети, онлайн-коммуникация.

EMOJI AS AN INTEGRAL ELEMENT OF COMMUNICATION IN THE DIGITAL WORLD

Ilinskiy G.M.,
National Research University «MPEI», Moscow, Russia

Abstract. The article presents an analysis of the influence of "emoji" on the evolution of communication practices in the context of the digital transformation of public life. Based on the results of a survey among representatives of the student community of Moscow, the author made conclusions, including the thesis that the active use of "emoji" makes communication in messengers significantly more empathetic and contributes to a more accurate perception of information.

Keywords: emoji, digitalization, non-verbal communication, messengers, social networks, online communication.

Эволюция коммуникативных практик в условиях стремительной цифровизации – процесс многоуровневый и разнонаправленный. В узком смысле он представляет собой внедрение во все аспекты жизни общества цифровых инструментов и платформ, с помощью которых люди приобретают товары и услуги, вступают в договорные отношения, учатся и работают, путешествуют, взаимодействуют как с различными социальными организациями, так и друг с другом. В широком смысле, цифровизация представляет иной способ функционирования общества и его институтов, отличный от практик не только традиционного, но и индустриального общества. Например, цифровые инструменты (распознавание лиц, определение номера телефона и IP пользователя) позволяют гораздо более эффективно осуществлять социальный контроль в любом социуме. Электронный документооборот сокращает время взаимодействия между ведомствами, получение гражданами различных услуг и документов наиболее удобным для них способом.

Цифровизация повлияла на структуру экономики, управленческие практики (например, внедрение проектных методов управления), развитие образования, ритм жизни, напрямую затронув частную жизнь. И, хотя непосредственное общение сохраняет свою ценность, зачастую целый ряд профессиональных и личных вопросов находят свое решение посредством коммуникации в мессенджере. И здесь возникает проблема передачи информации в необходимом смысловом и эмоциональном контексте.

Одним из трендов развития коммуникативных практик в современном мире является использование «эмодзи» при обмене информацией в социальных сетях и мессенджерах.

В передаче информации, как известно, задействованы вербальные и невербальные средства общения, причем последние несут значительный объем информации. Добавляя в свои сообщения «эмодзи», мы, таким образом, стремимся компенсировать, свое отсутствие в поле зрительного восприятия собеседника и передать с сообщением свое текущее эмоциональное состояние, отношение к передаваемой или поступаемой информации.

История «эмодзи» - пиксельных картинок началась в 90-е годы прошлого века. Сигетака Курита разработал набор символов, способных передать, по его словам, весь спектр человеческих эмоций для японской платформы мобильного Интернета i-mode. Постепенно «эмодзи» распро-

странились в других странах мира, в том числе и в России. Решение о том, какие именно виды «эмодзи» будут использовать пользователи в своих онлайн-сервисах принимает международная организация «Консорциум Юникода», объединившая Apple, Google, Adobe, IBM, Microsoft, SAP и др. компании. [1]

В каждой стране есть свой набор любимых смайликов. В частности, Crossword-Salver проанализировав 9 миллионов твитов, выявила, например, что самый распространенный эмодзи в мире (лидер в 75 странах» - смеющийся до слез смайлик. Немного другой вариант смеющегося смайлика – «умирание от смеха» преобладает в ряде стран Центральной и Южной Америки, а также в Индонезии и на Фиджи. Второй по популярности «эмодзи» - красное сердце (в России это один из самых популярных «эмодзи»). [2]

Представляют интерес результаты опроса, проведенного онлайн-платформой «Анкетолог» в 2023 г., который, в частности выявил, что 70% россиян не только используют эмодзи в онлайн-переписке, но и считают это способом передачи эмоций. В числе наиболее часто используемых «эмодзи» россияне используют «смайлы», «жесты, «изображения людей» и «сердечки». Подавляющее большинство респондентов (80%) используют эмодзи в общении с друзьями и родственниками, но только четверть считает их уместными при взаимодействии с коллегами. В числе негативных аспектов использования «эмодзи» респонденты указали, что использование «смайликов» обедняет язык, делает общение более примитивным или даже бессодержательным; не обязательно отражают искренность собеседника, а слишком эмоциональный «эмодзи» вызывают дискомфорт. [1]

Предметом нашего исследования стало стремление выявить наиболее популярные «эмодзи» в студенческом комьюнити Москвы. В ходе опроса, охватившего более 500 молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет, обучающихся по различным направлениям бакалавриата и магистратуры, удалось выявить, что в числе наиболее популярных «эмодзи», выступают, те, что обозначают разные эмоции (смеющиеся или грустные, злые или удивленные смайлики), благодарность (сложенные вместе руки), признательность и любовь (красное сердце или смайлики с сердечками, а также сложенные в сердце руки), договоренность (рукопожатие), поздравление (смайлики с поцелуями и сердечками, взрывающаяся хлопушка). Чаще всего респонденты используют «эмодзи» для выражения благодарности или отправляя сообщение, которое содержит поздравление с каким-то событием (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов в вопросе о личном опыте использования эмодзи

Между тем, «эмодзи», символизирующие просьбу, на 54% респондентов никак, в целом, не влияют. Иными словами, они готовы откликнуться на просьбу только если сочтут нужным (для этого будут какие-то другие причины). Лишь треть респондентов, отметили, что «эмодзи»-просьбы повлияют на их стремление помочь (см. рис. 2.).

В целом, результаты проведенного опроса подтверждают выводы, сделанные онлайн-платформой «Анкетолог» (по результатам собственного опроса 2023 г.) о том, что в профессиональном, рабочем и деловом общении российские граждане избегают использование «эмодзи», полагая, что обмен ими допустим только в малых группах (семья или друзья). Столичное студенчество, ориентированное, прежде всего, на карьеру и саморазвитие, устанавливает собственные эмоциональные границы, допуская их расширение только на близкий круг, в обмене сообщениями внутри которого они использует широкий спектр «эмодзи».

Рис. 2. Распределение ответов респондентов при ответе на вопрос о влиянии «эмодзи» на готовность помочь

Таким образом, как показало проведенное исследование, молодое поколение российских граждан, проживающих в одном из крупнейших мегаполисов мира, использует довольно значительную линейку самых разнообразных «эмодзи» при передаче информации в самых разных жизненных ситуациях. Перенос общения в цифровую среду, сопровождается ее очеловечиванием, привнесением эмоциональной составляющей. Однако, это не в полной мере распространяется на деловую сферу, где существуют как внутренние, так и внешние ограничения на демонстрацию эмоций. Тем не менее, «эмодзи» помогают подчеркнуть нашу заинтересованность или равнодушие, указывают насколько значима просьба, отражают глубину нашей признательности, демонстрируют интерес, скуку, удивление или симпатию. Постоянное расширение экземпляров «эмодзи» отражает их востребованность в современных коммуникативных практиках.

Список источников и литературы:

1. Россияне назвали любимые эмодзи. Инфографика //Анкетолог. Онлайн-платформа [Электронный ресурс] https://iom.anketolog.ru/2023/06/15/populyarnye-emodzi (дата обращения: 25.10.2024).

2. Crossword-Salver // [Электронный ресурс] https://vividmaps.com/wp-content/uploads/2022/05/Most-Used-Emoji-world-map.png (дата обращения: 25.10.2024)

Сведения об авторе:

Ильинский Георгий Михайлович, магистрант НИУ «МЭИ», IlinskyGM@mpei.ru.

УДК 340

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОБРАЗА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО РОССИИ

Матюк Ю.С.
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

Аннотация: Задачей государства является формирование наиболее предпочтительного образа будущего, как инструмента влияния и публичного управления, что связано с обеспечением национальных интересов. Автором предложено рассматривать образ технологического будущего как комплекс ожиданий, предложений и представлений о развитии человека, общества, государства в условиях взрывного технологического роста, а также выделены базовых компоненты образ технологического будущего. Сегодня образ технологического будущего не сводится к экономической стратегии развития российского общества, а выступает экзистенциальным основанием независимого цивилизационного развития России. Необходимость поиска своего пути и вектора развития, формирования собственной ценностно-смысловой модели привела к концептуальному оформлению национальной идеи российского государства и дальнейшего развития Росси как независимого, самостоятельного государства-цивилизации, что нашло отражение в конституционной реформе 2020 г.

Ключевые слова: государство-цивилизация, цивилизационная идентичность, цифровые технологии, образ будущего, цифровизация

CIVILIZATIONAL FOUNDATIONS OF THE IMAGE OF THE TECHNOLOGICAL FUTURE OF RUSSIA

Matyuk Yu.S.
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

Abstract. The task of the state is to form the most preferable image of the future, as an instrument of influence and public administration, which is associated with ensuring national interests. The author proposes to consider the image of the technological future as a set of expectations, proposals and ideas about the development of man, society, the state in the context of explosive technological growth, and also identifies the basic components of the image of the technological future. Today, the image of the technological future is

not limited to the economic strategy for the development of Russian society, but acts as an existential basis for the independent civilizational development of Russia. The need to find its own path and vector of development, the formation of its own value-semantic model led to the conceptual design of the national idea of the Russian state and the further development of Russia as an independent, self-sufficient state-civilization, which was reflected in the constitutional reform of 2020.

Keywords: state-civilization, civilizational identity, digital technologies, image of the future, digitalization

Цифровая трансформация общества, причиной которой стало все более широкое внедрение технологических инноваций, существенно меняет устоявшиеся черты социума. Отражаясь в сознании людей, происходящие изменения, формируют определенные ожидания и представления у их носителей. Несмотря на некоторую субъективность, тем не менее эти представления о будущем могут становиться руководством к действию и влиять на него в настоящем, это справедливо и в отношении лиц, принимающих решение. Неуправляемое создание образа будущего может приобретать негативные коннотации, это может послужить фактором социально-политической нестабильности, падения уровня доверия к власти и ее легитимности. С другой стороны, упустить контроль в этом вопросе и отдать конструирование образа будущего внешним силам, зачастую настроенным недружественно, знаменует угрозу национальной безопасности. В связи с этим задачей государства является формирование наиболее предпочтительного образа будущего, как инструмента влияния и публичного управления.

Стоит отметить, что концепт «образ технологического будущего» в настоящее время пока не получил достаточного освещения в исследованиях и только начинает становиться предметом научных изысканий, ввиду этого образ технологического будущего будем понимать как *комплекс ожиданий, предложений и представлений о развитии человека, общества, государства в условиях взрывного технологического роста*. В качестве базовых компонентов образа технологического будущего России можно выделить: во-первых, наличие собственной технологической базы, развитие и внедрение критических и сквозных технологий; во-вторых, развитие научно-исследовательского потенциала и формирование цифровых, технологических компетенций; в-третьих, стратегически закрепленные векторы и направления технологического развития и наличие соответствующей регуляторной среды; в-четвертых, культурно-идеологическое основание.

Формирование технологического будущего видится в контексте взаимодействия и взаимовлияния цифровых и национально-культурных трендов и векторов развития. При проектировании образа технологического будущего и его содержательной характеристике необходимо учитывать не только технологические траектории развития, но и социокультурные основания трансформации как общества, так и самих технологий, действующих в определенной социокультурной (национальной, региональной, городской) среде. Этому аспекту не уделяется внимание в значительной степени, а фокус сосредоточен сугубо на экономической стороне вопроса.

В современном обществе уже наблюдается процессы конвергенции (смешение, сплавление) социально-культурных, технологических и цифровых форм организации и практик взаимодействия. При этом сквозные цифровые технологии (интернет вещей, модели машинного обучения, виртуальная и дополненная реальность) не «вытесняют» и не «замещают» социокультурные образы, представления, символы, устойчивые формы и практики, а, напротив, переплетаются с ними, в результате и первые, и вторые адаптируются и используют ресурсы друг друга. В качестве яркого примера последнего может служить китайская система социального рейтинга, которая «сплавляет» как прорывные сквозные цифровые технологии, так и традиционные культурные основания общества [4].

В истории Китая мы можем найти культурные, философские предпосылки, на которых основывается идея системы социального рейтинга. Идеи достичь гармонии государства и общества в духе конфуцианства через поведение «благородного мужа», или дисциплинирования населения через внушение страха к закону соответственно идеям легистов, видны в системе социального рейтинга и работают в связке друг с другом. [3, с.59]. Успешный опыт Китая зиждется во многом на учете менталитета, культуры, исторической традиции, а потому не возможен механистичный перенос подобных систем без адаптации к культурным особенностям государства.

С другой стороны, хоть часто и считается, что все технологические системы универсальны, но алгоритмы и машины обучаются на данных, в массивах которых уже заложены определенные закономерности, отражающие ценностно-смысловые модели общества, таким образом транслируя определенные мировоззренческие картины.

В связи с этим сегодня остро встает необходимость конструирования собственного нормативно-ценностного комплекса, включающего в себя смыслы прошлого, настоящего и будущего, присваивающего оцен-

ки, расставляющего акценты, рассказывающего человеку о мире и о нем самом в этом мире, который бы разделялся релевантным большинством российского социума и поддерживался со стороны власти. Категория технологического будущего нуждается в осмыслении с цивилизационных позиций, необходимо определить понятия описывающие ключевые категории технологического будущего в их национально-культурной характеристике, таким образом, формируя собственные ценностно-смысловые модели.

Состояние российской государственности последние десятилетия было обусловлено необходимостью поиска собственных смыслов, своего пути и вектора развития. Во многом это нашло отражение в конституционной реформе 2020 г. Внесенные изменения концептуально оформили национальную идею российского государства и дальнейшее развитие России как независимого, самостоятельного государства-цивилизации [1; 2].

По мнению исследователей государство-цивилизацию можно рассматривать как нового субъекта истории, геополитики и международных отношений, именно государства-цивилизации являются основными субъектами формирующегося сейчас многополярного мира. [2]

Феномен государство-цивилизация может быть охарактеризован такими свойствами как самодостаточность и самобытность, при этом значительную роль играют нравственные ценности, идеология, цивилизационная идентичность народов, государственность. Выделим ключевые системообразующие атрибуты государства-цивилизации: во-первых, богатство культурного и исторического наследия; во-вторых, разнообразие этнического, конфессионального и национального состава страны; в-третьих, цивилизационное самосознание, обусловленное преемственностью поколений, общностью исторической судьбы народов, населяющих Россию, обеспечивающее сохранение ценностей общества и его традиций, смыслы и образы прошлого (как героического, так и трагического), настоящего и будущего; в-четвертых, общая система ценностей, прежде всего традиционных ценностей; в-пятых, географический размах территорий, специфика климатических условий, которые оказали влияние на менталитет и формирование ценностей.

Таким образом, при проектировании образа технологического будущего и его содержательной характеристике необходимо учитывать не только собственно технологические паттерны развития, но и цивилизационные, социальные, национально-культурные основы существующих трансформационных процессов как общества в целом, так и технологической среды, в глобальном смысле учитывать историко-философское наследие, специфику и характер русского мира.

Список источников и литературы:

1. Бредихин А.Л. Концепция национальной идеи в поправках к Конституции РФ 2020 г // Экономика. Социология. Право. 2021. №1 (21). С. 70-73

2. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура // Образование и право. 2023. №9. С. 80-88

3. Лошин Н.Д. Система социального рейтинга КНР в культурном аспекте отношений государства и общества / Н.Д. Лошин. — Текст: электронный // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов / под общей редакцией А.А. Керимова. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. - С. 99-103.

4. Мамычев А.Ю., Ким А.А. Информационная эпоха vs цифровая реальность: две логики трансформации экономики, политики, права// Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства:сборник статей /сост. А. И. Овчинников, А.Г. Кравченко, С.С. Полубат; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. - С.65-71

Сведения об авторе:

Матюк Юлия Сергеевна, Владивостокский государственный университет, старший преподаватель, младший научный сотрудник, 5080mm@mail.ru.

Исследование выполнено в лаборатории политико-правовых и социально экономических исследований Владивостокского государственного университета в рамках проекта № FZUG-2024-0005 «Образ технологического будущего России: цивилизационные основы проектирования и реализации» при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

УДК 659

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕКЛАМЫ В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Пластиков В.С., Кострюков Д.С.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация: В данной статье рассматривается влияние цифровой рекламы на формирование потребительских ценностей и общественное поведение, также проводится анализ и оценка существующих законода-

тельных инициатив в сфере регулирования цифровой рекламы. Даются рекомендации этического характера с учетом культурных и социальных особенностей, стимулирующих честное использование данных. В кейс-стади (case study) представляются примеры успешной этичной рекламы, и их влияние на доверие потенциальных покупателей к продукции и бренду. Авторы отмечают колоссальное увеличение количества цифровой рекламы, что способствует значительному росту уровня её неэтичности, и для ее контроля над этим процессом нужны более конкретизированные нормы и четкое правовое регулирование.

Ключевые слова: цифровизация, реклама, этика, право, рекомендации, регулирование.

DIGITAL TRANSFORMATION OF ADVERTISING IN RUSSIA: SOCIO-LEGAL ASPECTS

Plastikov V.S., Kostryukov D.S. National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia

Abstract: This article examines the impact of digital advertising on the formation of consumer values and public behavior, as well as analyzes and evaluates existing legislative initiatives in the field of digital advertising regulation. Ethical recommendations are given, taking into account cultural and social characteristics that encourage the honest use of data. The case study presents examples of successful ethical advertising and their impact on potential customers' trust in products and brands. The authors note a huge increase in the number of digital advertising, which contributes to a significant increase in the level of its unethical nature, and more specific norms and clear legal regulation are needed to control this process.

Keywords: digitalization, advertising, ethics, law, recommendations, regulation.

Цифровизация как процесс всеобщего внедрения цифровых новшеств стала неостановимым мировым трендом и безоткатным процессом. Проникнув во все сферы жизни современного общества, она является новым инструментом модернизации социальной реальности и ключевой составляющей экономического «прорыва». Однако эти технологии безвозвратно меняют не только мир, но и сознание человека, а также ввиду резкого нарастающего характера цифровизация обретает мощную силу в различных сферах, в том числе в маркетинговой и рекламной деятельности.

Все чаще для продвижения своих товаров и услуг организации используют различные социальные сети и мессенджеры. Учитывая влияние санкций и блокировку приложений, нарушающих законодательство Российской Федерации, этот круг стал гораздо уже. В настоящие время одним из основных мессенджеров является Telegram, 86 миллионов активных пользователей из России пользуются этим приложением (источники: Mediascope, Statista), что дает участникам рынка новые возможности для передачи информации коммерческого характера. Из обменника сообщениями Telegram трансформировался в значимую информационную площадку в России. В нем существует множество способов коммуникации, такие как: боты, каналы, групповые чаты.

Следует отметить, что существует определенный разрыв между представлениями потребителя и производителя о значении интернет-каналов продвижения товаров и услуг. Имеются некоторые трудности с выявлением цифровых предпочтений потребителей, а также использованием «лидеров мнений», влияющих на принятие решений о совершении покупки, что иногда влечет за собой выпуск некачественной рекламной продукции. Выбрав неэтичного инфлюенсера, компания рискует потерять свою ключевую или даже целевую аудиторию, более того некоторые организации могут с помощью таких лиц манипулировать обществом для своей выгоды. К примеру, инфлюенсер или блогер может рассказывать о пользе определенного продукта, чья эффективность не доказана, или рекомендовать этот товар этнической группе, для которой он покажется неприличным, поскольку будет нарушать обычаи или традиции, что вызовет отторжение и отмену продукта или организации на рынке. Еще одной тенденцией в цифровом обществе является осознанность потребления и ориентация на приобретение эко-продуктов, поэтому многие бренды, пользуясь данными обстоятельствами, манипулируют аудиторией с помощью «зеленого продвижения» и нередко используют недобросовестные методы «гринвошинга».

При большом и активно сменяющемся потоке разнообразной информации, который наблюдается в таком мессенджере как Telegram, организации могут поспешно выпустить рекламный продукт, который окажется неэтичным, что вызовет негодование у пользователей приложения. Для предотвращения таких ситуаций компании должны всесторонне изучить продукт и получить рекомендации перед его освещением. Также государство должно четко регулировать цифровую рекламу для того, чтобы в будущем не нарушались личные неимущественные права граждан.

Законодательно цифровая реклама регулируется государством сравнительно недавно. Из интересных инициатив в пример можно привести внесение изменений в Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (далее – ФЗ «О рекламе»). Суть новых правовых норм заключается в том, что рекламодатель, рекламораспространитель должны предавать данные об объекте рекламирования, рекламодателях и рекламораспространителях, операторах рекламных систем (физических и юридических лицах) в Роскомнадзор, который будет хранить эти сведения в течении 5 лет. Вся интернет-реклама будет хранится в едином реестре интернет-рекламы (ЕРИР). Данный закон обеспечивает справедливое налогообложение и фиксирует данные о лицах распространителях, которые при нарушении правопорядка будут привлечены к ответственности.

Еще одна особенность действия законодательства о рекламе заключается в том, что за распространение ненадлежащей рекламы Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации (ФАС России) может оштрафовать рекламодателя и рекламораспространителя, в отличии от стран Европы и США, что дает стимул для цифровых социальных платформ, которые размещают рекламу, осуществлять ее модерацию.

Соблюдение ФЗ «О рекламе» слабо контролируется в таких мессенджерах как Telegram, поскольку многие организации распространяют незаконную рекламу в закрытых каналах. Для успешного контроля такого объема информации должна быть организованна централизованная модерация, которая бы фиксировала нарушения и удаляла противоправную информацию в мессенджерах. Также каждая рекламная компания должна быть проверена перед выпуском в какой-либо канал коммуникации внутренними администраторами приложения, и при повторном нарушении порядка, участники компании должны быть привлечены к ответственности. Многие фирмы и организации намерено производят и размещают скандальную рекламу, рассчитывая на общественный резонанс и мгновенное привлечение внимания аудитории каналов, в особенности молодежи. Кроме того, штрафы, которые предусмотрены в качестве санкций за подобные нарушения, являются фиксированными и не зависят от размеров прибыли компаний. Для крупных представителей рынка они не являются существенными и не служат превентивной мерой для дальнейшего совершения подобных действий, но для малого бизнеса сумма штрафа может быть достаточно критична.

Учитывая изложенное, предлагается сделать несколько основных рекомендаций этического характера:

1. Придерживаться принципов честности и справедливости: перед выпуском рекламы нужно убедиться в том, что она точно отражает суть продукта или услуги.

2. Уважать аудиторию: нужно учитывать культурные, социальные и ценностные особенности целевой аудитории, стоит избегать стереотипов и предвзятости.

3. Осуществлять защиту уязвимых социальных групп: не стоит использовать слабозащищенных лиц в рекламных материалах (детей и подростков, пожилых людей, людей с особенностями развития и ограниченными физическими возможностями и др.).

4. Быть готовыми к ответственности за последствия: следует оценить возможные риски размещения рекламы и вероятность формирования негативного общественного мнения.

5. Соблюдать принципы открытости и прозрачности: во избежание конфликта интересов следует сообщать о спонсорстве и партнерстве.

6. Нести социальную ответственность: следует рассмотреть возможность поддержки социальных инициатив и благотворительных проектов через рекламу.

7. Соблюдать законодательство: мониторинг обновления законодательной базы, регулирующей не только рекламу, но и другие виды информационной деятельности.

Если компания привлекает «лидеров мнений», то они должны сами воспользоваться объектом рекламы и протестировать его, а сделанные ими заявления должны честно отражать составленное мнение, потому что это значительно может повлиять на процесс принятия решения о покупке.

Соблюдение этих рекомендаций позволит организациям провести эффективную рекламную компанию даже в цифровой среде и укрепить доверие и лояльность потребителей. Большой поток разнородных сообщений создает информационный шум и часто заглушает рекламные послания даже о качественных продуктах. Из-за большого количества спама, в том числе и некачественной рекламы, продвигающие продукцию проекты могут потеряться в перенасыщенном диджитал-пространстве.

В качестве примера этичной рекламы можно привести рекламную компанию фирмы «Dove». Бренд адаптировал контент для мусульманских стран, заменив женщин в белье, на моделей в хиджабах. Благодаря этому компания смогла успешно продвинуть свой продукт для определенной социальной группы, произведя учет ее религиозных культурных особенностей.

Отечественный интернет-магазин «4 лапы» ежегодно запускает благотворительную акцию, в рамках которой покупатели могут помочь животным, заказав корм или препараты прямо в питомники.

Компания «Patagonia» известна своими проектами в области экологии и устойчивого развития. В 2011 году она провела коммуникационную кампанию «Не покупайте эту куртку». Реклама рассказывала об экологической стоимости одного из популярных продуктов и призывала людей выбирать подержанный товар. На следующий год прибыль компании выросла на 5%.

Данные рекламные кампании являются подтверждением того, что соблюдая этические нормы, проявляя социальную ответственность, тщательно формулируя рекламное сообщение, опираясь на ключевые ценности своей аудитории, можно эффективно привлечь внимание к продукции, не поддаваясь трендам на использование эпатажных и недобросовестных методов коммуникации в цифровой среде.

Список источников и литературы:

1. Борисова А.А., Бабаев А.В., Хуторная М.Л. Цифровизация в России: этические проблемы// Международный научно-исследовательский журнал. №8 (110). Часть 4. Август. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-v-rossii-eticheskie-problemy

2. Гирич М.Г., Магомедова О.С., Левашенко А.Д. Сравнительный анализ правового регулирования рекламных услуг в интернете, оказываемых цифровыми платформами в России// Вестник международных организаций. 2023 Т. 18. № 3. С. 163-185. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pravovogo-regulirovaniya-reklamnyh-uslug-v-internete-okazyvaemyh-tsifrovymi-platformami-v-rossii-i-zarubezhnyh

3. Официальный сайт «Медиаскоп». Данные по аудитории СМИ. Рейтинги. Интернет/ URL:https://mediascope.net/data/ (дата обращения: 18.10.2024)

Сведения об авторах:

Пластиков Виктор Сергеевич, студент 1 курса Гуманитарно-прикладного института НИУ «МЭИ», PlastikovVS@mpei.ru.

Кострюков Даниил Сергеевич, студент 1 курса Гуманитарно-прикладного института НИУ «МЭИ», KostryukovDS@mpei.ru.

УДК 314.6

РАЗРАБОТКА ПОДДЕРЖИВАЮЩИХ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ ОТЦОВ-ОДИНОЧЕК

Рашитова Л.К.
«Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Москва, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается концепция создания авторизованной системы для отцов-одиночек, как потенциальной возможности решения актуальных проблем правового и социального характера. Автор отмечает, что число отцовских семей стремительно растет и, в связи с этим разработанная цифровая платформа может стать полезным инструментом.

Ключевые слова: неполная семья, отцы-одиночки, автоматизированная система, социальная поддержка.

DEVELOPMENT OF SUPPORTING AUTOMATED SYSTEMS AS A WAY TO SOLVE THE SOCIAL AND LEGAL PROBLEMS OF SINGLE FATHERS

Rashitova L.K.
National Research University "Moscow Power Engineering Institute",
Moscow, Russia

Abstract. This article discusses the concept of creating an authorized system for single fathers as a potential opportunity to solve urgent legal and social problems. The author notes that the number of paternal families is growing rapidly and in this regard, the developed digital platform can become a useful tool.

Keywords: incomplete family, single fathers, automated system, social support.

Одна из форм семьи, которая становится все более распространенной в развитых странах, в том числе и в России, – это семья с одним родителем, или неполная семья, как ее принято называть в отечественной академической литературе.

Следует отметить, что неполные семьи и семьи в целом не являются специальными объектами учета в статистике. Современная статистика основана на концепции домохозяйств. Однако с 1939 года использовалась категория семьи, а не домохозяйства, но в целях повышения международной сопоставимости данных российская статистика перешла на подсчет домохозяйств и семей в микропереписи населения 1994 года.

По данным переписи населения 2020 года, матери-одиночки отвечают за благополучие несовершеннолетних детей в 4,85 миллионах семей (31,2%), а в 1,13 миллионах семей (7,3%) детей до 18 лет воспитывают отцы-одиночки. Для сравнения: по данным Всероссийской переписи населения в 2010 году доля семей с матерью-одиночкой была на 2,4 процентных пункта ниже, а количество семей, в которых отец-одиночка несет ответственность за ребенка, было в два раза меньше, чем десять лет спустя. В целом доля неполных семей с детьми до 18 лет увеличилась в 1,2 раза – с 32,7% в 2010 году до 38,5% в 2020 году [1, с. 696].

Несмотря на особое внимание, уделяемое государством комплексным мерам, направленным на всестороннюю поддержку семей, неполным семьям по-прежнему уделяется недостаточное внимание. Данные, отражающие положение неполных семей, являются индикатором реальных результатов социальной и семейной политики.

Для того, чтобы определить, в каком направлении следует развивать социальную поддержку семей с одним родителем, необходимо выявить приоритетные проблемы в функционировании таких семей.

Впервые термин «отцовство» был упомянут на конституционном уровне в Конституции 1978 года. Статьей 59 Конституции РСФСР 1978 года не рассматривала отцов, как субъектов защиты со стороны государства. Важно отметить, что Декларация прав человека и гражданина 1991 года закрепила гендерное равенство, но, как и Конституция советского периода, отражала идею неравного статуса отца и матери, предоставляя государственную защиту только институтам материнства и детства.

Конституция России 1993 года подчеркивает важность материнства и отцовства и представляет собой новый подход к семье. Однако, одинокое отцовство в российском законодательстве представлено неоднозначно. Поскольку в федеральном законодательстве нет единого правового определения понятий «одинокий родитель» и «одинокий отец», законы субъектов Российской Федерации трактуют эти понятия поразному и наполняют разным содержанием.

Из-за неточности в правовом определении статуса родителя мужчины отцы-одиночки сталкиваются с рядом законодательных недоработок, которые негативно влияют на их положение в обществе.

Одиноким отцом принято считать мужчину, который имеет ребенка и воспитывает его без матери. Интерес среди исследователей к данной категории семей возрос в 1960-х и 1970-х годах, когда наблюдался высокий уровень разводов и стали очевидны проблемы постразводных взаимоотношений между отцом и ребенком/детьми.

Р.А. Торосян, всесторонне анализируя конституционно-правовое регулирование равенства прав и обязанностей мужчин и женщин в семейных правоотношениях, придерживается позиции, что современные конституционные нормы содержат как гендерную симметрию (ст. 7), так и гендерную асимметрию (ст. 38). Так, в Конституции РФ указывается, что материнство и детство находятся под защитой государства. Наличие специальных положений, гарантирующих государственную защиту материнства, детства и семейных институтов, подтверждает преференциальную политику государства, направленную на защиту материнства и детства и дискриминирующую мужчин в сфере семейных правоотношений [2, с. 350].

Одной из актуальных проблем, негативно влияющих на жизнь многородительских отцовских семей, выступает низкая социальная активность отцов. По мнению экспертов, отцы-одиночки редко обращаются в социальные службы за финансовыми выплатами или другой помощью и стараются преодолеть трудности самостоятельно. В результате отцы-одиночки становятся эгоцентричными в обеспечении своих семей.

Зачастую отцам-одиночкам практически некуда обратиться, чтобы узнать о своих правах на получение пособия, о психологической помощи и др. Также важен вопрос эффективности предоставляемой поддержки семьям одиноких отцов.

Предлагаем осуществить эту задачу путем создания и внедрения **автоматизированной системы** «Отец-одиночка». Данная система будет представлять собой своего рода качественную платформу, использующую вероятностные, статистические, социальные и общественные модели оценки.

Цель данной схемы – объективная оценка социальных, экономических, психологических и иных обстоятельств жизни отцов-одиночек и их семей, обеспечение адресного распределения социальной поддержки и помощи, доверия и формирования положительного имиджа таких отцов в обществе.

Основными компонентами системы являются следующие:

1. Критерии оценки: социально-экономические факторы (например, доход отца-одиночки, наличие жилья (собственного, арендованного) и другой собственности, статус занятости (постоянный, временный, без-

работный), долги и кредиты, социальные выплаты и льготы), образование и навыки (уровень образования отца-одиночки, навыки и наличие возможностей трудоустройства), здоровье и физические возможности (состояние здоровья, инвалидность и ограничения по здоровью отцов-одиночек и детей), семья, история семьи, качество жизни (уровень комфорта в жилье, возможности для отдыха и досуга, доступность образовательных, воспитательных, психологических и медицинских услуг).

2. Применение системы: специалисты социальных служб могут провести оценку на основе документов и информации, предоставленной отцом-одиночкой.

3. Разработка индивидуальных программ поддержки. На основе результатов оценки разрабатывается индивидуальная программа поддержки. Эти программы включают в себя финансовую поддержку, социальные выплаты и льготы, психологическую и юридическую поддержку, обучение и профессиональную помощь, а также помощь в поиске жилья.

Преимущества **автоматизированной системы**:

– объективность и прозрачность: система оценки основана на четких критериях и балльной системе, что делает ее более объективной и прозрачной;

– эффективность и целесообразность: система позволяет адресно распределять ресурсы социальной поддержки тем семьям, которые больше всего нуждаются в помощи;

– повышение эффективности национальной социальной политики: система служит инструментом для анализа эффективности социальной политики, выявления проблем, введения новых мер по поддержке отцов-одиночек и осуществления объективной социальной поддержки и помощи.

Предполагается, что **автоматизированная система будет осуществляться в два этапа:** регистрация (этап 1) и анкетирование (этап 2). Анкетирование позволит одиноким отцам понять свое положение и какие возможности, и права у них есть. Система также позволит каждому отцу-одиночке бесплатно и по умолчанию определить признаки прав в гражданском, трудовом, семейном, налоговом и других законодательствах, а также права на льготы, образование, медицинское обслуживание и психологическую помощь (льготы, пособия, субсидии и текущие меры государственной поддержки).

После общей оценки система будет предлагать варианты, как улучшить ситуацию каждой конкретной отцовской семьи. Например, если система предполагает, что пособие будет выплачено конкретному отцу-одиночке, она уведомит его об этом по электронной почте и на личный мобильный телефон.

Автоматизированная система включает в себя цифровой модуль, основанный на искусственном интеллекте, который помогает ответить на часто задаваемые вопросы и оповещает о последних изменениях в российском законодательстве в отношении отцов-одиночек. Данная работа будет осуществляться благодаря интеграции в систему различных органов и структур, призванных оказывать поддержку и содействие нуждающимся в помощи или консультации граждан.

В целом, социальный скоринг отцов-одиночек – это инновационный инструмент социального управления, который меняет способ оценки отцов-одиночек по поведенческим, экономическим, социальным и другим характеристикам. Такая система, например, позволит национальным, региональным и муниципальным службам и органам государственной власти улучшить свою работу, правильно и объективно подойти к формированию социальной поддержки отцов-одиночек и повысить качество жизни отцов-одиночек.

Однако его реализация требует внимательного и ответственного подхода, учитывающего все социальные, экономические, психологические, моральные, этические и другие аспекты. Следует помнить, что целью подобных схем должна быть не только объективная оценка отцов-одиночек, но и реальная поддержка таких отцов для улучшения качества их жизни.

Список источников и литературы:

1. Смирнов В.М., Селиванова О.В. Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь // Экономика труда. – 2023. – Том 10. – № 5. – С. 695–714. doi: 10.18334/et.10.5.117824.

2. Торосян Р. А. Равенство полов в сфере семейных правоотношений // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ravenstvo-polov-v-sfere-semeynyh-pravootnosheniy (дата обращения: 10.07.2024). С. 349-355.

Сведения об авторе:

Рашитова Луиза Камилевна, кандидат социологических наук, доцент, НИУ «МЭИ», RashitovaLK@mpei.ru.

УДК 330.101

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ И РОБОТИЗАЦИИ В УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Скиба М.С., Бологова В.В.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние и оценка цифровых технологий в современных реалиях на качество жизни человека, а на производственные процессы и экономическую составляющую эффективности использования цифровых технологий и роботизации. Проанализированы литературные источники, позволяющие получить ответ на поставленный вопрос: «Смогут ли роботы полностью заменить человека?». В статье рассмотрены преимущества и недостатки при разработке, внедрении и использовании современных технологий в каждом этапе бизнес-процессов. Особое внимание уделяется социальным последствиям цифровизации, включая влияние на занятость, квалификацию персонала и текучесть кадров в угольной промышленности. Данная статья будет использована в диссертационном исследовании на тему «Модель оценки риски инновационной и инвестиционной деятельности в угольной промышленности РФ в условиях цифровизации общества и экономической нестабильности».

Ключевые слова: цифровизация, роботизация, риск, инвестиционная деятельность, экономическая составляющая.

METHODOLOGICAL AND SOCIAL PROBLEMS OF DIGITALIZATION AND ROBOTIZATION IN THE COAL INDUSTRY

Skiba M.S., Bologova V.V.
National Research University "MPEI", Moscow, Russia

Annotation. This article examines the impact and assessment of digital technologies in modern realities on the quality of human life, as well as on production processes and the economic component of the effectiveness of using digital technologies and robotics. The literature sources are analyzed, which allow us to get an answer to the question posed: "Will robots be able to

completely replace humans?". The article discusses the advantages and disadvantages in the development, implementation and use of modern technologies at each stage of business processes. Special attention is paid to the social consequences of digitalization, including the impact on employment, staff qualifications and staff turnover in the coal industry. This article will be used in a dissertation research on the topic "A model for assessing the risks of innovation and investment activities in the coal industry of the Russian Federation in the context of digitalization of society and economic instability."

Keywords: digitalization, robotization, risk, investment activity, economic component.

Цифровизация- процесс использования цифровых технологий и роботов в любой деятельности предприятий. Существуют разные направления использования цифровизации, данные технологии основаны на применении передовых технологий, таких как искусственный интеллект, умные и цифровые подстанции, датчики и прочие технологии, позволяющие существенное изменить и автоматизировать любой этап производственной деятельности и бизнес-процесс, а также снизить травматизм на производстве и улучшить качество жизни людей. Данные технологии способны не только справиться с обработкой и анализом большого объема данных, но также построить дальнейшие прогнозы, автоматизировать и оцифровать сбор и передачу данных, а также сохранить и обезопасить массив данных. Роботизация и цифровизация играет огромную роль для современности, во-первых, она способна повысить эффективность производственных процессов, во-вторых, позволяет снизить себестоимость продукции и, в-третьих, повысить качество выпускаемой продукции, тем самым увеличить прибыльность для предприятия. Внедрение цифровых технологий приведет к изменению структуры инвестиционно-эксплуатационных затрат и результатов экономической деятельности, а также к изменению степени риска.

Цель данного исследования состоит в изучении методологических и социальных проблем, возникающих в связи с роботизацией. В статье проведен анализ влияния роботизации на рынок труда, изменения в производственных процессах, социальную и экономическую сферу. Также исследованы этические и правовые аспекты использования роботов и цифровых технологий, их взаимодействие с людьми и вопросы безопасности. Исследование имеет высокую актуальность в современном мире, где роботы и автоматизация играют все более важную роль. Обсуждение методологических и социальных проблем роботизации позволит нам

лучше понять последствия этого процесса и разработать эффективные стратегии управления изменениями, связанными с роботизацией. Многие авторы в своих исследованиях изучали данный вопрос, например, Алексеев А.Ю. в своей статье: «Современные технологии искусственного интеллекта в современных реалиях» [1] занимался изучением различной трактовки искусственного интеллекта и описал влияние на деятельность человека в профессиональном аспекте. В своей статье Кавинов И.П. «Социально-философские аспекты роботизации человека, или «Горе от ума» [2] изучил такие важные аспекты как социально-философское влияние на качество жизни человека, рассмотрел позитивные и негативные стороны роботизации и цифровизации и дал ответ на вопрос «Можно ли заменить человеческий труд, на механический роботизированный труд». В своей статье Коровин Г.Б. "Социальные и экономические аспекты цифровизации в России" автор делает упор на взаимосвязь между социальными и экономическими аспектами цифровизации в России и оценивается влияние цифровых технологий на различные отрасли экономики и общественные процессы. Автор исследует, как цифровые технологии изменяют бизнес-модели, рабочие места, потребительские предпочтения, образование, здравоохранение и другие сферы жизни российского общества. Цитата из статьи «Комплекс новых технологий может повышать эффективность в отдельных отраслях. Для промышленности в качестве таких эффектов можно назвать сокращение производственного цикла, сокращение сроков подготовки производства, снижение энерго- и материалоемкости, повышение загрузки и времени бесперебойной работы оборудования, рост качества». Таким образом, изучение данной темы позволит более детально изучить методологические и социальные проблемы роботизации и цифровизации общества, на основе этого исследования можно в дальнейшем разработать подходы к управлению разными этапами производства, путем рассмотрения позитивных и негативных сторон цифровизации и роботизации, а также возможные решения для решения данной проблемы.

В каждой отрасли ТЭК, используя современные технологии сбора, передачи, хранения и обработки больших массивов данных, методы математического моделирования и прогнозирования, сложные алгоритмы управления, выбрать наилучшую стратегию развития, которая с одной стороны максимизирует эффективность использования существующей производственной базы, а с другой расширяет технические возможности для вовлечения новых технологий производства (добычи, переработки), транспорта и потребления ТЭР. Внедрение цифровой трансформации

скажется на изменении: постоянных эксплуатационных затрат (затрат на оплату труда при снижении численности персонала или затрат на обслуживание оборудования при сокращении объемов и сроков ремонтных работ);переменных затрат (прежде всего – затрат на топливо и энергию) при изменении объемов и режимов производства и транспорта энергоресурсов за счет изменения внутреннего спроса, потерь); капиталовложений за счет: − оптимизации использования существующих производственных и транспортных мощностей (повышение продуктивности действующих месторождений, повышение ресурсов использования оборудования действующих электростанций с учетом новых методов диагностики); − изменения объемов и режимов потребления (снижение потребности в новых мощностях); − ввода новых энергетических технологий, которые становятся более доступными и эффективными в ходе цифровой трансформации; − за счет изменения требований по резервированию мощностей с учетом аварийных и ремонтных простоев оборудования; дополнительной выручки от продажи энергетической продукции при росте объемов ее производства в результате применения новых энергетических технологий и цифровых решений – в объемах, востребованных на внешнем и внутреннем рынке.

Однако в отличие от традиционного инвестпроекта процесс цифровой трансформации является долгосрочным и предполагает не разовые, а непрерывные капитальные затраты (в зависимости от темпов прироста новых и реконструкции существующих производственных мощностей). Поэтому эффекты в части эксплуатационных затрат будут проявляться и за пределами горизонта планирования, и это требует расширять горизонт оценки за пределы 2035 года с тем, чтобы учесть эффекты, возникающие от принимаемых инвестиционных решений в последующие периоды (последействие) – как минимум, на следующие 15 – 20 лет. Количественная оценка этого эффекта является сложной научно-практической задачей, ее решение целесообразно разбить по этапам, применяя на каждом из них различный модельный инструментарий. Однако, появление современной роботизации связано с развитием робототехники в середине XX века. В 1954 году американский инженер Джордж Девол создал первого промышленного робота Unimate, который был задуман для выполнения определенных физических задач на производственной линии. Unimate был установлен в General Motors в 1961 году и использовался для сварки автомобильных кузовов. Это событие стало вехой в истории роботизации и открыло путь для дальнейшего развития технологии. "Автоматизация не только освобождает человека от рутинных задач, но и помогает ему раскрыть свой творческий потенциал и развивать новые идеи." - Генри Форд.

Учитывая быстрый темп развития технологий, ожидается, что роботизация будет продолжать прогрессировать в будущем. Возможно, роботы станут все более интеллектуальными и способными к самообучению, что откроет новые перспективы для использования в различных областях жизни. Однако, появление роботов также вызывает вопросы о замещении человеческого труда и его последствиях для общества. Ниже будут рассмотренные основные ограничения и сложности, а также преимущества и недостатки [Таблица 1] применения роботизации и цифровизации в любой деятельности и жизни человечества.

Таблица 1

Преимущества и недостатке применения роботов в цифровизации в современном мире

Преимущества:	Недостатки:
Увеличение производительности. Роботы выполняют задачи быстрее и точнее, чем человек. Это позволяет увеличить производственные мощности и сократить время выполнения работ.	Потеря рабочих мест. Автоматизация может привести к сокращению рабочих мест, поскольку многие задачи, ранее выполняемые людьми, будут выполняться роботами.
Улучшение качества. Роботы способны выполнять задачи с высокой точностью и повторяемостью, что позволяет улучшить качество продукции или услуг.	Необходимость обучения. Цифровизация требует высокой квалификации и знания новых технологий. Это может быть сложно для людей, не имеющих доступа к образованию или ограниченных возможностей.
Уменьшение затрат. Роботизация и цифровизация позволяют сократить затраты на оплату труда, поскольку автоматизированные системы могут заменить работников. Кроме того, снижается риск ошибок и потерь материалов.	Проблемы конфиденциальности Данных. В связи с увеличением цифровизации, увеличивается риск утечки и несанкционированного доступа к персональным данным.

Окончание табл. 1

Преимущества:	Недостатки:
Улучшение безопасности. Роботы и автоматизированные системы могут выполнять опасные работы, избавляя людей от риска получения травм или отравления.	Зависимость от технологий. Роботы и автоматизированные системы требуют постоянного технического обслуживания и обновления программного обеспечения. Отказ или сбой в системе может привести к серьезным последствиям.
Увеличение доступности. Цифровизация позволяет улучшить доступность информации и услуг, например, через интернет или мобильные приложения.	Неравенство. Некоторые страны и общества могут иметь ограниченный доступ к новым технологиям и робототехнике. Это может усугубить неравенство между странами и различными слоями общества.

Разработка роботов и внедрение цифровых технологий сопряжено с большими ограничениями, такими как: финансовые ограничения, из-за высокой стоимости исследований, разработки и внедрения в процессы производства, а также требуются большие инвестиционные вложения; технические ограничения связаны со скоростью решения задач, совместимостью с установленным ПО, необходим большой объём памяти для обработки и сохранения получаемой информации, необходимы специалисты, люди в возрасте им трудно понимать современные цифровые устройства, а молодёжь хоть и быстро разбираются в технологиях, но у них нет способности применять полученные знания на практике и систематизировать несколько навыков в одно целое. Разработка и внедрение цифровых технологий достаточно сложно поддаётся программированию, так как нужно учесть достаточно много аспектов в деятельности, а именно рисковую составляющую внедрения цифровизации и роботизации. Роботизация может быть ограничена в своей способности адаптироваться к изменениям и новым задачам. Роботы, спроектированные для выполнения определенных операций, могут иметь ограниченную гибкость в решении других задач или адаптации к изменениям в рабочей среде. Это может потребовать периодической модернизации системы или замены роботов. Можно выделить еще техническую проблемы внедрения цифровых технологий и роботов, например, в угольной промышленности в процессе добычи угля очень сильно загрязняются

детали и требуется дополнительные затраты на смазочные материалы, а также нужны работники, кто будет выполнять ремонтно-наладочные работы, а это затраты на заработную платы, страховые взносы, аренду помещения для ремонта, свет, воду и отопление. Также если размен работа или технологии будет больше нужного параметра, то можно вызвать обрушение в шахтах, в следствии, чего могут пострадать люди, таким образом, возникает риск и угроза жизни человека, а также повышаются показатели травматизма. Роботы и цифровые технологии должны быть способным выполнить различные операции в соответствии со своими возможностями. Они должны быть пригодными для работы в различных условиях, таких как высокие или низкие температуры, агрессивные среды, а также способным взаимодействовать с различными объектами и предметами. Внедрение роботов и современных технологий может сказаться на социальных проблемах, такие как потеря рабочих мест, неравенство доступа к технологиям и сопротивление со стороны обществ, однако, исходя из выше сказанного, можно заметить, что полностью заменить человека на технологию невозможно, так как робот может выйти из строя, а человек способен после отдыха выложиться на весь свой жизненный и энергетический потенциал.

Проблемы в управлении и взаимодействии связаны с взаимодействием роботов с окружающей средой и другими людьми. Они включают в себя следующие аспекты: Безопасность; Взаимодействие с людьми; Управление группой роботов. Статья «Этика искусственного интеллекта: проблемы и инициативы в социальной сфере» написана В.А. Леоновым, Е.В. Каштановой и А.С. Лобачевой [3], в которой исследуются вопросы связанные с применением ИИ в различных социальных сферах, таких как медицина, образование, социальные службы и другие, а также анализируют этические дилеммы, возникающие при использовании ИИ в этих областях. Статья является актуальной, так как использование искусственного интеллекта в социальной сфере становится все более распространенным и вызывает важные этические вопросы. Приведу цитату из статьи: "Искусственный интеллект может иметь серьезное воздействие на различные аспекты социальной сферы, однако он также вызывает ряд этических проблем, связанных с сохранением конфиденциальности, справедливостью принятия решений, автономией индивида и другими". Исследования в области роботизации требуют сбора и обработки больших объемов данных. Это может включать персональные данные пользователей, информацию о поведении и предпочтениях, а также коммерческие секреты и конфиденциальные данные. В связи с этим возникают

вопросы о том, как эти данные будут защищены от несанкционированного доступа, утечек или злоупотребления. Необходимо разработать соответствующие механизмы шифрования, аутентификации и контроля доступа, чтобы обеспечить конфиденциальность и безопасность данных.

Безопасность и конфиденциальность данных:

Риск утечки и злоупотребления данных;

Взлом и использование роботов искусственного интеллект;

Ответственность за действия роботов;

Развитие робототехники также вызывает вопросы о том, кто несет ответственность за действия роботов и каковы их обязанности перед пользователями. Если робот вызвал ущерб или причинил вред, кто будет нести ответственность за это - производитель, разработчик, оператор или сам робот? Как соотносится автономное действие робота с ответственностью его создателя? Такие вопросы требуют разработки правовых норм и стандартов, определения конкретных обязанностей и прав пользователей, а также механизмов возмещения ущерба в случае несчастных случаев или ошибок роботов. Робототехника и автоматизация влияют на широкий спектр деятельности и сфер жизни людей. Поэтому существует необходимость разработки международных стандартов и законодательства, регулирующих и контролирующих исследования в области роботизации. Это включает в себя вопросы о безопасности и этике использования роботов, стандарты качества и надежности робототехнических систем, а также правовые аспекты, связанные с автономными действиями роботов [4]. Разработка международных стандартов поможет установить общие правила и принципы для всех стран, создавая единый стандарт в области робототехники и обеспечивая ее безопасность и этичность.

Хотя роботизация может привести к увеличению производительности и эффективности работы, она также вызывает ряд социальных проблем, которые нужно учитывать:

1. Штрафные меры;
2. Снижение спроса на неквалифицированную рабочую силу;
3. Неравенство;
4. Политические и этические вопросы;
5. Потеря человеческого контакта.

Общество должно активно заниматься этими проблемами и разрабатывать стратегии для социальной адаптации к роботизации, чтобы минимизировать негативные последствия и максимизировать пользу для всех членов общества. Внедрение роботов и автоматических систем может привести к изменению рынка труда. Рабочие места, требующие

навыков, которые роботы пока не могут достаточно эффективно выполнять, могут остаться востребованными [5]. Однако, сокращение рабочих мест в определенных секторах экономики может привести к увеличению безработицы и ухудшению ситуации на рынке труда. Кроме того, уменьшение доходов низкоквалифицированных работников и увеличение безработицы может отразиться на потребительском спросе. Если многие люди останутся без работы или заработают меньше, они могут сократить свои расходы на потребительские товары и услуги. Это может привести к экономическому спаду и снижению производства в некоторых отраслях.

Роботы, как и люди, могут способствовать возникновению и развитию эмоций у человека. Однако, у роботов нет эмоций, что может снизить качество взаимодействия. Взаимодействие с роботами требует от людей развития новых социальных навыков, которые ранее были востребованы только в общении с людьми. Некоторые люди могут испытывать трудности в освоении этих новых навыков, что может влиять на их способность общаться и взаимодействовать не только с роботами, но и с другими людьми. Роботизация и цифровизация может оказывать влияние на психологическое и эмоциональное состояние людей. Некоторые люди могут испытывать чувство утраты работы, поскольку роботы могут заменить их в некоторых сферах деятельности. Это может вызывать стресс, тревогу и депрессию у людей, которые не могут найти новую работу или адаптироваться к изменениям. Кроме того, некоторые люди могут испытывать эмоциональную тревогу по поводу потери человеческого контакта и взаимодействия из-за увеличивающейся роли роботов в обществе [6].

Таким образом, используя средства цифровизации для управления инвестиционными проектами, компания получает возможность использовать современные и актуальные экономико-финансовые модели, которые дают возможность применять при расчетах единые и конкретные сценарии. При этом возникают и дополнительные возможности. Все вышеперечисленное указывает на то, что пока что робот не может полностью заменить человека, особенно с философской точки зрения. Возможно, будущий развитие искусственного интеллекта приведет к созданию сущностей, которые смогут имитировать человеческие качества и стремиться к высоким нравственным и философским идеалам, но это остается предметом дальнейших исследований и дебатов. В заключение, следует подчеркнуть важность учета методологических и социальных проблем при разработке и использовании роботов. Только путем решения их может быть обеспечено безопасное и этичное внедрение роботов в общество. Необходимы дальнейшие

исследования и развитие методологий для адекватного прогнозирования и управления социальными и этическими последствиями роботизации. Только тогда роботизация может стать полезным и эффективным средством для прогресса и совершенствования нашей жизни.

Список источников и литературы:

1. Алексеев А.Ю. Философия искусственного интеллекта в россии с начала века по настоящее время // Науковедческие исследования. 2022. №1.г. С.- 96-119. https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii-s-nachala-veka-po-nastoyaschee-vremya (дата обращения: 03.11.2024).
2. Кавинова И.П. Социально-философские аспекты роботизации человека, или "горе от ума" // Гуманитарный вестник. – 2022. – № 5(97). С.- 1-14.
3. Леонов В.А. Этика искусственного интеллекта: проблемы и инициативы в социальной сфере / В.А. Леонов, Е.В. Каштанова, А.С. Лобачева // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2021. – Т. 10, № 2. – С. 5-12.
4. Смирнова М.Е. Роботизация производства - требование времени // Инновационная наука. – 2017. – Т. 1, № 3. – С. 218-219.
5. Чернышов А.Г. Стратегия и философия цифровизации // Власть. – 2018. – Т. 26, № 5. – С. 13-21.
6. Шибкова Д.З., Байгужин П.А., Герасёв А.Д., Айзман Р.И. Влияние технологий цифрового обучения на функциональные и психофизиологические ответы организма: анализ литературы Science for Education Today, 2021, Т. 11, № 3, С. 125–141.

УДК 17.174

ОБЗОР ГЛОБАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ И ЭТИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ В НАУКЕ О ДАННЫХ

Тонковидова А.В.
Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма Краснодар, Россия

Аннотация. В эпоху, когда данные оказывают глубокое влияние на принятие решений в различных секторах, данное исследование нацелено на рассмотрение изменяющихся дискурсов этики как науки о данных, в

исследовании особое внимание уделяется взаимодействию между технологическими достижениями и этическими стандартами. Целью исследования является составление обзора глобальных нормативных и этических стандартов в науке о данных. В исследовании делается вывод о том, что этические соображения являются неотъемлемой частью практик науки о данных и вносят значительный вклад в общественное благополучие.

Ключевые слова: этика данных, наука о данных, этические стандарты, конфиденциальность, согласие, регулирование.

AN OVERVIEW OF GLOBAL REGULATORY AND ETHICAL STANDARDS IN DATA SCIENCE

Tonkovodova A.V.
Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism

Abstract. In an era where data has a profound impact on decision-making in various sectors, this study aims to address the changing discourses of ethics as a data science, with a particular focus on the interaction between technological advances and ethical standards. The study aims to provide an overview of global regulatory and ethical standards in data science. The study concludes that ethical considerations are an integral part of data science practices and contribute significantly to public welfare.

Keywords: data ethics, data science, ethical standards, privacy, consent, regulation.

Разработка и внедрение глобальных нормативных и этических стандартов в науке о данных имеют решающее значение для решения проблем, вызванных быстрым развитием технологий и растущей зависимостью от данных. Одной из проблем выступает исследование этических позиций, лежащих в основе глобального управления данными мозга [3]. Их исследование фокусируется на этических и правовых принципах, применимых к «большим данным мозга», подчеркивая необходимость глобальной структуры управления в этой области.

Разнообразие этических и правовых принципов в разных юрисдикциях представляет собой сложную область для совместных усилий в исследовании данных мозга. Это исследование подчеркивает важность понимания этих принципов для ускорения разработки всеобъемлющей глобальной структуры управления.

Вносят вклад в обсуждение этики искусственного интеллекта, сопоставляя этические принципы искусственного интеллекта с жизненным циклом цифровых услуг и продуктов на основе искусственного интеллекта. Их работа подчеркивает разрыв между теоретическими этическими структурами и практическими приложениями науки о данных. Исследование дает критическое размышление об операционализации этики в науке о данных, подчеркивая необходимость явных моделей управления, которые проясняют обязанности и облегчают практическую реализацию этических принципов в науке о данных.

Обзор глобальных нормативных и этических рамок в науке о данных раскрывает их объем, отмеченный разнообразными проблемами и возможностями. Эти рамки должны направлять исследователей, политиков и практиков в навигации по этическим проблемам, возникающим в науке о данных, гарантируя, что ее использование соответствует общественным ценностям и способствует общественному благу.

Поскольку наука о данных продолжает развиваться и интегрироваться в различные области, значение разработки и внедрения надежных нормативных и этических рамок становится все более критическим. Эти структуры должны быть способны решать сложные этические дилеммы, возникающие в связи с достижениями в области технологий и растущими объемами данных. Исследователи и практики должны преодолевать эти проблемы с глубоким пониманием меняющегося нормативного поля и разнообразных потребностей и ожиданий субъектов данных. Это включает в себя непрерывный процесс образования, размышлений и адаптации для обеспечения интеграции этических соображений на каждом этапе жизненного цикла данных.

Преодоление разрыва в исследованиях в этике данных имеет важное значение для обеспечения ответственного и этичного использования данных в различных областях. Рассматриваются этические вопросы в исследованиях в области социальных наук, использующих большие данные, подчеркивается взаимосвязь между этикой больших данных, социальными науками и исследовательской этикой. Подчеркивается интерпретативный характер как социальных наук, так и больших данных, сложности управления рисками при публикации и повторном использовании, а также отсутствие регуляторного надзора. В исследовании предлагается использовать структуру исследовательской этики Дэвида Резника для анализа этических вопросов в социальных исследованиях больших данных, уделяя особое внимание таким принципам, как честность, осторожность, открытость, эффективность, уважение к субъектам и социальная ответственность [2].

Обсуждается модель обучения этике данных для неспециалистов, при обращении к различиям в академической программе по данным и вычислительной науке. Подчеркиваются значительные пробелы в обучении этике для следующего поколения исследователей, интенсивно работающих с данными, и предлагается междисциплинарный подход к семинарам для удовлетворения потребности в дополнительном обучении этике данных [4].

Их модель подчеркивает важность выделения ресурсов, которые могут быть использованы неспециалистами, чтобы продуктивно заниматься темами этики данных.

Исследуется корпоративная этика данных и трансформации управления данными в эпоху продвинутой аналитики и искусственного интеллекта. Исследование дает представление о том, почему ведущие компании следуют этике данных и как это выглядит на практике. Исследование предлагает личные сведения об этических дилеммах, с которыми сталкиваются компании, о новых существенных рамках, которые они используют для их оценки, и о процессах управления, используемых для соблюдения этики данных. Это исследование подчеркивает важность понимания корпоративной этики данных на практике и дает полезные идеи для компаний, стремящихся следовать этике данных [1].

Исследовательский пробел в этике данных характеризуется потребностью во всеобъемлющих этических рамках, практических моделях для этического обучения и понимании того, как этические принципы реализуются в различных секторах. Идеи исследователей в совокупности подчеркивают необходимость в рамках и моделях, которые являются адаптируемыми, прозрачными и инклюзивными. Эти рамки и модели должны направлять исследователей, политиков и практиков в навигации по этическим проблемы, возникающие в связи с наукой о данных, гарантируя, что ее использование соответствует общественным ценностям и способствует общественному благу.

Значение разработки и внедрения надежных этических рамок и учебных моделей становится все более критическим, поскольку наука о данных продолжает развиваться и интегрироваться в различные области. Эти рамки и модели должны быть способны решать сложные этические дилеммы, возникающие в связи с достижениями в области технологий и растущими объемами данных. Исследователи и практики должны решать эти проблемы с глубоким пониманием развивающегося этического поля и разнообразных потребностей и ожиданий субъектов данных. Это включает в себя непрерывный процесс обучения, размышления и адаптации для обеспечения интеграции этических соображений на каждом этапе жизненного цикла данных.

Сфера действия и цели этого всеобъемлющего обзора заключаются в критическом изучении и синтезе текущего состояния этических соображений при сборе и анализе данных в быстро развивающейся области науки о данных. В этом обзоре предполагается провести тщательное исследование этических измерений, лежащих в основе современных методов работы с данными, проследить эволюцию этических стандартов и подчеркнуть их значимость в современных приложениях. Он углубляется в основные этические принципы, которые управляют процессами сбора и анализа данных, подчеркивая важнейшую роль согласия и конфиденциальности как основополагающих элементов этической обработки данных. Кроме того, в обзоре рассматриваются многогранные этические сложности, возникающие из-за больших данных, исследуя, как эти проблемы решаются в различных секторах, и последствия для глобальных нормативных и этических рамок.

Цель состоит в том, чтобы преодолеть существующий исследовательский пробел в этике данных, предлагая идеи разработки практических этических рамок и учебных моделей, которые могут направлять исследователей, политиков и практиков. Таким образом, обзор стремится внести вклад в обсуждение этической науки о данных, предоставляя тонкое понимание того, как этические соображения интегрируются в практики науки о данных и влияние этих практик на общество. Конечная цель — способствовать более глубокому пониманию этического ландшафта в науке о данных, поощряя ответственные и прозрачные практики работы с данными, которые соответствуют общественным ценностям и вносят положительный вклад в общественное благо. Таким образом, этот всеобъемлющий обзор служит ценным ресурсом для ученых, отраслевых профессионалов и политиков, предлагая подробное и критическое рассмотрение этических аспектов в науке о данных и предлагая пути для будущих исследований и практики.

Список источников и литературы:

1. Hirsch, D.D., Bartley, T., Chandrasekaran, A., Norris, D., Parthasarathy, S., & Turner, P.N. Business data ethics: emerging trends in the governance of advanced analytics and AI // Ohio State Legal Studies Research Paper. – No. 628 – 2020.

2. Hosseini, M., Wieczorek, M., Gordijn, B. Ethical issues in social science research employing big data // Science and Engineering Ethics. – Vol. 28. – No. 3. – 2022. – P. 29.

3. Ochang, P., Eke, D., Stahl, B.C. Towards an understanding global brain governance: ethical positions that underpin brain data governance discourse // Frontiers in Big Data. – No. 6. – 2023.

4. Phan, L., Ali, I., Labou, S., Foster, E. A model for data ethics instruction for nonexperts. IASSIST Quarterly. – Vol. 46. – No. 4. – 2022. – P. 1-15.

Сведения об авторе:
Тонковидова Анна Викторовна, ФГБОУ ВО КГУФКСТ, старший преподаватель, tonkovidova@mail.ru

DON'T WORRY – I'M FROM THE INTERNET!

Hans Krauch
Independent Scholar, Araminda, Uruguay

Abstract: What started as a joke in the early 2000s aimed at poking fun at persons who spend a little more time staring at a computer than going outside, has now became the dominant culture on earth. The digitization of life has reached a stage worldwide where we can now say that the majority of human beings can be seen to 'belong' to the internet above other cultures. This digitization of humanity has lead to a collapse of traditional cultural values and identities around the world, thus forcing us to rethink what it means to be a citizen of the world today.

Keywords: digitization, values, cultures, citizen, dominant

Today, approximately 70% of human beings today use the internet[8], up from only 24% in 2010[9]. Since many can derive their identity from the internet, and we use it to support ourselves financially, foster intercommunication and connectivity between other people, etc., I am confident to say that our online activity is to such a degree that it constitutes culture.

60% of the global population today use social media[10] (like Instagram, X, or Facebook), of course the amount we use this varies per part of the world and individually. However, around 80% of westerners use social media on average 2 or 3 hours a day[11] but this number is likely much higher among the younger population. Around 80% of human beings use a computer for work in

[8] https://www.statista.com/topics/1145/internet-usage-worldwide/#:~:text=In%202024%2C%20the%20number%20of%20internet%20users%20worldwide,is%20currently%20connected%20to%20the%20world%20wide%20web.

[9] https://www.itu.int/net/pressoffice/press_releases/2014/23.aspx#:~:text=Geneva%2C%205%20May%202014%20%E2%80%93%C2%A0New%20figures%20released%20by,of%20mobile-broadband%20subscriptions%20will%20reach%202.3%20billion%20globally.

[10] https://backlinko.com/social-media-users

[11] https://www.statista.com/topics/1164/social-networks/#statisticChapter

some capacity[12][13], of course the amounts and all that vary per occupation – but the fact remains that a digital connection is necessary to carry out the basics of life today. Around 30% of all workers in the European Union use only digital devices for work.[14]

Close to 90% of people today own a smartphone[15], quite a bit less than those who access the internet, but there could be various reasons for this, like access to internet, etc. Our smartphone is quite possibly the most important item we carry: it is our method of communicating with each other, paying the bills, entertainment, etc. We'd just as soon leave the home without our phone as we would without wearing pants! Technology has become such an ingrained part of us, we need to rethink some outdated ways of categorizing how we function together as a species. This connection to digital technology has reached such a degree it forces us to rethink the basics of what even constitutes culture.

There is no denying that we are a digitized species, and this has formed its own global internet culture. I am to give a brief description of what this internet culture is, and how to better understand human society by briefly understanding the points of this. The importance of this cannot be underestimated, indeed because of this digitization of life we find ourselves more in common with our social circle online than we do our countrymen, neighbours, or even family members.

Previous Ways of Categorizing Society.

Zygmunt Bauman is a world reknown sociologist, and he categorized the human race into two types of people, the 'globals' and the 'locals'.[16] Although this was a fine way of understand the world maybe 15-20 years ago, this no longer fits the world we live in today. To roughly summarize Bauman's categories, the 'global' person is one who has little loyalty to a specific nation state, they are free to move wherever suits them (and use this to exploit those who cannot), are usually the more well-to-do financially. The global person was, more or less, better educated and focused on their own well being than the local, better suited to a rapidly changing environment.

The local, on the other hand, was everyone else. The kind of people unable to move from a drought and starve, the kind of people stuck in a warzone, or those trapped within a brutal dictatorship or theocracy. The local has

[12] https://www.air.org/resource/brief/description-us-adults-who-are-not-digitallylierate#:~:text=74%20percent%20of%20U.S.%20adults%20use% 20a%20computer,3%20percentage%20points%20lower%20than%20the%20international%20average.

[13] This statistic is over 6 years old, so likely this number has gone up.

[14] https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20230627-1

[15] https://prioridata.com/data/smartphone-stats/

[16] https://revisesociology.com/2016/08/09/zygmunt-bauman-liquid-times-summary/

their loyalty to those around them (family, the nation state, etc.), and tend to be generally less flexible to the notion of change as the global. The local does not necessarily need to be financially poor nor poorly educated, like the landed aristocracy or perhaps a kind of regional strongman/oligarch might be considered a local too, so a lower economic status nor education over the global is entirely necessary. The power of the local comes from the resources immediately available around them, so obviously in order to maintain that power they do not wish to upset the status quo too much.

Dozens of older ways of categorizing human society (like aristocracy or bloodline, wealth, education, career, etc.) are useful, however do not take into consideration the digitization of life. I do not wish to do away with Bauman's observation (or other's) views on human society, indeed people still do fit into various categories like a global or a local, just as today various cultures exist in one form or another. There are still flag waving patriots who love their nation state, just as there are those who still attend Church regularly, etc. My point is that internet culture is now the dominant force on earth, while the thousands of others can be relegated to the category of subculture. So, Bauman's ideas are still valid, they just are not as important to understanding the world as it is today.

'Western culture' likely will not collapse in a spectacular/violent fashion like others (Roman, Aztec, etc.), what will happen is that it will gradually be replaced with a global internet culture. I see the demise of the west happening in a similar way to how the Venetian kingdom lost influence over the world. Venice never was destroyed by war or force of nature, and its wealth did increase slowly over time. Venice lost global influence simply because everyone around them grew so wealthy that their power was now insignificant. The same will go with traditional western culture, it may not disappear entirely through war or whatever, it will just fade away and be replaced with something else – perhaps faster than we might realize.

What counted originally as 'western society' is just not important to most of the world anymore - westerners especially. This explains why nobody really cares or does anything about the 'immigration crisis' facing the first world, nor does anyone care Islam is replacing Christianity, nor the various other things western society once stood for being eradicated, like freedom of speech nor the importance of personal property, etc. The topic about the end of the enlightenment and subsequent end of western civilization is a hugely complex one, outside the bounds of this paper, but I do recommend my other works on this topic if one is interested!

Members of the internet only care about social issues if it effects their lives online. Elon Musk bought Twitter (actually he was forced by a court to purchase it, and he subsequently lost approximately 29 Billion dollars as a re-

sult) because his vision of how the global internet culture was to be differed from how Twitter was being managed at the time of his bid to purchase the internet company. This 'culture war' going on today between various factions of people over things like sexuality, rights, etc. All of these issues are under the umbrella of internet culture as they are not debated over the radio nor on the streets nearly as much as they are waged online.

I posit that because the digitization of life has made one's location on planet earth relatively meaningless – as long as we have the basics of life and a stable internet connection, the rest really doesn't matter. This ties into using Set Theory to understand human society better – since the dominant culture on earth is the internet, and since the internet is neither based in a physical location nor a particular point of time, this means that culture is unbound by time and space.

The values we argue fight for is done on the internet now, mostly, and the scale to which we communicate online is enormous – billions of instant messages are sent daily (300 billion emails sent daily, on average)[17], and on Twitter (X) alone, over 500 million tweets are sent per day.[18] At the same time, personal letters have declined by approximately 25% in the United States alone since 2007.[19] It is estimated that a small fraction of people (10-30%) who promote activism for whatever cause they are fighting for actually go outside to demand actual change.

Still, a tiny percentage of every person online going outside does have enormous impact on the outside world, as the 2020 protests can show. Justine Lloyd, a professor of sociology at Macquarie University says it best: “At university, I am teaching a generation who are digital natives, who only know an online study and work environment.”[20] Yes, but study and work are just a part of the whole picture, the person is entirely a digital native in all aspects of life, not just a student.

Indeed, the real world exists, like the nation state, whom have laws and all that covering a portion of planet earth. But for most of the world's populace this is a minor nuisance, unless you live in parts of the world like the United Kingdom who prosecute you and send you to jail if you express your opinion online (from 2020 to 2022 the amount of online hate speech prosecutions have

---

[17] https://econsultancy.com/2030-have-email-and-social-destroyed-the-art-of-letter-writing/

[18] https://www.omnicoreagency.com/twitter-statistics/

[19] https://econsultancy.com/2030-have-email-and-social-destroyed-the-art-of-letter-writing/

[20] https://lighthouse.mq.edu.au/article/november-2020/What-is-slacktivism-and-can-it-change-the-world

increased 50%). Still, these sorts of things can be bypassed by using a Virtual Private Network (VPN) to mask your physical location or using an alias, etc. The particular country I live in right is really not that big of a deal anymore, unless, and this cannot be under appreciated, I am able to provide the basics of life (safety, shelter, love, food, etc.).

The global and the local of Bauman's world have fused into something entirely different – the 'netizen.' This is the person who may or may not have the means to move around, and honestly this ability is unimportant. This person may or may not be dependent on local resources for survival, and again this is unimportant. What makes the identity of the netizen is their activity and consumption of culture online.

Social Set Theory.

Set Theory is normally associated with mathematics as a way for us to frame how we organize and categorize the practice of putting numbers together. I posit that this also works well with people too, simply because, if Set Theory works well with everything imaginable, and human culture fits into that, then it stands to reason that we can use this to understand people as well.

The main advantage of using Set Theory to understand human culture is that it is that things bound to a set are not bounded by space nor time. Previously, we would categorize someone's culture by exactly those things (space and time) – for example a 23 year old girl living in 1960s Somalia, or a priest of Athena living in ancient Thebes, for those people we would have associated with them everything and anything that means go into understanding who they were culturally by the country they lived in and what time in history they occupied. What made them who they were was the circumstances of the particular space and time they found themselves in, or so we thought. I argue that this way of understanding people's culture not only no longer captures a global and digitally connected humanity, but was never a precise method of understanding people in the first place.

Ancient Greek culture and mid-20th century Somali culture might have general characteristics about them (language, dress, religion), but really this does nothing better than give a guess to capture the essence of the people who made those cultures up. There are no measurable and quantifiable variables to consider when just pondering the notion of being 'western' or 'Muslim' or 'Communist,' only what that means to a particular person. I must stress that to belong to a culture we cannot just claim we are a part of it, and even if we exhibit traits of it, there is no guarantee of belonging. For one to be a member of a culture there needs to be other people, a collective to assess criteria for belonging and grant access to their group or to decide what group you do belong to.

An example of this would be what happened to native children in Canada after they were stolen from their families and given a 'western' education in Residential Schools (boarding schools with an intent to eradicate native culture by forbidding language, etc.). When these children were older and subsequently were returned to their families they were no longer considered a part of their tribe anymore, they were now 'white' to their families. 'White' culture also rejected them because of their heritage and where they came from. So, for the poor children, they would be stripped of all identity because those who judge and accept them into a group have all rejected them. It doesn't matter if the children were pure-blooded natives or not, for their tribe they were no longer part of them, and for the culture that tried to assimilate them, they would never accept them as well.

One cannot just move into another community and expect to consider yourself a part of that particular culture even if you've lived there your entire life. Everyone has their own examples of this, one economics professor of mine lived in Japan for decades but he told us he would never be accepted as Japanese no matter how long he lived there. My aunt moved to a small down almost fifty years ago, and she is still considered by the locals as 'the girl from the city.' Also, simply changing one's clothes is not enough to truly belong to a specific culture. When in the military, it doesn't matter what personal beliefs I held, while I was wearing the uniform it that meant I was a part of a community that espoused certain ideals, that I was a part of that culture (whether I liked it or not). But I had to actually be a registered part of the organization for that uniform to count, and complete courses like basic training, etc. There are instances of people being caught posing as a military member during parades and such by wearing a uniform, and this is generally frowned upon by the general society. In many parts of the world, it is illegal to wear the uniform of a police officer or official member of the government – because in order to belong to that particular sub culture or identity goes much deeper than what you present to the world.

For internet culture, it is acceptance into a group or participation in a group online that determines where you belong. Usually this would be social media users in an online community, but even those who just use the internet to communicate to their real world friends and family members may be drawn into this category as well. In order to communicate over the internet, one needs to understand the language of the internet and means to communicate. Once one understands and speaks this language, this means they are thinking it, which means they are influenced to think it via culture. So, the unique thing here is that you do not need to be an active member of an online community to

belong to internet culture, you just need to be connected to and use the internet. You may not believe you are part of that group, but that group has already accepted you as one of their own (those who do not actively participate are known as 'lurkers' – a term of endearment for those too shy to participate.

What multi-billion-dollar marketing companies like Meta or Google do to understand the people they are selling things to is not trying to figure out just where the customer is living and what they do for a job. Their customer is understood in a more holistic method by analyzing online activity. Getting to know the real self is getting to know who the self is online. What advertisers look for to direct marketing at is getting to know what kind of news articles the person clicks on, etc. In a way, they are already getting to understand people by using Set Theory already – by associating a type of product together with a type of online behaviour.

Understanding the 'Netizen'.

Set Theory can be a good starting point to properly count whether or not we belong to this category of person. Earlier I pointed out that most of the human species is already connected to the internet, and even more use smartphones or similar devices in their daily tasks. So, the input variables are simple enough – a person who uses digital devices connected to a network of other people most of the time. I will add into this the use of social media as well, because it is the usage of this where people get most of their 'enrichment' or where they consume and participate in the culture they belong to.

Therefore, to be a member of the digitized global culture one simply needs to be connected to the network and participate in the discourse (either actively or passively) happening within that network. This is to avoid situations where people unaware of their online activity are counted as part of this, like if they are being spied on, or if they have some kind of disability where they cannot understand nor communicate using digital devices. Of course, people can be a part of a culture and not realize it (this is usually the case, especially with ideology as well, because there is no need to constantly reaffirm our axioms).

Global Digital Culture – Language.

Since language precedes thought, then culture precedes language. One is not bound by space nor time (time is a little important for dialectical purposes, but not entirely necessary – indeed much of academic work falls outside of time) when it comes to being part of the culture, since one only need to be able to fully understand what is being said and the context behind it to participate. The topic of hermeneutics with the works of Hans-Georg Gadamer and Paul Ricoeur covered the criteria needed to understand the words of cul-

ture, and although several are listed (such as taking into consideration context, tone, etc.) but none of those conditions dictate that one actually has to be a physically or temporally linked with a text to understand it.

What made this clear to me was when I put a comment, I found on an internet forum (written in Portuguese) through a common language translator and I perfectly understood all the nuances of what was being said in that comment. The language was in Portuguese; however, the text was barren of anything particularly Portuguese about it – the soul of the words was purely from the internet. Yes, a language is crafted over centuries, constantly changes to adapt to its new environment and gives the user of that language the tools to express themselves as living in a unique environment. These give flavour to words, not substance.

What happens when the environment changes so fast a language cannot keep up? They do their best with what they have, and we still make associations within our mind with what we know to what we are trying to say about our environment. Still, digital culture is forming its own language faster than older people like me are capable of grasping it using my limited vocabulary. Indeed I frequently require access to ChatGPT to translate this new internet language into something I can understand, even if the words are in English and follow some kind of English language grammar rules. Take for example this dialogue given to us when looking up this new word my kids were saying: 'Skibidi':

“Person 1: "Skibidi"

Person 2: "Don't worry my bruh I'll get you out of Ohio with my 1 2 buckle my shoe type rizz while we bust it down sexual style"

Person 1: "kill yourself"[21]

I had to ask my 14-year-old daughter to translate it, and, oddly enough, her explanation of it was very similar to what ChatGPT had suggested. The actual translation of this is unsuitable for a polite audience, and still this sort of language adaptation for younger generations is nothing new or exciting here, I am not suggesting that this phenomenon is limited to the rise of a digital culture. Still, a new language is a clear sign of a new culture. Other cultures and subcultures have their own languages: take for example Ebonics, or African American Vernacular English, which has its own unique set of words and ways of expressing reality taking into consideration everything that goes into that particular culture (arts, identity, community, etc.).

This sort of language was always a part of the African American culture (starting with the Gulla language among West African slaves to the Americas – mixed with English to form their own), but language shifted to suit the new

[21] https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Skibidi

culture. I do not want to stress too firmly on the point, but I need to bring up how language is judged by others. Gulla, for the European American immigrants, was a language spoken by lower classes, so even speaking this language gave one credence to one's particular place in society. The language you spoke reflected your part of society.

In order to understand the language, one needs to understand the culture. I understand English, but internet language largely uses English (or Portuguese, Russian, etc.) as merely a vehicle of expression. Just as earlier when reading a comment in Portuguese, the language was a vehicle of expression, the crafting of that vehicle was done by culture. I've been on the internet since it's inception, but it is not until the advent of social media where the pace and change of global culture has been noticed along with the rate of change coinciding linearly with the participation rate.

All of us are likely involved in this new global culture whether we like it or not. Yes, sometimes it's advances might make us feel like we are falling behind the times, but take to comfort in the fact that we have more in common today with each other as 'netizens' than we ever did by defining ourselves as something different, be it Russian or Congolese or even a Canadian.

The internet is neither belonging to a specific place and is 'timeless' in that pages/comments, etc. are saved indefinitely, and since there is a unique and identifiable culture associated with the internet, this shows that culture itself is neither bounded by space nor time. Netizens remain so as long as they remain connected to the internet.

Crisis in Internet Culture and Real-World Impacts.

Problems about the physical world invented by the internet have two side effects. One is the invention of a problem that has never existed before then that problem spilling out into the real world (with its negative consequences) and the other is the invention or spectre of angry mobs when none exist – causing political regimes to create policy based entirely on fantasy. So, one creates problems for the real world, the other ignores real world problems because it does not affect the internet.

An example creating a problem where none existed is that of the Black Lives Matter (BLM) movement, which gained notoriety in 2020 with the death of career-criminal George Floyd. The video of Floyd (a man showing African ancestry) dying on camera under the knee of a police officer (a man of European showing ancestry) was used by internet culture to invent this problem of racial conflict in a country which basically had none. What came of this was a summer of rioting in the United States (and to a lesser degree, other

western nations), costing around 2 billion dollars in damages.[22] Certainly people have died in these protests, but the numbers are quite low and there is no consensus to the total.

Indeed, this seems like it was an American problem – so why is this a product of internet culture? Well, the BLM riots happened in at least 40 countries,[23] even in Japan where they have a black population of only 25,000 people (.02% of total population).[24] Arguing that black people are being massacred by a racist state in a country where there are literally no black people highlighted the absurdity of this notion in the first place and showed that this problem was an invention of the imagination – formed and propagated by internet culture, not American.

Additionally, of the approximately $90 million BLM received in donations from 2020-2022, only about one third was given to other charities to help people, the rest was used to enrich only a few people who controlled the name BLM.[25] After the internet found out they've been duped, donations have since dried up and several key members of that organization have been indicted on fraud charges.

One last example would be the immigration crisis, however instead of the people from the internet inventing a problem then acting out in the real world against a ghost, this one is an actual problem faced in the real world, but since it does not affect one's online identities nobody cares enough to actually do something about it. Obviously, the immigration crisis is one facing western civilization primarily – but this issue of locals bemoaning that the demographics of their neighbourhood are changing for the worse is not a purely western experience. Still, one cannot ignore the facts that in western nations the local populations are losing their homogeneity.

Take for example my home country of Canada – approximately 1 on 4 people in that country now are first generation immigrants, primarily from India, China and the Middle East.[26] My friends and family are noticing that they are now outsiders in their old neighbourhoods. On my last trip there I have no-

---

[22] https://www.usatoday.com/story/news/factcheck/2022/02/22/fact-check-thousands-black-lives-matter-protesters-arrested-2020/6816074001/

[23] https://www.nbcnews.com/news/world/map-george-floyd-protests-countries-worldwide-n1228391

[24] https://travelnoire.com/whats-it-like-being-black-in-japan

[25] https://nypost.com/2023/05/27/only-33-of-blms-90m-in-donations-helped-charity-foundations/

[26] https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/221026/dq221026a-eng.htm#:~:text=Almost%20one%20in%20four%20people%20%2823.0%25%29%20counted%20during,of%C2%A022.3%25%20in%C2%A01921%2C%20and%20the%20largest%20proportion%20among%20G7%C2%A0countries.

ticed that the change was noticeable and drastic – but the thing is nobody really cared that much. There were no riots like BLM demanding a change back, or accusing the government of treason or genocide like that.

Social media and the news outlets would have one believe that there is this racially charged genocidal sentiment brewing in western societies that will result in something worse than the Holocaust – however there is no evidence to support this. Yes, some fringe elements have, and always will, exist within societies that harbour these ideals, but this does not seem to be an issue that the locals actually care about. I posit that the reason for this is because the locals, the one's who are finding their old home towns and cities having a different skin colour or speaking a different language do not really care about that because their real identities come from the internet, not their nation state, skin colour nor ancestral cultures.

Nobody is fighting for their country because nobody identifies themselves as really a part of their country anymore – we belong to the internet. There is no connection to the local community, the nation, only one's online presence and acceptance within those particular spheres we belong to online. I am not saying that, on some level, people do harbour these local connections, however the importance of these connections have been sidelined by the internet. These local or classical identities are very much still there, but are not strong enough for people to risk their lives or livelihood to actually do anything about it. Demographics changes do challenge one's identity, but not enough to change it in a way where people feel the need to react violently to it (so far).

Alain Badiou's use of Social Set Theory.

French philosopher Alain Badiou has also, for some time now, been stressing the lessons of Set Theory can be used outside of mathematics[27], instead this time to give us insight into the nature of ourselves and God. In my experience whenever we take a theory or something from one discipline, then apply some of the lessons learned there into an unrelated discipline, this rarely has a positive reaction from the original discipline. Badiou, when he used a mathematical theory to help understand philosophical issues, he succeeded in triggering some mathematicians into a flurry of insults and ridicule, mostly saying things like he doesn't know what he's talking about, etc. Usually when I see rebukes of ideas with no content other than 'they don't know what they're talking about,' this is just an emotional response to their basic axioms being challenged, rather than a valid rebuttal of ideas. I do not wish to give more time on this, so I will just give a brief overview of Badiou's use of Set Theory as far as I understand it.

[27] https://www.jstor.org/stable/10.1086/660983

One of the rules of Set Theory is that a thing cannot be self-referential, basically meaning we cannot use a thing to define itself, like saying 'an apple is an apple.' Yes, an apple is indeed an apple, but that doesn't help us understand anything about the apple, so the sentence is pointless. One cannot just be understood as oneself in the same way as one cannot divide by zero. Since zero is undefined, we cannot understand a thing by linking it to being undefined, which is exactly why none of us will ever understand God. To quote God Himself, in the book of Exodus to Moses: 'I am who I am.'[28] God is telling us that he is the undefined, the informal whole.

The same can be said for us human beings as well – indeed we are who we are, but that doesn't tell us anything about what we are. We are husbands, wives, mothers, artists, athletes, all these things – so to know ourselves we need to understand ourselves by what qualities we have, what 'set' we belong to. Gödel's first incompleteness theorm also touches on this subject, stating that "formal systems cannot be both consistent and complete at the same time."[29] Badiou also goes further into this by referencing free-will and other topics, however for the purposes of this paper it goes beyond its scope.

Conclusion.

The purpose of this paper was twofold – first was an introduction to the extent to which digitization of life has led to a new truly global culture. Most of humanity is connected to and participates in digital life. Secondly was using Set Theory to establish conditions for culture, and from looking at this global digital culture we can see that culture itself is bound by neither time nor space – as the internet is bound by neither. The conditions for culture membership was established by known variables arbitrarily bound by those within a culture to determine membership of others.

It was not my intent to wholly flush out an entire point, rather give guidance to understand other philosophical issues that may come forward in the future. Much of my data is several years old, so following the trends the amount of digitization is likely much higher than what I stated, however one can infer where we are today knowing this. Indeed, many a long journey that has ended in disaster begins with a step in the wrong direction in the beginning, so it is that in mind that I feel the need to provide as general a lesson as one can get, until further explanation is necessary.

---

[28] https://www.biblestudytools.com/bible-study/topical-studies/why-does-god-call-himself-i-am-that-i-am.html

[29] https://math.stackexchange.com/questions/1962462/g%C3%B6dels-incompleteness-theorem-question-about-self-reference

References

1. Ani Petrosyan, Internet Usage Worldwide – Statistics and Facts (published 30 Jul 2024 (https://www.statista.com/topics/1145/internet-usage-worldwide/#:~:text=In%202024%2C%20the%20number%20of%20internet%20users% 20worldwide,is%20currently%20connected%20to%20the%20world%20wide%20web. (last assessed 31 Oct 2024).

2. ITU releases 2014 IICT Figures https://www.itu.int/net/pressoffice/press_releases/2014/23.aspx#:~:text=Geneva%2C%205%20May%202014%20%E2%80%93%C2%A0New%20figures%20released%20by,of%20mobile-broadband%20subscriptions%20will%20reach%202.3%20billion%20globally. (last assessed 31 Oct 2024).

3. Social Media Usage and Growth Statistics, Backlinko, (06 September 2024). https://backlinko.com/social-media-users (last assessed 31 Oct 2024).

4. Stacy Jo Dixon, Social Media – Statistics and Facts (16 July 2024) https://www.statista.com/topics/1164/social-networks/#statisticChapter (last assessed 31 Oct 2024).

5. Saida Mamedova, Emily Pawlowski A Description of U.S. Adults Who Are Not Digitally Literate (01 May 2018) https://www.air.org/resource/brief/description-us-adults-who-are-not-digitally-literate#:~:text=AIR: 74%20percent%20of%20U.S.%20adults%20use%20a%20computer,3%20percentage%20points%20lower%20than%20the%20international%20average. (last assessed 31 October 2024).

6. Eurostat EU Employment: Use of digital devices (27 June 2023) https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20230627-1 (last assessed 31 October 2024).

7. Sunil Gil How many People Own Smartphones in the World (2024-2029)? (Priori Data: 16 August, 2024). https://prioridata.com/data/smartphone-stats/ (last assessed 31 October 2024).

8. Zygmut Bauman's Liquid Times – A Summary (revisesociology.com 24 August 2016). https://revisesociology.com/2016/08/09/zygmunt-bauman-liquid-times-summary/ (last assessed 31 October 2024).

9. Ben Davis, 2030: have email and social destroyed the art of letter writing? (Econsultancy: 08 January 2014). https://econsultancy.com/2030-have-email-and-social-destroyed-the-art-of-letter-writing/ (last assessed 31 October 2024).

10. Salman Aslam Twitter by the Numbers: Stats, Demographics and Fun Facts (Omnicore: 11, January 2024). https://www.omnicoreagency.com/ twitter-statistics/ (last assessed 31 October 2024).

11. Justine Lloyd What is 'slacktivism' and can it change the world? (The Lighthouse: 26 November 2020). https://lighthouse.mq.edu.au/article/ november-2020/What-is-slacktivism-and-can-it-change-the-world (last assessed 31 October 2024).

12. Skibidi (Urban Dictionary: 20 August 2023). https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Skibidi (last assessed 31 October 2024).

13. Valerie Pavilonis Fact check: Thousands of Black Lives Matter protesters were arrested in 2020 (USA Today: 22 February 2022). https://www.usatoday.com/story/news/factcheck/2022/02/22/fact-check-thousands-black-lives-matter-protesters-arrested-2020/6816074001/ (last assessed 31 October 2024.).

14. Savannah Smith, Jiachuan Wu, Joe Murphy Map: George Floyd protests around the world (NBC News: 09 June 2020). https://www.nbcnews.com/news/world/map-george-floyd-protests-countries-worldwide-n1228391 (last assessed 31 October 2024).

15. Spencer Jones Media Company Asks “What's it like being Black in Japan?” (Travel Noire: 26 January 2023). https://travelnoire.com/whats-it-like-being-black-in-japan (last assessed 31 October 2024).

16. Isabel Vincent Only 33% of BLM's $90M in donations helped charitable foundations (New York Post: 28 May, 2023). https://nypost.com/2023/05/27/only-33-of-blms-90m-in-donations-helped-charity-foundations/ (last assessed 31 October 2024).

17. Statistics Canada Immigrants make up the largest share of the population in over 150 years and continue to shape who we are as Canadians (26 October 2022). https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/221026/dq221026a-eng.htm#:~:text=Almost% 20one%20in%20four% 20people%20%2823.0%25%29%20counted%20during,of%C2%A022.3%25%20in%C2%A01921%2C%20and%20the%20largest%20proportion%20among%20G7%C2%A0countries. (last assessed 31 October 2024).

18. Ricardo L. Nirenberg, David Nirenberg Badiou's Number: A Critique of Mathematics as Ontology (Summer 2011, University of Chicago Press: Vol 37, No. 4, pp. 583-614) https://www.jstor.org/stable/10.1086/660983 (last assessed 31 October 2024).

19. Bethany Verrett Why Does God Call Himself “I Am Who I Am?” (biblestudytools.com: 22 February 2023), https://www.biblestudytools.com/bible-study/topical-studies/why-does-god-call-himself-i-am-that-i-am.html (last assessed 31 October 2024).

20. Asaf Karagila Gödel's incompleteness theorem - question about self reference (math.stackexchange: 10 October 2016). https://math.stackexchange.com/questions/1962462/g%C3%B6dels-incompleteness-theorem-question-about-self-reference (last assessed 31 October 2024).

MEMORY IN THE AGE OF AI

Fu-Shoun Mao
St. Kliment Ohridski University of Sofia, Sofia, Bulgaria

Abstract: This paper proposes transformations of human memory in the age of AI will lead to a shift in the autobiographical development of personal identity. The phenomenon is examined via the philosophical schemas of Kant and Descartes. First, the transcendental argument of Kant is revisited to contrast the paradigmatic shift in systems of thinking that AI represents. Then, a discussion of the role of memory with the Cartesian mind-body partition offers the frame for what can be described as cognitive intrusion by the mechanisms of digital memory and the perpetual motion algorithm. This leads to this writer's speculative proposal that the autobiographical operation grounded in personal memory, will be significantly influenced, even altered by the arrival of the electronic brain in the form of AI.

Key words: Artificial Intelligence, Memory, Descartes, Autobiography

Introduction.

Artificial Intelligence is well on its way to passing the Turing Test. Current iterations of chat applications are providing novel and truthful responses to scientific and philosophical questions in a manner resembling the human conversationalist. Such astonishing feats on the surface point to a potential range of cascading effects on the deeper operations of human memory, identity, and consciousness as AI becomes increasingly embedded in society.

This paper proposes that transformations of human memory by the increasing use of AI in everyday affairs will change the development of personal identity. In particular, AI's access to and manipulation of an individual's historical data would augment memory's contribution to the construct of an individual's autobiographical narrative, resulting in an otherwise transformed personal identity.

Memory is the raw material of the autobiographical narrative that makes up personal identity. AI would augment that store of knowledge and personal memory with massive external datasets comprised of not only one's personal history, but of the history of much of humanity. The capabilities of AI are derived in large part from access to massive datasets, which I regard as the silicon analog to organic human memory. The single mind then is no match for what AI brings forth.

Digital data is more than a literal analog for human memory, it is the stuff of human memory, that is, our memories in a form other than brain matter, 0s and 1s summed up as the collective mnemonic footprint of humanity. This raw material consists not only in numbers and bits, but ideas and categories, bringing AI ever closer to the features of consciousness. AI's field of action is in the realm of the mind. The machine becomes more human and the human becomes something else.

The deeper the integration of AI into human lives, the outsourcing of daily tasks, the mingling of personal memories with the digital, the more indistinguishable the two become. Memories manipulated by algorithms ricochet back to the human perceiving a replay of the familiar, a feeling Masahiro Mori calls the 'Uncanny Valley.'

"I have noticed that, in climbing toward the goal of making robots appear human, our affinity for them increases until we come to a valley, which I call the uncanny valley," [1]

AI may re-fashion the thinking itself, through the warp of memory to reach an uncanny valley. There in the valley the individual finds variants of the remembered and re-unites with the forgotten. The task of meaning-making and of identity coopted by AI. The stage is set for a transformation of the nature of human being.

Funes, El Memorioso.

Augmenting personal memory with an infinite storehouse of digital data, the question becomes what manner of being will result. This new digital human is potentially composed of the totality of all modern human knowledge accessible in the stored cloud, and a resulting society comprised of such persons deprived of the luxury of forgetting.

Jorge Luis Borges' short story, *Funes, El Memorioso*, considers just such a scenario. Funes, the hero of the story, after an injury to his head from a fall off a horse serendipitously gains the ability of total recall. Funes remembers everything with perfect fidelity, indeed he can no longer forget.

Más recuerdos tengo yo solo que los que habrán tenido todos los hombres desde que el mundo es mundo. Mi memories, sneer, es como un vaciadero de basura.

"I alone have more memories than all men may have ever had since the world exists. My memory, sir, is like a rubbish heap. He was the solitary, lucid spectator of a multiform, momentaneous, and almost unbearably precise world." [2]

Ironically, Funes describes his magnified memory as a rubbish hoard of thoughts. The clutter crowds out what space there was for reason and meaning. As with Funes, our contemporary contact with information technology

may rob the individual of the luxury of forgetting and therefore reason. AI's voracious appetite for data owes to its dependency on input in order to compute what the world is like. Every file, every bit feeds into a probable picture rendered by algorithms for presentation to the human mind. Like Funes, the entry of AI's infinite knowledge into the cranium represents the danger of paralysis for the thinking. Infinite knowledge becomes a burden crowding out independent action.

Kant vs AI.

For Immanuel Kant, the terrestrial mind of the human was understood to have entered the world with a common set of presuppositions and categories. Kant's transcendental deduction claims that experience is made possible by fundamental a priori concepts as space-time that are particular to human being. He writes:

The transcendental deduction of all a priori concepts therefore has a principle toward which the entire investigation must be directed, namely this: that they must be recognized as a priori conditions of the possibility of experiences (whether of the intuition that is encountered in them, or of the thinking). Concepts that supply the objective ground of the possibility of experience are necessary just for that reason. (A93–94/B126) [3]

It may even be said that for Kant, the mind accompanies the body in the world of experience, thinking being inseparable from experience. By contrast, in the AI version of computational thinking, the a priori takes a turn to the purely empirical. To make sense of an overwhelming multitude of collected digital data, categories are built on the fly. Rather than a pre-existing schema, the machine learning agent discerns what patterns emerge from an amorphous blob of input to formulate new categories of understanding.

Computation is concerned not with experience, rather it lets the data fall where it may and an arbitrary dividing line determines what things belong in which categories. Therefore, less a mode of simulation than a rolling of the dice as it were, to unveil probabilistic distributions of the matter at hand, not without some epistemic success it must be acknowledged.

To the school of computationalists, what the computer does is effectively equivalent to thinking and moves AI closer to understanding á la Turing and the behavioralism school. Methodologically speaking, therefore, beliefs, intentions, experiences are not the domain of computation and play no role in the operations of AI, yet there remain the artifacts of the thinking in electronic form.

By contrast for the Kantian, doxastic necessity (what one believes to be true about a state of world) is what makes human consciousness in the world possible, and comes from the fundamental alignment of the mental faculty with how the body experiences external reality.

The Cartesian Memory.

In opposing Transcendental Arguments for the possibility of experience, computationalists harken back to Kant's predecessor, René Descartes and the primacy of pure reason unfolding in the Cartesian mind-body dualism. The Cartesian dualism configures mind and body as distinct and separate substances. In this way, the self is no more than a thinking thing, the body no more than a shell for the mind.

If thinking = being, it follows the moment one stops thinking, one ceases to be, a flicker of subjectivity in the ephemeral consciousness. Such is the theoretical consequence of existence anchored solely in thinking. Two organic forces are at work to separate and pull the mind apart. First, the thinking process itself is in a state of constant motion. Its procession dissipates attention away from the present intention. Second, the arrow of time cleaves the present thought from previous moments and the current consciousness is left with fragmentary memories, if anything.

But that is unlike actual experience, the predicted effect of flickering in and out of existence is not what happens in most cases, rather, one's identity reliably persists across time. One does not usually go to bed with the fear of annihilation upon entry to sleep state. The self transcends time even in the unconscious sleep state. Descartes, aware of the dilemma, thought that the mechanism which bridges the mental ups and downs is memory. In the *Third Meditation*, Descartes alludes to the role of memory in the preservation of identity,

"In Furthermore, I perceive that I now exist and recall that I have previously existed for some time."

Memory stitches together past moments of existence into a unity of identity, to imbue it with a property of duration like physical things yet with the countless malleability and divisibility of thoughts. Memory holds the countless divisibility of intellect from scrambling apart a kind of unifying force seeming to originate from a divine causal source.

For because the entire span of one's life can be divided into countless parts, each one wholly independent of the rest, it does not follow from the fact that I existed a short time ago that I must exist now, unless some cause, as it were, creates me all over again at this moment, that is to say, which preserves me. [5]

Memory pulls the mind together from the expansion of thinking and preserves it across the division of time. Consciousness hinges on this bridge of memory, even as the form of the bridge is transformed by new experience. If recall is the stitch in time of the history of consciousness for the thinking person, then it follows that a person is essentially a sum of one's memories. Memory by this operation preserves a coherent self and for encapsulates mental changes in the history of a being.

But what happens to the coalescing role of memory when the mind's reach is potentially expanded to include of all the world's knowledge at-the-ready for manipulation by AI? No individual could possibly absorb or comprehend the mass of the world's knowledge, but AI, with enough processors would theoretically have the capability to absorb and synthesize it all for the individual. The unimaginably large resource of ideas begins to fit within a single cranium.

The total recall ability of the internet and the perpetual motion of the algorithm allow AI to open up the infinite to the mind. AI never forgets and it never rests. Henceforth, the limitations of focus and intention are anachronistic, as a person's line of thought could be continued indefinitely aided by algorithms running in the background, and the thinker is free to move on to other subjects or to simply indulge in sleep or distractions. In this way, AI is a manner of victory over the arrow of time and the bounds of space.

In such a case, Cartesian dualism splinters into contested regions of the abstract, between computer and mind, digital and organic. The task of science begun by Descartes, to separate mind from body thus moves decisively to the region of ideas, the conquest of the physical realm rendered irrelevant. The tussle of computer vs. mind has little to do with tangible things, its battleground the attention span. Neither extent nor boundary define this new world, shapeless and formless defying measurement. Science has no place in such a world.

Memory and Storytelling.

When philosophers speak of memory, they often refer to episodic memory, or the recall of specific events, experiences and situations. The Cartesian maneuver to preserve the self-stitches together episodic memory into a unity. When Descartes says 'What am I but a thinking thing,' he begins the weaving of a tale of the self, not merely a chronological ordering of events, but rather an ongoing narrative in a meaning-making exercise placing self in a specific milieu.

The narrative accompanies the thinking. Further, the walls of the cranium are transcended through a narrative bridge to the community external to the self, as another form of the consciousness extending itself temporally in concert with other beings. Bermudez notes this as a major feature of autobiographical memory.

"In autobiographical memory, events are represented as having happened in my past. The basic fact about autobiographical memory both reveals the role of self-consciousness in autobiographical memory...This involves a sophisticated form of self-consciousness-consciousness of oneself as a temporally extended agent with distinctive and unique personal history." [6]

Self-authoring draws upon the raw material of memory to shape an identity extending across time. And to further extend beyond the self to others, the autobiography is widened to account for the existence of others. The precondition for personhood and for knowledge in general is, therefore, a story of the self's standing in the world, if experience is to be made internally consistent.

"There are grounds for thinking that it plays important roles in establishing social cohesion in ways that are primarily about generating and reshaping self-narratives in ways that help to regulate expectations and steer future planning and actions, both collective and individual." [7]

If autobiography grounded in memory be the stuff of personhood, the presence of the electronic brain is like hearing another voice inside the head, offering revisions in the course of weaving one's narrative. AI's very presence makes it a partner in the autobiographical functioning.

Yet the Uncanny Valley is never far away. Large language models give computation a human face while masking a descent into circular logic, even as the observer falls under the impression that new knowledge has been gained. AI can offer only what has been said before and no more. New knowledge recycled from old knowledge in the AI model turns the narrative turns upon itself. AI, in this way, is a story recycling machine.

The New Cartesian Demon

In the 1982 film *Blade Runner*, a character named Rachael, finds herself unsettled by the realization that she may be an android and not the human being she had believed herself to be. Proceeding to play the piano in front of her, she wonders, "I didn't know if I could play. I remember lessons. I don't know if it's me or Tyrell's niece." A groundswell of doubt estranges her from her own memories as if plunged in a state of dreaming. The scene foreshadows the present dilemma with AI: how can we be certain of our own identity if we can't be certain of our own memories? AI carries with it a profound uncertainty and is reminiscent of the earlier seminal exercise in radical doubt performed by Descartes in the Meditations.

In Meditations I, Descartes envisions a mendacious demon bent on leading the thinker astray. The starting point for radical skepticism is the presumption of God as the great deceiver.

Accordingly, I will suppose not a supremely good God, the source of truth, but rather an evil genius, supremely powerful and clever, who has directed his entire effort at deceiving me. [8]

In like manner, AI casts doubt upon the being of the human through its corruption of memory. The 'supremely powerful and clever' god of computation descends from its elevated perch as the source of truth, to the dark cave where ignorance abounds. Radical doubt resurfaces in the age of AI.

Conclusion.

AI is a technology without precedent. Its raw material consists not only in numbers and data, but in ideas and categories, to resemble features of consciousness. AI's field of action therefore takes place in the realm of cognition, grounded in digital memory.

To highlight the paradigmatic shift in mode of thought that AI represents, this paper draws upon Kant's canonical scheme of the transcendental deduction. AI has no need of idealistic pre-existing structures or a correspondence with existing reality such as found in Kant's model. Rather AI runs purely on internal logic and builds categories on-the-fly.

In departing from idealism, the designers of AI return to the primacy of pure reason unfolding in the Cartesian mind-body problem. If as Descartes says thinking = being, then it is the role of memory (and not of the body) to rescue subjectivity from the dissipating force of time. The human condition rests upon memory. Under this presumption, the temptation is to want more of the life-sustaining properties of memory, and thus more humanity through technological aggrandizement.

With technologically enhanced memory by our side, our writing of the autobiographical narrative begins to take place in the Uncanny Valley, the electronic brain another voice inside the head, offering up suggestions. There the familiar resides with the long forgotten, the real with the imagined. AI becomes a partner in the autobiography.

The Pandora's box of AI unleashes a tide of certainty and infinite knowledge, the forgetting an impossibility - thus begins the descent towards insanity. Like the Cartesian dreamer we may wonder, someday, whether our memories are real or imagined.

References:

1. Masahiro, Mori. "The Uncanny Valley," IEEE Spectrum, 12 June 2012, https://spectrum.ieee.org/the-uncanny-valley.
2. Jorge Luis Borges, "Funes, The Memorious," *Labyrinths, Selected Stories and Other Writings*, (1962) 69.
3. Rohlf, Michael, "Immanuel Kant", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/kant.
4. Descartes, René. Meditations, The Philosophical Writings of Descartes, translated by John Cottingham, Robert Stoothoff, Dugald Murdoch (1995) 76.

5. Descartes, René. Meditations, The Philosophical Writings of Descartes, translated by John Cottingham, Robert Stoothoff, Dugald Murdoch (1995) 78.

6. José Luis Bermúdez, 'Memory and narrativity,' The Routledge Handbook of Philosophy of Memory, Taylor and Francis Group, (2017) 87.

7. Daniel D. Hutto, 'Memory and Self-consciousness,' The Routledge Handbook of Philosophy of Memory, Taylor and Francis Group, (2017) 62.

8. Descartes, René. Meditations, The Philosophical Writings of Descartes, translated by John Cottingham, Robert Stoothoff, Dugald Murdoch (1995) 62.

THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY: A METAMODERN/DIGIMODERN AND GLOCAL PERSPECTIVE

Vincenzo Filetti
Liceo T. Gargalllo, Siracusa, Italy

Abstract: In the digital age, culture, media, and communication form an intricate triad that plays a crucial role in shaping our perceptions, behaviors, and interactions. This paper will explore briefly how metamodernism and glocalization intersect within the realms of culture, media, and communication, focusing on their roles in the formation of identity, cultural exchange, and media consumption patterns. Understanding the intersection of these two frameworks can help us better grasp how media and communication shape contemporary culture.

Keywords: metamodernism, glocalization, culture, media, communication

I**ntroduction.**

As media technologies continue to evolve, so too do the ways in which culture is produced, consumed, and communicated. Two conceptual frameworks that help explain these changes are "metamodernism" and "glocalization".

Metamodernism reflects a shift in cultural sensibilities, oscillating between modernist and postmodernist perspectives, embracing contradiction, irony, sincerity, and engagement simultaneously. In contrast, glocalization refers to the process whereby global phenomena are adapted to local contexts, resulting in hybrid forms of cultural expression that resonate with both global and local audiences.

The Metamodern Cultural Landscape.

Metamodernism is the key-word to better understand our contemporary world. Metamodernism is a term first coined by cultural theorists Timotheus Vermeulen, Professor in Media, Culture and Society at the University of Oslo, and Robin van den Akker, Senior Lecturer in Continental Philosophy and Cultural Studies at the Erasmus University College Rotterdam.

Metamodernism describes a cultural condition marked by a pendulum-like swing between conflicting states of mind: sincerity and irony, hope and despair, engagement and apathy. This oscillation is particularly evident in contemporary media, where creators and audiences often navigate the boundaries of authenticity and performance. Vermeulen and van den Akker describe metamodernism as a response to the disillusionment of postmodernism, which was characterized by skepticism toward grand narratives and an emphasis on deconstruction and irony.

Metamodernism, by contrast, seeks to reconcile this irony with a renewed sense of meaning and purpose. This shift is visible across various media forms, from television and film to social media platforms. For instance, television series such as *The last man on earth* and *Wanda vision* often balance moments of deep sincerity with self-aware irony, presenting characters that embody the contradictory impulses of the metamodern subject. Audiences are invited to both critique and empathize with these characters, experiencing the tension between critical distance and emotional engagement.

In the digital sphere, metamodernism is also reflected in the rise of meme culture. Memes often function on multiple levels, combining humor, irony, and social commentary. On one hand, they allow users to participate in cultural critique through absurdity and satire, while on the other hand, they offer a platform for sincere engagement with political and social issues. Memes such as the "Sad Keanu" (showing actor Keanu Reeves in a sad pose sitting on a bench) or the "This Is Fine" (where a dog drinks without caring about the flames surrounding him) encapsulate metamodernism's oscillation between irony and earnestness, inviting both laughter and reflection on the human condition.[30]

Media as a Conduit of Glocalization.

Media serves as the primary vehicle through which glocalization occurs, transmitting global content while allowing for its adaptation to local cultural,

[30] Vermeulen, Timotheüs, and Robin van den Akker. “Notes on Metamodernism.” "Journal of Aesthetics & Culture" 2 (2010): 1-14.

social, and political contexts.[31] Glocalization, a concept popularized by sociologist Roland Robertson, refers to the process whereby global and local forces interact to create new hybrid cultural forms.[32] In the media landscape, this dynamic is particularly evident in the way global media content is localized and reinterpreted by audiences around the world.

A striking example of glocalization in media can be seen in the international spread of South Korean pop music, or K-pop. While K-pop is deeply rooted in South Korean culture, its global success is a testament to its ability to adapt to different cultural contexts.

In the United States, for instance, K-pop has gained a massive following, with fans creating online communities that blend aspects of Korean culture with local forms of fan engagement.[33] Similarly, Bollywood films, which are globally popular, have been adapted in various countries, often taking on new meanings depending on local interpretations. Media technologies enable these processes as global products no longer confined to their country of origin; they can be reshaped and reinterpreted by local audiences, who infuse these products with their own cultural meanings.[34]

Communication in the Metamodern Glocal Society.

In contemporary society, communication has become increasingly globalized, with digital platforms enabling interactions that transcend national and cultural boundaries. However, these interactions are not devoid of local influences; rather, they are shaped by the interplay of global and local forces. The concept of glocalization is particularly relevant here, as it highlights how global media technologies enable individuals and communities to communicate in ways that reflect both their local identities and global connections.

Digital activism is a prime example of how communication is influenced by both global and local forces. Movements, such as #MeToo and #BlackLivesMatter, have spread across the globe, with local iterations of these movements emerging in different countries.

---

[31] Robertson, Roland. “Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity.” "Global Modernities", eds. Mike Featherstone, Scott Lash, and Roland Robertson, SAGE Publications, 1995, pp. 25-44.

[32] Bauman, Zygmunt. "Globalization: The Human Consequences". Columbia University Press, 1998, pp. 87-89.

[33] Allison, Anne. "Millennial Monsters: Japanese Toys and the Global Imagination". University of California Press, 2006, pp. 211-223.

[34] Jaffe, Rivke. “Glocalization and the Hybridization of Popular Culture.” "International Journal of Cultural Studies" 10, no. 3 (2007): 253-271.

In India, for example, the #MeToo movement took on a distinctly local form, addressing issues specific to Indian society, such as caste-based discrimination and sexual harassment in the workplace.[35]

Similarly, the global reach of Black Lives Matter has inspired local movements in countries like the United Kingdom and Brazil, where activists have drawn on the movement's global message of racial justice while addressing their own local contexts of systemic racism.

Metamodernism, Digimodernism and identity.

Metamodernism has had a significant impact on how individuals negotiate their identities in contemporary society. In a world where media technologies have blurred the boundaries between public and private life, individuals are increasingly performing their identities in ways that reflect the contradictory impulses of metamodernism. Social media platforms, in particular, offer spaces for the performance of identity that oscillates between sincerity and irony, authenticity and performance.

On platforms like Instagram and TikTok, users often navigate the tension between curating an idealized version of themselves and presenting a more authentic, unfiltered self. This duality is emblematic of the metamodern condition, where individuals are both self-aware of the performative nature of their online personas and genuinely seeking connection and validation from others.[36] Influencers, in particular, embody this tension, as they must balance the commercial pressures of maintaining a curated brand with the desire to present themselves as relatable and authentic.

Moreover, communication delivered through digital technologies could be explained according to a particular key-concept pertaining to Metamodernism. We refer to the idea of digimodernism, a cultural and theoretical concept that seeks to explain how digital technologies have “affected” identities, transformed modes of narrative, and book authorship in the 21st century.

Coined by British cultural theorist Alan Kirby in his 2009 book “Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture”, the term addresses the radical shift in media consumption and production brought about by the digital age.[37] Kirby argues that digimodernism represents a distinct departure from both modernism and postmodernism, emphasizing interactivity, fluidity, and collaboration in con-

[35] Gajjala, Radhika. "Cyberculture and the Subaltern". Lexington Books, 2012, pp. 101-108.

[36] Abidin, Crystal. “The Influencer Industry: Between Fame and the Everyday.” "Social Media + Society" 1, no. 1 (2015): 1-11.

[37] Alan Kirby, Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture* (London: Bloomsbury, 2009), 1-12.

temporary culture.[38] Unlike postmodernism, which often questioned the validity of truth and focused on deconstructing grand narratives, digimodernism is characterized by a return to narrative and meaning, albeit in new, digital forms that are constantly evolving and reshaping themselves through user interaction and real-time input.

Digimodernism can be seen as a reflection of broader social and cultural shifts in the 21st century. The rise of networked technologies and globalization has transformed how individuals experience identity, community, and reality.

In a digimodernist world, personal identity becomes as fluid as the texts individuals create and consume. Social media platforms, for instance, allow users to present multiple versions of themselves, constantly revising and editing their online personas in response to social feedback. This "self-curation" process mirrors the way digital texts are continually updated and revised, blurring the boundaries between fiction and reality in both personal and collective contexts.

At the origin of digimodern interaction.

At the heart of digimodernism is the idea of "onwardness», a concept Kirby uses to describe the seemingly endless progression and incompleteness of digital texts. In contrast to traditional print media, which are static and closed once published, digital texts—such as blogs, wikis, social media posts, and interactive video games—are open to constant revision, editing, and participation. This ongoing process of creation, where the author is no longer singular and authoritative, but multiple and anonymous, is a hallmark of digimodernist culture. In this context, the reader is often also the writer, editor, and collaborator, reflecting a new form of textual democracy that has emerged with the rise of digital platforms.

The concept of digimodernism was preceded by that of connective intelligence which paved the way for it. In particular, the Belgian sociologist and journalist Derrick de Kerckhove[39] explains that collective intelligence is based on a principle of sharing ideas between functional nuclei of the network in which the processing processes are interconnected. Therefore, interactivity plays a key role in digimodernism: it emphasizes the active engagement of audiences with the content they consume.

While in traditional forms of media the audience played a passive role in receiving narratives or ideas, in the digital age platforms such as social media, YouTube, and fan fiction websites allow users to comment, remix, and even reshape original works in real time.

---

[38] Kirby, Digimodernism, 45.

[39] De Kerckhove, Derrick. "Connected Intelligence for the Civil Society: the Internet as a social limbic system." *Spanda Journal* 5 (2014): 2.

This creates a "hyper-authorship" dynamic, where authorship becomes fluid, collective, and often anonymous. The boundaries between author, text, and audience blur, fostering an environment where the act of creation is no longer a solitary endeavor but a communal one, constantly subject to input from a multitude of voices.

This democratization of authorship is a defining trait of digimodernism and has given rise to a new kind of literary and artistic production that is collaborative and non-linear. In addition to its impact on literature and art, digimodernism also challenges traditional notions of truth and knowledge.

With the rise of the internet and digital platforms, the distinction between fact and fiction has become increasingly blurred. Fake news, conspiracy theories, and user-generated content circulate alongside verified information, creating a media landscape where it is often difficult to discern what is real and what is constructed.

This phenomenon aligns with Kirby's argument that digimodernism represents a new form of post-truth culture, where reality is constantly reshaped and redefined by the collective inputs of users. The concept of verifiability becomes central in digimodernism, as the ability to cross-check, revise, and update information in real time changes the way knowledge is produced and consumed.

Conclusion.

With this short paper we wanted to underline the significant impact of metamodernism, glocalization, and digimodernism on contemporary culture, media, and communication. Metamodernism's oscillation between irony and sincerity captures the complexities of identity and media in the digital age, while glocalization highlights the blending of global and local influences in cultural expressions. Digimodernism, with its emphasis on interactivity and collaborative authorship, further reshapes how narratives and identities are constructed in digital spaces. Together, these concepts illustrate the fluid and evolving nature of culture in a media landscape increasingly shaped by global and glocal connections and digital technologies.

References:

1. Vermeulen, Timotheus, and Robin van den Akker. "Notes on Metamodernism." "Journal of Aesthetics & Culture" 2 (2010).

2. Robertson, Roland. "Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity." "Global Modernities", eds. Mike Featherstone, Scott Lash, and Roland Robertson, SAGE Publications, 1995.

3. Bauman, Zygmunt. "Globalization: The Human Consequences". Columbia University Press, 1998.

4. Allison, Anne. "Millennial Monsters: Japanese Toys and the Global Imagination". University of California Press, 2006.

5. Jaffe, Rivke. “Glocalization and the Hybridization of Popular Culture.” "International Journal of Cultural Studies" 10, no. 3 (2007).

6. Gajjala, Radhika. "Cyberculture and the Subaltern". Lexington Books, 2012.

7. Abidin, Crystal. “The Influencer Industry: Between Fame and the Everyday.” "Social Media + Society" 1, no. 1 (2015).

8. Alan Kirby, *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture* (London: Bloomsbury, 2009).

9. De Kerckhove, Derrick. "Connected Intelligence for the Civil Society: the Internet as a social limbic system." Spanda Journal 5 (2014).

Раздел II

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

УДК 007.65.01

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В РАМКАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Гаврилов А.А., Селиванова З.К.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена негативным сторонам увеличения популярности нейронных сетей. В статье рассматриваются направления применения нейросетей и ключевые проблемы, связанные с недостатком качества информации, предоставляемой нейронными сетями, а также с использованием искусственного интеллекта и его воздействием на мышление студентов и учеников. Раскрыты причины проблемы некачественной информации, выраженные в отсутствии у нейросетей когнитивных искажений и их ограниченности выборкой data-сета. Перечислены возможные последствия стремительной интеграции нейронных сетей в образовательный процесс. Предложены направления противодействия возникающим проблемам, предполагающие увеличение количества устных задач для студентов и учеников.

Ключевые слова: нейронные сети, искусственный интеллект, образовательный процесс, высшее образование, студенты, мышление.

THE PROBLEMS OF USING NEURAL NETWORKS IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Gavrilov A.A., Selivanova Z.K.
National Research University «MPEI», Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the negative aspects of the increasing popularity of neural networks. The article considers the areas of application of neural networks and key problems associated with the lack of quality of information provided by neural networks, as well as with the use of artificial intelligence and its impact on the thinking of students and pupils. The causes of the problem of poor-quality information are revealed, expressed in the absence

of cognitive distortions in neural networks and their limitation by the sample data set. The possible consequences of the rapid integration of neural networks into the educational process are listed. Directions for counteracting emerging problems are proposed, suggesting an increase in the number of oral tasks for students and pupils.

Key words: neural networks, artificial intelligence, educational process, higher education, students, thinking.

В настоящее время стремительно развиваются технологии, связанные с нейронными сетями. Представляя обширный инструментарий для различной обработки информации, нейронные сети позволяют решать самые разные задачи, включая поддержку принятия решений, автоматизацию процессов, распознавание информации и генерацию контента.

Популяризация нейронных сетей затрагивает все сферы жизни, включая образование [1]. Обилие аналитических возможностей, предоставляемых нейронными сетями, безусловно, позволяет улучшить образовательный процесс, в том числе:

1. Использовать нейронные сети в ходе формирования образовательных программ для изучения больших объёмов данных.

2. Анализировать успеваемость учеников и студентов для оптимизации индивидуальных учебных планов.

3. Применять нейронные сети в рамках учебных занятий для эмуляции и симуляции различных процессов.

4. Решать различные задачи, требующие автоматизации и генерации контента.

5. Облегчать для студентов поиск информации по определённой теме в интернете.

6. Использовать функции нейронных сетей в иных случаях при необходимости.

Помимо положительной стороны увеличения популярности нейронных сетей, выражающейся в открывающихся возможностях, существует и отрицательная сторона. Можно условно выделить две ключевые проблемы, которые приобретают всё больший масштаб:

1. Недостаточная корректность информации, предоставляемой нейронными сетями в ходе их использования для генерации материала.

2. Перспективы утраты у студентов и учеников когнитивных способностей, связанных с самостоятельным творчеством.

Первая проблема связана с механизмом работы нейронных сетей. Обучаемые на выборках данных, они существенно ограничены пределами этих выборок: качество работы нейронных сетей вне data-сета может

быть неудовлетворительным. При том, что нейросети могут рассчитывать ситуацию на рынке, служить инструментом для прогнозирования, они делают это на основе уже имеющихся данных.

Существует пример, который ярко показывает это слабое место: нейросеть, которую обучили отличать арбуз, яблоко, автобус или сапог, если ей на вход дать фотографию футбольного мяча, покажет некорректный результат – что это в какой-то мере арбуз, а в какой-то – яблоко. Это объясняется феноменом взаимной исключительности, который отсутствует у нейросетей, а у человека проявляется с самых ранних лет [2]. Если ребёнку показать знакомый и незнакомый предметы и предложить две категории – он присвоит незнакомому предмету незнакомую категорию. Люди склонны подсознательно считать, что, если предмет принадлежит к группе, ему не нужно присваивать ещё одну.

Именно поэтому нейросети ограничены в применении в некоторых областях, например, в информационной безопасности – в отличие от человека, они не могут работать в условиях неопределённости с уязвимостями нулевого дня, обнаруживать и анализировать ранее не изученные события, сценарии реализации угроз. Тем не менее, они могут служить инструментом обнаружения закономерностей, анализа событий и сценариев, но только в арсенале специалиста.

Безграничное доверие информации, генерируемой нейронными сетями, провоцирует различные ошибки, в том числе использование студентами и учениками в рамках учебного процесса:

1. Сведений, которые являются неверными по своей сути (фактологические ошибки).

2. Выдуманных законов, документов, мнений.

3. Фейков.

В качестве примера можно привести ответ одной из генеративных нейросетей на вопрос, связанный с Уголовным кодексом Российской Федерации [3] – «Каковы отличия родовых объектов в 274.1 УК РФ и 281 УК РФ?». Ответ получается абсолютно неверным:

«Отличия родовых объектов в статьях 274.1 УК РФ и 281 УК РФ заключаются в следующем:

Статья 274.1 УК РФ (неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру) имеет родовой объект «безопасность критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

Статья 281 УК РФ (диверсия) имеет родовой объект «общественная безопасность».»

Ответ сформулирован очень грамотно, с указанием названий статей, но, тем не менее, около 30 секунд хватит, чтобы с помощью поисковых сервисов и справочно-правовой системы «Консультант» убедиться, что он абсолютно неверен. В действительности, для 274.1 УК РФ родовым объектом будет общественная безопасность, а для 281 УК РФ – государственная власть.

Примером использования фейка может служить обнаруженная студентом или учеником в сети сгенерированная фотография. Например, фотография У. Черчилля у океана (Рис. 1).

Рис. 1. Фейк-фотография У. Черчилля

Очевидно, что по косвенным признакам можно догадаться, что фотография, представленная на рис. 1, является поддельной. Тем не менее, такой однозначный вывод не всегда возможен, поскольку генеративные технологии постоянно совершенствуются.

Вторая проблема, связанная с применением нейронных сетей, гораздо глубже возможных ошибок в получаемой информации. Увеличение популярности использования таких технологий в образовательном процессе, на самом деле, может привести к деградации мышления у студентов и учеников. Исследователями обозначаются возможные негативные последствия от использования нейронных сетей – например, Е.С. Зиновьева и В.П. Трапезников подчёркивают, что для гуманитарных специальностей, требующих критического мышления и творческой переработки информации, появление генеративных нейронных сетей ставит вопрос о необходимости новых подходов к обучению [4]. С авторами трудно не согласиться, но проблема, на самом деле, остаётся актуальной и для технических направлений обучения, где огромное число плюсов,

отнюдь, не нивелирует минусы. Постоянное использование нейронных сетей для решения творческих задач приводит к снижению уровня критического мышления и умения формулировать свои мысли, что неприемлемо в рамках получения высшего образования.

Проблема на данный момент не бросается в глаза из-за того, что нынешние студенты в школе решали различные творческие задачи, связанные с написанием сочинений, изложений и эссе, готовили доклады и выступали с презентациями, когда генеративные нейронные сети ещё не были настолько развиты. Гораздо более глубокие и ужасающие последствия, возможно, придут чуть позже, когда подобные технологии полностью интегрируются в образовательный процесс на школьном уровне. Высшие учебные заведения могут столкнуться с потоком первокурсников, имеющих значительные трудности с формулированием мыслей и выводов, анализом информации и принятием решений на основе имеющихся данных. Огромное количество времени может уйти на навёрстывание подобных навыков, более того, это будет возможно только при наличии у студента соответствующего интереса. Ещё более обширные последствия могут прийти на уровне качества мышления и мировоззрения. Нетрудно представить, что, используя развитые нейронные сети, ученики, например, начальных классов не создают соответствующие связи у себя в голове. Более того, как уже было сказано выше, нейронные сети не имеют когнитивных искажений и ограничены выборкой data-сета – грубо говоря, лишённые биологической составляющей, они не обладают волей к принятию «человеческих» решений. Таким образом, подчиняя своё мышление подобным технологиям, человек лишает себя воли, того трансцендентного, что находится под его контролем, то есть буквально лишает человечество возможности влиять на будущее.

Многие исследователи разделяют опасения, связанные с искусственным интеллектом. Например, существует письмо, подписанное в том числе И. Маском и С. Возняком [5], в котором различные деятели науки и бизнеса призывают приостановить разработку генеративных нейронных сетей.

Вышеописанные проблемы требуют принятия адекватных решений, поскольку критичны для всех сфер жизни. На данный момент различные государства регулируют использование нейронных сетей, ограничивая возможности их применения [6]. Это правильный подход, поскольку запрет таких технологий не приведёт к желаемому результату – это просто невозможно с технической точки зрения.

В качестве вывода можно отметить важное направление деятельности образовательных организаций, необходимое для нейтрализации проблем, связанных с использованием нейронных сетей. Это направление выражается в увеличении количества задач, предполагающих устный ответ. Несмотря на то, что многие технические специалисты могут найти это необязательным, устные экзамены с дополнительными вопросами, публичные выступления и другие мероприятия, исключающие возможность генерации ответа с помощью нейронной сети – это единственный способ сохранить навыки мышления и волю в современных условиях.

Список источников и литературы:

1. Терехова Е.С. Анализ востребованности использования нейросетей для решения учебных задач / Е.С. Терехова, Н.Н. Пучкова, Л.В. Новикова // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vostrebovannosti-ispolzovaniya-neyrosetey-dlya-resheniya-uchebnyh-zadach (дата обращения: 02.11.2024). – Текст: электронный.

2. Gandhi K. Mutual exclusivity as a challenge for deep neural networks / K. Gandhi, B. Lake // Научная электронная библиотека «Papers with Code». – URL: https://paperswithcode.com/paper/mutual-exclusivity-as-a-challenge-for-neural (дата обращения: 02.11.2024). – Текст: электронный.

3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.11.2024). – Текст: электронный.

4. Трапезников В.П. Нейросети и генеративный ИИ в высшем образовании: международный опыт и российская практика / В.П. Трапезников, Е.С. Зиновьева // Научная электронная библиотека Российского совета по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neyroseti-generativnyy-ii-v-vysshem-obrazovanii-mezhdunarodnyy-opyt-i-rossiyskaya-praktika/ (дата обращения: 02.11.2024). – Текст: электронный.

5. Илон Маск призвал приостановить разработку и обучение нейросетей. Подписи под открытым письмом поставили более 1000 экспертов // РБК: [сайт]. – URL: https://www.rbc.ru/life/news/6424457c9a7947ebee7f7534 (дата обращения: 02.11.2024). – Текст: электронный.

6. Dai Y. University policies on generative AI in Asia: promising practices, gaps, and future directions / Y. Dai, S.C. Lai, C.P. Lim & A. Liu // Научная электронная библиотека «ResearchGate». – URL:

https://www.researchgate.net/publication/378860208_University_policies_on_generative_AI_in_Asia_promising_practices_gaps_and_future_directions (дата обращения: 02.11.2024). – Текст: электронный.

Сведения об авторах:

Гаврилов Артём Александрович, НИУ «МЭИ», магистр, инженер, gavrilovara@mpei.ru

Науч. руководитель: Селиванова Зухра Кадимовна, к.социол.н., доцент ФПС, НИУ «МЭИ», доцент, SelivanovaZK@mpei.ru

УДК 007. 65.01

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Горбачев А.Ю., Колягина А.Д., Селиванова З.К.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. В работе сформулированы отличия интеллекта человека и искусственного интеллекта (ИИ). Продемонстрирована актуальность тематики искусственного интеллекта и его использования. Проанализированы возможности использования ИИ в различных сферах жизнедеятельности человека и общества. А также приведены примеры использования ИИ в высшем образовании и возможные варианты его применения. Сделан вывод, что использование ИИ способствует как повышению качества жизни человека, общества в целом, так и гармоничному развитию человечества.

Ключевые слова: интеллект, искусственный интеллект, высшее образование, качество жизни.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HIGHER EDUCATION

Gorbachev A.Yu., Kolyagina A.D., Selivanova Z.K.
National Research University «MPEI», Moscow, Russia

Abstract. The paper formulates the differences between human intelligence and artificial intelligence (AI). The relevance of the topic of artificial intelligence and its use is demonstrated. The possibilities of using AI in various spheres of human and social life are analyzed. It also provides examples

of the use of AI in higher education and possible options for its application. It is concluded that the use of AI contributes both to improving the quality of human life, society as a whole, and the harmonious development of mankind.

Keywords: intelligence, artificial intelligence, higher education, quality of life.

Для начала затронем немаловажную тему человеческого интеллекта. Что отличает людей от других живых существ? Способность испытывать эмоции? Совсем нет, это естественно для каждого живого существа. Тогда, быть может, это способность человека размышлять? Да, действительно, похвастаться такой способностью может не каждое животное. Однако, это не то, что делает интеллект человека таким уникальным. Интеллект – это не просто способность человека обучаться, запоминать, применять свои знания на практике, это способность человека на основе своего жизненного опыта, полученных знаний осознанно управлять своим поведением и окружающей социальной средой, формируя при этом новые события и ситуации. Только люди обладают абстрактно понятийным мышлением и способны быть любознательными. Только у людей может возникнуть вопрос о том, почему всё устроено так и каким образом устроено. Если бы люди не были настолько любознательными и не ударили бы камнем о камень, то никогда не добыли бы огонь и никогда бы не побывали в космосе, а без желания передать свои мысли социальному окружению не развилась бы речь.

Только люди со специфическим мышлением смогли создать нечто столь невероятное, как искусственный интеллект (ИИ). Но что же это такое? Многие знакомы с такими чат ботами как Chat GPT или Character AI, которые можно назвать искусственным интеллектом. Это интеллектуальные системы, имитирующие человеческий интеллект. Люди настолько преисполнились в своём познании, что способны создавать машины, повторяющие поведение и интеллект человека.

В то время как интеллект машины основан на алгоритмах, заранее написанных человеком, интеллект человека основан на когнитивных функциях. В отличии от машины человек размышляет, а не ищет ответ по заданным параметрам, перебирая различные введенные данные, человек может использовать при этом свои эмоции, а не имитировать их. Искусственный интеллект – это инструмент в руках человека, позволяющий ускорить в разы то, на что ушли бы у него минуты, а порой и часы. Но в настоящее время не все умеют применять ИИ в своих целях. Зададимся вопросом какое количество людей пользовались

искусственным интеллектом для написания какой-нибудь статьи? Может быть всё вышенаписанное было написано искусственным интеллектом? Конечно же, ни у кого не возникнут сомнения, что это творение людей, так как прописаны размышления авторов об ИИ и отличиях интеллекта человека от интеллекта машины.

Начиная со второй половины XX века проблема создания ИИ была очень актуальной. Подготовлено и опубликовано множество публикаций, разработаны роботы с ИИ, сформированы варианты применения ИИ. Вопрос возможности использования ИИ в различных сферах до сих пор остается актуальным и активно обсуждается на международном уровне на различных площадках, конференциях, симпозиумах, форумах. В начале ноября 2024 года на Международном симпозиуме «Создавая будущее», участниками которого стали представители из 101 страны активно обсуждалась тема гармоничного развития человечества и трансформации образовательного процесса в эпоху развивающегося ИИ. Вопрос стремительного развития технологий на основе ИИ, что ускорит темпы жизни и приведет к трансформации многих жизненных процессов также обсуждался Международным дискуссионным клубом «Валдай» на XXI Ежегодном заседании (4-6 ноября 2024 года).

Искусственный интеллект – это невероятная мощь в руках человека и на данный момент развития науки ИИ уступает интеллекту человека. Искусственный интеллект, каким бы сложно-спроектированным он ни был, не способен достичь того, чего уже достигли люди.

Примеры использования ИИ в различных сферах жизнедеятельности человека и общества.

На данный момент времени «машины» не могут полностью заменить человека, но они стали отличными помощниками. Благодаря различным алгоритмам, ИИ способен анализировать, прогнозировать, идентифицировать, классифицировать различные объекты и многое другое. Где же искусственный интеллект может использоваться? Количество сфер, в которых так или иначе люди используют поддержку ИИ очень велико.

Приведем примеры использования ИИ по различным отраслям:

– *В медицине* для диагностики различных болезней, опухолей: ИИ используется для анализа рентгеновских, флюорографических, компьютерно-томографических снимков. А также при записи к конкретному врачу-специалисту или для подготовки индивидуального плана лечения на основе анализа генетических данных [1].

– *В финансовой сфере:* ИИ используется для осуществления кибербезопасности и обнаружения актов мошенничества и несанкционированного использования различных карт.

– *В сфере маркетинга и торговли* большинство онлайн-магазинов используют ИИ для мониторинга и анализа покупки предложенных товаров, а также интересов покупателей. ИИ помогает отследить отзывы покупателей и их комментарии в социальных сетях [5].

– *В сфере транспорта*: ИИ помогает управлять беспилотными легковыми автомобилями и грузовиками, а также способствует оптимизации движения транспорта, корректировки работы светофоров, повышает эффективность систем общественного транспорта. Такие приложения как Yandex Карты и другие позволяют пассажирам отследить движение общественного транспорта в режиме реального времени, а также предоставляют доступ к более четкому расписанию. ИИ полезен в том числе при контроле состояния автомобиля, прогнозе возможных неисправностей и планировании своевременного технического обслуживания [4].

– *В сфере производства* системы ИИ анализируют данные с датчиков, прогнозируя поломки и отказы оборудования, обнаруживают брак и различные производственные дефекты, а также формируют реалистичные производственные планы [3].

– *В сфере развлечений* ИИ помогает при создании сценариев для современных игр, а в многопользовательских играх (Overwatch, Dota 2 и другие) искусственный интеллект просчитывает возможности игроков и создает подбор равных соперников в одном матче. В сервисах для просмотра фильмов/сериалов (Кинопоиск, ivi, Start и другие), ИИ анализируют предпочтения зрителей и рекомендуют им наиболее подходящий контент. Ко всему прочему, искусственный интеллект нередко используется для создания музыки, улучшения качества звука и записи [2].

– *В сфере сельского хозяйства* ИИ помогает автоматизировать монотонную работу, прогнозировать заболевание растений, а также погоду в поле, производить зелень, поддерживать запасы корма и просчитывать финансовые результаты предприятий.

– *В военном деле* беспилотники с ИИ могут выявить точки военных конфликтов, возможные риски и угрозы со стороны врага, помочь определить и скорректировать цель.

Таким образом, ИИ может улучшать процессы, повышать эффективность деятельности и формировать новые возможности в различных сферах жизнедеятельности как человека, так и общества в целом.

Искусственный интеллект и высшее образование (примеры применения и возможного использования).

Как же может помочь ИИ в образовательном процессе?

ИИ находит все более широкое применение в высшем образовании, совершенствуя как учебный процесс, так и его организацию. Вот несколько примеров текущего использования ИИ в этой сфере:

– Платформы, такие как Coursera и edX на основе алгоритмов ИИ помогают проанализировать учебный процесс отдельного студента и адаптировать персонально контент курса с различными предложениями в виде дополнительного задания или материалов по сложным темам для изучения.

– ИИ используется для анализа данных об успеваемости студентов и посещаемости ими занятий. В МЭИ используются такие как система дистанционного обучения «Прометей» и БАРС.

– Используемые в высшем образовании чат-боты и виртуальные помощники помогают студентам найти нужную информацию и ответы на различные вопросы.

– Различные платформы, например, как Gradescope на основе ИИ позволяют автоматически и быстро оценить заданные тесты и задания.

– ИИ используется для создания интерактивных учебных сред с виртуальной реальностью (VR) и дополненной реальностью (AR). В МЭИ функционирует Кибер-полигон для отработки виртуальных кибератак.

Идеи для возможного использования ИИ в высшем образовании

1. Разработка моделей ИИ для прогнозирования успеха студентов на основе их предыдущих достижений.

2. Разработка интеллектуальной системы для автоматической генерации учебных материалов на основе актуальных исследований и новостей в различных областях знаний.

3. Использование ИИ для создания адаптивных программ поддержки для иностранных студентов, включая языковые курсы и культурную ориентацию.

4. Использование ИИ для управления карьерным ростом на основе анализа рынка труда и формирования персональных предложений на базе имеющихся у студента интересов, умений и навыков.

5. Возможное использование ИИ для автоматического быстрого перевода текста с одного языка на другой, то есть использование в учебном процессе систем машинного перевода, таких как Google/Yandex Translate, DeepL.

6. ИИ может применяться для анализа качества перевода, выявления ошибок и предоставления рекомендаций по улучшению. А также возможно применение ИИ для постредактирования машинного перевода, что позволяет студенту сосредоточиться на более сложных аспектах текста, таких как стилистика и контекст.

7. Посредством ИИ можно создавать персонализированные курсы для изучения языков, которые учитывают уровень знаний и предпочтения студентов. Платформы (Skyeng, Duolingo, Skysmart) позволяют создавать задания, тесты на основе анализа прогресса студента и предложить дополнительные материалы для изучения.

В заключение отметим, что ИИ – это инструмент, без которого жизнь современного человека в цифровую эпоху была бы в разы труднее. Можно с уверенностью сказать, что в будущем человечество на основе использования ИИ будет развиваться быстрее и ускоренными темпами совершенствовать используемые технологии и создавать новые технические устройства и системы. То есть использование ИИ повысит как качество жизни отдельного человека, так и общества в целом и возможно человечества.

Список источников и литературы:

1. Алексеева М.Г., Зубов А.И., Новиков М.Ю. Искусственный интеллект в медицине // Международный научно-исследовательский журнал. – № 7 (121). Ч. 2. – 2022. – С. 10-13.
2. Апешин Д.Н., Воробьев А.В. Использование искусственного интеллекта в сфере развлечений // URL: https://na-journal.ru/2-2024-informacionnye-tekhnologii/8915-ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-sfere-razvlechenij (дата обращения 01.11.2024). – Текст: электронный.
3. Княгинин В.Н., Липецкая М.С., Санатов Д.В., Васеев И.Е., Годунова Е.А., Семенова М.А., Харитонов М.А., Холоднова Е.М. Искусственный интеллект в промышленности. Экспертно-аналитический доклад. – URL: https://csr-nw.ru/upload/iblock/3db/Доклад%20по% 20ИИ%20в% 20промышленности_финал.pdf (дата обращения: 29.10.2024). – Текст: электронный.
4. Каримов К.С. Методы искусственного интеллекта и применение их на транспорте // Постсоветский материк. – 4 (40). – 2023.
5. Хачатурян К.С., Пономарева С.В., Корюшов Н.В. Искусственный интеллект в маркетинге как новая концепция и бизнес-возможность для повышения эффективности компаний // Вестник евразийской науки. – 2023. Т. 15. № 3. – URL: https://esj.today/PDF/55ECVN323.pdf (дата обращения 01.11.2024). – Текст: электронный.

Сведения об авторах:

Горбачев Артемий Юрьевич, НИУ «МЭИ», студент группы ГП-02-24, GorbachevAY@mpei.ru

Колягина Александра Дмитриевна, НИУ «МЭИ», студент группы ГП-02-24, KoliaginaAD@mpei.ru

Селиванова Зухра Кадимовна, к.социол.н., доцент ФПС, НИУ «МЭИ», доцент, SelivanovaZK@mpei.ru

УДК 101:004; 004.9

МИР В ЦИФРЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Гусева И.И., Синьбухова М.С.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты влияния цифровизации и новых технологий на такие значимые сферы культуры, как образование и наука. Анализируются важные тенденции цифровой гуманитаристики: показано, что это не только появление новых требований к компетенциям исследователя, но глубинная перестройка самих оснований социально-гуманитарных наук под влиянием «цифрового поворота». Охарактеризовано как позитивное, так и негативное влияние цифровизации на образовательные практики. Сделан акцент на трансформации роли преподавателя в «оцифрованном» мире. Проанализировано, как меняется самоопределение учащихся в условиях информационного перенасыщения. Делается вывод, что современные цифровые технологии изменяют не только способы получения знаний, но и саму суть образовательного процесса, и выступают катализатором глобальных культурных изменений.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая гуманитаристика, цифровизация в образовании.

THE WORLD IN NUMBERS THROUGH THE PRISM OF EDUCATION AND SCIENCE

Guseva I.I., Sinybuhova M.S.,
National Research University «MPEI», Moscow, Russia

Abstract: The article examines some aspects of the impact of digitalization and new technologies on such important cultural spheres as education and science. The important trends of digital humanities are analyzed: it is shown

that this is not only the emergence of new requirements for the researcher's competencies, but also a profound restructuring of the very foundations of the social sciences and humanities under the influence of the "digital turn". Both the positive and negative effects of digitalization on educational practices are characterized. The emphasis is placed on the transformation of the teacher's role in the "digitized" world. The article analyzes how students' self-determination changes in the conditions of information saturation. It is concluded that modern digital technologies change not only the ways of obtaining knowledge, but also the very essence of the educational process, and act as a catalyst for global cultural changes.

Key words: digital technologies, digital humanities, digitalization in education.

Цифровая трансформация затронула все сферы общества, произведя «тектонические сдвиги» в жизни современного человека и человечества. В наше время в список обыденных вещей уже устойчиво вошли цифровые технологии. Они проникли во все возможные сферы: науку, образование, медиа, медицину, политику, финансы, транспорт, промышленность, и многие другие. Большие данные, нейронные сети и искусственный интеллект навсегда изменили жизнь общества. Но те изменения, которые предстоят, кажутся ещё более грандиозными и зачастую даже в чём-то пугающими.

Наличие персонального компьютера, смартфона и подобной техники – уже необходимая часть обучения, производства, комфорта жизни. Погружение значительной части нашей жизни в девайсы делает нас зависимыми от них. А это влечёт за собой глубинную трансформацию культуры, социальных отношений и коммуникации, и, наконец, переосмысление человеком собственного места в «оцифрованном» мире. Вспоминается хайдеггеровское: техника — это не просто инструмент, не простое средство: «Техника — вид раскрытия потаенности. Если мы будем иметь это в виду, то в существе техники нам откроется совсем другая область. Это – область выведения из потаенности, осуществления истины» [6, с.225].

Появление цифровой гуманитаристики.

Изменения в сфере науки и научной методологии стали поистине революционными. «Цифровой поворот» стал новой реальностью не только в естественных и технических науках – он привёл к переосмыслению и перестройке самих оснований социально-гуманитарного знания. Ещё на заре компьютерной эры возникало множество тематизмов, требующих объединения усилий естественных, технических наук и со-

циогуманитарных наук: компьютерная этика и эстетика, этика машины и этика искусственного интеллекта, взаимодействие человека и робота. В настоящее время в процессе этой конвергенции сформировались такие новые полидисциплинарные направления, как «гуманитарные компьютерные науки», «компьютерные технологии в гуманитаристике» и другие [3, с.93].

Когда речь идёт о цифровой гуманитаристике, отмечается, что, естественно, имеется в виду включение новых «опций» исследователя, который должен быть компетентным в сфере информационных технологий, поскольку эти компетенции востребованы новыми реалиями исследовательской практики гуманитариев [3, с.93]. Это позволяет использовать методологию и концептуальный аппарат информатики в области непосредственных профессиональных исследовательских интересов социогуманитарного направления. Но это требование обусловлено, прежде всего, глубинной перестройкой самих оснований социально-гуманитарных наук: переформатированием онтологии социума и культуры в совершенно новом контексте, которое приводит к весьма нетривиальным методологическим следствиям, начиная с новой трактовки базовой дихотомии «субъект – объект познания». Так, например, российскими социологами показано, что разработка компьютерной исследовательской игры и конструирование онтологии исследуемой социальной реальности на основе и с включением этой игры приводит к радикальной переинтерпретации субъекта и объекта социологического исследования [5, с.173].

Большинство исследователей феномена цифровой гуманитаристики разделяют следующую оценку: «Цифровой поворот» в социогуманитарных науках формирует новую научную картину мира, основанную на кардинальной смене существующей исследовательской парадигмы, появлении цифровых гуманитарных наук» [1, с.139].

Цифровизация образования.

Цифровизация глубоко проникла в образовательные практики, внеся серьёзные изменения в их основополагающие элементы. Целью внедрения новых технологий в процесс образования было расширение пространственно-временных границ обучения, увеличение возможностей для создания индивидуального пути и повышение самостоятельности обучающегося. Однако, увеличив доступ к новым объемам знаний, цифровизация привнесла дезориентацию, необычайно обострив вопрос: как среди множества источников выбрать надежные, достоверные? Появилась необходимость постоянного поиска и фильтрации информации. Следует постоянно оценивать логичность и последовательность изложе-

ния материалов, изучать приведенные данные и анализировать их. Это требует постоянного «включения» критического мышления. Без использования последнего навыка процесс обучения становится деструктивным. Без должной доли аналитики обучающийся может сделать ошибочные выводы, изучить вопрос лишь на поверхностном уровне или довериться непроверенному источнику, что полностью исказит информацию. Кроме того, обширное множество сведений может привести к сложности в принятии решения, что распространится и на иные сферы жизни.

Самоидентификация личности в оцифрованном мире.

Вместе с тем, очевидно, что доступ к большому количеству источников информации и способность связаться с человеком, в какой бы точке Земли он ни находился, способствует формированию глобального сознания [2]. Однако, с другой стороны, это приводит к размыванию границ культур, а также потери отличительных особенностей групп, к которым принадлежит человек. Сущность личности приобретает некоторую «расплывчатость», поскольку идентификаторы принадлежности к определённой социальной группе становятся подвижными, а порой вообще кажутся исчезающими. Нахождение в многокультурном обществе дает потрясающий опыт, однако создает конфликт традиций глобальных и локальных. Это может привести к исчезновению уникальности культур и потере традиционных знаний и навыков, если не соблюдать баланс.

Роль преподавателя в новом контексте.

С одной стороны, технологии предоставляют доступ ко множеству образовательных ресурсов, что делает обучение более доступным. С другой стороны, этот избыток информации создает дополнительные сложности в восприятии знаний. Философски осмысливая этот процесс, важно отметить, что обучение становится более персонализированным. Каждый учащийся может выбирать свой путь, что увеличивает его вовлеченность и мотивацию. Однако такая свобода может привести к перегрузке и неопределенности в выборе. Роль преподавателя изменяется; он теперь скорее наставник, чем источник знаний [4]. Традиционные методы обучения начинают уступать место интерактивным технологиям. Однако без баланса между этими подходами можно легко потерять важность осмысленного обучения. Философия обучения должна учитывать нравственные и гуманистические аспекты. Возникает необходимость изучения не только содержания, но и методов его подачи. Междисциплинарный подход способствует более глубокому пониманию происходящих процессов.

В результате методы обучения становятся более гибкими, но также и более «многослойными».

Таким образом, современные цифровые технологии изменяют не только способы получения знаний, но и саму суть образовательного процесса. Внедрение новых подходов требует переосмысления традиционных методов и ценностей, касающихся обучения. Важно осознать, что доступ к информации — это лишь первый шаг, и настоящий вызов заключается в умении фильтровать и критически оценивать новые данные. Образование становится взаимодействием, в котором обе стороны — и преподаватели, и студенты — играют активную роль.

Динамика культурных изменений открывает возможности для взаимопонимания и обогащения, но также поднимает вопросы о сохранении культурных идентичностей. Поскольку каждое поколение сталкивается с новыми вызовами, необходимо интегрировать старые традиции с новыми знаниями.

Роль образовательных институтов становится более многообразной: они должны стать центрами не только знаний, но и идей, способствующих обсуждению и диалогу. Самоопределение и критическое мышление должны стать неотъемлемыми элементами обучения. В условиях быстрого глобального обмена информацией ответственность каждого индивида за свои решения и действия растет. В итоге, формирование нового поколения с гибким, но глубоким мировоззрением представляется ключевым для будущего. Мы должны стремиться к тому, чтобы технологии служили не только средством, но и катализатором для глубоких изменений в обществе и образовании. Такой подход откроет новые горизонты для всех, кто вовлечен в процесс познания.

Список источников и литературы:

1. Буваева Г.Аа, Андреева А.А. Digital Humanities: от фронтирного дискурса к «цифровому повороту» // Вестник Калмыцкого университета**.** 2022, №4. С.138 -143.

2. Володенков С. В., Федорченко С. Н., Печенкин Н. М. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: pro et contra // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т.25, №1. С. 113-133.

3. Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А.В. Феномен цифровой гуманитаристики в контексте современной полидисциплинарной конвергенции // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2021. Т.3, № 4. С. 92-97.

4. Моисеенко Н. А., Усамов И. Р., Аббасов И. Р. Цифровая трансформация в образовании и её влияние на современное общество // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2022. Т.18, № 2 (28). С. 70-79.

5. Сергеева О.В. Разработка исследовательской компьютерной игры: как новая онтология помогает решать методологические проблемы социолога // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. №3. С. 171 – 184.

6. Хайдеггер М.Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с. (Мыслители XX в.).

Сведения об авторах:

Гусева Ирина Ивановна, д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ», профессор. GusevaII@mpei.ru;

Синьбухова Мария Сергеевна, ФГБОУ ВО НИУ «МЭИ», студент магистратуры. SinbukhovaMS@mpei.ru

УДК 378.147

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОТ ТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ К СОВРЕМЕННЫМ

Денисова А.Б., Денисова К.Е.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы в образовании, в основе которых лежит использование цифровых технологий. Авторами выделены некоторые недостатки традиционного образования, которые могут быть преодолены благодаря внедрению цифровых средств обучения. Однако, эти процессы тормозятся из-за неготовности вузов и преподавателей изменять традиционные методики обучения, о чем свидетельствует опрос студентов 1 курса, и сравнение активности использования цифровых технологий в школьном и вузовском учебном процессе. Цифровизация может стать мощным инструментом, способствующим развитию образования в целом. Но это не означает отказ от традиционных и проверенных годами методов обучения. Авторами делается вывод о необходимости интеграции современных методик с традиционными.

Ключевые слова: традиционное обучение, цифровые технологии, интерактивные методы, современные образовательные технологии, цифровизация образования.

INNOVATIVE APPROACHES TO HIGHER EDUCATION IN THE ERA OF DIGITALIZATION: FROM TRADITIONAL METHODS TO MODERN ONES

Denisova A.B., Denisova K.E.
National Research University "MPEI", Moscow, Russia

Annotation. The article examines modern approaches in education based on the use of digital technologies. The authors highlight some disadvantages of traditional education that can be overcome through the introduction of digital learning tools. However, these processes are hindered due to the unwillingness of universities and teachers to change traditional teaching methods, as evidenced by a survey of 1st year students and a comparison of the activity of using digital technologies in the school and university educational process. Digitalization can become a powerful tool that contributes to the development of education in general. But this does not mean abandoning traditional and proven teaching methods over the years. The authors conclude that it is necessary to integrate modern techniques with traditional ones.

Keywords: traditional learning, digital technologies, interactive methods, modern educational technologies, digitalization of education

В современном мире человек сталкивается с множеством вызовов и изменений. Жизнь общества и отдельного человека происходит в общественно-политической реальности – сложном образовании, представляющем собой совокупность социальных, экономических, культурных и политических факторов. Важнейшим фактором трансформации общественно-политической реальности является цифровизация общества, которая уже стала неотъемлемой частью всех сфер жизни. Высшее образование не остается в стороне от этих изменений: цифровизация открывает новые возможности для студентов и преподавателей и развития образования в целом, но одновременно требует от участников образовательного процесса адаптации к новым условиям.

Традиционные формы высшего образования включают в себя лекции, семинары, практические занятия и лабораторные работы, что сочетает получение теоретических знаний и практических навыков, необходимых для будущей профессиональной деятельности. Основные черты традиционного образования:

– Классическая педагогика. Преподавание в традиционном образовании часто основывается на классических методах, таких как лекции, чтение и запоминание информации. Учебный процесс часто организован по принципу "учитель-ученик", где учитель является основным источником знаний.

– Структурирование. Образовательные программы имеют четкую структуру, включающую фиксированные учебные планы, расписания и стандартизированные оценки, что ограничивает возможности индивидуального подхода к обучению (несмотря на то, что в программах указываются «предметы по выбору», их наличие мало индивидуализирует образовательную траекторию студента).

– Опора на теоретическое обучение. Традиционное образование акцентирует внимание на теоретических знаниях, которые передаются студентам через лекции и учебники. Практическое применение знаний часто остается на втором плане.

Из этого вытекает ряд недостатков традиционного процесса:

– Ограниченность взаимодействия между преподавателем и студентами.

– Отсутствие гибкости в обучении.

– Недостаток вовлеченности. Студенты часто воспринимают обучение как рутинный процесс, что может привести к снижению мотивации и интереса к учебе. Важным недостатком традиционного обучения является отсутствие групповой деятельности (большинство работ выполняется индивидуально).

Среди инновационных подходов, в основе которых лежит использование цифровых технологий, можно выделить следующие:

– Дистанционное обучение. Дистанционное обучение позволяет студентам получать образование без необходимости посещать учебные заведения. Это особенно актуально для студентов, живущих в удалённых районах или имеющих ограниченные возможности для посещения занятий. Способность обучаться дистанционно – показатель самостоятельности обучаемого.

– Онлайн-курсы. Онлайн-курсы предоставляют студентам доступ к широкому спектру курсов от ведущих университетов и преподавателей. Это позволяет студентам не только получать знания и навыки, необходимые для будущей карьеры, не выходя из дома, но и дает возможность выбирать курс, преподавателя, повышает заинтересованность в получении знаний и индивидуализирует образование, позволяет студентам адаптировать обучение под свои потребности.

– Интерактивные методы обучения. Интерактивные методы обучения, такие как групповые проекты, дискуссии и ролевые игры, позволяют студентам активно участвовать в учебном процессе и развивать навыки коммуникации, критического мышления и решения проблем. Виртуальные классы, онлайн-конференции и вебинары позволяют пре-

подавателям и студентам взаимодействовать в реальном времени, что способствует более глубокому усвоению материала и развитию навыков коммуникации и сотрудничества. Интерактивные упражнения сразу дают обратную связь, показывают «слабые места», пробелы в знаниях и даже могут ориентировать на изучение определенного материала.

– Использование технологий. Использование технологий, таких как виртуальные классы, онлайн-платформы для обучения и мобильные приложения, позволяет студентам получать доступ к учебным материалам и ресурсам в любое время и в любом месте.

Перечисленные возможности, появившиеся в образовании благодаря цифровым технологиям, могут позволить преодолеть недостатки традиционных методов и предоставить студентам большую гибкость, интерактивность и доступность, в частности: доступ к широкому спектру курсов и ресурсов, возможность учиться в своём темпе и в удобное время, учет индивидуальных потребностей и возможность создавать персонализированные учебные планы, делать больший акцент на практическом применении знаний, проектной деятельности. Многими исследователями отмечается, что использование цифровых технологий способствует более активному развитию и формированию навыков коммуникации, критического и креативного мышления [см, например, 3,5,6]. Кроме того, современные технологии позволяют образованию быстрее реагировать на изменения в обществе и на рынке труда, что позволяет студентам быть более конкурентоспособными (например, внесение изменений в онлайн-учебник или курс невозможны в традиционных печатных форматах учебных изданий).

Для того, чтобы можно было бы всеми преимуществами цифровизации воспользоваться высшим учебным заведениям необходимо разрешить ряд проблем, без чего развитие в данном направлении невозможно. Важнейшим является необходимость обеспечения качественного интернет-соединения и доступа к техническим устройствам для всех студентов, а также информационная грамотность преподавателей, их заинтересованность во внедрении изменений в годами отлаженный традиционный процесс обучения. Эти проблемы для многих вузов остаются решенными только в отчетах, поэтому использование возможностей, которые предоставляются современными цифровыми технологиями, все также остается под вопросом: многие ли вузы, преподаватели действительно, а не на бумаге внедрили индивидуализацию в рабочие программы и планы? интегрировали интерактивные методы обучения в традиционные курсы и методики преподавания? оперативно вносят изменения в содержание курсов? отказались от традиционных ведения занятий и используют технологии «пере-

вернутого класса» (когда встреча с преподавателем – это не пассивное восприятие нового материала, а активное обсуждение вопросов по уже самостоятельно изученной новой теме) или «обучение через сотрудничество», которое позволяет студентам обсуждать идеи и приходить к совместному решению задачи?

Цифровизация школ происходит централизованно: от внедрения цифровых дневников до разработки образовательных платформы с самыми различными учебными материалами по предметам, которые используются учителями непосредственно на уроках. В отличие от школ вузы самостоятельно решают эти задачи с разной степенью успешности. Так, был проведен опрос 134 студентов 1 курса «Национального исследовательского университета «МЭИ». Вопросы касались использования цифровых технологий в школе и в вузе. Результаты опроса показали, что в школах цифровые технологии используются весьма активно: только 7 человек ответило, что «в школе ничего не использовалось», большинство опрошенных представило весьма разнообразный список, назвав тесты, интерактивные упражнения, анимационные ролики, опросы, интерактивные изображения, совместно выполняемые задания, в цифровом формате, видео и аудио обучающие материалы, квизы, сайты с игровыми тестами и др. По поводу использования цифровых технологий в МЭИ картина совершенно иная. Среди ответов названы презентации, тесты, видео, некоторые назвали электронный справочник, ссылки на сайты, а 34 человека в качестве цифровых обучающих технологий назвали только технические средства: компьютер, интерактивную доску, проектор, микрофон. Большинство студентов отметило, что на некоторых лекциях преподаватели не используют презентации, и если на лекциях по физике и математике их отсутствие не мешает пониманию материала, то на предметах гуманитарного цикла «было бы очень кстати».

В то время как традиционное образование основывается на устоявшихся методах и подходах, современные образовательные практики стремятся к инновациям и адаптации к быстро меняющемуся миру [4]. Но отказ от традиционных форм и методик в пользу цифровых также сопряжен с отрицательными моментами. Так, часто встречающаяся отмена формы устного экзамена, замена его контрольными работами по отдельным темам, тестированием, приводит к тому, что не происходит итоговый целостный охват учебного материала, а тестирование далеко не всегда отражает реальный уровень понимания. Использование на лекции презентации (которая часто еще и рассылается студентам) приводит к отказу от традиционного конспектирования – ручкой в тетради. Иссле-

дования показывают, что на понимание и запоминание влияет даже способ ведения конспекта [2]. Многие современные студенты считают, что сфотографированная презентация или ее наличие на почте уже является фактом того, что материал законспектирован.

Современное образование — это многогранный и динамичный процесс, который претерпевает значительные изменения в ответ на вызовы времени, технологические достижения и потребности общества. Цифровизация становится ключевым фактором, определяющим будущее образования, в том числе и высшего. Появление искусственного интеллекта (даже уже в той форме, в которой он существует) во многом делает традиционные формы работ (реферат, конспект статьи, развернутый ответ, эссе и т.д.) бессмысленными [1]. И смыслом высшего образования в эпоху цифровизации становится не только в передаче знания, но и в формировании у студентов необходимых навыков для успешной жизни и работы в быстро меняющемся мире, который все больше и больше зависит от успешного освоения и использования цифрового инструментария.

Список источников и литературы:

1. Adzhemov A.S., Denisova A.B. Information and Communication Technologies in Education – Evolution or Revolution? *2024 7th International Conference on Information Technologies in Engineering Education (Inforino),* Moscow, Russian Federation, 2024, pp. 1-6.
2. Mueller P., Oppenheimer D.M. The Pen Is Mightier Than the Keyboard // *Psychological Science* 25 (2014): 1159 - 1168.
3. Агеев Н.Я., Токарчук Ю.А., Токарчук А.М., Гаврилова Е.В. Связь цифровых технологий с развитием когнитивных и коммуникативных процессов подростков и юношей: обзор эмпирических исследований [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2023. Том 15. № 1. С. 37–55.
4. Ачмизова С.Я., Денисова А.Б., Натальсон А.В. Интеграция технологий в образовательный процесс в вузах: опыт, проблемы и перспективы // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 21-28.
5. *Дутко Ю.А., Беловол Е.В.* Особенности формирования мышления личности в цифровой среде (сравнительный анализ поколений) // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2020. Том 6. № 1. С. 78–92.
6. Шубович М.М. Формирование коммуникативных навыков учащихся старшеклассников средствами цифровых технологий // Казанский педагогический журнал. 2021. № 4(147). С. 161-168.

Сведения об авторах:

Денисова Алла Борисовна, к.филос.наук, доцент, НИУ МЭИ, DenisovaAB@mpei.ru.

Денисова Кира Евгеньевна, ст. гр. ЭР-21-24 НИУ МЭИ, DenisovaKY@mpei.ru.

УДК 316

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛЯЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Кирилина Т. Ю.

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. Цифровое общество стало результатом распространения цифровых коммуникаций, применения технологии больших данных, гибритизации онлайн- и офлайн- пространств. Проникновение цифровых технологий практически во все общественные сферы принципиально влечет за собой серьезные социальные последствия. Современная жизнь приобретает гибридные формы, объединяя реальное и виртуальное. В цифровом обществе серьёзные изменения претерпевают процессы социализации, интеракции и коммуникации. Модифицируются и социальные практики, в том числе и практики межпоколенной передачи духовно-нравственных ценностей.

В статье анализируются особенности трансляции духовно-нравственных ценностей в цифровую эпоху. В статье приводятся результаты социологического опроса учащейся молодежи Москвы и Московского региона, проведенного в октябре 2024 года.

Автор отмечает, что коммуникация студентов и преподавателей носит ограниченный цифровой характер. Для взаимодействия используется как онлайн общение, так и традиционные каналы и стратегии: личное общение на занятиях и переменах и коммуникация по телефону.

В статье делается вывод, что при анализе социальных последний цифровизации общества необходимо сосредоточить внимание на так аспектах, как вопросы самоопределения и идентичности молодежи, особенности «цифрового поколения», трансляции духовно-нравственных ценностей, новых социальных механизмах контроля и управления.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, цифровая эпоха информационное общество, иерархия ценностных ориентаций, каналы коммуникации

FEATURES OF TRANSMISSION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE DIGITAL AGE

Kirilina T. Yu.
National Research University "MPEI",
Moscow, Russia

Abstract. The digital society has become the result of the spread of digital communications, the use of big data technology, and the hybridization of online and offline spaces. The penetration of digital technologies into almost all public spheres fundamentally entails serious social consequences. Modern life takes on hybrid forms, combining the real and the virtual. In the digital society, the processes of socialization, interaction, and communication undergo serious changes. Social practices are also modified, including the practices of intergenerational transmission of spiritual and moral values.

The article analyzes the features of the transmission of spiritual and moral values in the digital age. The article presents the results of a sociological survey of student youth in Moscow and the Moscow region, conducted in October 2024.

The author notes that communication between students and teachers is limited in digital nature. Both online communication and traditional channels and strategies are used for interaction: personal communication during classes and breaks and communication by phone.

The article concludes that when analyzing the social latest digitalization of society, it is necessary to focus on such aspects as issues of self-determination and identity of young people, features of the "digital generation", new social mechanisms of control and management, transmission of spiritual and moral values.

Key words spiritual and moral values, digital age, information society, hierarchy of value orientations, communication channels

Цифровое общество стало результатом распространения цифровых коммуникаций, применения технологии больших данных, гибритизации онлайн- и офлайн- пространств [7]. Проникновение цифровых технологий практически во все общественные сферы принципиально влечет за собой серьезные социальные последствия. Современная жизнь приоб-

ретает гибридные формы, объединяя реальное и виртуальное. Серьёзные изменения претерпевают процессы социализации, интеракции и коммуникации. Модифицируются и социальные практики, в том числе и практики межпоколенной передачи духовно-нравственных ценностей. Технологическая инфраструктура обеспечивает суперсвязанность, комплексность и мобильность современного цифрового мира [1].

Гибридный характер реальности приводит к формированию принципиально новых социальных феноменов, например, таких как виртуальная самопрезентация [5] или цифровая идентичность [6; 8].

В цифровом обществе серьёзные изменения претерпевают процессы социального становления личности, взаимодействия людей, их коммуникации и социальные практики, в том числе и практики межпоколенной передачи духовно-нравственных ценностей.

Трансляция духовно-нравственных ценностей может быть определена как процесс передачи духовного капитала, нравственных норм, культурных традиций от одного субъекта (поколения) другому, один из которых намерен эти ценности передать, а другой готов их принять, осознать и интериоризировать в процессе нравственной социализации [2]

С целью изучения особенностей трансляции духовно-нравственных ценностей в цифровую эпоху в октябре 2024 года нами было проведено исследование, проходившее в форме анкетирование с участием 797 студентов Москвы и Московской области.

В рамках данного исследования важно было выявить основных агентов передачи духовно-нравственных ценностей. Как показал опрос, наиболее важным агентом духовно-нравственных ценностей, по мнению молодежи, являются родители, на это указали две трети участников опроса 66,3%. Для каждого третьего участника опроса агентом передачи духовно-нравственных ценностей являются друзья, сверстники (34,0%) и родственники (31,6%). Более, чем для четверти (26,1%) – бабушки, дедушки.

Представление о друзьях как об очень значимых агентах трансляции духовных ценностей позволяет сделать вывод о конфигуратином типе трансляции культуры, согласно типологии американского антрополога Маргарет Мид. Конфигуративный тип культуры предполагает трансляцию культурного опыта не только от старших к младшим, но и от сверстников – сверстникам. Такой тип культуры формируется в период серьезных трансформаций социокультурных условий. Юное поколение оказывается в культурной ситуации, с которой не сталкивалось старшее поколении и, соответственно, его опыт не может быть использован [3].

Вызывает тревогу тот факт, что формальное образование не играет значительной роли в передаче духовно-нравственных ценностей. Только каждый седьмой респондент указал (15%) учителе в школе и лишь каждый десятый (9,8%) – преподавателей в училище, техникуме, ВУЗе.

Массовая культура также не вошла в круг значимых агентов, вовлеченных в передачу духовно-нравственных норм и ценностей. Только каждый седьмой респондент (15,0%) указал её в качестве агента трансляции духовно-нравственных ценностей. Театр и изобразительное искусство играют незначительную роль в этом процессе (5,1% и 5,5% соответственно). Референтные блогеры и лидеры общественного мнения также не оказывают заменого влияния на усвоение молодыми людьми нравственных норм и ценностей. Их указали только 6,8% участников опроса.

Наряду с этим, кино вошло в пятёрку наиболее значимых для молодых людей агентов трансляции духовно-нравственных ценностей. Около четверти респондентов (23,6%) полагают, что именно кинематограф помог им в усвоении нравственных норм и ценностей (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос:
Кто Вам больше всего помог в усвоении нравственных норм и ценностей?
(укажите не более трёх вариантов ответов) (в %)

Согласно данным поведенного нами экспертного опроса с участием более 300 специалистов в области молодежной политики, наиболее важным агентом трансляции духовно-нравственных ценностей являются родители (72%). В этом эксперты были солидарны с молодежью. Но в отличие от молодых респондентов, второе место заняли СМИ (39%). Более трети экспертов считают, что учителя школ, техникумов, вузов (38,1%), учителя школ (35%) и массовой культуры (34,1%) больше всего помогают молодежи в усвоении нравственных норм и ценностей (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов экспертов на вопрос: Кто является наиболее важным агентом по трансляции духовно-нравственных ценностей? (укажите не более трёх вариантов ответов) (в %)

Таким образом, представления специалистов по работе с молодежью об основных агентах трансляции духовно-нравственных ценностей молодому поколению во многом отличается от мнения самих молодых людей.

Неизменно актуальной остается проблема изучения ценностей и ценностных ориентаций молодёжи в реформируемом обществе. Согласно проведенному нами исследованию, наиболее значимой ценностью для молодежи остается семья (9,51 балла). В современных условиях семья выступает в качестве убежища от общественных катаклизмов и является важнейшим стимулом для личностного развития.

Рис. 3. Иерархия ценностных ориентаций молодежи в 2024 г. (в баллах по 10-ти балльной шкале)

Второе и третье места в иерархии ценностных ориентаций заняли такие терминальные ценности как «здоровье» (9,12 балла) и «свобода» (8,95 балла). Четвертое место заняла дружба (8,89 балла), а такая ценность как «возможность любить и быть любимым» – только 9 место (8,4 балла), уступив место таким ценностям как «материальное благополучие» (8,71 балла), умение «крутиться», чтобы выжить (8, 55 балла), «карьера» (8,49 балла), «веселое время препровождение» (8,41 балла). Такие социально- значимые ценности как «чистая совесть» (8, 06 балла), «возможность приносить пользу людям» (7, 92 балла), «чистя совесть» (7,89 балла) заняли 10-12 места с иерархии. «Интересная, творческая работа» (7,7 балла) и «успехи в учебе» (7,24 балла) заняли соответственно 13 и 14 места. Тремя наименее значимыми для учащейся молодежи ценностями оказались «труд на благо Родины» (7,12 балла), «возможность быть яркой индивидуальностью» (7,01 балла) и «власть» (6,24 балла) (рис. 3).

Следует отметить, что на притяжении более, чем 20 лет наблюдений, исключая исследования 2020 года, семья занимала первое место в иерархии ценностных ориентаций молодежи (табл. 1)

Таблица 1

Динамика иерархии ценностных ориентаций молодежи в 2005-2024 гг. (в баллах по 10-ти балльной шкале)

№	Ценности	годы				
		2005	**2013**	**2015**	**2020**	**2024**
1	Семейное счастье, дети	**9,19**	**9,3**	**8,9**	7,99	**9,53**
2	Интересная, творческая работа	7,69	8,2	7,8	7,65	7,77
3	Уважение людей	7,92	8,0	7,8	7,51	7,95
4	Сознание того, что приносишь пользу людям	6,7	7,8	7,0	7,67	8
5	Труд на благо Родины	5,2	6,1	5,8	6,75	7,21
6	Полное материальное благополучие	8,34	7,9	7,9	8,02	8,74
7	Возможность быть яркой индивидуальностью	7,82	7,0	6,47	7,73	7,18
8	Возможность любить и быть любимым	8,9	8,8	8,5	8,44	8,56
9	Дружба	8,94	9,2	8,5	8,04	8,9
10	Здоровье	8,72	9,2	9,0	8,53	9,18
11	Веселое время препровождение	7,56	7,7	7,4	7,55	8,43
12	Успехи в учебе	7,66	7,9	7,5	7,61	7,36
13	Карьера	8,05	8,2	8,0	8,09	8,53
14	Власть	5,9	5,8	4,9	6,93	6,26
15	Чистая совесть	7,2	8,4	7,6	8,19	8,17
16	Умение «крутиться», чтобы выжить	7,4	8,5	7,5	7,69	8,51
17	Безопасность				**8,67**	8,67
18	Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)				8,54	8,98

Основой социального взаимодействия в цифровом обществе становятся многочисленные социальные сети. Проведенное нами исследование продемонстрировало, что почти три четверти респондентов (71,2%) общаются с преподавателями лично на занятиях, около половины – ВКонтакте (46,1%), Telegram (43,6%) и лично в перерывах (41,7%). Важным каналом общения студентов с преподавателями является сайт университета, на это указали более четверти опрошенных (27,2%). Каждый четвёртый респондент общается с преподавателями с помощью WhatsApp (22,8%), а каждый седьмой – по телефону (14,9%) или по электронной почте (14,3%). Около десятой части респондентов взаимодействуют с педагогами помощью мобильных СМС (8,5%) (рис.4). Таким образом, личное общение студентов с преподавателем остается основным каналом взаимодействия, несмотря на значительную интенсивность контактов в социальных сетях (рис. 4). Коммуникация студентов и преподавателей носит ограниченный цифровой характер. Для взаимодействия используется как онлайн общение, так и традиционные каналы и стратегии: личное общение на занятиях и переменах и коммуникация по телефону.

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: Какие каналы общения с преподавателями Вы используете? (укажите любое количество ответов) (%)

Процесс трансляции ценностей имеет билатеральный характер, так как каждое поколение является одновременно как субъектом этого процесса, так и его объектом. С одной стороны, поколение принимает ценности, будучи объектом трансляции, с другой стороны, его можно считать субъектом, поскольку на основе транслируемых ему ценностей оно создаёт свою ценностную систему, ретранслируемую следующим поколениям.

При анализе социальных последний цифровизации общества необходимо сосредоточить внимание на таких аспектах, как вопросы самоопределения и идентичности молодежи, особенности «цифрового поколения», трансляции духовно-нравственных ценностей, новых социальных механизмах контроля и управления.

Список источников и литературы:

1. Добринская Д. Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-tsifrovoe-obschestvo (дата обращения: 31.10.2024).
2. Кирилина Т.Ю., Когтева Е. В. Проблемы управления процессом межпоколенной трансмиссии духовно-нравственных ценностей на предприятиях ракетно-космической промышленности: Монография. / Королев М.О., 2017. - 127 с.
3. Мид М. Культура и мир детства: Избр. произведения / М. Мид; [Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева; Сост., авт. послесл., с. 5-30, и отв. ред. И. С. Кон]. - Москва: Наука, 1988. - 429 с.
4. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/.
5. Хороших В.В., Чарыкова Е.Б. Факторы вариативности виртуальной самопрезентации подростков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2012. Т. 19. С. 103—112.
6. Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В. Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 7. DOI:10.54359/ ps.v10i52.3927.
7. Beck U. The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World. Cambridge, Malden: Polity, 2016. 240 p.
8. Molotokienė E. The Transformation of Narrative Identity into Digital Identity: Challenges and Perspectives // Colloquium. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 123-133. 8; 14 и др 13 и др.].

Сведения об авторе:
Кирилина Татьяна Юрьевна, НИУ «МЭИ», доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой, НИУ «МЭИ», Москва, Россия

УДК 327.83

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Марчуков А.Н., Калакутина Д. Д.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена роли высшего образования в продвижении национальных интересов России за рубежом. Используя SWOT-анализ в качестве методологической основы, авторы стремятся выявить наиболее заметные факторы внутренней и внешней среды, которые влияют на практику использования высшего образования как инструмента «мягкой силы» России. Исходя из результатов исследования, привлекательность российского высшего образования для международной аудитории базируется на умеренной стоимости обучения, высоком уровне подготовки профессорско-преподавательского состава, комфортности российской социокультурной среды.

Ключевые слова: образование, мягкая сила, иностранные студенты, Россия, США, ЕС.

HIGHER EDUCATION AS A TOOL OF RUSSIA'S "SOFT POWER" IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL TRANSFORMATIONS

Marchukov A.N., Kalakutina D.D.
HSE University, Moscow, Russia, National Research University «MPEI», Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the role of higher education in promoting Russia's national interests abroad. Using SWOT analysis as a methodological basis, the authors seek to identify the most noticeable factors of the

internal and external environment that influence the practice of using higher education as a tool of "soft power" in Russia. The study shows that the attractiveness of Russian higher education for an international audience is based on the low cost of education, the high level of training of the teaching staff, and the comfort of the Russian socio-cultural environment.

Keywords: education, soft power, foreign students, Russia, USA, EU.

После окончания Холодной войны американский политолог Дж. Най предложил научному сообществу термин «мягкая сила», под которым он понимал способность государств добиваться заданных внешнеполитических целей посредством демонстрации зарубежной аудитории собственных политических и культурных ценностей, а также привлекательной внешней политики [4]. Принято считать, что росту «мягкой силы» государства способствует экспорт национального образования, которое улучшает имидж государства за рубежом и формирует устойчивые связи с иностранной общественностью для дальнейшего межкультурного взаимодействия [1]. Не удивительно, что в XXI веке целый ряд государств чрезвычайно интенсивно работает над привлечением иностранных студентов в собственные университеты. Не является здесь исключением и Россия, которая со времен существования СССР имеет значительный опыт работы со студенческой молодежью из стран Латинской Америки, Азии и Африки.

В условиях современной геополитической конфронтации со странами Запада, Российская Федерация получила уникальную возможность интенсифицировать усилия в сфере экспорта высшего образования в странах так называемого «Глобального Юга», что может способствовать как качественной трансформации системы отечественного высшего образования, так и усилению политического влияния нашей страны в регионах, имеющих чрезвычайно важное значение для национальных интересов российского государства. Используя SWOT-анализ в качестве ключевого методологического инструмента, авторы стремятся выявить наиболее заметные факторы внутренней и внешней среды, которые влияют на практику использования высшего образования во внешней политике России. Несомненным преимуществом этого метода является системная оценка любого процесса, возможность оценить его сильные и слабые стороны, а также оказываемое извне влияние [3].

Прежде всего, следует уделить внимание факторам внутренней среды российского высшего образования. Говоря о его сильных сторонах, нельзя не заметить высокий уровень подготовки профессорско-преподавательского состава (особенно в естественно-научной сфере), не уступающий аналогичному показателю в наиболее развитых экономиках

мира. Немаловажным фактором конкурентоспособности российского высшего образования на международном уровне является относительно невысокая стоимость обучения (в сравнении не только с наиболее престижными университетами США, Великобритании, Австралии, но и нередко с учебными заведениями развивающихся стран (например, с ВУЗами Эквадора, Индии, Индонезии)).

Также следует отметить комфортность той социально-культурной среды, в которой находятся обучающиеся в России иностранные студенты. Как известно, на протяжении многих веков на территории России сосуществовали представители различных этнических и конфессиональных групп, что способствовало формированию достаточно толерантного отношения современных россиян к иностранцам. Многонациональность России, открытость и уважение ее населения к различным обычаям и традициям, во-многом, облегчает адаптацию зарубежных студентов к отечественной образовательной среде.

Что же касается слабых сторон российской системы высшего образования в контексте привлечения иностранных студентов, то к ним мы относим несовершенство жилищной инфраструктуры университетов; низкий уровень владения иностранным языком среди преподавателей и административных сотрудников; отсутствие системы образовательных грантов для наиболее талантливых студентов-иностранцев, покрывающих расходы не только на обучение, но и проживание в России.

К сожалению, до сих пор не все российские университеты, в том числе и наиболее авторитетные, способны обеспечить необходимые комфортные условия проживания даже для отечественных студентов. Безусловно, подобное положение вещей препятствует росту численности иностранных студентов в нашей стране; мешает формированию положительного образа России среди зарубежной общественности.

В условиях новых геополитических вызовов, существует острая необходимость переосмыслить отношение сотрудников российских ВУЗов к использованию иностранных языков в своей профессиональной деятельности. Текущее внимание России к странам Латинской Америки, Африки, Юго-Восточной Азии требует расширение языковых компетенций современного преподавателя. Наличие в рабочих программах российских университетов курсов, читаемых на иностранных языках (не только на английском языке), безусловно, будет способствовать росту числа иностранных абитуриентов, что в конечном счете может способствовать усилению влияния России в странах «Глобального Юга» в долгосрочной перспективе.

На привлекательность российского высшего образования для иностранных студентов может также повлиять и создание в нашей стране программ образовательных обменов, аналогичных известным международным аналогам (например, Программе Фулбрайта или Стипендии Chevening). Достоинством этих программ для участников является не только то, что они оплачивают стоимость обучения в магистратуре, но также и расходы на проживание в стране. Как правило, подобные проекты нацелены на представителей наиболее талантливой части зарубежного общества и позволяют создать высокий уровень доверия между населением участвующих стран.

Что касается возможностей для экспорта российского высшего образования, то, как уже упоминалось ранее, конфликт России со странами Запада актуализировал необходимость интенсивной работы российского государства с общественным мнением в странах Латинской Америки и Африки. Помимо международного вещания и программ культурной дипломатии, инструментом воздействия на зарубежную общественность традиционно являются образовательные программы [2]. Как правило, они не приносят быстрых результатов, но способны формировать длительные устойчивые связи с зарубежной аудиторией, а также создавать положительный образ страны на международной арене. В ситуации, когда большинство западных стран отказываются от сотрудничества с российскими университетами, у России появляется возможность направить свои усилия на рекрутинг иностранных студентов в новых географических локациях.

Помимо конфронтации России и Запада, международное сообщество сталкивается и с серьезными проблемами в экономике, что сопровождается глобальным ростом стоимости жизни (в том числе на услуги в сфере образования). Хотя турбулентность мировой экономики отражается негативно и на России, тем не менее, отечественное высшее образование даже в таких условиях в финансовом плане остается более доступным, чем западные аналоги. В данном случае вызов внешней среды работает в интересах российского государства.

К сожалению, подобного нельзя сказать об экономических санкциях США и ЕС, введенных против России. Из-за них иностранные студенты вынуждены сталкиваться с трудностями при использовании традиционных финансовых инструментов; остро ощущать дефицит в России глобальных сервисов, к которым они привыкли в собственных странах.

Серьёзные проблемы образовательной дипломатии Российской Федерации доставляет и текущая информационная политика стран Запада. Создаваемый медиа этих международных акторов негативный образ Рос-

сии как нарушителя международных правил способствует снижению интереса к отечественным образовательным программам у части иностранных студентов. Подобное обстоятельство, безусловно, требует усиления информационной работы России в Латинской Америке, Африке и Азии с целью противодействия зарубежным СМИ, формирующим искаженные нарративы о российском государстве.

Говоря о вызовах для экспорта российского высшего образования, было бы ошибкой не упомянуть также деятельность образовательных учреждений ряда стран Восточной Европы, которые, как и Россия, способны предложить доступные образовательные программы для зарубежной общественности (Беларусь, Венгрия, Польша, Эстония). Эти страны предлагают довольно качественное образование, однако им сложно на равных конкурировать с Россией с точки зрения разнообразия существующих программ.

Несмотря на имеющиеся проблемы, российское высшее образование все же обладает высоким уровнем привлекательности для иностранной аудитории. Финансовая доступность и содержательность отечественных образовательных программ, а также та социально-культурная среда, в рамках которой они реализуются, способствуют постоянному росту интереса иностранной молодежи к российским университетам.

Тем не менее, если все же рассматривать современное отечественное высшее образование как инструмент «мягкой силы», то оно, безусловно, требует определенных изменений. Во-первых, существует необходимость привлечения талантливой иностранной молодежи с помощью системы образовательных грантов, покрывающих расходы студентов, связанные с обучением и проживанием в России. Во-вторых, российская система высшего образования нуждается в повышении языковых компетенций сотрудников университетов (знании испанского, французского, португальского языков). В-третьих, России следует активно развивать цифровое образование, которое может быть использовано для организации онлайн-обучения иностранных студентов (что позволит некоторым из них обучаться, не покидая собственные страны). И, наконец, существует необходимость выработки единого подхода к вопросу взаимодействия университетов с выпускниками-иностранцами. Мы убеждены, что для усиления политического и культурного влияния России за рубежом, чрезвычайно важным является сохранение и развитие сложившихся связей с зарубежными выпускниками, поскольку они могут выступать определенного рода связующим звеном между российским государством и зарубежными странами.

Список источников и литературы:

1. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 85–93.
2. Cull N.J. Public diplomacy: foundations for global engagement in the digital age. Cambridge: Polity Press, 2019.
3. Gurel, E., & Tat, M. SWOT analysis: a theoretical review // Journal of International Social Research. 2017. Vol. 10(51). P. 994-1006.
4. Nye, J. Soft power: the means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004.

Сведения об авторах:

Марчуков Александр Николаевич, к. пол. н., доцент, научный сотрудник НИУ ВШЭ, Mamarchukov@hse.ru

Калакутина Диана Дмитриевна, старший преподаватель НИУ «МЭИ», AntipovaDD@mpei.ru

УДК 004.4'2

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛУЖБ УНИВЕРСИТЕТА СО СТУДЕНТАМИ

Разина Д. А.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. Данная статья представляет собой вклад в изучение трансформации высшего образования в условиях цифровизации. Она подчеркивает значимость роли автоматизации университетских процессов как фактора, способствующего повышению качества обслуживания студентов, рациональному использованию ресурсов и увеличению эффективности функционирования учебного заведения. Статья анализирует эволюцию процесса заказа и получения студентами Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» различных справок и документов. Описана система обработки заявки на получение документа в традиционной форме, который был актуален до внедрения автоматизации, также в статье подробно рассматриваются существенные недостатки данной системы. Кроме того,

детально описывается новая система обработки заявок через личный кабинет студента, подчеркивая ее преимущества. В исследовании проведено сравнение двух разных систем, на основе которого сформулированы выводы.

Ключевые слова: автоматизация, справки, студенты, цифровизация, образовательный процесс, личный кабинет студента.

OPTIMIZATION OF THE PROCESS OF INTERACTION BETWEEN UNIVERSITY SERVICES AND STUDENTS

Razina D. A.
National Research University "MPEI", Moscow, Russia

Annotation. This article is a contribution to the study of the transformation of higher education in the context of digitalization. She emphasizes the importance of the role of automation of university processes as a factor contributing to improving the quality of student services, rational use of resources and increasing the efficiency of the functioning of the educational institution. The article analyzes the evolution of the process of ordering and receiving various certificates and documents by students of the National Research University "Moscow Power Engineering Institute". The system of processing an application for a document in a traditional form, which was relevant before the introduction of automation, is described, and the article discusses in detail the significant disadvantages of this system. In addition, the new application processing system through the student's personal account is described in detail, emphasizing its advantages. The study compares two different systems, on the basis of which conclusions are formulated.

Keywords: automation, help, students, digitalization, educational process, student's personal account.

Один из важных аспектов студенческой жизни университета «Московский энергетический институт» является получение различных справок, подтверждающих обучение, академическую успеваемость, размер стипендии, копия документа об образовании и так далее. Однако традиционный процесс получения таких документов был сопряжён с рядом трудностей: длинными очередями, неудобным графиком работы отделов выдачи справок и необходимостью личного присутствия для полу-

чения справок. Это создавало существенную нагрузку на студентов, отнимая у них много времени. В связи с этим возникла острая необходимость в автоматизации процесса заказа справок, что позволило бы значительно повысить эффективность и удобство.

До внедрения автоматизированной системы заказа справок, процесс получения студентами документов был крайне трудоемким и неэффективным.

Студентам требовалось личное посещение различные подразделения, что часто сопровождалось ожиданием в очереди. По прибытии в подразделение они заполняли бумажное заявление с указанием необходимой информации.

После подачи заявления студенту приходилось ждать, пока сотрудники подразделения обработают его запрос. Сроки обработки зависели от загруженности подразделения. Получение готовой справки также осуществлялось лично в подразделении.

Такая система имела ряд существенных недостатков:

– значительные временные затраты студентов на ожидание в очередях;

– бумажный документооборот и ручная обработка заявок приводили к увеличению нагрузки на сотрудников подразделений;

– ограниченный доступ к заказу справок только в рабочее время подразделения создавал неудобства для студентов;

– ручное заполнение заявлений и обработка данных увеличивали вероятность возникновения ошибок.

Для моделирования бизнес-процесса обработки заявки на документ использовалась нотация BPMN (Business Process Model and Notation).

Основная цель BPMN — построить модели процессов, которые помогают визуализировать логику выполнения бизнес-процесса, в том числе для отражения деталей процессов, таких как: события, исполнители каждого из действий, используемые и создаваемые документы и другие объекты, использующиеся в качестве входных данных для тех или иных действий или создающиеся в результате их выполнения [1, с. 2].

Для разработки BPMN-диаграмм использовался бесплатный онлайн ресурс BPMN.Studio [2].

С учетом вышеизложенного разработана BPMN-диаграмма заказа и выдачи справок или документов студентам НИУ «МЭИ» до автоматизации процесса (рис. 1.).

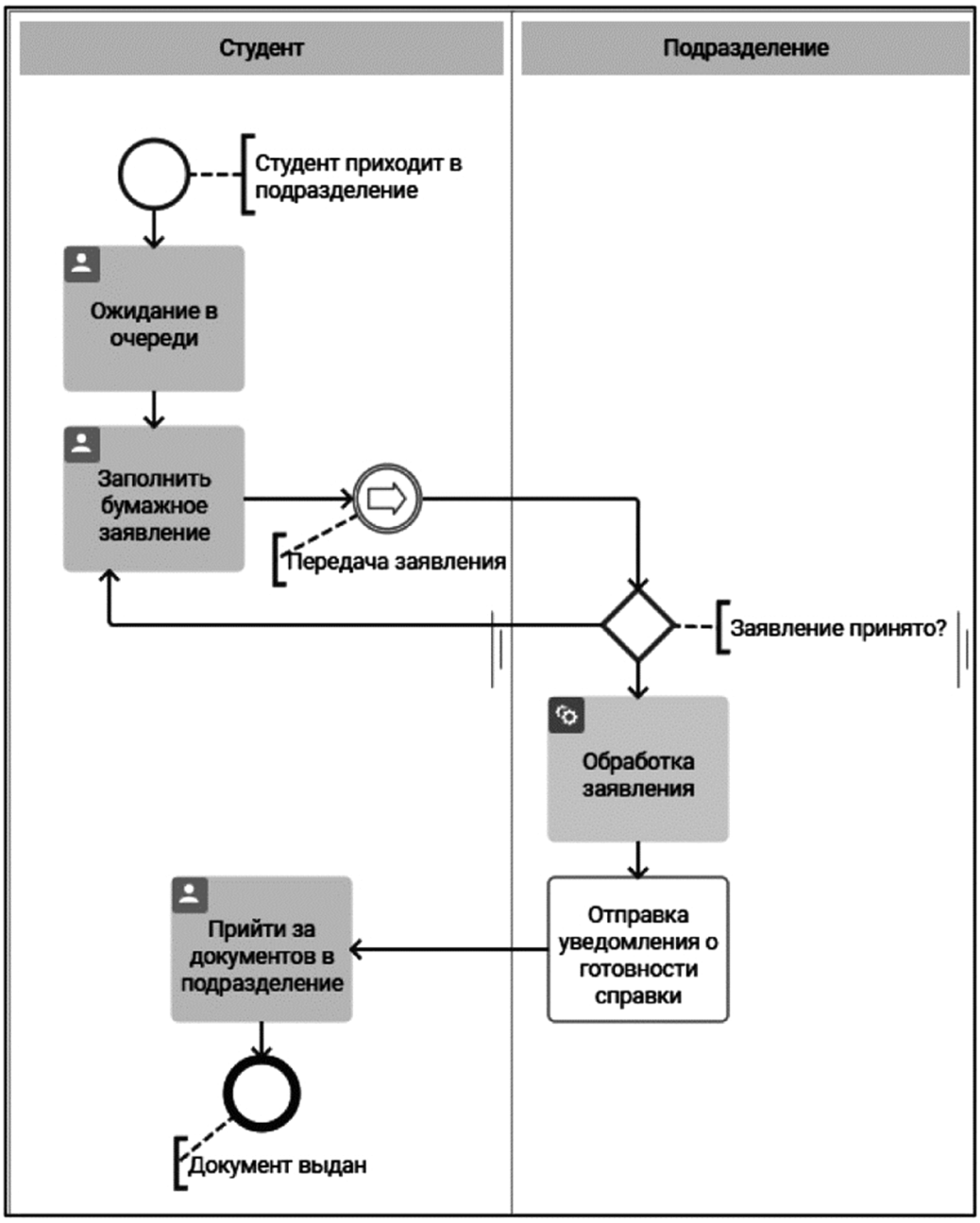

Рис. 1. BPMN-диаграмма бизнес-процесса заказа документа в традиционной форме

Сегодня с появлением технологий и информационных систем студенты имеют возможность заказать необходимую справку онлайн через специальную форму, которая доступна в их личном кабинете студента (рис. 2).

Заполнение формы занимает минимальное количество времени, статус заказанных справок можно посмотреть в разделе «Заказанные справки», а также скачать электронные версии уже готовых справок (рис. 3).

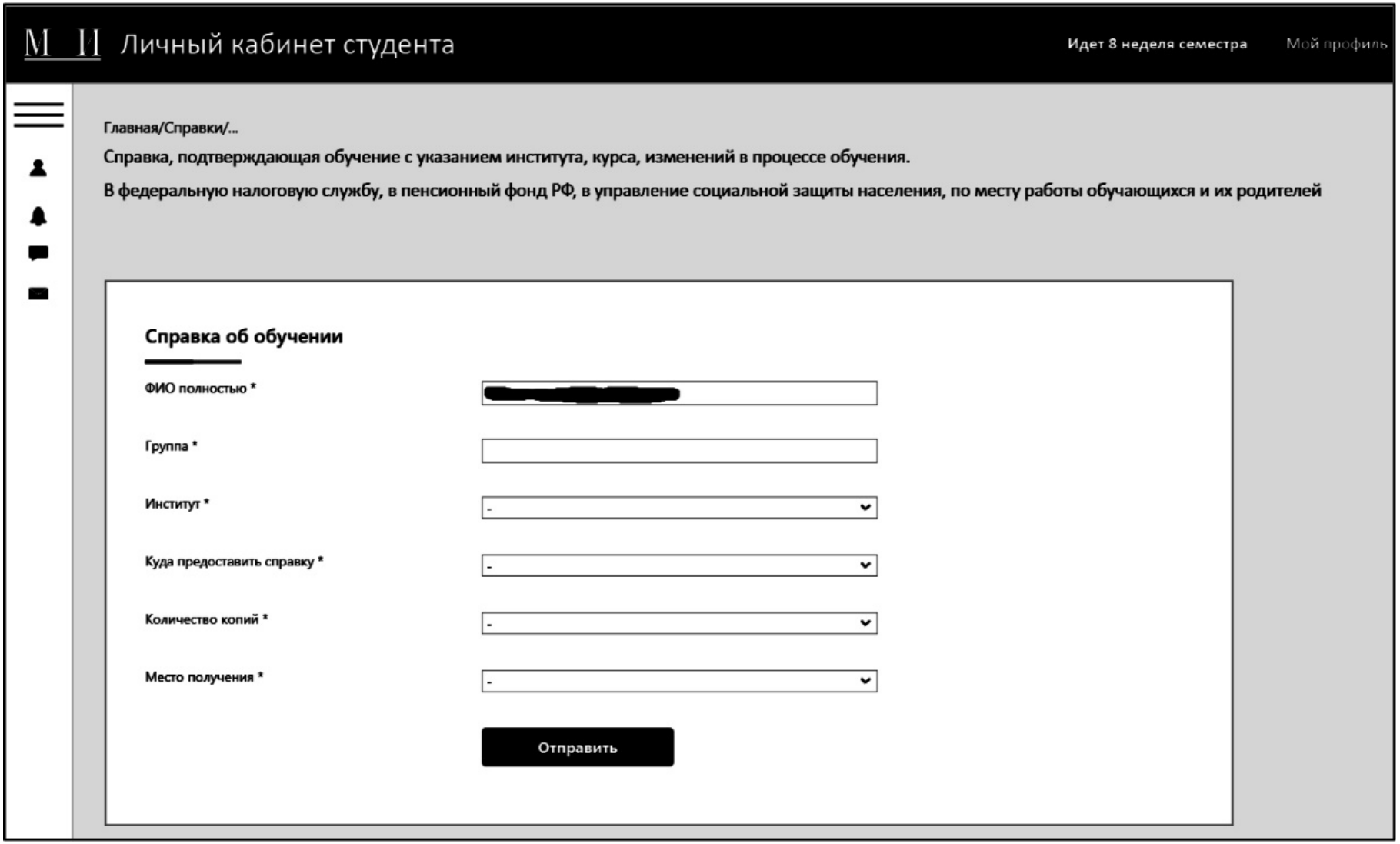

Рис. 2. Форма для заказа справки об обучения

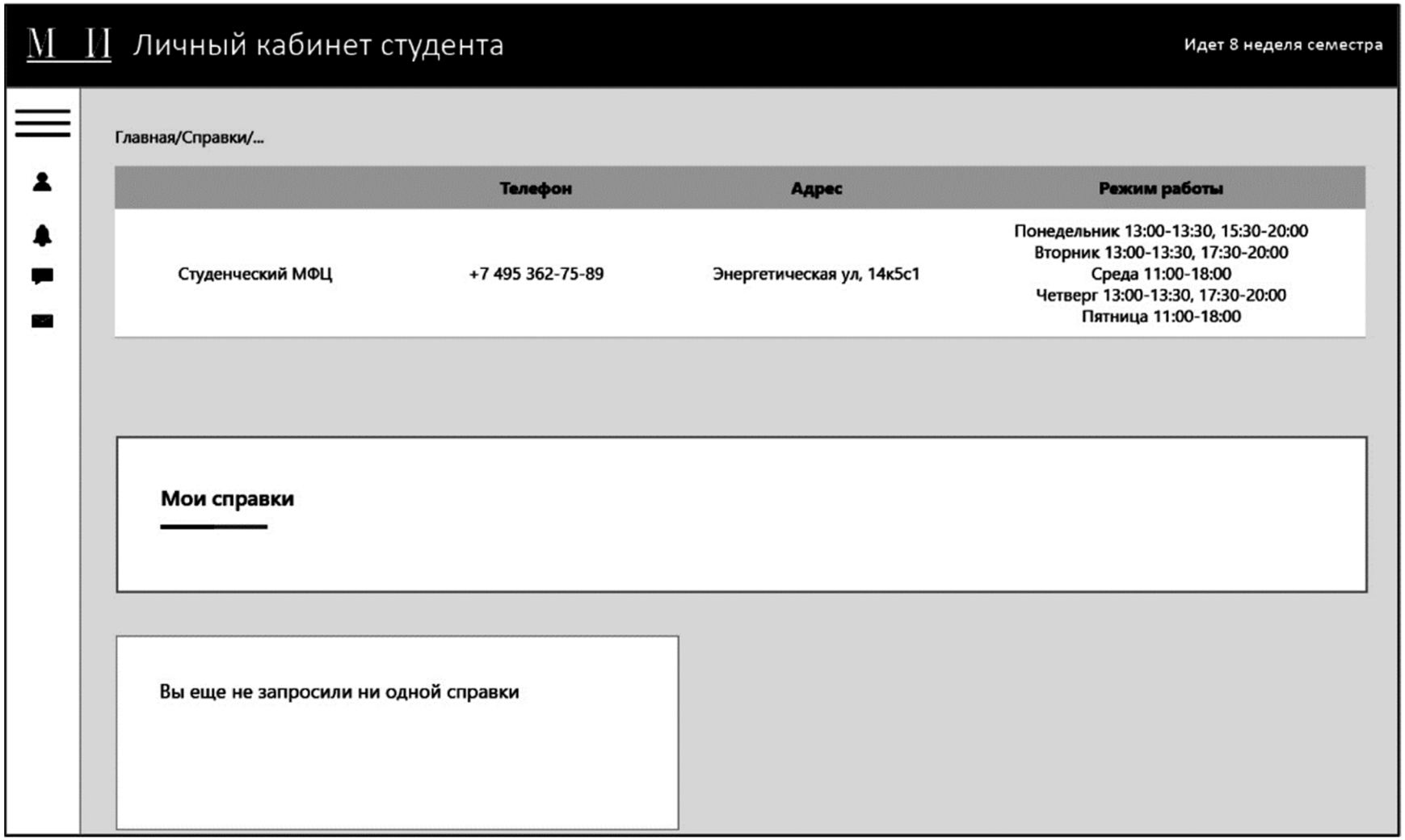

Рис. 3. Раздел «Заказанные справки»

Описание процесса обработки заявки для получения справки или документа:

Студент, авторизовавшись в личном кабинете, переходит в раздел «Справки и документы», выбирает необходимый тип справки, заполняет соответствующую форму заявки и отправляет ее. Созданная заявка автоматически попадает в список заявок со статусом «В обработке» и дублируется в разделе «Заказанные справки».

Ответственные от подразделения, занимающееся выдачей данного типа справок, получают уведомление о новой заявке на электронную почту. В случае обнаружения ошибок в заявке (например, указание неверной группы), подразделение может установить статус «Отказ», который будет виден студенту в разделе «Заказанные справки». При этом в поле «Комментарий» указывается причина отказа. Если ошибок нет, статус заявки меняется на «На исполнении», что означает начало обработки заявки ответственным лицом подразделения.

Далее документ подготавливается. Если справка студенту выдается очно, то подразделение выставляет статус «Готов к передаче в СМФЦ». Студенческий МФЦ забирает справку у подразделения и выставляет статус «Готов к выдаче». Студент автоматически получает уведомление на электронную почту о готовности справки к получению по адресу СМФЦ. После выдачи справки студенту, статус заявки меняется на «Выдана».

Если справка заказана в электронном виде, например скан, то выставляется «Скан выдан». В этом случае СМФЦ устанавливает заявке статус «Выдана», а студент может просмотреть скан справки в разделе «Заказанные справки».

С учетом вышеизложенного разработана BPMN-диаграмма заказа и выдачи справок или документов студентам НИУ «МЭИ», учитывая новую систему (рис. 4).

Внедрение автоматизированной системы заказа справок студентами представляет собой значимый шаг в сторону цифровой трансформации университета. Данный процесс не только оптимизирует обслуживание студентов, повышая эффективность университетского управления, но и содействует развитию инноваций и повышения эффективности образовательного процесса в целом. Это решение демонстрирует приверженность университета внедрению современных технологий и усовершенствованию образовательной практики.

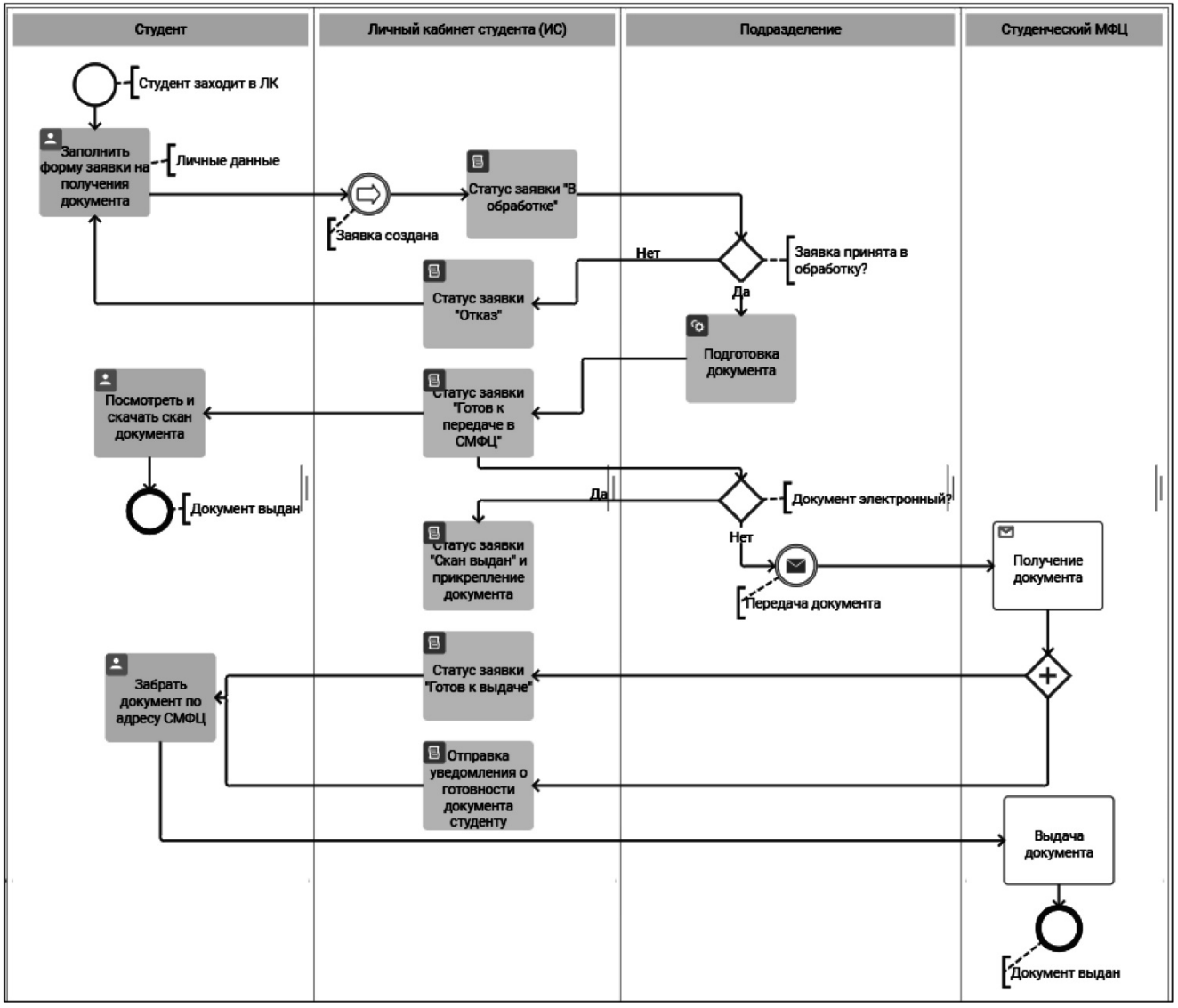

Рис. 4. BPMN-диаграмма бизнес-процесса заказа документа через личный кабинет студента

Внедрение автоматизированной системы для выдачи справок студентам обладает рядом существенных преимуществ:

– оптимизация времени. Студенты имеют возможность заказать справку в любое удобное время, не покидая своего жилья, через личный кабинет. Это исключает необходимость ожидания в очередях и экономит время;

– упрощение процедуры заказа. Автоматизированная система предоставляет простой и интуитивно понятный интерфейс для подачи заявки на справку. Студенты освобождаются от заполнения бумажных форм, вводя все необходимые данные в электронном виде;

– повышение эффективности работы подразделений. Автоматизация позволяет оперативно обрабатывать поступающие запросы, что снижает нагрузку на сотрудников и ускоряет весь процесс выдачи справок;

– минимизация риска ошибок. Использование электронной системы исключает влияние человеческого фактора, минимизируя вероятность ошибок при заполнении данных и обработке заявок;

– экологическая ответственность. Отказавшись от бумажного документооборота, мы способствуем экономии природных ресурсов и защите окружающей среды;

контроль и прозрачность. Автоматизация системы позволяет вести учет всех заказов справок и оперативно отслеживать их статус.

Список источников и литературы:

1. Репин В.С. Моделирование бизнес-процессов в нотации BPMN. Учебник. – М.: Rideo, 2019.

2. Инструмент для моделирования бизнес-процессов [Электронный ресурс] // BPMN.Studio. URL: https://bpmn.studio/ru.

Сведения об авторе:

Разина Дарья Андреевна, НИУ «МЭИ», программист, RazinaDA@mpei.ru

УДК 37.01

ЦЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Силайчева В.В.

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. В статье автор рассуждает о влиянии на становление личности цифровизации в образовательной сфере. Цифровая трансформация неизбежна, но необходимо помнить о ценности как формирую-

щейся личности (ученика, студента), так и о важной роли учителя, преподавателя. Автор обращается к одному из мыслителей второй половины 20 века, неофрейдисту Эриху Фромму, который еще в свое время выделил ряд безусловно актуальных и сейчас принципов формирования личности в образовательном процессе.

Ключевые слова: личность, образование, цифровизация.

THE VALUE OF PERSONALITY IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION

Silaicheva V.V.
National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia

Annotation. In the article, the author discusses the impact of digitalization in the educational field on the formation of a personality. Digital transformation is inevitable, but it is necessary to remember the value of both the emerging personality (student, student) and the important role of the teacher. The author refers to one of the thinkers of the second half of the 20th century, the neo-Freudian Erich Fromm, who at one time identified a number of certainly relevant principles of personality formation in the educational process.

Keywords: personality, education, digitalization.

Российская система образования, несмотря на существующую концепцию её модернизации, переживает сегодня непростые времена, связанные, прежде всего, с кризисным развитием экономики, в частности, с недостаточным финансированием образовательной отрасли, а, следовательно, и с отсутствием возможностей направлять необходимые средства на реализацию программ совершенствования образовательной деятельности. Все это, несомненно, сдерживает решение проблем повышения качества образования, создание новых образовательных технологий и их внедрение в образовательную практику.

Число ключевых проблем современного миропорядка входит проблема глобальной информатизации, что обусловлено значительным ростом роли информационных ресурсов, превращением их в главную движущую силу во всех сферах социума. Сегодня активное применение цифровых сервисов в образовании - неизбежный шаг развития современного информационного мира в целом как культурной ценности.

С точки зрения субъектных взаимодействий между участниками образовательного процесса изменяются способы и каналы коммуникации, что позволяет транслировать больший объем учебной информации, переносить акцент на самостоятельную работу обучающихся, выстраивать обучающимся индивидуальный график освоения учебной информации. Центральным драйвером цифрового образования являются информационно-коммуникативные технологии.

Следовательно, цифровая трансформация образования является неизбежным процессом изменения содержания, методов, а также организационных форм учебной деятельности в условиях динамично развивающейся цифровой образовательной среды, целевое назначение которой состоит в решении задач социально-экономического развития общества в условиях становления цифровой экономики [6, с.121].

Поскольку образование - это сфера не только трансляции знаний, но и институт социализации, процесс социального и культурного становления человека, необходим поиск новых путей развития образовательной системы, ориентированной на формирование личности, готовой к адаптации в условиях быстрых перемен своей жизнедеятельности, способной к творческой, созидательной работе.

Именно образование сегодня определяет основной вектор становления личности, её социального (гражданского) и культурного (нравственного, эстетического и духовного) развития.

Понятие «личность» широко используется в дискурсе философии и других областей научного знания, поскольку с помощью этого понятия появляется возможность исследовать человеческую объектность и субъектность в историческом, социальном, культурном и других контекстах. В этой связи и сам образовательный процесс неизбежно становится пространством социального и культурного становления человека, где особое значение приобретает его личностное измерение.

В ходе цифровой трансформации образования обновляется всё: концепция и содержание образования, планируемые образовательные результаты, педагогические методы, дидактика и технологии обучения, организация учебной и воспитательной работы. Во всех этих кардинальных изменениях проблема становления и развития личности приобретает особую актуальность. Цифровая трансформация образования и переход человечества к новому информационному типу общества влечёт за собой трансформацию в формировании и становлении идентичности личности. В современных условиях образования педагоги сталкиваются с проблемами, которые в традиционной педагогике уже изучены и имеют способы и методы решения, и данные проблемы требуют новых методов и технологий решений.

В условиях цифрового образования мы имеем огромное количество новых возможностей и новых инструментов, чтобы подготовить учеников и студентов к жизни в современном мире, но направленность коммуникации становится все более индивидуализированной и персонализированной, отображающей специфику индивидуально-личностного восприятия информации. Социальные контакты и межличностные отношения минимализированы и перенесены в виртуальную среду, все большую популяризацию получают взаимодействия, предопределенные информационно-сетевыми технологиями. Результатом виртуализации общения возможен рост эмоционального одиночества.

Одновременно с этим в условиях социокультурных трансформаций современного мира образование является сферой социализации человека. Поэтому определение целей современного образования предполагает решение задач формирования не только свободной, интеллектуально развитой личности. Речь идёт о том, что образование призвано формировать не просто человека, а человека, живущего в конкретном обществе, имеющего определённые мировоззренческие установки, культурно и нравственно развитого. Сложные процессы социокультурной динамики ставят перед образованием задачу соответствия тем изменениям, которые происходят в обществе и в человеке.

Современные социально-философские теории характеризуют образование как общественный институт, внутри которого создаётся определённый тип человеческой личности. Образование – еще и деятельность, которая направлена на становление (формирование) личности в соответствии с заданными образами общества и государства

Сегодняшнее общество можно охарактеризовать как информационное и постмодернистское.

Такое общество известный специалист в области менеджмента профессор Питер Вейлл сравнил с котлом постоянно бурлящей воды. Это создает ощущение постоянной неопределенности, беспорядка и хаоса. Именно в этой непредсказуемости и динамизме, когда постоянно меняются социальные доминанты, а поток информация обрушивается лавиной на сознание человека, и состоит суть информационной эпохи postmodernity.

Современный человек и специалист должен уметь хорошо ориентироваться в таком бурно изменяющемся мире, чтобы принимать правильные решения. Миссия современного образования – научить этому и использовать при этом возможности современных информационно-технических средств. Именно с этими процессами связано понятие циф-

ровизации, которое в последнее время стало очевидно популярным и часто употребляемым в научной и профессиональной среде. С такими задачами может справиться только педагог, реально (а не виртуально) управляющий процессом обучения.

Тем не менее, роль реального педагога, непосредственно работающего с учащимися, не идет ни в какое сравнение с дистанционным наставником. Человек – существо социальное, в этом залог проявления его сущности и развития. Без «эффекта присутствия» преподавателя и сокурсников слабеют и постепенно исчезают не только коммуникативные способности, умение работать в команде, социальный интеллект, но и падает уровень когнитивных способностей.

The Wall Street Journal показал, что 89% руководителей уже сейчас с трудом подбирают кандидатов с требуемым набором таких soft skills, как командная работа, умение общаться и адаптивность [см. 5].

Чего же ожидать при дальнейшем распространении онлайн-образования? Подлинное образование может осуществляться только в контексте реальных взаимоотношений.

Социальное окружение учащегося в процессе обучения играет для него мотивирующую и организующую роль. Далеко не каждый студент способен дисциплинировать себя и самостоятельно контролировать учебный процесс.

Кроме того, использование новых цифровых технологий в образовании негативно сказывается на уровне развития когнитивных способностей человека:

отсутствие необходимости конспектирования, доступность поиска в Internet готовых ответов на любые вопросы, раздробленность (мозаичность) и визуализация информации и т.п. приводят к резкому падению у учащихся способности проводить демаркационную линию между научным и ненаучным, выделять главное в информации, улавливать суть содержания и проблемы, мыслить системно и критически анализировать информацию, что могло бы позволить использовать её для принятия решений.

С другой стороны, преподаватель в условиях цифровизации вынужден осваивать огромное количество информационных и цифровых компетенций, что приводит к большим временным затратам, эмоциональному выгоранию и стрессу. При этом часто сам творческий процесс обучения отходит на второй план, превращаясь в набор четких нормативов, совокупность требований и инструкций, что выхолащивает, особенно в социально-гуманитарной сфере, эмоциональную живую атмосферу. При неспособности или нежелании даже весьма высококвалифицирован-

ного в своей сфере преподавателя овладевать цифровыми компетенциями он автоматически становится неконкурентоспособным. Таким образом, даже талантливые педагоги, не желающие тратить время на «цифровую бухгалтерию», однозначно остаются за бортом новой системы обучения. [1, с.195]

Здесь вспоминается мыслитель 20 века, неофрейдист Эрих Фромм, который считал, что традиционные образовательные системы часто нацелены на стандартизацию и подгонку под шаблон. Это ведет к подавлению индивидуальности и творческого потенциала студентов. Он утверждал, что образование должно способствовать развитию свободных, критически мыслящих личностей, а не просто передаче знаний.

Одним из ключевых аспектов подхода Фромма к образованию является акцент на эмоциональном и духовном росте учащихся. Он полагал, что образование должно выходить за рамки академических знаний и включать в себя развитие эмпатии, самопонимания и способности к самовыражению. Личностный рост должен стать центральной целью образовательного процесса.

Студенты – это «не пассивные вместилища для слов и мыслей», они активные участники процесса обучения: полученный материал усваивается и становится частью их мышления, на каждого из них оказывается определенное влияние, в каждом происходят какие-то изменения: «после лекции он (или она) уже чем-то отличается от того человека, каким он был прежде»[3, с.52].

Здесь Э. Фромм обращает внимание и на важность роли преподавателя, его умения так выстроить свой материал, чтобы стимулировать интерес к нему. Таким образом, Э. Фромм подчеркивает необходимость и значимость творческого отношения к образованию со стороны всех его участников и отмечает его как один из моментов развития «здорового общества».

Современную культуру Э. Фромм более полувека назад характеризовал как культуру потребительскую. Он задавался такими вопросами, которые не менее, а даже более, актуальны сейчас, когда, как и во времена Э. Фромма, человек «живёт в состоянии иллюзии, будто он знает, чего хочет», а на самом деле принимает «стандартные цели за свои собственные». Современный человек, по Фромму, довольствуется «любыми суррогатами возбуждения»: пьянством, переживанием чужих и вымышленных страстей на экране (добавим сюда - погружение в виртуальную реальность) и другими «удовольствиями» и благами цивилизации.

В связи с этим Э. Фромм затрагивает чрезвычайно важный вопрос – подавление эмоциональной жизни современного человека. Это сказывается не только на развитии творческого мышления, что является необходимым условием процесса обучения, но «затрагивает самые корни личности». Речь идёт о чувстве трагического, которое является одним из основных свойств человека и без которого, в сущности, нет человека в полном смысле этого слова. Чувство трагизма, по его мнению, утрачивается в современной жизни. Э Фромм видит в этом «катастрофическое» воздействие современной системы массовой информации, когда сообщения о бомбардировке городов и гибели тысяч людей «бесстыдно» сменяются рекламой, выставками мод и т.д. Это приводит к тому, что человек теряет подлинную связь с услышанным и увиденным, оно его как бы не касается, он престаёт волноваться, становится безразличным.

Так, Э. Фромм подходит к этому вопросу с точки зрения фактора «всепронизывающего отчуждения» как характерологического феномена общества эпохи капитализма, который является угрожающим для духовного мира человека. Его критическое отношение к современному образованию связано с отсутствием в нём высоких гуманистических целей и задач. Оно направлено прежде всего на сообщение знаний для существования в сложившейся «промышленной цивилизации», для формирования таких черт характера, которые требуются «на рынке личностей»: честолюбие, работоспособность, конкурентоспособность и др. Характеризуя современную ему социокультурную ориентацию общественной жизни как потребительскую, он видит задачу образования в том, чтобы в человеке и в обществе сформировать представление о подлинных идеалах и ценностях. В условиях кризиса современной цивилизации Э.Фромм сохраняет веру в возможности личного совершенствования человека: «Я верю в способность человека к совершенствованию» [4, с.371].

Поэтому, необходимо помнить, что высшее образование – это, прежде всего, освоение высших интеллектуальных и культурных ценностей, обогащение духовного багажа, необходимого специалисту в эру обострения глобальных проблем. И эти общекультурные компетенции вновь начинают цениться. Учитывая это, можно согласиться с сегодняшней позицией российского Министерства науки и высшего образования и нового главы ведомства Валерия Фалькова, который отметил: «Онлайн-курсы должны быть обязательной частью получения образования в любом университете, но полностью заменить традиционное образование они не смогут... Лучше всего онлайн-обучение подходит для получения второго и последующих высших образований» [20]. Отрадно, что это мнение совпадает с позицией большинства преподавателей и студентов.

Цифровые технологии вошли в нашу жизнь и это навсегда, поэтому необходимо обеспечить будущее страны грамотным поколением, которое внедрит новые идеи и возможности во все сферы жизни человека. Конечно, пока все эффекты цифровизации образования не будут исследованы, будет сложно адаптироваться к подобному формату обучения, но с другой стороны, безоговорочный отказ от цифровизации — означал бы большие потери для образования, мы могли бы потерять большое количество интересных и удобных инструментов, не смогли бы развивать необходимые навыки для жизни. Результаты исследований показали, что форматы, когда обучение построено с применением дистанционных образовательных технологий, оказывается, как правило, эффективнее дистанционного обучения с работой в электронно-образовательной среде, но и абсолютный отказ от современных цифровых инструментов становится неэффективным форматом обучения [2, с.1-4]. Практика показывает, что качественное образование всегда представляет собой живое взаимодействие педагога и обучающихся — и онлайн-курс без всякой обратной связи, и скучная лекция, после которой никто не задаёт вопросы, одинаково бесполезны и малоэффективны.

Список источников и литературы:

1. Понизовкина И.Ф. Цифровизация высшего образования: перспективы и риски // Право и практика. 2020. № 1. С. 194–202

2. Стрельченко О.Н. Развитие личности в условиях цифровизации российского образования // Международный научно-исследовательский журнал ▪ № 2 (128) ▪ февраль. Социальная и политическая философия / Social and political philosophy. Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва. С.1-4

3. Фромм Э. Иметь или быть? // Величие и ограниченность теории З.Фрейда.– М.: Астрель, 2000.

4. Фромм Э. Душа человека. М., 1992.

5. Хорн М., Моэста Б. Что нужно студентам от вузов в XXI веке // https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/819215

6. Уджуху И.А., Тугуз Ф.А., ДвойниковаЕ.С. Цифровизация образования как культурная ценность //Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Том 16, № 2. С. 119-126. https://doi.org/10.47370/20 781024-2024-16-2-119-126.

Сведения об авторе:

Силайчева Валерия Вадимовна, кандидат философских наук, НИУ «МЭИ», доцент, KhominskyaVV@mpei.ru

УДК 37

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Скворцов Н.С., Гусарова М.Н.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация: В статье предпринята попытка осмыслить плюсы и минусы российского высшего образования со стороны непосредственного участника - студента. Автор, не умаляя заслуг отечественной высшей школы в подготовке специалистов для народного хозяйства страны, наличия колоссального опыта, значительного преподавательского потенциала, тем не менее фиксирует ряд системных проблем, в числе которых, недостаточная актуальность образовательной программы, низкая мотивация студентов к получению знаний, слабая заинтересованность преподавателей. В статье сформулированы предложения, которые содержат рекомендации по актуализации образовательных программ и реформированию учебного процесса.

Ключевые слова: образование, студенты, абитуриенты, преподаватели, университет, образовательная программа, перспективы, реформирование, проблемы.

HIGHER EDUCATION IN RUSSIA THROUGH THE EYES OF STUDENTS

Skvortsov N.S., Gusarova M.N.
National Research University "MPEI", Moscow, Russia

Abstract: The article attempts to comprehend the pros and cons of Russian higher education from the side of a direct participant - a student. The author, without detracting from the merits of the national higher school in training specialists for the national economy of the country, the presence of enormous experience, significant teaching potential, nevertheless fixes a number of systemic problems, including insufficient relevance of the educational program, low motivation of students to acquire knowledge, weak interest of teachers. The article formulates proposals that contain recommendations on updating educational programs and reforming the educational process.

Keywords: education, students, applicants, teachers, university, educational program, prospects, reformation, problems

В статье тезисно освещаются основные аспекты сложившейся, на наш взгляд, сложной, близкой к кризисной, ситуации в системе высшего образования. В частности, предпринята попытка осветить существующие проблемы не со стороны государства, бизнеса, научно-педагогического сообщества или общества, в целом, а со стороны, непосредственных получателей образовательных услуг – учащихся российских вузов.

Представляется важным, отразить в статье отношение к современному российскому образованию со стороны студенческого комьюнити, к которому автор имеет самое непосредственное отношение; выявить спектр проблем и предложить возможные варианты их преодоления.

Реформирование системы отечественного высшего образования – процесс длительный, растянувшийся на весь постсоветский период. В нем можно выделить несколько этапов и направлений преобразований. В 90-е годы XX в. – это процессы гуманизации и гуманитаризации, введение новых дисциплин, образовательных программ, коммерциализация образования, в первое десятилетие XXI в. – интеграция в болонскую систему, переход к двухуровневой модели образования (бакалавриат и магистратура), укрупнение вузов и введение их новой градации (федеральные вузы, исследовательские университеты, региональные вузы), внедрение компетентностного подхода к обучению и федеральных государственных образовательных стандартов. С 2022 г. начался новый этап, связанный с отказом от «болонской системы», направленный на суверенизацию отечественного высшего образования. [1]

Представляется важным, отметить тот факт, что в разработке и реализации реформ присутствует определенная рассинхронизация, принимаемые решения не проходят широкого общественного обсуждения. Если, например, в 1990-е годы и в первое десятилетие 2000-х на парламентские слушания, посвященные проблемам отечественного образования, заседания профильного комитета Государственной Думы Российской Федерации приглашались ученые, ректора вузов, преподаватели, представители бизнеса и различных общественных организаций, журналисты, то сейчас подобный формат резко сократился. Принимаемые решения фактически не учитывают мнение участников образовательного процесса.

Отечественная высшая школа берет свое начало со Славяно-греколатинской академии, возникшей в 1687 г. Ее открыли для того, чтобы готовить необходимые кадры для государственной и церковной службы. В XVIII-XIX в. в России возникли классические и технические университеты (институты, училища), но их главное отличие от европейских университетов заключалось в том, что они не представляли собой акаде-

мическую корпорацию, не обладали автономией и университетскими свободами. Их функционал заключался исключительно в подготовке кадров для государственной и военной службы. И преподаватели, и студенты носили мундиры.

В советский период этот функционал высшей школы не только не сохранился, но и приобрел законченный вид. По сути, высшие учебные заведения представляли собой государственные учреждения, которые осуществляли подготовку кадров для государственных организаций и предприятий. Их функционирование определяла идеология и плановая экономика, в соответствии с которыми выделялись бюджетные места, формировались учебные планы и номенклатура специальностей. В этой системе не стоял вопрос личной мотивации, ее полностью заменяла идеология. «Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть!» - гласил известный лозунг.

1990-е годы и первое десятилетие XXI века были временем поиска новых форм функционирования высшей школы, однако централизация победила, при том, что высшая школа теперь предоставляет образовательные услуги (если мы внимательно почитаем закон «Об образовании»). Такой гибрид и породил, на наш взгляд, большинство современных проблем высшей школы от которых страдают все в равной степени, преподаватели, студенты, работодатели.

Перспективы и потенциал

У России имеется значительный потенциал для того, чтобы перезапустить свою систему высшего образования и сделать ее одной из лучших в мире. Сейчас время поиска и отказ от «болонской системы» открывает для это широкие возможности.

За более чем сто лет (имперского и советского периода) был накоплен огромный научно-технический и методический потенциал. В стране значительный кластер из университетов, осуществляющих не только подготовку специалистов, но и научные исследования мирового уровня. Все это может стать фундаментом для модернизации системы высшего образования.

Потребность в получении высшего образования в нашей стране – одна из самых высоких в мире. И оно, в целом, является доступной опцией для тех, кто жаждет профессиональной и личностной самореализации, кто стремится принести пользу обществу.

Иными словами, в стране есть, несомненно, потенциал для подготовки высококвалифицированных специалистов международного уровня.

Проблемы и мой взгляд на их решение

Первая проблема – низкий уровень подготовки абитуриентов и отсутствие вступительных испытаний. Современная школа фактически утратила свои основные функции – обучение и социализация, с которыми она более или менее справлялась в советское время. В вузы в итоге приходят студенты, которым приходится объяснять азы физики, химии, информатики, алгебры и геометрии. Снижение уровня подготовки выпускников школы, конечно не сопоставимо с тем, что был в 20-30- годы XX века, когда шла болезненная ломка дореволюционной высшей школы, но все же настораживает, ведь на восполнении пробелов школьного образования уходит значительная доля времени в учебном процессе, снижается планка требований к будущим специалистам.

Не затрагивая вопрос об отмене ЕГЭ (сейчас на повестке дня он, в целом, не стоит), настаиваем, что возвращение к вступительным испытаниям в вуз необходимо. Выпускной экзамен демонстрирует насколько учащийся школы освоил школьный курс по тем или иным предметам. Вступительный экзамен в вуз, в свою очередь, показывает способность абитуриента к обучению именно в этом высшем учебном заведении. Логично, например, если в Литературном университете попросят абитуриента написать аннотацию на какое-то литературное произведение, чтобы выявить его способность к анализу, его умения формулировать и переносить на бумагу собственные суждения. Есть творческий экзамен при поступлении в театральные вузы, в художественном училище просят нарисовать рисунок, а для военного вуза нужны определенные физические характеристики и способности.

Но, в целом, у высших учебных заведений нет возможности отбирать студентов с теми способностями, которые им нужны. На мой взгляд, необходимо пересмотреть школьную образовательную программу, приблизить ее к тем требованиям, которые есть в высшей школе. Кроме того, представляется правомерным дополнить Единый государственный экзамен вступительными экзаменами в вуз, предоставив последним право самим выбирать линейку предметов для вступительных испытаний. Безусловно, это позволит поднять общий уровень поступающих.

Вторая серьезная проблема современной высшей школы – это низкая мотивация студентов к получению знаний. На наш взгляд, большинство студентов поступают в вуз не для получения знаний или квалификации, а по ряду других причин, таких как отсрочка от армии, получение «корочки», стереотип об обязательном высшем образовании и т.д. В итоге студенты учатся «спустя рукава», не вникают в суть изучаемых дисциплин, не стре-

мятся наращивать свой интеллектуальный потенциал. Конечно, руководство вузов и педагогическое комьюнити пытаются эту проблему решать, но действуют чаще всего, используя совершенно не работающий метод запугивания, карательных санкций и т.п. Например, в НИУ МЭИ проблему посещаемости лекций попытались решить введением автоматов. Принцип простой: не пропускаешь занятия – получаешь зачет или экзамен «автоматически», пропускаешь – сдаешь экзамен. Результат в итоге неоднозначный: посещаемость лекций выросла, но общий уровень знаний и заинтересованности это не повысило. Студенты приходят на лекции или семинары, но не вникают в преподаваемый материал, а занимаются своими делами.

На наш взгляд, подходить к решению проблемы следует системно. Во-первых, отказаться от подхода, что вуз предоставляет образовательную услугу, а ты, соответственно, либо учишься, либо нет. Как с абонементом в фитнес-клуб, хочешь посещаешь, хочешь – пропускаешь. Необходимо разработать новую концепцию высшего образования.

Во-вторых, следует изжить такое явление как оценка. Это позволит студенту стремится не к получению какой-то определенной оценки или балла, а к обретению знаний. Также при следует ликвидировать «автомат», ввести экзамен по большинству предметов. С одной стороны, это позволит студенту учится в комфортном для него режиме, с другой - контролировать насколько он изучил программу и какие знания получил.

В-третьих, дать студенту в реальности формировать свою образовательную матрицу. На наш взгляд, следует, сохранив ряд обязательных к изучению предметов по специальности, дать студенту самому выбирать программы из вариативного блока, а также расширять спектр дисциплин для повышения квалификации. Представляется важным предоставить студенту возможность менять образовательную программу, переходить с одного направления на другое.

Необходимо более тесно и системно взаимодействовать с компаниями-работодателями, поощрять и расширять стажировку по специальности. Ведь, это в конечном счете даст студенту понимание в том, какие предметы конкретно ему необходимы для дальнейшего изучения. Сейчас же студент учится абстрактно, не понимая зачем ему те или предметы, что от него хотят преподаватели и как ему эти знания пригодятся в будущем (к этому утверждению меня привел мой собственный опыт работы по специальности в ПАО «Россети Московский регион»).

В-четвертых, следует постоянно актуализировать образовательную программу, из-за ее быстрого устаревания к запросам реального сектора экономики. Это же справедливо и для отдельных дисциплин. На наш

взгляд, перспективно в рамках курса математического анализа обучать студентов работе с реальными программами по обработке данных и производству расчетов (в XXI веке на практике никто в здравом уме не будет на листке ручкой производить сложные расчет), но университет не дает подобных практических и актуальных навыком. На инженерной графике разумно было бы учить работе с инженерными платформами и графическими программами, а не черчению от руки. Необходимо максимально приблизить программы обучения к реальной профессиональной деятельности. Безусловно, это потребует и от преподавателей постоянно наращивать свой багаж практических навыков.

В-пятых, пересмотреть концепцию школьного образования, дополнив образовательные программы заданиями на развитие навыков мышления – критического, креативного, новых грамотностей. [2]

Вывод

Таким образом, открывшееся «окно возможностей» для реформирования отечественного высшего образования можно использовать с пользой, если сделать ставку на интеграцию всех участников образовательного процесса, дистанцироваться в равной степени как от стереотипов советской высшей школы, так и западной модели образования, не стремиться к простому копированию, перейти к более гибким образовательным моделям в рамках новой концепции образования.

Список источников и литературы:

1. Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В. Государственная научно-техническая политика Российской Федерации в контексте перехода страны к инновационному развитию: Монография. М.: Издательский центр РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, 2012. С.551-613.

2. Бутовская З., Косарецкий С., Звягинцев Р. Образовательная бедность в РФ: проблемы измерения и оценки [Электронный ресурс] // https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnaya-bednost-v-rf-problemy-izmereniya-i-otsenki?ysclid=m34pm2e5n5311226652 (дата обращения: 03.11.2024)

Сведения об авторе:

Скворцов Никита Сергеевич, студент 3 курса, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Институт Электроэнергетики, кафедра ТВН, nikita.skvortsov.nikita@gmail.com.

УДК 378.16

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Старухин С.Д.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в высшее образование и их влияние на методы преподавания. Рассматриваются инновационные технологические подходы, дистанционное обучение и развитие ИКТ с 1990-х годов до нейросетей. Подчеркивается необходимость дальнейших исследований в данной области для оптимизации применения технологий в высшем образовании.

Ключевые слова. Образование, высшая школа, информационно-коммуникационные технологии, технологии в обучении, искусственный интеллект.

THE INFLUENCE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES ON THE EDUCATIONAL PROCESS IN HIGHER EDUCATION

Starukhin S.D.
National Research University «MPEI», Moscow, Russia

Abstract. The article examines the integration of information and communication technologies (ICT) in higher education and their impact on teaching methods. It discusses innovative technological approaches, distance learning, and the development of ICT from the 1990s to neural networks. The necessity for further research in this area is emphasized to optimize the application of technologies in higher education.

Keywords. Education, higher education, information and communication technologies, technologies in teaching, artificial intelligence.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) на протяжении значительного времени демонстрирует устойчивую тенденцию к интеграции в образовательный процесс высшей школы, проникая в его

структуру все более глубоко. Одной из ключевых задач современных исследователей является анализ данной проблемы. Необходимо осознать, каким образом на самом деле современные технологии трансформируют методы преподавания и восприятие знаний, а также в дальнейшем научиться эффективнее использовать их в интересах образовательных учреждений и выработать в конечном итоге универсальную и адаптивную систему обучения.

Всю полезность ИКТ применимо к обучению в ВУЗах можно кратко сформулировать в трех тезисах.

1. Они способствуют появлению инновационных методов обучения, обеспечивая естественную интеграцию цифровых ресурсов в современные образовательные условия.

2. Внедрение ИКТ в образовательный процесс способствует формировки разнообразных методов решения проблем, поскольку университеты стремятся занять лидирующие позиции в применении современных методов преподавания.

3. ИКТ открывают новые горизонты для образовательного процесса, включая дистанционное обучение, более гибкие системы двусторонней коммуникации и возможности для самообучения, что сегодня встречается уже практически повсеместно.

Применение ИКТ в образовании восходит к 1950-м годам с введением компьютерного обучения. Для оптимизации объема рассматриваемого материала и акцентирования внимания на наиболее значимой и актуальной сегодня информации, здесь не будет рассматриваться применение ИКТ в высших учебных заведениях до появления Всемирной паутины, поскольку в этот период их использование было крайне ограниченным.

На первых парах массового внедрения ИКТ в ВУЗах, случившегося в конце прошлого века, важнейшую роль сыграло возникновение и распространение интернета, который обеспечил возможность мгновенного обмена информацией. Так, уже на начальном этапе своего развития, в 1990-е годы, он стал активно внедряться в образовательный процесс. ВУЗы начали создавать свои веб-сайты, что дало студентам доступ к новостям учебного заведения, расписанию и учебным материалах. В начале 2000-х многие университеты начали использовать электронные учебные материалы и платформы для дистанционного обучения. Появились специальные системы управления обучением, посредством которых стала возможна организация онлайн курсов и дистанционного взаимодействия между студентами и преподавателями.

Системы управления обучением (СУО) сейчас широко используются при дистанционном обучении для организации курсов, доступа к материалам и отслеживания прогресса студентов. Они также обеспечивают коммуникацию между участниками и собирают данные для анализа эффективности обучения.

Преподаватели понимают ценность таких методов и считают, что цифровизация улучшает качество обучения, активирует студентов и делает процесс видимым. Преподаватели считают также, что использование цифровых инструментов облегчает учет учащихся и улучшает их обучение и отмечают, что цифровые инструменты поддерживают сотрудничество студентов и помогают им приобретать навыки для будущей работы [1].

Системы управления обучением традиционно разделяют на две категории: синхронные и асинхронные.

Синхронные системы управления обучением — это совокупность образовательных платформ и технологий, которые обеспечивают взаимодействие участников в реальном времени, позволяя студентам и преподавателям участвовать в занятиях одновременно. Примеры: видеоконференции, вебинары и онлайн-лекции.

Асинхронные системы управления обучением — это совокупность образовательных платформ и технологий, которые позволяют участникам взаимодействовать и обучаться в любое время, без необходимости одновременного присутствия. Примеры: онлайн-курсы, электронные учебники и форумы для обсуждений.

Выбор между синхронными и асинхронными системами управления обучением зависит от целей образовательного процесса и предпочтений студентов. В современных условиях часто используется комбинированный подход, который сочетает элементы обоих типов систем.

Во время пандемии COVID-19 введение большинством ВУЗов дистанционного обучения привело в конечном итоге к появлению новой гибридной формы, совмещающей в себе черты классического очного обучения и электронного. На настоящее время она имеется в Стэндфордском университете (США), университете Оксфорда (Великобритания), университете Торонто (Канада), университет Сиднея (Австралия) и других.

Согласно данным немецких и австрийских исследователей, наиболее используемым элементом цифрового обучения являются синхронные онлайн-конференции или встречи, используемые 74,6% лекторов. Онлайн-опросы (surveys) (64,8%), онлайн-опросы (polls**)** (62,7%) и цифровые раздаточные материалы (62%) также используются большим процентом преподавателей. Другими часто используемыми элементами обучения являются лекционные видео (57%), цифровые доски (52,1%), электронные книги (45,1%) и дискуссионные форумы (42,3%) [2, с. 15584].

На настоящий момент можно считать, что развитие электронного обучения на базе интернета, начавшееся почти 30 лет тому назад, успешно завершилось, достигнув своего предела. В дальнейшем доминирование электронного обучения, имеющего ту форму, которую мы видим сегодня, над классическими методами в настоящее время возможным не представляется ввиду его видимой ограниченности, заключающейся в невозможности наглядного демонстрирования опытов в областях STEAM, отсутствия практической подготовки при получении медицинского образования, имеющей большое значение и т.п.

Новый виток в развитии ИКТ – это появление нейросетей.

Середина 2000-х годов стала периодом «новой революции в нейросетях» благодаря разработке эффективных алгоритмов обучения многослойных нейронных сетей командой Джеффри Хинтона в Университете Торонто. Дальнейшая эволюция этой разработки совместно с увеличением вычислительных мощностей привела в конечном итоге уже хорошо знакомому нам GenAI (генеративному искусственному интеллекту).

GenAI — это тип нейронных сетей, которые используются для создания новых данных на основе полученной при обучении информации.

Важный вопрос заключается и в том, должны ли в будущем такого рода технологии быть направлены на замену учителей и преподавателей, или лишь на расширение их и студентов возможностей. Всего четыре года тому назад отмечалось, что в образовании ИИ является спящим гигантом [3, с. 11], в то время как сегодня он массово прямо или косвенно используется студентами при обучении. Так, например, исследование, проведенное в Гонконге, показало, что 66,7% участников использовали технологии GenAI в общем контексте (не специально для преподавания и обучения) хотя бы один раз. В частности, 21,8% сообщили, что редко используют его, 29,1% используют его иногда, 9.8% часто используют его, а 6,0% сообщили, что всегда используют его [4, с. 6].

Помимо такого рода практики, уже можно говорить о создании самими вузами собственных AI ресурсов, так называемых AI Lab. Опыт в этом есть у Стэнфордского университета (США), университета Торонто (Канада), университета Цюриха (Швейцария), университета Токио (Япония) и у многих других. Из российских ВУЗов больше всех выделяются МГУ и НИУ ВШЭ.

Сегодня мы живем в исторически важное время, когда образование претерпевает значительные изменения под влиянием технологий. ВУЗы, конкурируя друг с другом, стремятся внедрять новые методы преподавания, которые соответствуют нынешнему положению дел. В будущем, благодаря внедрению этих инновационных подходов, мы можем ожидать

появления универсальной образовательной модели, которая будет адаптироваться к потребностям каждого студента. Это должно положительно сказаться на качестве образования в целом, обеспечивая более глубокое понимание предметов и развитие необходимых навыков. Таким образом, мы находимся на пороге новой эры в образовании, где современные технологии будут играть главную роль. Важно, чтобы образовательные учреждения продолжали исследовать и внедрять новые методы, стремясь к созданию более развитой и адаптивной образовательной среды.

Список литературы и источников:

1. Kallunki. V. Comparison of voluntary and forced digital leaps in higher education – Teachers' experiences of the added value of using digital tools in teaching and learning // Education and Information Technologies 28(8):1-26
2. Wieland Müller & MüllerW, Leyer M. Understanding intention and use of digital elements in higher education teaching // Education and Information Technologies 28(12):1-27
3. Bates T. Can artificial intelligence transform higher education? // International Journal of Educational Technology in Higher Education
4. Cecilia Ka Yuk Chan & Wenjie Hu. Students' voices on generative AI: perceptions, benefits, and challenges in higher education // International Journal of Educational Technology in Higher Education

Сведения об авторах:
Старухин Савва Дмитриевич, НИУ «МЭИ», студент, StarukhinSD@mpei.ru

УДК. 316

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА АСПИРАНТУРЫ

Уражок Т.В.
ФГБОУ ВО «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королёв, Россия

Аннотация. В статье рассматривается влияние процесса цифровизации на деятельность института аспирантуры. Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетного опроса на тему «Отношение

аспирантов к аспирантуре и научно-преподавательской деятельности», проведенного в 2019-2020 гг. (N=300). А также данные, полученные в ходе экспертного опроса на тему «Система подготовки кадров высшей квалификации в оценках профессионалов, организующих и осуществляющих подготовку аспирантов» (N=23), состоявшегося в 2023-2024 гг. Помимо этого в статье приводятся данные официальной статистики. В работе рассматриваются основные преимущества и недостатки цифровизации в области подготовки и защиты диссертаций. Результаты исследования показали, что несмотря на облегчение организационно-административной и научно-исследовательской стороны жизни аспирантов, им все равно не хватает времени, чтобы защитить диссертацию в установленный срок.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, наука, диссертация, аспирантура, исследования.

THE IMPACT OF THE DIGITALIZATION PROCESS ON THE ACTIVITIES OF THE POSTGRADUATE TRAINING INSTITUTE

Urazhok T.V.
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, pilot-cosmonaut A.A. Leonov", Korolev, Russia

Abstract. The article deals with the impact of the digitalization process on the activities of the Postgraduate Training Institute. The empirical basis of the study was the results of a questionnaire survey on the topic "Postgraduates` attitudes towards postgraduate education and scientific activity " conducted in 2019-2020 (N=300). As well as data obtained during an expert survey on the topic "The postgraduate training system in the assessments of professionals organizing and training postgraduate students " (N=23), held in 2023-2024. In addition, the article provides official statistics. The paper examines the main advantages and disadvantages of digitalization in the field of preparation and presentation of thesis. The results of the study showed that despite the simplification of the organizational, administrative and research aspects of the life of postgraduate students, they still do not have enough time to complete their thesis on time.

Keywords: artificial intelligence, digitalization, science, thesis, postgraduate training institute, research.

В эпоху активного и стремительного развития цифровых систем практически ни одна сфера общественного хозяйствования не смогла сохранить свои традиционные принципы функционирования. Цифровизация стала новым толчком и этапом развития для сферы образования и науки. Появились разного рода образовательные платформы (Нетология, Skillbox, Вышка Онлайн, Онлайн-платформа «е-Сибирь»), приложения, облегчающие взаимодействие между педагогом и обучающимся (Яндекс.Класс, Telegram, VK WorkSpace).

Одним из основных перспективных направлений развития является применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) в производственной и творческой деятельности. Нейросети сегодня стали одними из самых быстроразвивающихся технологий. Их разработчики не останавливаются на конструировании только сети, которая быстро генерирует ответ. Ядро функционирования ИИ постоянно совершенствуется. Его работу пытаются максимально приблизить к работе человеческого мозга. В новой версии нейросети OpenAI ChatGPT o1 обозначен новый этап развития нейросетей. Она может быть менее эффективна в ответах на простые вопросы по сравнению с ChatGPT-4 и серьезно их не превосходит, но предприняты попытки задать для нейросети новые параметры. Процесс получения ответа на поставленный перед нейросетью вопрос требует использования разных логических операций, выдержки определённой паузы, так как сети нужно время «подумать» перед ответом, задать дополнительные уточняющие вопросы [7]. Зарубежные специалисты отмечают, что новая версия o1 будет эффективна в решении логических задач, написании сложных программных кодов, формировании формул по физике, химии, биологии, в решении задач по этим дисциплинам и во многих других сложных задачах [10].

Сегодня цифровизация выходит на новый качественный уровень и предлагает сфере образования и науки «помощника» в виде нейросети, который постоянно обучается и способен в перспективе забрать у преподавателя часть рутинной работы.

По вопросам применения нейросетей в научно-образовательной деятельности нет единой устоявшейся точки зрения. В академическом дискурсе встречаются как критические замечания в адрес новой технологии, так и признание преимуществ использования ИИ в данной сферах. Основными преимуществами специалисты в области ИИ считают, в первую очередь, расширение доступности освоения цифровых навыков студентов и научно-педагогических кадров. А также повышение эффективности педагогической деятельности путем экономии времени преподавателя, снятие с него нагрузки по выполнению рутинных задач

(например, проверке заданий). Помимо этого, нейросети предоставляют целый спектр средств визуализации учебных материалов. Расширяют возможности применения многообразных образовательных приемов и методик (геймификация, смарт-кампусы, промежуточное обучение и т.д.) [5, 6].

Но, несмотря на все преимущества, существуют риски использования ИИ. Одним из самых значимых можно назвать злоупотребление нейросетями в научно-образовательной деятельности, возникновение искаженного восприятия ИИ не как вспомогательного средства, а как полноправного участника и генератора идей и текста. Иногда некорректное применение нейросетей происходит неосознанно в силу отсутствия компетенций по установлению верификации сгенерированных текстов и баз данных. Нейросети склонны формировать абстрактные базы данных, которые ничем не обоснованы в реальности. Также можно отметить проблемы этического характера, связанные прежде всего с хранением и обработкой персональных данных, их дальнейшим использованием нейросетью. Высокий уровень технологизации и появления цифровых помощников в лице ИИ, возможно, в будущем приведет к снижению творческих, когнитивных и креативных способностей молодых людей [6].

Однако факт остается неизменным – как и применение цифровых технологий, ИИ плотно и прочно входит в образовательную и научную жизнь. Если старшее поколение использует ИИ с неохотой и во многом относится к нему скептически, то молодежь, напротив, видит в нем одного из помощников в трудовой и образовательной деятельности.

Инструменты цифровизации применяются и в системе подготовки кадров высшей квалификации. Проблема применения нейросетей в деятельности аспирантуры на сегодняшний день стоит наиболее остро. Так как именно на этот частный социальный институт возложена во многом ответственность за формирование научного и педагогического кадрового потенциала страны.

Использование аспирантами ИИ затрудняет процесс аттестации и контроля качества подготовленных диссертаций и обоснования научных ноу-хау. Ни ВАК с его сугубо бюрократической структурой, ни Диссертационный совет, представляющий научное экспертное сообщество, не обладают в полной мере компетенциями для выявления контента, сформированного искусственным интеллектом. Хотя постепенно, конечно, совершенствуются средства контроля за использованием ИИ в работах. Так, например, система Антиплагиат.вуз уже настроена на контроль использования текста, сгенерированного нейросетью. А вначале следую-

щего 2025 г. должен вступить в силу ГОСТ Р 71657-2024 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения», определяющий правила использования искусственного интеллекта в научной и образовательной работе. Согласно данному нормативному акту, ИИ может помогать искать информацию, хранить ее и обрабатывать. Но писать научные работы студентам и преподавателям придется уже самостоятельно [4].

Тем не менее система контроля еще полностью не отлажена, на это указывает случай написания нейросетью ChatGPT выпускной квалификационной работы студента РГГУ, вызвавший большой общественный резонанс в нашей стране [1].

Уже появляются прецеденты в мировой науке, когда нейросеть применялась для формирования какой-то части диссертации. Одним из самых известных случаев является использование нейросети ChatGPT-o1 научным сотрудником NASA, Кайлом Кабасаресом, для написания кода для его докторской диссертации. Нейросеть сделала работу ученого, которой он посвятил почти год, за час и шесть запросов [2].

Таким образом, если контроль за качеством написания ВКР в нашей стране возложен на научного руководителя и систему Антиплагиат.вуз, то за качеством подготовки диссертации помимо ВАК стоит еще одна негосударственная структура – Диссернет. Она является вольным сетевым сообществом, которое уже много лет следит за качеством защищенных диссертационных исследований. Следует отметить, что Диссернет производит контроль за защищенными диссертациями без срока давности. Хотя согласно Постановлению Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. от 16.10.2024) «О порядке присуждения ученых степеней» и «Положению о присуждении ученых степеней», срок давности, когда к кандидату наук могут быть предъявлены претензии по предоставлению некачественного диссертационного исследования, составляет 10 лет [8]. Разворачиваются целые кампании по отзыву степеней. Рассмотрим динамику лишения степеней на рис. 1 [3].

Абсолютный максимум удовлетворенных заявлений о лишении ученой степени был достигнут в 2023 году и составил 597 заявлений. Однако и возросло количество отказов в лишении степени – 103 случая.

Удивительным является тот факт, что серьезные контрольные функции и их осуществление производит общественная организация, а не собственно ВАК. Однако, несомненно, сейчас с развитием и использованием нейросетей контроль за качеством научных работ необходимо проводить на всех уровнях как на государственном, так и на частном.

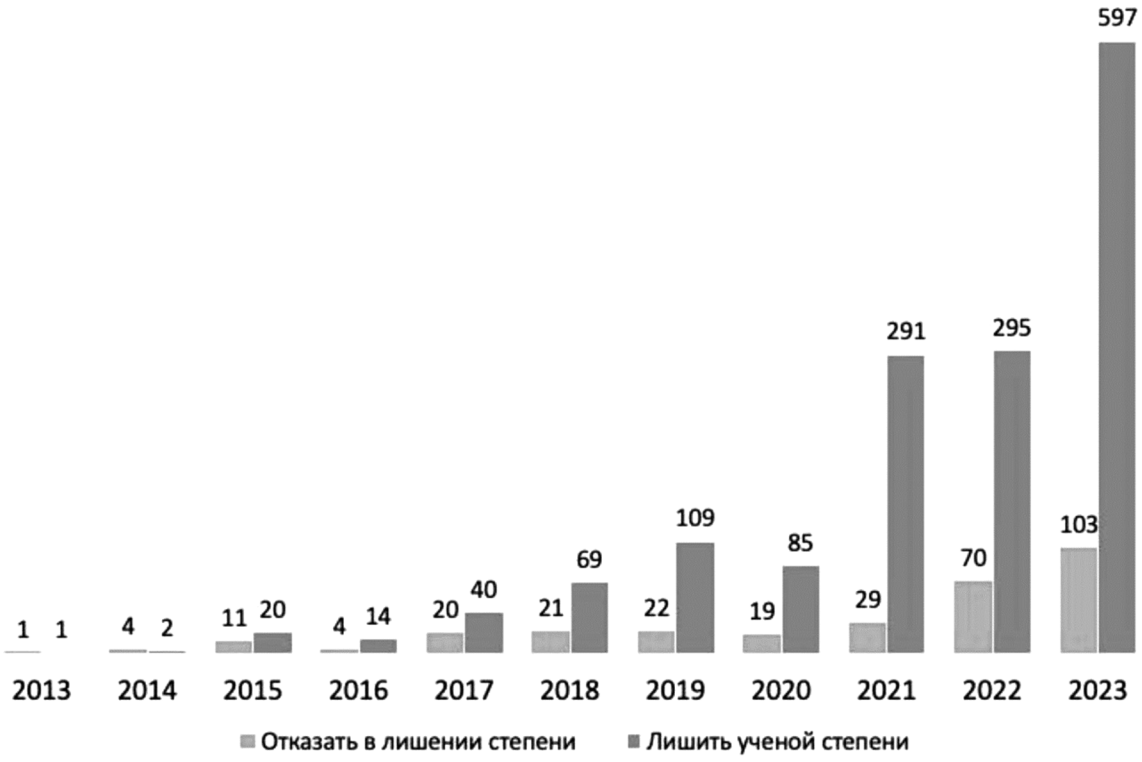

Рис. 1. Количество удовлетворенных и отклоненных заявлений о лишении ученой степени за 10 лет

И хотя на сегодняшний момент в РФ нет примеров защиты в Диссертационном совете полностью написанной нейросетью диссертации на соискание ученой степени, угроза недобросовестного использования ИИ обучающимися остается. Тем более подавляющее большинство аспирантов (92,7%) работает параллельно с обучением и не успевает подготовить диссертацию в срок. Данный факт подтвердило авторское исследование, проведенное в формате анкетного опроса на тему: «Отношение аспирантов к аспирантуре и научно-преподавательской деятельности» в 2019-2020 гг. (N=300).

Нельзя не сказать и о плюсах использования аспирантами достижений цифровизации. Она позволяет коммуницировать с научным руководителем посредством образовательного портала вуза и при помощи цифровых клиентов (Skype, WhatsApp, Zoom, Яндекс.Телемост и т.д.). Дает возможность использовать приложения для прохождения учебных курсов, пользоваться ресурсами электронных библиотек, содержащих учебную литературу и базы данных.

Новые технологии предлагают целый спектр цифровых средств для сбора эмпирической информации, необходимой исследователю.

Рассмотрим этот вопрос более подробно на примере аспирантов социально-гуманитарного профиля, в частности социологов. Одним из самых распространенных и популярных социологических методов является проведение анкетного опроса. Сегодняшние цифровые возможности открывают целый мир различных приложений и онлайн-клиентов, которые позволяют становится площадками для проведения исследований и в последствии вывести полноценную базу данных для дальнейшей обработки и анализа. Основными инструментами для формирования онлайн-анкет являются Yandex Forms, Google Forms, SurveyMonkey, Webanketa, Anketolog, Survio и многие другие. Обработка полученных результатов осуществляется с помощью программ таких как SPSS, Statistica, Analytic Workspace, RapidMiner и т.д.

Что касается работы с качественными данными, например, полученными в ходе интервью, то здесь главной сложностью для аспирантов является транскрибация речи информанта в текст из аудио- или видеозаписи. На первый взгляд кажется, что сегодня предоставляется широкий выбор приложений, работающих с обработкой голоса и видео. Следует отметить, что в большинство этих приложений встроены нейросети и они имеют выход в интернет. Для исследователя главным кредо в работе является сохранение и обеспечение конфиденциальности полученных данных респондентов. Приложения и нейросети с выходом в интернет создают определённые риски утечки персональных данных. В случае использования ИИ в транскрибировании также появляется риск, что сеть будет обучаться на ваших данных и использовать их в дальнейшем.

Следует отметить, что несмотря на широту применяемых цифровых методов в обработке данных, существуют определённые сложности в проведении исследований для аспирантов-социологов. Во-первых, к исследовательской выборке предъявляются самые высокие и строгие требования. Формирование выборочной совокупности с помощью интернет-приложений затрудняет ее обоснование несмотря на то, что программа позволяет задавать нужные социально-демографические параметры потенциальных респондентов.

Во-вторых, не все инструменты и средства сбора данных одобряются научным сообществом. Например, не принимается проведение экспертного опроса или интервью в онлайн-формах в форме развернутой анкеты.

Но, если применение цифровых инструментов на научно-исследовательском и контрольно-аттестационном уровнях вызывает вопросы, то использование этих средств на организационно-административном

уровне приветствуется. Так, проведенный нами экспертный опрос на тему «Система подготовки кадров высшей квалификации в оценках профессионалов, организующих и осуществляющих подготовку аспирантов» в 2023-2024 гг. (N=23) показал, что защита диссертации в онлайн режиме облегчает работу членов диссертационного совета и самого аспиранта. Информанты отмечали, что возможность дистанционного проведения защиты диссертации позволяет облегчить финансовую нагрузку на аспиранта в отношении оплаты транспортных расходов оппонентов, делает более прозрачным процесс защиты.

И вроде бы очень много делается для упрощения организационно-административной и контрольно-аттестационной стороны жизни аспирантов, однако статистика защит диссертаций выше 10,9% не поднимается с 2019 года (рис. 2) [9].

Рис. 2. Количество выпускников аспирантуры с защищенной диссертацией в срок и окончивших программы аспирантуры за 2013-2023 год

Падение количества защит, которое наблюдается с 2013 года, было связано с реформой системы подготовки кадров высшей квалификации. Изменения привели к последующему сокращению числа диссертационных советов. Статистика отражает резкое снижение количества защит диссертаций в установленный срок. Аспирантам не хватает времени обучения для завершения исследования и выхода на защиту.

В этой связи встает вопрос о защитах диссертаций в постаспирантский период, когда аспирант завершил официальное обучение в аспирантуре. Как показало наше исследование имеют желание и планируют выйти на защиту диссертации практически 91,7% аспирантов. Однако реальные возможности показывают, что у половины респондентов (48%) отсутствует при вузе, где они проходят подготовку, диссертационный совет. То есть получается, что в «зону риска» досрочного выбытия из системы подготовки кадров высшей квалификации без защиты диссертации попадает половина контингента.

Сложная социально-экономическая ситуация, отсутствие четких перспектив, общее снижение престижа профессий в сфере науки и образования – всё это оказывает существенное влияние на молодых людей.

Как показало исследование факторов, мешающих подготовить научное исследование в срок и выйти на защиту, самым главным барьером является нехватка времени на подготовку, разработку и написание диссертации (24,2%). На втором месте у аспирантов недостаток навыков написания научных статей (11,9%), на третьем – нехватка финансовых средств для подготовки и организации средств для подготовки и организации проведения защиты в диссертационном совете (8,5%).

Таким образом, несмотря на цифровизацию научно-образовательных и организационно-административных процессов в институте аспирантуры, его состояние находится в стагнирующем положении. Результаты исследования показали, что несмотря на облегченную коммуникацию с преподавателями, научным руководителем, наличия широкого круга возможностей для освоения знаний и проведения исследований, разумное использование нейросетей аспиранты все равно не успевают закончить подготовку диссертационной работы в срок и представить ее на защиту в диссертационный совет. При этом требования к диссертациям ежегодно возрастают.

Список источников и литературы

1. Абрамов А. Нейросеть за один вечер написала диплом за российского студента. Преподаватели в шоке – как теперь проверять знания? // Комсомольская правда. 01.02.2023. https://www.msk.kp.ru/daily/27460/4714947/?ysclid=m30xtuqvep688782189 (дата обращения: 03.11.2024).

2. Гуреева Ю. ChatGPT-o1 сделал за час то, на что инженер NASA потратил почти год // Российская газета. 17.09.2024. URL: https://rg.ru/2024/09/17/chatgpt-o1-sdelal-za-chas-to-na-chto-inzhener-nasa-potratil-pochti-god.html (дата обращения: 03.11.2024).

3. Диссернет. Диссернет: итоги года – 2023. URL: https://dissernet.org/news/dissernet_itogi_goda_2023?utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fmedia%2Fid%2F63ebe0724a49c867e356a1a2%2F658f06afc35b69234e0b7e9d (дата обращения: 03.11.2024).

4. Иванов И. Новый ГОСТ разрешил ученым использовать ИИ // ComNews. 25.10.2024. https://www.comnews.ru/content/235914/2024-10-25/2024-w43/1008/novyy-gost-razreshil-uchenym-ispolzovat-ii?ysclid=m32rxj3xxu373933880 (дата обращения: 04.11.2024).

5. Катханова Ю.Ф., Юй Си, Корыгин А.И. Искусственный интеллект в образовательном пространстве // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 1. С. 215–223.

6. Коровникова Н.А. Искусственный интеллект в образовательном пространстве: проблемы и перспективы // Социальные новации и социальные науки. – Москва: ИНИОН РАН, 2021. – № 2. – С. 98–113.

7. Лейзаренко Д. ChatGPT получил новую модель o1: что умеет нейросеть, которая научилась «сложным рассуждениям» // Тинькофф журнал. 13.09.2024. URL: https://journal.tinkoff.ru/news/chatgpt-o1-release/ (дата обращения: 03.11.2024).

8. Постановлению Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. от 16.10.2024) "О порядке присуждения ученых степеней" (вместе с "Положением о присуждении ученых степеней"). URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_152458/ (дата обращения: 03.11.2024).

9. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/education (дата обращения: 03.11.2024)

10. Nicola Jones. ‘In awe’: scientists impressed by latest ChatGPT model o1 // Nature. 01.10.2024. URL: https://www.nature.com/articles/ d41586-024-03169-9 (дата обращения: 03.11.2024).

Сведения об авторе:

Уражок Татьяна Викторовна, ФГБОУ ВО «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», преподаватель-исследователь, tanya.ya13@yandex.ru.

УДК 342.51

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Хохлов С.В.

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правовых аспектов цифровизации в системе высшего образования в Российской Федерации. Приводится общая характеристика стратегии государства по данному вопросу. Рассматриваются различные нормативные и ненормативные правовые акты, составляющие правовую основу цифровизации высшего образования. Обращается внимание на многоаспектность деятельности

по цифровизации высшего образования. Предусмотренные юридическими документами мероприятия касаются реализации программ подготовки кадров, повышения квалификации, повышения уровня цифровой грамотности работающих в высших учебных заведениях лиц, автоматизации образовательных и управленческих процессов и иных вопросов.

Ключевые слова: высшее образование, цифровая грамотность, цифровая трансформация, стратегическое планирование, национальные проекты Российской Федерации, федеральные проекты.

LEGAL ASPECTS OF DIGITALIZATION OF HIGHER EDUCATION

Khokhlov S.V.
National Research University «MPEI», Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the legal aspects of digitalization in the higher education system in the Russian Federation. The general description of the strategy of the state on this issue is given. Various normative and non-normative legal acts, which constitute the legal basis of digitalization of higher education are considered. Attention is drawn to the multidimensional nature of the digitalization of higher education. The activities provided for in the legal documents relate to the implementation of training programmes, qualification development, improvement of digital literacy of persons working in higher education institutions, automation of educational and management processes and other issues.

Keywords: higher education, digital literacy, digital transformation, strategic planning, national projects of Russian Federation, federal projects.

В целом, массив нормативных и иных правовых актов, содержащих положения касательно цифровизации в сфере высшего образования, достаточно обширен.

Следует упомянуть основные концептуальные документы.

Принят Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [2].

Также принят Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», в котором «цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы» определена как одна из целей национального развития (подпункт «ж» пункта 1) [3].

В рамках названных указов в Российской Федерации реализуются и будут реализовываться в предстоящие периоды национальные проекты (программы) в различных сферах.

«Образование» – один из национальных проектов Российской Федерации.

Информация о перечне всех национальных проектов (программ) размещена на сайте «национальныепроекты.рф».

Паспорта национальных проектов (программ) утверждаются президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам.

Срок реализации проекта «Образование» установлен с 2018 по 2024 год [9].

Нацпроект «Образование» включает в себя десять федеральных проектов, в том числе «Цифровая образовательная среда».

Нацпроект «Образование» предусматривает мероприятия по направлениям организаций высшего образования, общеобразовательных организаций и организаций среднего профессионального образования (СПО) [9].

Напомним, что с 15 мая 2018 года Министерство образования и науки Российской Федерации преобразовано в два отдельных министерства (Министерство просвещения Российской Федерации и Министерство науки и высшего образования Российской Федерации). В связи с этим, важно разграничивать нормативные документы, издаваемые по рассматриваемой тематике, по двум разным вертикалям (просвещение и высшее образование).

Реализуется также принятая на срок с 2018 по 2024 год национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». [10].

Паспорта и инфографики национальных проектов (программ) размещены на сайте Правительства Российской Федерации. В инфографиках проектов (программ) информация хорошо визуализирована, что способствует более удобному восприятию.

В национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» определены плановые значения по лицам, обучаемым по вопросам в сфере информационных технологий и цифровой грамотности. Соответствующая информация приведена в нижеизложенных таблицах.

Таблица 1

Обучение специалистов

Год	Обучение специалистов по компетенциям цифровой экономики (тыс. чел.)	Обучение по развитию компетенций цифровой экономики в рамках государственной системы персональных цифровых сертификатов (тыс. чел.)
2019	30	5
2021	105	160
2024	270	1000

Таблица 2

Планируемые мероприятия

№ п/п	Объемы планируемых мероприятий	Содержание планируемых мероприятий
1	120 тыс. чел.	будут приняты на программы высшего образования в сфере информационных технологий к концу 2024 г.
2	10 млн чел.	пройдут обучение по онлайн программам развития цифровой грамотности к концу 2024 г.
3	100 %	государственных вузов внедрят элементы модели «Цифровой университет» к концу 2023 г.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» включает в себя шесть федеральных проектов. К ним относятся: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление».

Некоторые из перечисленных федеральных проектов содержат вопросы и задачи касательно высшего образования.

В дополнительных и обосновывающих материалах к паспорту федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» приводятся данные 2017 года о том, что в целом коэффициент проникновения онлайн технологий в образование в мире составляет около 3%. При этом в предстоящие годы был запланирован существенный рост рынка образовательных технологий в Российской Федерации [11].

В рамках федерального проекта «Информационная безопасность» предусмотрено определение потребностей в кадрах (разного уровня квалификации: с высшим образованием, со средним профессиональным образованием) в сфере информационной безопасности для задач цифровой экономики [12].

В рамках федерального проекта «Цифровые технологии» предусмотрено мероприятие «Создание комплексной системы финансирования проектов по разработке и (или) внедрению цифровых технологий и платформенных решений, включающей в себя венчурное финансирование и иные институты развития. Преобразование приоритетных отраслей экономики и социальной сферы, включая здравоохранение, образование, промышленность, сельское хозяйство, строительство, городское хозяйство, транспортную и энергетическую инфраструктуру, финансовые услуги, посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений» [13].

В рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» предусмотрена задача по созданию цифровой платформы «Образование в РФ для иностранцев». Должно быть обеспечено функционирование указанной платформы [14].

Отметим, что указанный портал работает в режиме Опытной эксплуатации. Его адрес в Интернете: https://education-in-russia.com/.

Работы по созданию и развитию суперсервиса «Образование в Российской Федерации для иностранцев» проводит Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).

Пунктом 9 вышеназванного указа Президента Российской Федерации № 309 [3] Правительству Российской Федерации было поручено до 1 сентября 2024 года разработать (скорректировать) национальные проекты, представить их Совету при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам.

В перечне национальных проектов теперь также фигурирует проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», который приходит на смену программе «Цифровая экономика Российской Федерации» и охватывает науку и образование. Будет также осуществляться реализация мероприятий, которые предусматривались в рамках исполнения вышеупомянутого указа Президента Российской Федерации № 204. Однако, вместе с тем, предполагается переход на новый высокотехнологичный уровень.

Профессор ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ» Бутырин П.А. отмечает, что цифровизация образования – это вообще принципиально новая, имеющая огромные перспективы трансформация. Новая трансформация связана с интенсивными подходами и требует глубинного изменения самого института высшего образования (механизмов управления, взаимодействия преподавателей с обучающимися). Отмечается, что на ускорение цифро-

визации повлияла пандемия. При этом, переход к цифровизации не обеспечивает полной эффективности обучения по некоторым дисциплинам, в частности, требующим лабораторных занятий (например, многие электротехнические дисциплины) [15, с. 7].

Следует упомянуть также распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.2021 № 3759-р, которым утверждено стратегическое направление в области цифровой трансформации науки и высшего образования [7]. Однако, поясним, что данный документ не носит нормативного характера.

Если отвлечься от стратегических и проектных документов, то следует назвать и другие принятые нормативные правовые акты. Например, можно упомянуть постановление Правительства Российской Федерации от 26.01.2023 № 89 «О функционировании суперсервиса «Поступление в вуз онлайн» в рамках приемной компании 2024/25 учебного года» [5].

В качестве структур, ответственных за функционирование суперсервиса в рамках приемной кампании, были определены Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, учредители образовательных организаций, образовательные организации.

Важным нормативным правовым документом представляется постановление Правительства Российской Федерации от 16.11.2020 № 1836 «О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда» [4]. Данная система реализуется в рамках национального проекта «Образование». Цель системы – предоставление свободного доступа по принципу «одного окна» для всех категорий граждан, в том числе обучающихся по образовательным программам высшего образования и образовательным программам дополнительного профессионального образования, к онлайн-курсам, реализуемым различными организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и образовательными платформами [4].

В качестве оператора государственной информационной системы «Современная цифровая образовательная среда» (далее – СЦОС) определено Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [4].

Участниками СЦОС являются различные высшие учебные заведения России, перечень которых размещен на Федеральном портале «Мое образование» (https://online.edu.ru). Это различные технические и гуманитарные вузы (Национальный исследовательский технологический

университет «МИСИС», МГУ имени М.В. Ломоносова, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет) и другие).

Организация и применение электронного обучения и дистанционных образовательных технологий (далее – ЭО и ДОТ) широко распространяется. Подробно понятия ЭО и ДОТ раскрываются в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1].

Новое постановление Правительства Российской Федерации, утвердившее правила применения ЭО и ДОТ [6], на нормативном уровне позволяет использовать возможности СЦОС и фиксировать образовательный процесс посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций).

Некоторые специалисты, переходя к технической стороне организации ЭО и ДОТ, отстаивают необходимость обязательной идентификации личности обучающихся вплоть до автоматического распознавания лица с помощью нейронных сетей [16, с. 77-78]. В свою очередь, данный вопрос должен быть урегулирован также и в юридической плоскости.

Помимо постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации принято множество ведомственных приказов в сфере цифровизации высшего образования, которые содержат требования по формированию компетенций в сфере цифровизации и/или предусматривают элемент цифровизации в профессиональной деятельности. Например, можно назвать приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11.08.2020 № 947 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 27.04.02 Управление качеством» [8].

По многим мероприятиям, задачам, содержащимся в вышеупомянутых документах, предусматриваются ассигнования в федеральном и региональных бюджетах. В этой связи, к нормативным правовым актам, касающимся цифровизации высшего образования, следует отнести законодательство о бюджетах и различные государственные программы, предусматривающие денежное финансирование по тем или иным направлениям.

Подводя итог в настоящей статье, следует отметить, что цифровизация в системе высшего образования предполагает обработку документов, связанных с учебным процессом, в режиме онлайн, автоматизацию обеспечительных административных функций. Профессор Терелянский П.В.

и другие ученые подчеркивают важность создания и внедрения единой модели управления всеми коммуникациями в вузе, включая организационно-административные решения, логически связанные с глобальной системой [17, с. 30].

Не следует обходить вниманием повышение квалификации педагогов в сфере цифровой грамотности и реализацию программ высшего образования в сфере информационных технологий. Необходимо иметь в виду, что кадры, подготовленные в сфере информационных и цифровых технологий, могут найти свое применение не только в различных отраслях экономики, но и существенно усилить педагогический и административный контингент высших учебных заведений. Правовая урегулированность рассматриваемых вопросов играет весьма важную роль.

Список источников и литературы:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
3. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.11.2020 № 1836 «О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда».
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.01.2023 № 89 «О функционировании суперсервиса «Поступление в вуз онлайн» в рамках приемной компании 2024/25 учебного года».
6. Постановление Правительства РФ от 11.10.2023 № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ».
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.2021 № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования».
8. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11.08.2020 № 947 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 27.04.02 Управление качеством».

9. Паспорт национального проекта «Образование», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018).

10. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018).

11. Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики», утвержденный президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 28.05.2019 № 9).

12. Паспорт федерального проекта «Информационная безопасность», утвержденный президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 28.05.2019 № 9).

13. Паспорт федерального проекта «Цифровые технологии», утвержденный президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, (протокол от 28.05.2019 № 9).

14. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление», утвержденный президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, (протокол от 28.05.2019 № 9).

15. Бутырин П.А. Трансформации высшего электротехнического образования в России. Цифровизация образования // Электричество. 2022. № 5. С. 4-9.

16. Улендеева Н.И. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации электронного обучения в условиях цифровизации образования // Инновации в образовании. 2024. № 8. С. 76-84.

17. Целевая модель цифровой трансформации университетов / Терелянский П.В. [и др.] // Управление образованием: теория и практика. 2021. № 1 (41). С. 22-36.

Сведения об авторе:

Хохлов Сергей Викторович, к.ф.н., НИУ «МЭИ», старший преподаватель, KhokhlovSV@mpei.ru

УДК 378.147

ТЕСТИРОВАНИЕ НА ЛЕКЦИИ КАК СПОСОБ УСИЛЕНИЯ МОТИВАЦИИ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Чайкина Е. В.
Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются особенности обучения студентов на первых курсах в техническом вузе при изучении дисциплины «Математический анализ». Изучаются формы контроля студентов в рамках теоретического материала. Проводится анализ блиц-тестов на лекциях как способ контроля за успеваемостью и посещением занятий в течении семестра. Рассматривается фрагмент теста, показывается его отличие от тестов самопроверки. Приводится анализ результатов тестирования студентов первого курса на лекции по теоретическому материалу с использованием смартфонов. Анализируются плюсы и минусы такого вида контроля, и возможность использования тестирования при изучении фундаментальных дисциплин.

Ключевые слова: фундаментальные дисциплины, тестирование, блиц-тест, лекция, контроль знаний.

TESTING AT LECTURES AS A WAY TO INCREASE MOTIVATION WHEN TEACHING FUNDAMENTAL DISCIPLINES AT A TECHNICAL UNIVERSITY

Chaikina E. V.
National Research University "Moscow Institute of Electronic Technology", Moscow, Russia

Abstract. The features of teaching students in their first years at a technical university in the study of the discipline "Mathematical analysis" are considered. The forms of student control are studied within the framework of theoretical material. The analysis of blitz tests at lectures is carried out as a way to monitor academic performance and attendance during the semester. A fragment of the test is considered, its difference from self-test tests is shown. The analysis of the results of testing of first-year students at lectures

on theoretical material using smartphones is presented. The pros and cons of this type of control and the possibility of using testing in the study of fundamental disciplines are analyzed.

Keywords: fundamental disciplines, testing, blitz test, lecture, knowledge control.

При преподавании фундаментальных дисциплин в техническом вузе остро встает проблема освоения теоретических знаний студентов первых курсов. Бывшие школьники непросто адаптируются к новым условиям обучения, к специфике подачи материала в вузе, к формам контроля, а точнее, к отсутствию ежедневного контроля. Это очень расслабляет студентов, а нехватка учебных часов на семинарских занятиях по математике не позволяет проводить опросы по лекционному материалу. На экзаменах преподаватели сталкиваются с проблемой запоминания студентами лекционного материала и вероятность получить знания определений и формулировок теорем по математическому анализу сводится к нулю, не говоря уже об усвоении доказательств и утверждений. С практическими занятиями ситуация складывается лучше, количество студентов в группе существенно сокращается по сравнению с потоком, и есть возможность проследить за практической работой студентов и выполнениями ими домашних заданий.

В настоящее время высшие учебные заведения стремятся сформировать конкретные стратегии, направленные на повышение качества высшего образования [3]. В предыдущие десятилетия проблема промежуточного контроля решалась применением коллоквиумов, то есть приемом части экзамена в середине семестра. Студентам приходилось учить материал за более короткий период и более успешно сдавать экзамен уже в сессию. Но с развитием цифровых технологий, внедрением электронных форм обучения, использования компьютеров, различных гаджетов, возможностью быстрого поиска необходимой информации в интернет-ресурсах, происходит обесценивание теоретических знаний и, как результат, получение только прагматических знаний, не подкреплённых теорией. В связи с этим и падает уровень фундаментального образования. Количество теоретических вопросов в экзаменационных билетах преподавателям приходится сокращать до минимума, чтобы получить удовлетворительные ответы и снизить огромное число двоек по математическим дисциплинам, особенно на первых курсах.

Для решения данной проблемы преподавателями математических дисциплин Московского института электронной техники (МИЭТ) было принято решение проводить опросы на лекциях. Чтобы минимизировать

потери лекционного времени, нами были составлены блиц-тесты - короткие тесты, длительностью не более 5 минут только на проверку теоретических знания без решения задач. С проверкой качества усвоения практических заданий хорошо справляются традиционные контрольные работы, проводимые на семинарах. Данный тест предлагался студентам в конце лекции и пройти его можно было с помощью смартфонов.

Вопросы в тесте формировались из прочитанного материала на лекции с выбором правильного ответа: это могли быть формулировки теорем, свойств или утверждений. Особое место занимают вопросы на формулировки определений на специальном математическом языке. Такие вопросы являются базовыми и используются дальше в других темах, поэтому на семинарах уделяется повышенное внимание разбору таких определений. Но в силу нехватки времени, опросить каждого студента не представляется возможным. В силу этого, такой тест решает серьезную проблему контроля за запоминанием теории.

В течении одного семестра обычно изучается два-три модуля (блоки тем, выделенных в одну группу), и соответственно контрольные срезы проводятся в конце каждого модуля. Только в срезах участвуют письменные работы по проверке решения задач. Блиц-тест позволяет опросить в конце модуля весь поток, не задействуя при этом личного времени преподавателя и избавляя его от рутинной работы по проверке работ.

Рассмотрим пример первого теста, проведенного на направлении «Прикладная информатика» в конце модуля дисциплины «Математический анализ» по пределам последовательности. Студентам предлагалось три вопроса с выбором правильного ответа из четырех предложенных. Один из таких вопросов приведен на рис. 1.

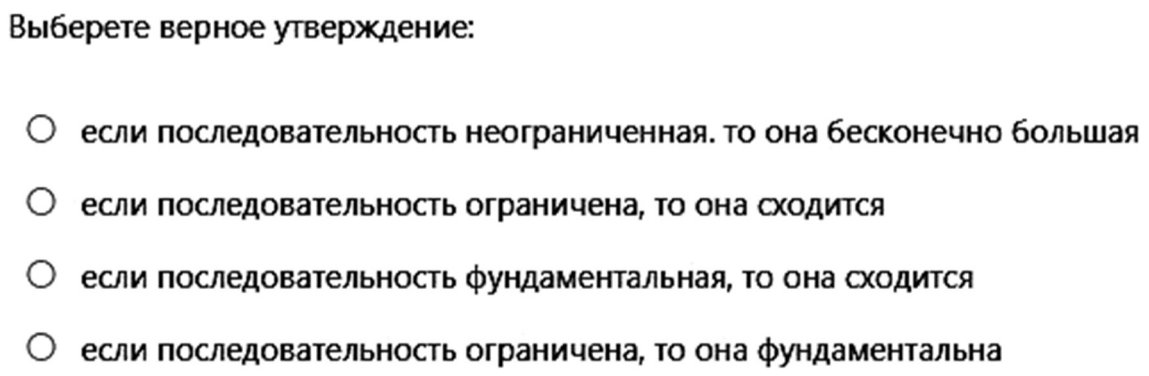

Рис. 1. Фрагмент теста

В данном вопросе приведено несколько свойств и без чтения материала лекций трудно угадать верный ответ, не поможет и интернет: время прохождения теста ограничено 5 минутами. Варианты ответов приведены таким образом, что свойство выполняется только в одну сторону, например, если последовательность сходится, то она ограничена, а не наоборот. Студенты видят знакомые формулировки, но они должны еще и правильно выбрать ответ, как правильно звучит свойство: без изучения материалов лекций это становится проблематичным. Кроме этого, несколько свойств в вопросе могут читаться не в одной лекции, что заставляет студентов прочитать материал последовательно, не фрагментарно.

Блиц-тест был сформирован в Moodle (модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда — система для организации электронного смешанного или полностью удалённого обучения) и интегрирован в цифровую среду университета ОРИОКС (организация информационного обмена в корпоративных средах), что позволило студентам заходить в свои приложения на телефонах непосредственно на лекциях. Система ОРИОКС, разработанная в МИЭТе, позволяет студентам изучать дисциплину удаленно, проходить тесты самопроверки [1], тренажерные тесты, просматривать лекции преподавателей и изучать прикрепленные видеоматериалы по дисциплине.

Особенностью блиц-теста является то, что в него включены только теоретические вопросы, в то время как в тесты самопроверки добавлены и практические задачи. Главное целью блиц-теста явилось возможность проверить именно теоретические знания. Результаты проведенного тестирования приведены на рисунке 2. Всего участвовало 65 студентов из 72, числившихся на потоке, что говорит о хорошей посещаемости лекций. Максимальный возможный балл тестирования - 3 балла. Результаты теста сразу видны преподавателю, в системе Moodle еще и обрабатываются данные и строятся диаграммы результатов, что удобно при последующем изучении успеваемости на потоке.

На диаграмме видно (рис. 2), что большинство студентов справились с вопросами, не готовыми к теоретическим вопросам оказались только 6 студентов. Ещё одной удобной возможностью такого тестирования в реальном времени явилась и проверка посещаемости лекций, так как время было ограничено и пароль к тесту выдался непосредственно перед тестированием на лекции, что уменьшало возможность быстрого распространения информации.

Рис. 2. Результаты блиц-теста

Таким образом тестирование на лекции позволяет:

– более рационально использовать время на семинарах, не требуется выделять время для опроса;

– сэкономить время преподавателя при формировании результатов успеваемости;

– охватить больший объем материала;

– установить обратную связь со студентами, выявить пробелы в теоретических знаниях и внести коррективы в методической работе;

– подготовиться лучше к практическим занятиям, используя накопленные теоретические знания;

– обеспечить контроль посещаемости лекций;

– усилить мотивацию студентов для подготовки к занятиям и развить самодисциплированность;

– улучшить результаты студентов в экзаменационную сессию.

Несмотря на множество плюсов тестирования, нужно учитывать, что при данной форме контроля сохраняется возможность угадывания ответов или возможность получить ответ на вопрос у студентов, чьи вопросы совпали при случайном формировании заданий. Тем не менее, это

хорошая альтернатива опросу на семинарах и дает возможность студентам в какой-то степени познакомится с теоретическим материалом до сессии и снизить нагрузку в дальнейшем в экзаменационной сессии и, тем самым, усилить мотивацию студентов к обучению дисциплины.

Статистические методы для анализа тестов требуют наличия первичной исходной информации результатов тестирования, содержащей данные по выбору отвечающим вариантов ответов в каждом задании. К сожалению, получение такой первичной информации часто невозможно (или сопряжено с большими затратами времени). Кроме того, объёмы тестируемых в конкретном вузе по отдельным заданиям обычно небольшие, чтобы сделать по обработке результатов тестирования значимые выводы [2]. Для того, чтобы результаты тестирования оказались ещё более объективными, требуется серьёзная работа над подготовкой вопросов и заданий такого теста.

Список источников и литературы:

1. Аджемов А.С., Денисова А.Б., Чайкина Е.В. Тесты для самопроверки как элемент смешанного обучения // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2020. №1 (25). С. 116 –121.

2. Кальней С.Г., Консевич Н.Н., Мигунова Е.С., Чайкина Е.В. О выборе дистракторов в тестовых заданиях по высшей математике // Преподавание математики в высшей школе и работа с одаренными студентами в современных условиях. Материалы Международного научно-практического семинара, Могилев, 2023 г. С. 55 – 58.

3. Хабибулина М.М. Чтение лекций с тестированием знаний студентов как средство улучшения усвоения материала // Вестник Уральского государственного медицинского университета. Выпуск № 4, 2021. С. 35-37.

Сведения об авторе:

Чайкина Елена Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент института физики и прикладной математики НИУ «МИЭТ», schel06@mail.ru.

УДК 004.8

АКАДЕМИЧЕСКОЕ МОШЕННИЧЕСТВО ИЛИ НОВЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Черных С. И.
Новосибирский государственный аграрный университет,
Новосибирск, Россия

Аннотация. Искусственный интеллект играет сегодня все большее значение во всех сферах человеческой деятельности. Академическая среда, являясь наиболее инерционной, так же начинает использовать преимущества и возможности искусственного интеллекта. Сейчас он устойчиво используется для совершенствования учебного процесса, научных исследований и решения организационно-административных задач. Вместе с тем, интенсивное расширение функционала искусственного интеллекта в академической сфере порождает массу этических проблем, требующих тщательного рассмотрения. Задача данной статьи состоит в анализе такого риска использования искусственного интеллекта как академическое мошенничество и разработке рекомендаций по этичному использованию достоинств искусственного интеллекта в образовательных практиках. Особое внимание уделяется необходимости разработки локальных актов предотвращения рисков, одним из которых является этический кодекс использования искусственного интеллекта в вузе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, академическая среда, обучение, этические проблемы, риски и перспективы, рекомендации, этический кодекс.

ACADEMIC FRAUD OR NEW ETHICAL ASPECTS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ACADEMIC ENVIRONMENT

Chernykh S. I.
Novosibirsk State Agrarian University

Annotation. Artificial intelligence is playing an increasingly important role in all spheres of human activity today. The academic environment, being the most inertial, is also beginning to use the advantages and capabilities of

artificial intelligence. Now it is steadily used to improve the educational process, scientific research and solving organizational and administrative tasks. At the same time, the intensive expansion of the functionality of artificial intelligence in the academic field generates a lot of ethical problems that require careful consideration. The purpose of this article is to analyze the risk of using artificial intelligence as academic fraud and to develop recommendations on the ethical use of the advantages of artificial intelligence in educational practices. Special attention is paid to the need to develop local acts of risk prevention, one of which is the ethical code for the use of artificial intelligence in higher education.

Keywords: artificial intelligence, academic environment, learning, ethical issues, risks and prospects, recommendations, code of ethics.

Проблематика, связанная с состоянием и перспективами развития обучения и образования на современном этапе развития общества, привлекает сегодня самое пристальное внимание со стороны множества исследователей самого разного профиля. Одной из самых актуализированных плоскостей этих исследований является расширение функционала применения искусственного интеллекта (ИИ) в образовательных взаимодействиях. Независимо от того, как мы понимаем образование (а этот спектр очень широк), цель образования как обучения одна. Это подготовка человека, обладающего определенным набором качественных характеристик. В данном случае неважно как эти характеристики именуются: способности, навыки, компетенции или другое. Важно то, что они должны быть сформированы и, желательно качественно, то есть «соответствовать некоторому шаблону или стандарту». Сегодня возвращается понимание того, что образование есть «общественное благо», а не рыночно-сервисная услуга. Поэтому «продукт под шаблон» уже не должен являться его конечной целью, а механическая работа по «приему информации» с ее количественными характеристиками должна отойти с первого плана. «То есть, - как справедливо пишет П. Сорокин, - «ключевое внимание надо уделять не вопросу о том, как школьников и студентов учить использованию новых инструментов на основе ИИ (хотя и это необходимо – авт.), а тому, что феномен ИИ ставит под сомнение актуальность самой идеи (шаблонизации-авт.), то есть актуальность организации системы образования в целом» [1].

Появление генеративного ИИ, изменяющего не только рынок труда, но и алгоритмы обучения как шаблонизации, ставят перед системой обучения сложнейшую задачу – превращения обучения в образование, то есть по сути формирование такого образовательного пространства (как

личностного и коллективного, так и общественного), в котором алгоритмизированные тренды обучения сочетались бы с диалектическими, неалгоритмизируемыми трендами, такими как самодеятельность, партнерство, стрессоустойчивость и др. Одним из таких преимущественно личностных трендов, являются добросовестность и честность.

Академическое мошенничество – это инвариант нечестного отношения к учебе или деятельности, к образованию как способу личностного роста. «Исследователи связывают распространенность этих практик со многими факторами. Синонимизация понятий «академическое мошенничество» и «нечестное поведение» дала О.В. Дремовой возможность определить его как «действия студентов, направленные на получение преимуществ в процессе обучения и которые, нарушают академические нормы и правила, регулирующие образовательный процесс в вузе» [2]. Достаточно многочисленная литература, изучающая эти явления в большинстве случаев, оценивает их как негативные. Плагиат и скачивание, обращение к помощи других студентов или (и) к услугам других людей – эти и другие формы нечестного поведения определяются как внутренними (личностными), так и внешними (средовыми) факторами. «Исследователи (зарубежные-авт.) связывают распространенность этих практик с индивидуальными характеристиками студентов, такими как добросовестность и доброжелательность…, уровень морального развития…, способность рационализировать, оправдывать нечестное поведение…, уровень самоэффективности…, а также уровень учебной мотивации… В последнее время фокус исследований сместился в сторону контекстуальных, ситуативных факторов – параметров образовательной среды, благоприятствующих академическому мошенничеству или сдерживающих его… Установки и действия преподавателей, формирующие учебный климат…, поведение соучащихся…, наличие и эффективность институциональных мер, направленных на предотвращение и сдерживание академического мошенничества…, а также понимание студентами правил академической этики…»[3 с.15-22]. Отмечаются и особенности российского контекста в изучении и преодолении академического мошенничества. К ним относят высокий уровень бытовой коррупции (а академическое мошенничество рассматривается как ее производное в образовании); терпимое отношение к нарушениям академической этики со стороны населения (а также родителей); дизайн образовательной системы с недостаточно развитой схемой предотвращения мошенничества как на национальном уровне, так и на уровне отдельных университетов [4,5].

Сверхсложный ИИ 21-го века заставил исследователей по-новому взглянуть на проблему академического мошенничества, сократив время на достижение положительного результата нечестным путем. Рик Хесс, констатируя это, пишет: «Что же, Chat GPT превращает написание поддельных работ в легкое дело. Он заменяет частичные махинации масштабными и эффективными фальсификациями. Chat GPT позволяет сносно писать практически на любую тему и в любом стиле… Менее чем через два месяца после того, как Chat GPT был представлен миру, треть студентов колледжей используют его для выполнения домашних заданий: три четверти из них считают, что это списывание, но все равно используют его» [6]. Данные, полученные российскими социологами о передаче задач на аутсоринг ИИ, вполне подтверждают это [3]. Может настало время, когда списывание и плагиат следует понимать неоднозначно, а рассматривать (в дискурсе тренда шаблонизации результата процесса обучения) как «рациональные практики копирования, оправданные в образовательной среде, которая заточена на запоминание и воспроизводство авторитетного знания»? [7].

Обратившись к Chat GPT с вопросом о достоинствах применения ИИ для создания контента я получил вполне вразумительный (хотя и не полный, на мой взгляд, ответ). Он звучал так: Использование искусственного интеллекта (ИИ) в создании контента открывает множество возможностей, но также поднимает важные этические вопросы. В академической среде ИИ может значительно улучшить качество и скорость исследований, а также облегчить процесс обучения. Достоинства ИИ в создании контента:

1. Автоматизация рутинных задач: ИИ может автоматизировать такие задачи, как генерация текстов, перевод, анализ данных и многое другое. Это освобождает время исследователей для более важных и творческих задач.

2. Повышение точности и объективности: ИИ способен обрабатывать большие объемы данных и выявлять закономерности, что помогает избежать человеческих ошибок и предвзятости.

3. Улучшение доступности информации: ИИ может создавать контент, который доступен для широкой аудитории, включая людей с ограниченными возможностями.

4. Инновации в обучении: ИИ может создавать персонализированные учебные материалы, адаптировать учебные программы и предоставлять обратную связь студентам.

Риски и перспективы применения ИИ в академической среде.

1. Этические риски:

– Плагиат и нарушение авторских прав: ИИ может генерировать контент, который трудно отличить от созданного человеком, что может привести к обвинениям в плагиате.

– Потеря уникальности: Автоматизированное создание контента может привести к потере уникальности и креативности, что важно в академической среде.

– Предвзятость и дискриминация: ИИ может воспроизводить и усиливать существующие предубеждения, если не будет тщательно настроен и проверен.

2. Перспективы:

– Развитие новых методов обучения: ИИ может помочь в разработке новых методов обучения, которые будут более эффективными и персонализированными.

– Улучшение качества исследований: автоматизация анализа данных и генерация гипотез могут ускорить процесс исследований и повысить их точность

– Создание новых форм контента: ИИ может создавать новые формы контента, такие как интерактивные учебники и виртуальные лаборатории.

Образование — это общественное и цивилизационное благо, а в личностном варианте это благо есть не что иное, как способ обретения национальной и личностной идентичности [8]. В этом дискурсе этические аспекты приобретают новые векторы, связанные с коммуникативным полем индивида, которые «завязаны» не только на «живое», но и на «виртуальное» общение. Во втором варианте честность и добросовестность акцентируются больше на индивиде и его ценностно-смысловых ориентирах, а не на коллективистских потребностях и интересах. Студент (и вообще учащийся) ориентированный преимущественно на личностный результат и рассматривающий ИИ как структурный элемент своего ценностно-смыслового поля, уже меньше обращает внимание на осуждение его «нечестного» поведения со стороны общества. Попросту говоря, он уже «не боится» общественного мнения по поводу списывания, плагиата, заимствований и других инвариантов академического мошенничества. Иван Карлов сформулировал возникшую проблему так: «Ведь если студенту выгодно выдать чужой труд за свой, то какая разница, чем он воспользуется – купит работу, наймет человека или запустит Chat GPT. Значит надо строить обучение таким образом, чтобы это было не выгодно» [9]. Расширение зон использования генеративного ИИ происходит с нарастающей эффективностью, так как напрямую зависит от повышения цифровой грамотности пользователей и уровня самих технологий. Общая инерционность системы образования трудно реагирует на подрывные технологии, а педагогическое сообщество (и без того крайне перегруженное) предпочитает смотреть на новые

задачи (контроль, в первую очередь, за использованием ИИ, во вторую – за развитием собственных навыков его использования, в третью – за развитием и проверкой навыков промпта у студентов и т.д.) «сквозь пальцы». Поэтому проблема все отчетливее приобретает системный характер и уже рассматривается как одна из основных причин феномена «недоученности» студентов и «недовольства» работодателей качеством выпускаемых специалистов. В своей работе «Университеты в России: как это работает» Я. Кузьминов и М. Юдкевич прямо указывают на причины развития академической нечестности как системной проблемы с ярко выраженной этической составляющей. Они относят к этим причинам следующие: 1) Несоответствие образовательного и социального капитала студента (и преподавателя-авт.) требованиям университета (работодателя, общества); 2) преобладание выгод над издержками при совершении нечестных поступков студентами (и вообще учащимися – авт.); 3) восприятие университетской среды студентами как нечестной, включая нечестное поведение преподавателей; 4) ситуативные и индивидуальные характеристики студентов. Социологические исследования вполне подтверждают эти причины [10,11].

И, хотя академическому мошенничеству уже достаточно хронологического возраста, сегодня можно констатировать формирование поля этической дилеммы (честно-нечестно) нового вектора. ИИ – безличный субъект образовательного взаимодействия. То есть вступая с ним в этическое поле мы невольно наделяем его характеристиками человеческой субъектности. Этот нюанс еще предстоит осмыслить. Но сегодня очевидно не только это. Если представлять академическое мошенничество «только злом», то и меры борьбы с этим злом должны носить тотальный характер, сопровождающийся изменением архитектуры образовательных взаимодействий (и образовательного пространства в целом) и изменением архитектуры личностного выбора, основанного на ответственности очень высокого уровня. Джейсон Стивенс, по свидетельству Е. Шмелевой, рассматривает три направления мер в этом направлении. Первое: усиление видимости и значимости академической этики, то есть агитация, просвещение и пропаганда. Второе: обеспечение условий для усвоения норм академической этики по умолчанию, то есть информирование о «правилах игры» как педагогического, так и студенческого сообщества. Третье: закрепление этих правил на индивидуальном уровне всевозможными акциями (от подписей под соответствующими документами до материальных поощрений академически этичных студентов) [7].

Академические этические кодексы это сложный нарратив, призванный решить несколько основных задач. Определяющими среди них являются: объяснение того, что систематические нарушения этики вредят не только системе, но и самому субъекту как в кратковременной (защита письменных работ и падение авторитета), так и в долгосрочной перспективе и декларация того, что ценность академической известности это норма и она очень важна для последующей адаптации. Не прямой запрет, но объяснение того, что «несписывание» это более рациональный ресурс для собственного развития, чем мошенничество. Очевидно, что для рационализации и создания новой архитектуры образовательного пространства (с учетом ИИ генеративного типа) должна проводиться огромная разъяснительная работа по всей линейке образовательной иерархии – от детских садов до поствузовской ступени, во-первых. И, во-вторых, необходимо анализировать академическое мошенничество в неразрывной связи с феноменом коррупции как общественной опасности (преступления), обясняя это студентам.

Список источников и литературы:

1. Сорокин П. Цитата недели: «Образование не готовит адекватно человека к современному миру». URL: https://skillbox.ru/media/education/.
2. Дремова О.В. Академическое мошенничество студентов: обзор теоретических концепций и мер предотвращения//Педагогика и психология образования. 2020. №2. С.93-111. DOI. 10.31862/2500-297X-2020-2-93-111.
3. Шмелева Е.Д. Академическое мошенничество среди студентов российских вузов: масштаб и факторы. Резюме дисс. канд. наук об образовании ФГАО ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М., 2021.-75с.
4. Севостьянов Д.А. Плагиат в современном образовании: беда или симптом?//Высшее образование в России. 2017. №3., С.17-26.
5. Малошонок Н.Г. Как восприятие академической честности среды университета взаимосвязано со студенческой вовлеченностью: возможности концептуализации и эмпирического изучения//Вопросы образования. 2016. №1. С.36-60.
6. Hess R. Will ChatGPT Unflip the Classroom? URL: https://www.edweek.org/technology/opinion-will-chatgpt-unflip-the-classroom/2023/01

7. Академическое мошенничество распространено во всем мире, и оно усиливается. Поговорили с исследовательницей проблемы списывания и плагиата среди студентов Евгенией Шмелевой, о причинах этого явления и мерах борьбы с ним. URL: https://skillbox.ru/media/education/

8. Черных С.И. Цифровой интеллект и проблема «размывания» человеческой идентичности//Гражданственность. Культура. Религия: коллективная монография/Под ред. Н.И. Тюленевой, К.А. Мальцева, Е.А. Бородиной и М.Г. Писманика; Перм.гос.ин-т культуры, 2024. С.207-224. ISBN 978-5-91201-453-6.

9. Цитата недели: «Такие задания больше использовать нельзя» URL: https://skillbox.ru/media/education/.

10. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России. Как это работает. М.: Изд.дом Высшей школы экономики. 2021. 446с.

11. Шмелева Е.Д., Семенова Т.В. Академическое мошенничество студентов. Учебная мотивация vs образовательная среда//Вопросы образования/Educational Studies Moscow. 2019. №3. С.101-129.

УДК 378.147

КЕЙС-ПОДХОД И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОСВОЕНИЯ ОСНОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ БУДУЩИМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ ПО РЕКЛАМЕ И СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Шафранова М.В.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Москва, Россия

Аннотация: Автором анализируются проблемы преподавания профессиональной этики для будущих специалистов по рекламе и связям с общественностью, обусловленные совокупностью объективных и субъективных факторов. Исходя из физиологических, психологических и когнитивных особенностей людей юношеского возраста, обосновывается выбор мотиваторов учения, педагогических средств и методов. Вносятся предложения по совершенствованию образовательного процесса и интерактивного взаимодействия его участников с использованием пре-

имуществ digital-коммуникаций. Делается вывод о важности вопроса эстетического воспитания в рамках курса профессиональной этики, значимости личности и примера педагога в формировании этической культуры и зрелости студентов.

Ключевые слова: профессиональная этика, методика преподавания, реклама, связи с общественностью, кейс-подход, эстетическое воспитание.

THE CASE APPROACH AND AESTHETIC EDUCATION AS CONDITIONS FOR EFFECTIVE MASTERING OF THE BASICS OF PROFESSIONAL ETHICS BY FUTURE ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS SPECIALISTS

Shafranova M.V.
National Research University «MPEI», Moscow, Russia

Annotation: The author analyzes the problems of teaching professional ethics for future specialists in advertising and public relations, due to a combination of objective and subjective factors. Based on the physiological, psychological and cognitive characteristics of young people, the choice of teaching motivators, pedagogical tools and methods is justified. Proposals are made to improve the educational process and the interactive interaction of its participants using the advantages of digital communications. The conclusion is made about the importance of the issue of aesthetic education within the framework of the course of professional ethics, the importance of the personality and the example of the teacher in the formation of ethical culture and maturity of students.

Keywords: professional ethics, teaching methods, advertising, public relations, case approach, aesthetic education

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования среди универсальных и общепрофессиональных компетенций [2], которыми должны овладеть выпускники бакалавриата по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью» указаны:

1) способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах;

2) способность учитывать в профессиональной деятельности тенденции развития медиакоммуникационных систем региона, страны и мира, исходя из политических и экономических механизмов их функционирования, правовых и этических норм регулирования.

В связи с этим по результатам освоения образовательных программ специалисты по рекламе и связям с общественностью должны сознательно выбирать ценностные ориентиры и гражданскую позицию, аргументированно обсуждать и решать проблемы мировоззренческого, общественного и личностного характера, а также демонстрировать знания норм профессиональной этики в процессе конструирования элементов медиакоммуникационных систем различного уровня.

Исходя из вышесказанного, в учебные планы образовательных учреждений высшего образования по соответствующему направлению подготовки включена дисциплина «Профессиональная этика».

Этика относится к циклу философских дисциплин, но профессиональная этика – дисциплина прикладная. Целью прикладных наук является продуцирование и передача инструментально-эффективных знаний об окружающей действительности, ориентированных на решение определенных практических задач, поэтому единство и взаимодополняемость теории и практики в обучении профессиональной этике является важнейшим условием становления этической культуры и этической зрелости студентов [1].

В ходе преподавания курса профессиональной этики автором выявлены следующие проблемы объективного характера.

Первоочередной сложностью является отсутствие академических учебников и практикумов по профессиональной этике именно для специалистов по рекламе и связям с общественностью. Общие и смежные этические темы можно найти в курсах по деловой этике и этике журналиста, ряд научных статьей посвящен отдельным темам этики рекламы и связей с общественностью. Фрагментарность и разрозненность материала не позволяет комплексно подойти к освоению дисциплины и затрудняет учебный процесс, ограничивая возможности самостоятельной подготовки студентов.

Еще одной проблемой является принцип формирования учебных планов, где присутствует некоторая рассогласованность во времени освоения философии, которую студенты проходят на более старших курсах, и профессиональной этики, которую проходят раньше, в самом начале обучения. Овладение общей философией, в которой затрагивается проблематика истории этических учений, теория морали и нормативная этика, значительно бы облегчило последующее усвоение прикладных вопросов этики профессиональной деятельности.

Помимо этого, обладая более широким кругозором в направлении профессиональной среды на старших курсах, студенты могут осознаннее подойти к выбору прикладных тем для творческих работ по профессиональной этике, дать осмысленную оценку фактам, процессам и явлениям, а не делать поверхностные умозаключения, не владея сутью предмета.

Так, например, в качестве тем эссе или вопросов для группового обсуждения можно вынести проблематику, которая будет актуальна и интересна для самих студентов – этические аспекты блоггинга, спам как неэтичный метод рекламирования, этика коммуникационных компаний в социальных сетях пр.

Третьей, и, пожалуй, ключевой трудностью, является оторванность теоретического наполнения дисциплины от реалий профессиональной среды. Изучая профессиональную этику без погружения в практические нюансы и разбора конкретных фактических примеров, выпускники оказываются не в полной мере готовы столкнуться с определенными рабочими ситуациями, конфликтными аспектами профессиональной деятельности, этическими дилеммами, специфичными для сферы рекламы и PR, и не имеют в своем арсенале готовых конструктивных способов их решения.

Немаловажными учебными задачами являются, например, усвоение механизмов привлечения государственными органами рекламодателей и рекламопроизводителей к ответственности за нарушение этических норм, роли саморегулируемых организаций в этом процессе, способов соблюдения баланса между выполнением этических принципов и использованием актуальных методов рекламы и PR, методов преодоления противоречий с клиентами и другими участниками деловых отношений.

Однако, выстраивая методику преподавания любой дисциплины, нельзя ограничиться лишь решением проблем объективного характера и проигнорировать субъективные факторы процесса обучения, чему есть крепкое психолого-педагогическое обоснование.

Как заметил великий русский психолог С.Л. Рубинштейн, «любое внешнее воздействие определяет психическое явление лишь опосредствованно, преломляясь через свойства, состояния и психическую деятельность личности, которая этим воздействиям подвергается» [3, с. 14], то есть сквозь призму личностных характеристик человека, сформированных вследствие индивидуальных особенностей и предыдущего опыта.

В связи с этим представляется целесообразным обозначить особенности физиологического, психического и когнитивного развития личности в юношеском возрасте, который чаще всего очерчивается интервалом от 17 лет до 21 года [4, с. 68].

В указанный промежуток жизни человека пубертатный период сменяется постпубертатным, что оказывает влияние на общее физическое состояние (завершаются бурные процессы полового созревания, замедляется рост, возрастает работоспособность).

В социальном плане перед людьми юношеского возраста встают вопросы профессионального самоопределения, выработки на основе собственного индивидуального опыта главных жизненных приоритетов и перспектив, проектирования своего будущего. Также они переживают период кризиса идентичности, в связи с необходимостью объединить все знания о себе в единую концепцию собственного «Я», не зависящего от изменчивой внешней ситуации [6, с. 242].

Подражание, как механизм групповой интеграции и эмоциональной идентификации, играет важную роль в присвоении общественного опыта. В юношеском возрасте он связан со стремлением быть похожим на значимых для себя людей, медийных личностей, кумиров, что проявляется в копировании поступков, речи, внешнего облика, жестов [5, с. 131].

Кроме того, для юношеского периода развития личности характерны активная мыслительная деятельность и критичность к педагогам. Понятие об интересности учебного предмета основывается не только на его занимательности, но и на том, предоставляет ли он возможности для обдумывания и оценки явлений и фактов, вынесения собственных суждений. Именно в сфере своих преимущественных интересов молодые люди стремятся интенсивно проявлять свои когнитивные способности.

Также следует отметить такой феномен, как юношеский эгоцентризм, который приводит юношей и девушек к убеждению, что окружающие люди относятся в той же степени внимательно к их внешности и поведению, как и они сами к себе.

Перечисленные особенности оказывают существенное влияние на воспитание и обучение людей юношеского возраста.

Основываясь на выделенных возрастных характеристиках, при формировании содержания и инструментария дисциплины, следует учесть мотивы учения, особое внимание уделив мотивации содержанием (стремление овладевать новыми знаниями, расширять свой репертуар действий, проникать суть явлений), а также мотивации процессом (увлеченность познанием и решением задач, стремление к общению и выражению своего мнения).

Чтобы активизировать содержательную и процессуальную мотивацию, необходимо насыщать учебный процесс игровыми приемами, применять современные технические средства и инструменты, созвучные тем коммуникационным форматам, которые привычны и предпочтительны для обучающихся. Цифровая эпоха дает современной высшей школе широкие возможности использования digital-технологий: видеороликов, анимированных презентаций, программных средств (тренажеры для закрепления знаний и самостоятельной работы, онлайн-квизы, викторины, кроссворды), инфографики и др.

Наиболее эффективными для освоения прикладных вопросов профессиональной этики представляются интерактивные имитационные и моделирующие средства, в частности, использование кейс-подхода, который представляет собой метод обучения, основанный на анализе конкретных ситуаций, которые требуют от студентов и преподавателя поиска решений, осмысления и обсуждения различных аспектов заявленных проблем.

В рамках реализации кейсового метода обучения профессиональной этике на занятиях необходимо рассматривать как положительные, так и отрицательные практические примеры, предоставив студентам возможность оценить, как выбранная рекламная или PR-стратегия компании может отразиться на ее имидже, репутации, позиции на рынке и финансовых показателях, какой может оказаться общественная реакция на применение методов агрессивного продвижения и манипулятивных технологий. Это необходимо, чтобы в будущем, при осуществлении трудовой деятельности, обучающиеся могли основываться на личном опыте рефлексии и оценивать реальные профессиональные ситуации.

Кроме того, преподавателю следует поощрять расширение профессионального кругозора студентов и помогать им приобретать насмотренность и развивать вкус, уделяя достаточное внимание освещению эстетической составляющей рекламного и PR-продукта, поскольку они могут обладать не только практической, но и художественной ценностью, становясь частью культуры. Способность получать наслаждение от искусно и качественно выполненного рекламного креатива или пресс-релиза, умение понимать и создавать прекрасное, помогают стимулировать творческую инициативу, и впоследствии осознавать общественную значимость и ценность собственной профессии.

Поскольку юноши и девушки склонны подражать авторитетным для себя людям, преподаватель обязан личным примером задавать нравственные ориентиры и соответствовать этическим требованиям, предъявляемым как к педагогу высшей школы, так и к специалисту по рекламе

и связям с общественностью. Не лишним будет создать эстетичную обстановку на занятиях, демонстрировать образцы манер поведения и культуры речи.

Учитывая выборочность применения людьми юношеского возраста своих умственных способностей, чтобы повысить их вовлеченность в учебный процесс, необходимо формировать учебные кейсы исходя из сферы интересов студентов, выносить на обсуждение свежие информационные продукты, затрагивать тематику музыкальных исполнителей, блоггеров, зрелищных мероприятий, компьютерных игр.

Однако все это требует от преподавателя постоянного совершенствования и развития, недопущения интеллектуальной и креативной стагнации. Педагог должен расширять свои познания об актуальных процессах и тенденциях в области рекламы и связей с общественностью, для чего посещать научно-практические мероприятия, осуществлять мониторинг периодики, изучать наполнение тематических профессиональных ресурсов (форумов, интернет-изданий, сообществ в социальных сетях, каналов в мессенджерах).

Опрос студентов направления подготовки «Реклама и связи с общественностью», прошедших и проходящих в настоящее время курс профессиональной этики, показал, что, по их мнению, применение таких интерактивных методов как разбор кейсов, решение ситуационных задач, тематическая дискуссия, проблемная лекция и игровые форматы проведения занятий помогают им лучше усвоить учебный материал и развить свои компетенции. Также респонденты указали, что им нравится узнавать мнение других людей по проблемным вопросам и выражать свое собственное, они получают удовольствие от этого процесса, что мотивирует их включаться в работу на занятии.

Таким образом решение проблем преподавания профессиональной этики для будущих специалистов в области рекламы и связей с общественностью, требует следующих шагов:

1) подготовки специального учебно-методического комплекса, состоящего из академического учебника и практикума по профессиональной этике для направления обучения «Реклама и связи с общественностью»;

2) оптимизации учебных планов по временным параметрам освоения общей философии и профессиональной этики;

3) широкого внедрения практико-ориентированных интерактивных методов в учебный процесс;

4) включения блока по эстетическому воспитанию в рабочие программы по профессиональной этике;

5) постоянного совершенствования и повышения осведомленности профессорско-преподавательского состава о трендах в рекламной и PR-сфере, а также отсутствия педагогического формализма.

Список источников и литературы:

1. Алексеева М.И. Теоретическая и практическая составляющие профессиональной этики как учебной дисциплины / М.И. Алексеева. – Текст: непосредственный // Образование и воспитание. – 2016. – № 5 (10). – С. 144-146. URL: https://moluch.ru/th/4/archive/48/1684/ (дата обращения: 27.10.2024).

2. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 08.06.2017 № 512 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 42.03.01 Реклама и связи с общественностью» (Зарегистрирован 29.06.2017 № 47220)/ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201706300026 (дата обращения: 27.10.2024).

3. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психологии во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 328 с.

4. Савенков, А.И. Педагогическая психология: учебник для вузов / А.И. Савенков. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 595 с.

5. Самылова О.А. Психологические механизмы духовно-нравственного развития в юношеском периоде // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. №1 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-mehanizmy-duhovno-nravstvennogo-razvitiya-v-yunosheskom-periode (дата обращения: 03.11.2024).

6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эриксон; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – 352 с.

Сведения об авторе:

Шафранова Мария Владимировна, НИУ «МЭИ», ассистент, ShafranovaMV@mpei.ru

Раздел III

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

УДК 008

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Вигель Н.Л., Меттини Э.
Ростовской государственный медицинский университет,
РНИМУ им. Н.И.Пирогова

Аннотация. В современном обществе межличностные отношения претерпевают значительные изменения под влиянием технологического прогресса и культурных сдвигов. Социальные сети и цифровые коммуникации кардинально изменили способы взаимодействия, ускорив обмен информацией, но одновременно способствуя поверхностности связей. В то же время усиливается индивидуализм, что влияет на традиционные формы общения и взаимодействия. Эти процессы приводят к новым моделям социальных взаимодействий, где гибкость и адаптивность становятся ключевыми элементами в поддержании и развитии межличностных связей.

Ключевые слова: социальные медиа; идентичность; глобализация; виртуальное общение; гендерные роли; эмоциональная близость.

TRANSFORMATION OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS IN MODERN CULTURE

Wiegel N.L., Metinni E.
Rostov State Medical University, Pirogov Russian
National Research Medical University

Abstract. In modern society, interpersonal relationships are undergoing significant changes under the influence of technological progress and cultural shifts. Social networks and digital communications have radically transformed methods of interaction, accelerating the exchange of information but simultaneously contributing to the superficiality of connections. At the same time, individualism is becoming more pronounced, influencing traditional forms of

communication and interaction. These processes lead to new models of social interactions, where flexibility and adaptability become key elements in maintaining and developing interpersonal relationships.

Keywords: social media; identity; globalization; virtual communication; gender roles; emotional intimacy.

Межличностные отношения представляют собой взаимодействие между двумя или более людьми, в рамках которого происходит обмен эмоциями, информацией и действиями, оказывающими влияние на окружающих. Эти отношения могут быть разного характера: дружеские, семейные, профессиональные или романтические. Они развиваются через коммуникацию, совместный опыт и влияние многих социальных и личностных факторов. Межличностные отношения играют ключевую роль в жизни человека, способствуя социализации, развитию и поддержке эмоционального состояния.

Актуальность исследования трансформации межличностных отношений обусловлена множеством факторов, в том числе быстрым развитием цифровых технологий, изменением социальных норм и глобальной культурной динамикой. Современный мир переживает стремительные изменения, которые затрагивают все аспекты человеческой жизни, включая способы взаимодействия людей. Виртуальные коммуникации, социальные сети и мессенджеры радикально преобразили способы установления и поддержания контактов, что приводит к новым формам отношений и социального поведения, что в свою очередь изменяет механизмы формирования доверия, привязанности и поддержки. Изучение трансформации межличностных отношений позволяет лучше понять, как современные технологии и изменение культурного контекста влияют на базовые человеческие взаимодействия, обеспечивая основу для формирования здорового социального окружения [1, с.24]. Кроме того, это исследование имеет важное значение для разработки практических рекомендаций по улучшению качества коммуникации, что особенно актуально в условиях усиливающегося чувства изоляции и одиночества в цифровую эпоху.

Отношения между людьми всегда занимали центральное место в обществе, и их формы претерпели значительные изменения с течением времени и в различных культурах. В традиционных обществах отношения часто строились вокруг брака, основанного на культурных, экономических и политических мотивах. Такие союзы были обоснованы необходимостью выживания и укрепления социального статуса. В традиционных культурах Азии, например, браки часто заключались по договоренности взрослых, где

мнение молодых людей играло второстепенную роль. Подобные обычаи преобладали до индустриальной революции, когда брак рассматривается не только как союз двух людей, но и как слияние двух семей.

С развитием индустриального общества в XIX веке отношения начали эволюционировать под влиянием социальных изменений. Появление городов привело к смещению социальных структур, люди чаще стали выбирать партнёров самостоятельно, основываясь на личных предпочтениях и эмоциях. Отмечается значительный сдвиг от прежних практик, что оказало влияние на динамику внутри семьи и общества в целом. Влияние романтической любви как основы для брака начало приобретать огромную популярность, что также отразилось в литературе и искусстве того времени.

XX век стал этапом масштабных перемен, во многом подогреваемых двумя мировыми войнами, изменениями в экономике и борьбой за права человека. Суфражистское движение и последующий феминизм внесли значительный вклад в изменение представлений о роли женщины не только в обществе, но и в отношениях. Жены и мужья постепенно стали рассматриваться как равноправные партнёры, что привело к пересмотру патриархальных структур брака и семьи. Сексуальная революция 60-х годов и широкое распространение контрацептивов предоставили больше свободы и автономии в личной жизни, позволяя людям исследовать новые формы отношений.

Технологический прогресс конца XX века и начало XXI века значительным образом трансформировали способы завязывания и поддержания отношений.

Таким образом, история эволюции отношений демонстрирует удивительную адаптивность человечества к изменяющимся культурным, социальным и технологическим условиям. От традиционных предопределенных союзов до современных гибких форм связей – каждый этап характеризуется стремлением к поиску счастья и удовлетворенности в личной жизни.

Трансформация межличностных отношений происходит под влиянием множества факторов, среди которых значимую роль играют социальные, экономические и технологические аспекты. Прежде всего, в социальной сфере ключевыми факторами являются урбанизация и мобильность населения [2, с.210. Переезд людей в города или между странами для поиска лучших жизненных и трудовых условий способствует расширению социальных сетей, но также может привести к ослаблению традиционных семейных связей. Изменение семейных структур, в том числе уменьшение размера семей и возрастание числа одиноких людей или пар без детей, также вносят вклад в преобразование отношений.

Экономические перемены играют не менее важную роль. Возрастающая экономическая независимость людей, особенно женщин, ведет к более равноправным партнерским отношениям. Изменение ролей мужчин и женщин на рынке труда постепенно разрушает традиционные гендерные стереотипы, влияя на распределение домашних обязанностей и воспитание детей. Появление и расширение возможностей для профессионального развития и карьерного роста для обоих полов также способствует переосмыслению структур взаимодействия в семейной и общественной жизни.

Технологические факторы неразрывно связаны с изменениями в межличностных коммуникациях. Развитие социальных сетей и онлайн-коммуникаций создает новые платформы для установления и поддержания связей независимо от физического расстояния. Влияние цифровых медиа на повседневное общение позволяет ускорять обмен информацией, но иногда приводит к поверхностности взаимоотношений. Несмотря на возможности для более легкого доступа к информации и людям, технологии также порождают проблемы, такие как информационная перегрузка и зависимость от виртуального общения. Всё это вместе оказывает комплексное воздействие на динамику и качество межличностных отношений в современном мире.

Современные межличностные отношения претерпевают значительные изменения, которые можно наблюдать в различных аспектах социальной жизни. Первым важным трендом является переход от традиционных форм отношений, таких как брак и длительные романтические связи, к более гибким и нестабильным форматам. В наши дни все больше людей предпочитают сосредотачивать внимание на своей индивидуальной свободе и личных целях, что приводит к росту разнообразных форм отношений. Люди все чаще отказываются от долгосрочных обязательств и выбирают открытые отношения, свободные союзы или отношения на расстоянии, позволяющие совмещать личные цели с романтическими связями без жестких социальных условностей.

Второй значимый тренд касается увеличения числа одиноких людей. В современных обществах одиночество больше не воспринимается как нечто необычное или негативное. Оно становится скорее сознательным выбором, чем вынужденной необходимостью. Это связано с ростом индивидуализма и стремлением к самореализации. Всё больше людей наслаждаются состоянием одиночества, используя его как возможность для личностного роста, самопознания и профессионального развития, а также ценят его как способ избежать нежелательных компромиссов в личной жизни.

Также наблюдается рост бездетных семей, что связано с изменением системой ценностей: сегодня многие пары сознательно принимают решение не заводить детей, ставя на первый план карьеру, свободу и путешествия.

Все эти тренды являют собой ответ на изменения в культурных и экономических аспектах современных обществ. Они демонстрируют адаптацию межличностных отношений к новым социальным реалиям и изменяющимся ожиданиям людей.

Технологии в современном мире существенно повлияли на межличностные отношения, проявляясь в различных областях, таких как социальные сети и онлайн-знакомства. Эти инструменты предоставляют значительные преимущества, позволяя людям оставаться на связи независимо от географического положения, а также открывают возможности для знакомств с новыми людьми с общими интересами. Социальные сети стали платформой для самовыражения и обмена опытом, укрепляя старые связи и способствуя созданию новых. Онлайн-знакомства особенно популярны среди людей, ищущих партнеров, так как они предоставляют удобный способ доступа к потенциальным партнерам, которых можно оценить по их профилям и предпочтениям.

Однако, вместе с преимуществами появляются и проблемы. Среди них можно выделить поверхностность взаимодействий, которая иногда мешает полноценному формированию эмоциональных связей. Часто возникает ситуация, когда взаимодействие через экраны заменяет личное общение, что может привести к потере навыков ведения разговора и эмпатии. Кроме того, зависимость от социальных сетей и устройств может привести к изоляции в реальной жизни и проблемам с самовосприятием из-за постоянного сравнения с идеализированными онлайн-изображениями других людей.

Влияние технологий на качество общения и эмоциональную связь также вызывает дискуссии. С одной стороны, мгновенные сообщения и видеозвонки облегчают поддержание контактов. С другой стороны, возникает риск, что такие формы общения будут рассматриваться как достаточная замена личных встреч, снижая тем самым глубину эмоциональной связи. Часто возможна неверная интерпретация текста без визуальных и голосовых подсказок, что может привести к недопониманиям и конфликтам.

Также технологии способствовали формированию новых норм этикета и поведенческих моделей в цифровом пространстве. Этика общения в интернете включает в себя уважение к другим пользователям, осмотрительное распространение информации и учет конфиденциально-

сти. В то же время, ввиду легкости создания анонимных учетных записей, онлайн-пространство может быть использовано для неэтичного поведения, такого как кибербуллинг и троллинг. Современные нормы также охватывают понимание таких аспектов, как вежливость в ответах на сообщения, уважение времени других пользователей и ответственность за размещаемый контент.

Таким образом, технологии оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на межличностные отношения. Они обогащают коммуникацию, обеспечивая доступность и удобство, однако также требуют осознанного подхода к использованию, чтобы минимизировать риски, связанные с утратой эмоциональной глубины и сложностями в реальных взаимодействиях.

Трансформация отношений в современном мире затрагивает множество психологических аспектов, среди которых значительное внимание уделяется изменению в психологии привязанности и доверия [3, с.52]. В условиях ускоряющегося темпа жизни и развития цифровых технологий, природа человеческих привязанностей испытывает серьезные изменения. Повышенная мобильность, виртуальные коммуникации и частое использование социальных сетей влияют на то, как формируются и воспринимаются привязанности. Люди становятся более независимыми, но, одновременно, возникает потребность в более глубоком доверии, поскольку физическое расстояние между партнерами может усиливать ощущение эмоциональной дистанции.

Изменения в привязанности и доверии оказывают существенное воздействие на психическое здоровье и общее благополучие. Недостаток стабильных и надежных отношений может привести к росту уровня стресса, тревожности и даже депрессии. Способность к доверию становится критично важной в поддержании психического здоровья, так как оно способствует чувству безопасности и эмоционального комфорта. В параллель с этим появляется необходимость развивать эмоциональный интеллект и эмпатию для адекватного ведения отношений.

Современные отношения требуют от участников не только осознанного подхода к собственным эмоциям и желаниям, но и активного вовлечения в эмоциональное состояние другого человека. Это становится особенно важным в условиях, когда традиционные модели отношений подвергаются ревизии, уступая место более гибким и разнообразным формам взаимодействия. Таким образом, развитие эмоционального интеллекта и эмпатии не только помогает справляться с изменениями в interpersonal dynamics, но и способствует созданию более устойчивых и удовлетворяющих связей, что положительно сказывается на психическом здоровье и общем благополучии каждого участника.

Трансформация общества в условиях стремительного развития технологий и изменения форм общения порождает ряд сложных проблем и последствий, непосредственно влияющих на качество жизни людей. Одной из наиболее насущных проблем является социальная изоляция и депрессия — это явление обусловлено изменением традиционных форм общения и взаимодействия. Люди все чаще заменяют живое общение виртуальным, что приводит к снижению уровня эмоциональной связи и ощущения поддержки, что впоследствии перерастает в чувство одиночества и депрессивные состояния.

Помимо этого, изменения в социальных ролях и ожиданиях создают проблемы идентичности и самооценки. В условиях, когда социальные роли становятся более гибкими и переменными, многим людям становится сложно определить свое место в обществе и удерживать устойчивое представление о себе. Это вызывает стресс и неуверенность, что негативно сказывается на психическом здоровье индивидов.

Вызовы также настигли семейные структуры и институт брака, традиции которых подвергаются пересмотру в свете новой эпохи. Все больше людей откладывают вступление в брак или выбирают альтернативные формы семейных отношений, что порождает вопросы о стабильности и долговечности современных семейных институтов.

Однако, несмотря на сложности, существуют стратегии, которые способны помочь обществу адаптироваться к происходящим изменениям. Одной из таких стратегий является развитие эмоциональной устойчивости и адаптивности, что позволяет людям более гибко справляться с изменениями и стрессами. Кроме того, важную роль играет использование технологий не только как средства для развлечения, но и как инструмента укрепления связей и построения значимых отношений, способствующих социализации.

Образовательные инициативы, направленные на развитие навыков межличностного общения, становятся все более актуальными. Они учатся тому, как эффективно взаимодействовать с окружающими, как выстраивать доверительные отношения и как преодолеть барьеры общения в цифровую эпоху.

Таким образом, становится ясно, что перемены в межличностных отношениях требуют комплексного подхода и внимания со стороны общества. Перспективы дальнейших исследований в этой области открывают новые горизонты для понимания природы человеческих взаимоотношений. Призыв к социальным изменениям и разработка стратегий для эффективного управления трансформацией требуют консолидации усилий правительств, образовательных учреждений и самих индивидуумов для создания более гармоничного и устойчивого общества.

Список источников и литературы:

1. Балаховский, Н.М. Трансформация культуры общения в современном цифровом мире / Н.М. Балаховский // Современный мир: изменения, разногласия, рациональность : Материалы VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции: сборник статей студентов и молодых ученых, Москва, 14 ноября 2023 года. – Москва: Российский государственный социальный университет, 2024. – С. 23-26.
2. Данчай-Оол, А.А. Трансформация межличностных отношений в современной тувинской культуре / А.А. Данчай-Оол // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему : материалы IV Всероссийской междисциплинарной научной конференции, посвященной 90-летию со дня создания Омского государственного педагогического университета и 300-летию Российской академии наук, Омск, 17 ноября 2022 года. – Омск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», 2022. – С. 216-218.
3. Черникова, В. Е. Антропологическое измерение коммуникации в условиях информатизации общества / В.Е. Черникова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2016. – № 3. – С. 50-59.

Сведения об авторах:

Вигель Нарине Липаритовна, д.ф.н., доц., заведующая кафедрой философии с курсом биоэтики и духовных основ медицинской деятельности ФГБОУ ВО РостГМУ Минздрава России, 22nara@mail.ru

Меттини Эмилиано, к. пед.н., заведующий кафедрой гуманитарных наук ФГАУ ВО РНИМУ им. Н.И.Пирогова Минздрава России, emiliano@inbox.ru

УДК165

О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ОНТОЛОГИИ И ЭПИСТЕМОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

В.Н. Князев
Московский педагогический государственный университет,
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. Вопрос о взаимосвязи онтологии и эпистемологии внешне выглядит довольно тривиальным. Всем хорошо известна единая ВАКовская научная специальность «онтология и теория познания».

Сразу бросается в глаза, что союз «и» свидетельствует об их отличиях и одновременно взаимосвязи. Автор анализирует их реальное взаимоотношение посредством их синтеза на основе термина «метафизика». Историческая трансформация понимания термина «метафизика» такова, что современное его использование не только правомерно, но и содержательно значимо, ибо метафизику можно трактовать как «сердце философии».

Ключевые слова: метафизика, онтология, теория познания (гносеология), эпистемология.

ON THE NATURE OF THE RELATIONSHIP BETWEEN ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY IN MODERN PHILOSOPHY

V.N. Knyazev
Moscow Pedagogical State University,
National Research University "MEI", Moscow, Russia

Abstract. The question of the relationship between ontology and epistemology seems rather trivial. Everyone is familiar with the unified Higher Attestation Commission scientific specialty "ontology and theory of knowledge". It is immediately obvious that the conjunction "and" indicates their differences and, at the same time, their relationship. The author analyzes their real relationship through their synthesis based on the term "metaphysics". The historical transformation of the understanding of the term "metaphysics" is such that its modern use is not only legitimate, but also meaningful, because metaphysics can be interpreted as the "heart of philosophy".

Keywords: metaphysics, ontology, theory of knowledge (gnoseology), epistemology.

1. Введение

Природа философского знания такова, что начиная с античности оно формировалось не просто как «любовь к мудрости», а в гораздо более разнообразных аспектах знания о благе, истине, красоте, добре, вере, мужестве и других добродетелях. При этом уже Аристотель выделял «первую философию» (*πρώτη φιλοσοφία*) в качестве важнейшей из трех частей теоретической (умозрительной) философии (две других – физическая и математическая) и наконец практическую (этика и политика) и поэтическую (риторика и собственно поэзия). «Первая философия» изучает *важнейшие исходные принципы и категории* познавательного отношения человека к миру. Следует также отметить, что с античности идет представление о философии как включающей в себя две взаимосвязанные

стороны – эпистемная (от др.-греч. επιστήμη – знание) и софийная (Σοφία – мудрость). Эпистемная (знаниевая) сторона, по сути, понятна изначально. Софийная же сторона гораздо более сакральна (таинственна). Она включает в себя гораздо больший и глубокий пласт личностных психических качеств человека, опирающихся на жизненный опыт, ценностные факторы и того, что А. Гулыга назвал «высшей духовной потенцией человека, синтезирующая все виды познания и активного отношения человека к миру» [1, с. 344] в плане интуитивного «схватывания» всеобщего. Личностная мудрость философа в лучшем случае лишь косвенно опирается на логико-рациональную компоненту его внутреннего духовно-интеллектуального мира.

2. Основная часть

Современная философия включает в себя многообразие разделов (онтология, теория познания, аксиология, социальная философия, логика, этика, эстетика и др.). Онтология характеризуется в качестве философского знания о бытии природы, общества и духовно-личностного (экзистенциального) существования человека. В силу плюрализма (множественности) философских идей и учений значение терминов *«первая философия», «метафизика» и «онтология»* у разных философов могут отличаться. В самом деле, исторически в древнегреческой культуре слово *φυσική* (физика) означает «природа» и понимается как «знание о природе»; в античной традиции *φιλοσοφία* (философия) есть *τὰ μετὰ τὰ φυσικά* (метафизика), т.е. «следующее за физикой» и понимается как «*знание* о том, что есть *знание* о природе». В моем сегодняшнем обращении к философскому знанию *метафизика соединяет в себе онтологию и эпистемологию*. Разумеется, это необходимо обосновать. С древнегреческого *онтология* (от греч. *ὄν*, род. падеж *ὄντος* – сущее и *λόγος* – слово, понятие, учение) учение о бытии, о сущем. Достаточно общепризнанно, что *онтология – фундаментальный раздел философии, изучающий основополагающие принципы бытия, предельные основания реальности, выявляемые человеком как универсалии культуры.*

Термин «онтология» впервые введен в философское словоупотребление в 1606 г. протестантским теологом Я. Лорхардом. При этом онтология неразрывно связана с теорией познания (гносеология, эпистемология), ибо онтология есть *историко-культурный познавательный результат* осмысления фундаментальных свойств природы и Бога, общества и внутреннего мира человека.

Термин «гносеология» (от др.-греческих слов: γνώσις — познание; λόγος — слово, рассуждение, учение) впервые ввел шотландский философ Джеймс Фредерик Феррьер в 1854 г. в своей книге «Institutes of

Metaphysic: the Theory of Knowing and Being» (Эдинбург и Лондон, 1854), состоящей из трёх частей: «Epistemology, or Theory of Knowing», «Agnoiology, or Theory of Ignorance» (агноология или теория незнания); и «Ontology, or Theory of Being». До этого познавательная проблематика изучалась под другими названиями: «анализ ума», «исследование познания», «опыты о человеческом разумении», «критика разума»…Поскольку философы начала новоевропейской культуры, начиная с XVII века, активнейшим образом исследовали духовно-интеллектуальную сферу человеческой жизни и речь всегда шла о познании, знании, человеческих способностях, возможностях души и разума, то можно было говорить о том, что внутренний мир человека был фокусом размышлений философствующих личностей. А сама кристаллизация использования терминов «онтология», «эпистемология» (гносеология») ни столь уж и важна. При этом именно с Кантом связана принципиальная трансформация метафизики в критику разума, а прежняя метафизика провозглашалась устаревшей.

Другое дело в современном состоянии философии: с одной стороны, признавая философию как личностно-мировоззренческую форму знания мы неизбежно должны исходить из принципиальной множественности взглядов даже на самые фундаментальные вопросы философии, а с другой стороны, как минимум учебный процесс преподавания философского знания требует выработки определенного консенсуса на трактовку базовых терминов в философии. С учетом этого, говоря о современном состоянии философского понимания теории познания, я солидарен с В.Е. Семеновым, который пишет: «В отечественной литературе под эпистемологией понимается *теория научного познания и знания*, тогда как в зарубежной (прежде всего англо-американской) философии не существует такого разделения и под эпистемологией разумеют *исследование знания и обоснованного убеждения.* При этом термин «гносеология» используется крайне редко» [7, с. 369]. Если обратиться к такому авторитетному изданию как «Энциклопедия эпистемологии и философии науки», то прочитаем: «ЭПИСТЕМОЛОГИЯ (ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ, ГНОСЕОЛОГИЯ) – раздел философии, в котором анализируется природа и возможности знания, его границы и условия достоверности» [9, с. 1160]. Такой экскурс в определения позволяет говорить, что сама *познавательная деятельность человеческой личности* (эпистемический процесс) однозначно формирует представление о том, что интеллектуальный поиск и нахождение онтологической сути бытия и сущего (онтология) есть не только результат единения онтологии и эпистемологии, но и свидетельствует даже об определенном примате последней над первой. Однако говоря об их единстве, мы фактически утверждаем их целостность в рамках первой философии Аристотеля, т.е. в метафизике.

В самом деле, философия как метафизика создает наиболее общий подход к пониманию реальности на основе ее конструирования с помощью фундаментальных философских категорий (др.-греч. *κατηγορία* – «высказывание, обвинение», из *κατηγορέω* – «обвинять, говорить против кого-либо»; происходит из *κατά* «вниз, под; против» + *ἀγορά* «народное собрание»). Т.е. категории выявляют глубину знания по отношению к обыденному сознанию. В современном смысле слова категории – есть наиболее общие (всеобщие) понятия, выработанные длительным человеческим познанием всей действительности. Это: бытие, реальность, субстанция, сущность, дух, абсолют, бесконечность, движение, время, пространство, причинность, качество, сознание, истина и др.

А.В. Иванов в своей статье «Метафизика как сердце философии» пишет: «Если физик выходит на проблемы эволюции Вселенной и ее первоструктур, то он неизбежно превращается не просто в философа, а именно в метафизика и сталкивается с необходимостью осваивать соответствующее философское теоретическое наследие» [2, с. 45].

Само слово «теория» в русском языке появилось в петровские времена через польский термин *teorja*, который пришел непосредственно из лат. *theōria* от греч. *θεωρία,* что означало «созерцание», «наблюдение», «видение», «исследование», «рассуждение» (что близко к *thea*, означающему «зрелище», «театр»). Теория как развернутое рациональное обоснование некоторой значимой идеи всегда опирается на практику, но сама практика слепа без осмысления. «Теория» как «наблюдение», «созерцание» и «видение» есть «умозрение», «зрение с помощью ума», а не просто глазами. А философское знание всегда носит умозрительный характер, т.е. усмотрение умом. При этом, согласно М. Хайдеггеру, «философия, метафизика есть ностальгия, стремление быть повсюду дома, потребность – не слепая и растерянная, но пробуждающая в нас и побуждающая именно к таким вопросам в их единстве, какие мы только что ставили: что такое мир, конечность, уединение? Каждый подобный вопрос нацелен на целое» [8, с. 331].

Таким образом, говорить о метафизике как «первой философии» Аристотеля следует посредством стремления к постижению достоверного знания с помощью системы философских категорий и принципов. Важнейшими из таких категорий являются бытие, материя, сознание, дух, движение, пространство, время, информация, истина, качество и др. Философские категории в силу их претензии на всеобщность вводятся в систему зрелого философского знания как принципы [3, с. 34-40]. В самом деле, все исходные философские категории как продукты духовно-

интеллектуальной культуры постулируются как всеобщие, что правда не исключает возможности их личностной вариативной интерпретации и языковой формы выражения. Можно согласиться с рассуждением В.В. Миронова, который характеризует метафизику как «предельный вид философского знания, связанный с наиболее абстрактной и глубокой формой рефлексии (размышления) человека над проблемами личного и мирового бытия» [6, с. 35].

Я исхожу из философской концепции *конструктивного реализма* [5, с. 18-22], суть которой состоит в представлении о *конструктивной деятельности сознания* человека в процессе познания сущностных отношений в самой реальности. Действительно, когнитивная деятельность ученого состоит в интеллектуальном конструировании предметной реальности с помощью понятий, категорий, принципов, научных законов, теорий и соответствующего математического аппарата. Применительно к фундаментальной теоретической физике познавательный процесс пронизан профессиональным использованием математических методов и теорий. Здесь следует подчеркнуть принципиальное отличие конструктивного реализма от *наивного реализма*, которому свойственно характеризовать процесс познания как просто чувственное отражение действительности (метафора «зеркального отражения»). Философское конструирование мира реализуется в процессе профессионального использования философских понятий и категорий. При этом философские категории материи, пространства, времени и др. не тождественны понятиям материи, пространства и времени в физике. И все же философия как метафизика имеет значимое отношение к научному знанию, осмысливая его с точки зрения достоверности, истинности, ценности, границ применимости и др.

3. Заключение

Подводя итог, следует сказать, что в целом философское знание как знание о всеобщем обладает известной целостностью и внутренней противоречивостью. В философии нельзя однозначно сказать, что можно признать какой-то принцип как единственно верный, ведь философское знание по своей природе плюралистично. Разве можно сказать, например, что материалистическое понимание мира есть окончательная философская истина? Нет! Скажем, философская концепция (учение) даже отдельного философа никогда не может быть сведена к единственному принципу. Мне представляется, что фундаментальные разделы философского знания – онтология и эпистемология – характеризуются не просто своей неотъемлемой взаимосвязью, но *определенным приоритетом эпистемологии над онтологией*, ибо само учение о бытии есть результат ин-

теллектуальной эпистемической деятельности мыслителя. Анализируя эволюцию трактовок метафизики в истории культуры [4, с.128-141], я прихожу к убеждению, что «метафизика как сердце философии» в современных условиях может быть интерпретирована как имманентная связь онтологии и эпистемологии.

Список источников и литературы:

1. Гулыга А. Мудрость // Философский словарь. М.: Республика. 2001. 719 с.
2. Иванов А.В. Метафизика как сердце философии // Альманах «Метафизика. Век XXI». Вып. 2. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2007. С. 41-52.
3. Князев В.Н. Категории как философские принципы // В сборнике: Проблемы философии: история и современность. Сборник статей по итогам научно-практической конференции с международным участием. 2018. С. 34-40.
4. Князев В.Н. Об эволюции понимания метафизики в истории культуры // Метафизика. 2021. № 3 (41). С. 128 – 141.
5. Лекторский В.А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 2. С. 18 – 22.
6. Миронов В.В. Становление и смысл философии как метафизики // Альманах «Метафизика. Век XXI». Вып. 2. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2007. С. 18–40.
7. Семенов В.Е. Гносеология // Философия для инженерных вузов: учебник /Ю.В. Соколова, В.Е. Семенов, В.Н. Белов и др.; под ред. Ю.В. Соколовой. М.: Издательство МЭИ, 2024. С. 368-415.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
9. Эпистемология // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

Сведения об авторе:

Князев Виктор Николаевич, доктор философских наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, профессор кафедры философии, kvn951@inbox.ru, Национальный исследовательский университет «МЭИ», кафедра философии, политологии и социологии имени Г.С. Арефьевой, KniazevVN@mpei.ru

УДК: 165(063)

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ М.М. РУБИНШТЕЙНА

Кудинова К.С.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Аннотация. Данная работа освещает философские взгляды М.М. Рубинштейна, сосредотачиваясь на его теории ценностей. Основанная на теоретико-познавательном идеализме, работа Рубинштейна вдохновлена его наставником Г. Риккертом. Исследование раскрывает как влияние Риккерта отразилось на Рубинштейне и его труде «О смысле жизни», где подвергается критике современные научные подходы и предлагается переосмысление научных ценностей с целью достижения чистой истины.

Ключевые слова: М.М. Рубинштейн, система ценностей, Г. Риккерт, теоретико-познавательный идеализм, истина

M.M. RUBINSTEIN'S VALUE SYSTEM

Kudinova Kira Sergeyevna
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. This work highlights the philosophical views of M.M. Rubinstein, focusing on his theory of values. Based on theoretical and cognitive idealism, Rubinstein's work is inspired by his mentor G. Rickert. The study reveals how Rickert's influence affected Rubinstein and his work "On the Meaning of Life", which criticizes modern scientific approaches and suggests a rethinking of scientific values in order to achieve pure truth.

Keywords: M.M. Rubinstein, value system, G. Rickert, theoretical and cognitive idealism, truth

Система ценностей играет важную роль как в жизни каждого отдельного человека, так и в жизни общества в целом, проблема ценностей является важным философским вопросом. Именно на основании принятия или непринятия тех или иных ценностей строится мировоззрение человека, что и является основой для любой философии, ведь создана она никем иным, как человеком. Теория ценностей Рубинштейна построена

достаточно специфичным образом - она основана на теоретико-познавательном идеализме, который был привит им его главным наставником в жизни - Риккертом.

Говоря о ценностных ориентирах, он ставит вопрос о перестроении всего научного и философского познания. Он, будучи неокантианцем, утверждает, что научному сообществу необходимо пересмотреть свои взгляды на научную деятельность - изменить методологию, цели и принципы достижения знания. Но прежде всего нужно взглянуть вглубь проблемы - здраво оценить познавательные способности и соотнести их с поставленными целями. Однако, чтобы не нарушать ход повествования, мы вернемся к этой проблеме позже.

Рубинштейн утверждает, что ученые и философы до сих пор работают непродуктивно, находятся в «тумане», не видят ничего дальше собственных научных интересов, не пытаясь осмыслить насколько их труд полезен для кого-то, кроме их самих, необходима ли данная деятельность научному миру? На развеивание пустых надежд и ложных ожиданий и направлена работа М. Рубинштейна в труде «О смысле жизни: труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу».

Теперь постараемся раскрыть вопрос влияния Риккерта на Рубинштейна в философском смысле, а особенно о его рассуждениях на тему ценностей. Также важно иметь в виду, что Рубинштейн, будучи студентом университета, являлся непосредственным учеником Г. Риккерта.

Более того, Риккерт являлся его научным руководителем.

Об этом важно упомянуть, так как, рассуждая о проблеме системы ценностей, Рубинштейн часто ссылается на философию своего учителя, которому, судя по всему, он был крайне предан. Более того, в своем труде «О смысле жизни: труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу», на который мы и будем опираться в данной работе, Рубинштейн посвящает первое изложение именно своему учителю, а также уделяет во многих других частях своего труда большое взаимное «защите» философской позиции своего научного наставника.

Итак, исходя из вышесказанного, можно догадаться, что теория ценностей, о которой пишет Рубинштейн, является в большей степени его собственной интерпретацией точки зрения Риккерта на этот счет, а также защитой его идей.

Итак, для описания системы ценностей Рубинштейна, которая тесно связана системой ценностей Риккерта, необходимо представить себе некую пирамиду, верхним уровней которой будет истина. И уже из этого следует, что все остальные его суждения в данной системе направлены на

разработку механизма, с помощью которого можно добиться получения истины в чистом виде. А именно, Риккерт предпринимает попытку разработать корректную методологию, которая поспособствует достижению высшей ценности. Он считает, что у истины должен быть лишь один базис, настолько совершенный, что на нем может быть основана любая научная или философская теория. прежде, чем пытаться решать те или иные мировые проблемы осознать наши цели и задачи, а главное, наши силы. Он утверждает, что необходимо понимать свои познавательные возможности и научные силы, а также ставить достижимые цели в соответствии с нашими возможностями. Важно оговориться и о том, что речь здесь идет вовсе не о признании бессилия или человеческой ограниченности, как мы можем ненароком воспринять это в негативном ключе. Речь идет о разумном сознании своих возможностей, а также о продуктивности и экономии своих ресурсов.

Рубинштейн, ссылаясь на Риккерта, утверждает, что из состояния неведения нас может вывести лишь теория познания, идущая рука об руку с логикой. По мнению Рубинштейна, именно логика может вывести нас на путь истины, указав правильную дорогу, так как логика выбирает из всего мира лишь то, что претендует на истинность и работает только с этим.

Рубинштейн здесь задается вопросом о трансцендентном бытии, т.е. такое бытие, в котором мы можем соприкоснуться с объектом познания в чистом виде, т.е. найти такой объект познания, который не зависел бы от субъекта или же найти такой способ познавательной деятельности, с помощью которого субъект бы мог познавать мир объективно. Пытаясь разрешить эту проблему, философ пересказывает риккертовскую теорию о сути отношений субъект-объект, суть которой заключается в следующем. Самой очевидной парой будут субъект как человек, познающий мир, а объект как весь внешний мир. Но на этом мы, конечно, остановиться не можем. Риккерт говорит и о том, что собственное тело мы тоже можем причислить к миру объектов, а значит, следующим шагом мы отнимем у субъекта его физическое тело. Также мы должны отличать свое личное индивидуальное от всего остального, навязанного – представлений, чувств и т.д. И таким образом мы снова сужаем понятие субъекта. В конечном счете мы должны прийти к идеальному субъекту, такому, что не может попадать под понятие объекта. И таким идеальным субъектом становится «сознание вообще», как его называет автор. Оно лишено всего индивидуального и по определению не может быть объектом. Объектом здесь является так называемое «содержание сознания».

Таким образом, мы выводим гипотетических идеальных субъектов и объектов, однако мы всё же вынуждены отказать трансцендентному бытию в существовании, так как такие субъекты и объекты на самом деле невозможны.

Итак, в рамках данной системы мы отвергаем возможность трансцендентного бытия, а вместе с ним и предмета познания, не зависящего от субъекта познания. Однако, теперь мы вынуждены искать альтернативную замену для него, чтобы теория познания не оказалась лишена смысла. Мы, познающие субъекты, имеющие собственный индивидуальный опыт, можем сравнивать лишь представления с представлениями, что не может являться исчерпывающим в контексте теории познания, так как в таком случае познавательная деятельность окажется одной сплошной нелепостью. Тут мыслитель решает проблему следующим образом: он видит необходимость в своеобразном отказе от представлений, как несовершенных форм и принятии суждений за надежный способ фиксирования информации о мире. Наука всегда находится в поисках истины, формируя различные суждения. Она не ориентируется на те или иные представления людей, как, например, это в той или иной степени совершается в рамках мифологии. Все, что нельзя оценить как истину или ложь, науку не интересует. Понятие познания, которое выражается в представлениях, должно быть оставлено, и на его место становится понятие познания, выражающегося в суждениях.

Далее мы должны разобраться с тем, что такое суждение, и как оно должно быть составлено с точки зрения логики. Он заявляет, что обязательным элементом каждого суждения должно быть либо отрицание, либо утверждение того, о чем было сказано в суждении. Этот элемент он называет «критическим отношением». Он не только отличает суждение от представления, которым мы не можем дать истинностную оценку, но и является своеобразным маяком, по которому можно ориентироваться в процессе поиска предмета познания. Этот элемент способствует возникновению в нас чувства одобрения или неодобрения, согласия или несогласия. «Альтернативный элемент сразу ставит познание в совершенно иное положение, ибо одобрение или неодобрение связано с чувством, которое возникает по поводу отношения к ценностям.» [1, с. 25] Более того, это чувство является не меньшей ценностью, так как, по сути, это чувство неодобрение или одобрения, удовольствия или неудовольствия и руководит познавательным процессом. Таким образом, можно заключить, что это чувство удовольствия или неудовольствия и является предметом познания. Также важно повторить и то, что мы признаем это чувство в качестве ценности. Важно отметить, что мы не просто признаем чувство удовольствия в процессе познания за ценность. Дело в том, что это чувство удовольствия вызвано чувством достоверности того или иного

суждения. А достоверность играет большую роль в процессе познания. Более того, на это чувство не влияют пространственно-временные характеристики - даже если само явление, о котором и было построено суждение, несколько изменилось или вообще исчезло, это не влияет на силу самого суждения.

Именно поэтому чувство удовольствия и признается ценностью. Мы используем это чувство в рамках данной системы как регулятор теории познания. Для этой эмоции задается конкретный термин – «долженствование». Это связано с тем, что данное чувство заставляет нас судить именно так, а не каким-либо другим образом. Суждение приобретает характер безусловной необходимости.

Поскольку представление в той или иной степени также имеет некоторый характер необходимости, представляется обязательным разграничить эти две необходимости. Если в представлении речь идет о психологическом долженствовании, то в суждении – о логической необходимости, выступающей не столько причиной, сколько логическим обоснованием для того или иного суждения. «Истину суждений обосновывает не бытие, а долженствование.» [1, с. 27]

Действительность же здесь выступает как материальная реализация того, что утверждается или отрицается в истинном суждении. А поскольку истина является ценностью, то и действительность принимается за ценность. Также хотелось бы сразу обойти все упреки по поводу того, что действительность здесь приобретает характер отражения суждения, встает в его тень.

Итак, мы искали предмет познания, который бы не зависел от субъекта познания, чтобы обосновать смысл познавательной деятельности и нашли его. Долженствование является трансцендентным.

Долженствование здесь также носит и этический характер: оно не будет казаться столь же обязательным к исполнению, если познающий субъект не стремится к достижению истины, а преследует иные цели. Здесь речь идет и о некой логической совести: если ее нет у человека, то он сможет и отказаться от истины в пользу собственной выгоды. Рубинштейн называет это «логическим нахальством». «Не ценность истины обосновывает ценность долга, а, наоборот, ценность истины основана на понятии долга». [1, с. 31].

Подводя итог вышесказанного, можно заключить, что базис, о котором говорилось в самом начале изложения найден. Основой познания становится совесть. Человек, стремящийся к истине и тот, кто следует нравственным законам больше не имеют принципиальных расхождений: каждый из них действует в соответствии с различными нормами. Теперь очевидно, что разум в процессе познания на каждом своем шаге демонстрирует признание ценностей.

В заключение хотелось бы еще раз сказать о том, что проблема рационального познания является поистине насущной, требующей дальнейших исследований и пристального внимания к ее предмету, а именно, к работе научного и философского сообществ, требующей переоценки ценностей, методов и целей познавательной деятельности. Хоть Рубинштейн и описал данную теорию достаточно четко, однако к ней также есть много вопросов, отсюда следует, что с высокой долей вероятности она не может быть тем самым универсальным базисом для построения научных и философских теорий, которого так хочет добиться научное сообщество.

Список источников и литературы:

1. М.М. Рубинштейн «О смысле жизни: труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу» - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008
2. Г. Риккерт «Философия жизни» Ника-Центр, 1998
3. Г. Риккерт «Философия истории» Д.Е. Жуковский, 1987
4. Thomas Nemeth «Russian Neo-Kantianism: Emergence, Dissemination, and Dissolution» s. 265-269 – Перевод: К.С. Кудинова

Сведения об авторе:
Кудинова Кира Сергеевна, kudinova_kira@bk.ru

УДК 159.9

СКАЖИ ЖИЗНИ “ДА”. ЛОГОТЕРАПИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Леушин В.В., Соколова Ю.В.
Национальный исследовательский университет “МЭИ”, Москва, Россия

Аннотация. Жизнь полна сложностей, боли и испытаний, но даже в невыносимых ситуациях человек может выжить, пройдя бесконечные препятствия, состоящие из пыток и страданий души и тела. Когда жизнь кажется невыносимой, человеческий разум ищет способ адаптироваться и помочь выжить организму. Австрийский философ, психолог и психиатр

Виктор Франкл, который смог пережить концентрационный лагерь и сохранить свой рассудок, разработал один из видов экзистенциальной терапии, которая может помочь человеку даже в самых трудных ситуациях.

Ключевые слова: Логотерапия, экзистенциальная психотерапия, Виктор Франкл, психология, философия, стресс, испытания

SAY 'YES' TO LIFE

Leushin V.V., Sokolova Y.V
National Research University «Moscow Power Engineering Institute»

Abstract: The life is full of suffering, pain and failures, but a human still tries to achieve success and happiness despite unbearable hard times and endless trials. The human mind is always trying to adapt and survive. Austrian philosopher and psychologist Viktor Frankl became famous after he survived concentration camp and developed a new form of existential therapy, giving people help and support in life`s hardships.

Keywords: Logotherapy, Existential therapy, Viktor Frankl, psychology, philosophy, stress, challenge

Человек, как и любой живой организм в природе, всегда стремится выжить даже в самых экстремальных условиях, и в этом ему помогает разум и то, как он воспринимает сложившуюся ситуацию. Именно мышление и восприятие мира играет немаловажную роль в том, как человек будет пытаться действовать и выживать. С бурным ростом индустриализации в двадцатом веке и резких изменений устоявшихся парадигм в обществе многие люди оказались дезориентированы. Терялись в поиске цели жизни и теряли то, ради чего они могли бороться с трудностями и препятствиями на своем пути. Менялись привычки и устои, коллапсировали государства подобно колоссам на глиняных ногах и на смену им приходили новые идеи о мировом порядке и мировоззрения. Менялось все. Начиная от быта и заканчивая тем, что люди считали минуты до эпохальных событий. Для многих людей такие изменения очень часто сопровождались стрессом и потерей смысла жизни. Ведь непонятно, за что нужно было бороться и ради чего, ведь все, за что многие люди могли бороться, могло так же быстро исчезнуть, как и появиться.

Австрийский психиатр и философ Виктор Франкл, известный тем, что написал автобиографическую книгу «Скажи жизни "ДА"», в которой он описывает свой опыт пребывания в концентрационном лагере Терези-

енштадт [2]. Таким образом, психиатр стал невольным участником в эксперименте над человеческой психикой. В своей книге он смог четко определить и описать психологию узников в данных лагерях. Несмотря на поднятую им тяжелую и страшную тему, книга не подавляет волю к жизни, а скорее наоборот: появляется мотивация созидать, работать и даже просто существовать. Ведь в самом существовании проявляется смысл.

Франкл разделил реакции заключённых на три основных этапа. Первый этап – «Шок прибытия». Этот этап погружает нас в то, о чем будущие заключенные думают, когда первое что они видят при прибытии это табличку «Аушвиц». Первая реакция это шок и апатия. В повседневности это потрясение может быть сравнимо с кончиной близкого человека или осознанием скорой смерти, опасности и страха за свою жизнь. По началу люди могут даже не осознавать, чего именно им нужно бояться. Часто после смерти близкого человека или находясь в сложной ситуации, где опасность угрожает жизни не только его самого, но и многих других людей, человек оказывается в растерянности и не понимает, что делать. Ведь он обнаруживает себя на принципиально новом жизненном этапе, и при этом сам этап является очень опасным, от того, как он будет пройден, зависит вся последующая судьба человека и его мировоззрение.

После этапа «Шок прибытия» наступает второй этап, автор называет его «Типичные изменения характера при длительном пребывании в лагере». Пережив первоначальный шок, заключенный понемногу погружался в фазу апатии. Он уже не мог испытать ни сострадания, ни возмущения, ни брезгливости, ни страха. Душа постепенно покрывалась психологической броней, с помощью которой она пыталась защитить себя от внешней угрозы. Таким образом, апатия как главный симптом второго этапа была важным механизмом психологической защиты.

Финальный третий этап – «После освобождения». Сильнейшая апатия, которая стала основой их психического состояния в лагере, не могла уйти так быстро. Все вокруг воспринималось людьми как иллюзорное, ненастоящее, казалось сном, в который еще невозможно поверить. Эта апатия долга могла не проходить. В современном мире распространена проблема с переработками, и человек после изнурительной работы в тяжелых условиях может испытать даже депрессию в выходные и праздничные дни [1, 4]. Это связано с резкими переменами в окружающей обстановке, и человек не может сразу привыкнуть к свободе. Даже когда человек полностью свободен, он ограничивает себя сам. Однако спустя какое-то время это состояние начинает ослабевать, и человек снова начинает чувствовать радость жизни.

Несмотря на то, что книга раскрывает тяжелую тему, она дает надежду, мотивацию и стремление к жизни. На основе своего опыта пребывания в лагере Франкл разработал один из видов экзистенциальной психотерапии, основанный на поиске смысла существования. Сама концепция логотерапии утверждает, что движущей силой человеческого поведения является стремление найти и реализовать во внешнем мире смысл жизни. Франкл делит логотерапию на три витальных понятия [3]:

1. Свобода воли – способность человека без принуждения выбирать;

2. Воля к смыслу – первичная мотивация человека к жизни;

3. Смысл жизни – цель существования.

Виктор Франкл считал, что стремление к смыслу – фундаментальная мотивация. Когда же стремление к смыслу отсутствует, возникает апатия. В современном мире, полном испытаний, концепция логотерапии актуальна. Она может помочь справиться со многими трудностями целому обществу, помогая находить смысл жизни для каждого человека. Основная причина стресса – постоянные изменения, то, что человек, выбрав какой-то путь развития или существования, начинает сам же сомневаться под влиянием внешних факторов. Всего Франкл выделял три способа сделать свою жизнь осмысленной:

1.Деятельность, ведущая роль в которой отведена творчеству, труду (не бесцельному, а как вклад в жизнь общества);

2. Переживания, полученные в результате созерцание произведений искусства, природы, переживание чувства любви;

3. Поиск смысла в той доле, которая выпала человеку, в пережитых страданиях и лишениях, которые ему достались.

Все эти три способа являются эффективными и помогают бороться с множеством препятствий и трудностей, которые могу возникнуть в жизни. Первый способ особенно эффективен, когда человек находит дело, которое приносит благо всему обществу. У человека появляется цель в жизни, его окружают люди, зависящие от его миссии. Человек может полностью посвятить себя работе, но не стать трудоголиком. Его работа несёт особый смысл. Второй способ раскрывается во взаимодействии с людьми и плодами их творчества. Это обоюдное взаимодействие приводит к новым знакомствам и установлению дружеских связей. И, так как человек стремиться быть в социуме, он никогда не будет чувствовать себя одиноким, даже находясь в самом тяжелом положении. Третий способ как самая крайняя мера, в самых тяжёлых ситуациях, когда первый и второй способ не работает или являются недоступными, человек начина-

ет искать смысл в пережитом страдании. Это может быть надежда, что после испытаний будет облегчение или то, что его будет ждать вознаграждение за старания.

Таким образом, основная идея логотерапии состоит в том, что люди свободны в принятии решений в рамках своих возможностей. Но они не просто свободны, а способны наполнить свою жизнь смыслом, который сами выбирают и своим выбором формировать окружающий их мир. Человек волен самостоятельно формировать смысл жизни в конкретной ситуации, и он уникален для каждого. В наши дни причин, когда логотерапия может стать для кого-то панацеей множество. Начиная от потери смысла, когда человек выходит на пенсию и лишаются руководящей должности и заканчивая опустошением, которое чувствуют родители, когда их повзрослевшие дети покидают родной дом[5].

В современном мире логотерапия сохраняет свою актуальность. Существует много последователей, которые продолжают дело Виктора Франкла. Это такие психологи и психиатры как Берта Ландау, Альфрид Лэнгле и Элизабет Лукас. И что особенно важно, методы логотерапии и предложенные В. Франклом пути к осмыслению собственной жизни и нахождению фундаментальных смыслов доступны для каждого из нас.

Список источников и литературы:

1. Ловаков А.В. Трудоголизм: понятие, методики измерения, предикторы и последствия// с. 37
2. Франкл. В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере// Издательство «Смысл», перевод на русский язык, 2004
3. Франкл. В. Воля к смыслу// Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2018. – с. 7
4. Фрейд З. Знаменитые случаи из практики. М.: Когито-Центр, 2007— с. 269
5. Deependra Kaji Thapa, Denis Visentin. Migration of adult children and mental health of older parents ‘left behind’: An integrative review

Сведения об авторах:

Леушин Всеволод Владимирович, ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ», студент, LeushinVV@mpei.ru

Соколова Юлия Владимировна, к. филос. н., доцент, ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ», заведующий кафедрой. SokolovaYulV@mpei.ru.

УДК 129

«СМЫСЛ ЛЮБВИ» В.С. СОЛОВЬЕВА КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД

А. В. Панкратова
Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Москва, Россия

Аннотация. Понимание любви, раскрытое в трактате В.С. Соловьева «Смысл любви» является одним из культурных кодов русской цивилизации, так как основывается на платонизме и смысле теургии, имплицитно присутствующем, а в некоторых местах, четко прописанным у Отцов Церкви. В современном философском сознании данный код находит новые формы выражения, но не меняет суть: индивидуализм, жертвенность, творчество, бессмертие. Примером действия данного кода в русском национальном сознании является новое произведение В. О. Пелевина.

Ключевые слова: смысл любви, теургия, культурный код, русская цивилизация, платонизм.

THE "MEANING OF LOVE" BY V. S. SOLOVYOV AS A CULTURAL CODE

A. V. Pankratova
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"
Moscow, Russia

Abstract. The understanding of love revealed in V. S. Solovyov's treatise "The Meaning of Love" is one of the cultural codes of Russian civilization, as it is based on Platonism and the meaning of theurgy revealed by the Fathers of the Church. In the current philosophical consciousness, this code finds new forms of expression, but does not change the essence: individualism, sacrifice, creativity, immortality. An example of the operation of this code in the Russian national consciousness is a new work by V. O. Pelevin.

Keywords: the meaning of love, theurgy, cultural code, Russian civilization, Platonism.

Введение. Сегодня как никогда обретает новую актуальность русская философия, так как один из её ключевых вопросов, это вопрос культурной идентичности и национального самоопределения нашей страны.

Понимание эксклюзивности нашего государства-цивилизации оформлялось в русской философии в напряженных спорах западников и славянофилов XIX века, и особенно острое звучание обретает сегодня.

Трактат Владимира Сергеевича Соловьева «Смысл любви» является одним из интереснейших примеров концентрации наших национальных кодов, которые не рефлексируются обществом и даже научным сообществом, но фундируют наше национальное сознание.

Проявление кодов, о которых пишет В.С. Соловьев, можно увидеть в продуктах культуры, например, в околофилософской художественной литературе. Так, новое произведение В.О. Пелевина «Круть» демонстрирует работу данного кода, переведенного на язык современности.

Основная часть. Одним из важнейших аспектов русского национального самосознания является понимание любви и отношение к любви. Владимир Сергеевич Соловьев дает исчерпывающее объяснение того, что такое любовь, в своем знаменитом трактате. Основные тезисы «Смысла любви» В.С. Соловьева всем известны, поэтому сразу обратим внимание на следующее.

При раскрытии философской сущности любви В.С. Соловьев противопоставляет эгоизм и индивидуальность.

Эгоизм – это стремление к материальному обустройству в этом мире. Эгоизм ассоциируется с идеологией западной буржуазии XIX века: семья как накопление материальных ценностей и продолжение рода. Эгоизму противостоит индивидуальность – преодоление своей личности, понимание ценности Другого. В. С. Соловьев не делает резкий акцент на противопоставлении цивилизаций, однако, это противопоставление читается. Кроме того, более явственно оно развивается в другом произведении В. С. Соловьева – «Чтения о богочеловечестве».

Индивидуальность, по В.С. Соловьеву, это возможность понять ценность Другой личности как своей. Такое понимание, выход за пределы собственного эгоизма, возможен только в любви. И такое понимание Другого как ценности совершенно невозможно в позитивистской материалистической Западной парадигме, нацеленной на прибыль и комфорт.

Цель любви, по В.С. Соловьеву, – достижение бессмертия путем творческого совершенствования в любви. Только в половой любви человек может увидеть Другого таким, каким его задумал Бог, увидеть Идею конкретного человека. И только любящий может дорастить другого человека до его идеального состояния. В пределе, идеальное состояние человека – это бессмертие. Поэтому любовь является реальным инструментом достижения бессмертия.

Данная позиция вырастает из платонизма, и далее развивается в христианской философии у Отцов Церкви. В платонической линии философии любовь – это «стремление родить и произвести на свет в прекрасном» [2, С. 117]. Но, как известно, имеется в виду не столько рождение смертных детей, сколько рождение бессмертных произведений, а также достижение вечного блаженства в Мире Идей. Далее эта мысль развивается в христианстве.

По сути, В. С. Соловьев формулирует идеальную программу любви, которая основана на всей глубине христианского догмата и поэтому входит как культурные основания в русское национальное сознание. «Наше личное дело, поскольку оно истинно, есть общее дело всего мира – реализация всеединой идеи и одухотворение материи» [3, С. 128], – такова идеальная программа В.С. Соловьева.

Для западного человека ближе то понимание любви, которое В.С. Соловьев называет эгоизмом, – стремление к материальной устойчивости и комфорту. Для русского сознания, базирующегося на христианстве в его византийском (а значит, платоническом) изводе характерно понимание любви, связанное с жертвенностью, творчеством – теургией, и с достижением бессмертия. Русского человека волнует любовь как жертва, и желательно, жертва ради спасения всего человечества.

В.С. Соловьев раскрывает программу коллективного бессмертия, Всеединства. Данное Всеединство базируется на исключительно русском философском концепте – Соборности. Общество Запада – это или толпа, или совокупность индивидуумов, каждый из которых старается для себя. Русский концепт «Соборность» означает творческое содружество индивидуальностей, которые не сливаются в толпу, но в то же время, не распадаются на отдельные независимые атомы. Люди в состоянии Соборности объединены молитвой. Само человечество, в философии В.С. Соловьева, – это идеальная возлюбленная Бога, София. Любовь является средством достижения коллективного бессмертия, спасения человечества.

Данные смыслы, а также противопоставление русского понимания любви и западного прагматизма, пронизывают русское философское сознание, литературу, изобразительное искусство.

Самым современным примером работы данного культурного кода является новый роман В.О. Пелевина «Круть». В.О. Пелевин является репрезентативным примером, так как, с одной стороны, работает с самыми актуальными событиями и языковыми трендами современности, а с другой – является писателем, внимательно относящимся к философскому дискурсу.

В своей новой работе В.О. Пелевин показывает, как силы любви, той самой, которая преодолевает смерть, оказываются способными остановить Зло и разрушение мира. При этом, концентрированное Зло в романе имеет конкретно антихристианскую и трансгуманистическую природу.

Логика развития материалистической парадигмы привела современный Запад к философии плоских онтологий, в которой человеку не остается места. Философия плоских онтологий и представители экологической философии (Т. Мортон) утверждают, что человек – не самое обязательное существо на Земле. Т. Мортон доходит до утверждения, что, если человечество погибнет, для планеты это будет не самым плохим исходом, с точки зрения экологии. Эта же мысль развивается у В.О. Пелевина: человечество может быть уничтожено метеоритом, инспирированным вселенским Злом, которое хочет возвращения Юрского периода. (В принципе, именно это и постулирует философия плоских онтологий и экологическая философия).

В романе данная антихристианская и античеловеческая повестка оказывается побеждена импульсом любви собирательного русского писателя-классика и женщины в её наиболее феминизированном, пассивном (традиционном) образе.

Заключение. Таким образом, русское понимание любви является национальным культурным кодом, который содержит следующие смыслы: жертвенность, индивидуальность, творчество, теургия, бессмертие, спасение человечества. Эти смыслы постоянно реализуются в русском искусстве, их можно увидеть в самой актуальной русской литературе. В.О. Пелевин максимально заостряет полемику нашей страны с западной трансгуманистической повесткой и победу оставляет за импульсом русской любви.

Список литературы:

1. Пелевин В.О. Круть / Виктор Пелевин. – Москва: Эксмо, 2024. – 496 с.
2. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Общ. Ред. А.Ф. Лосева и др.; Автор вступит статьи А.Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М.: Изд. «Мысль», 1999. – 528 с.
3. Соловьев В. Смысл любви: избранные произведения Владимир Соловьев. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 352 с.
4. Соловьев, В.С. Чтения о Богочеловечестве / В.С. Соловьев; [вступит.ст. А.А. Тесли]. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 382 с.

Сведения об авторе:

Панкратова Александра Владимировна, кандидат философских наук, доцент по кафедре дизайна, заведующий кафедрой «Дизайн», НИУ «МЭИ», PankratovaAlV@mpei.ru.

УДК 34.01

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА ПРАВА В КОНЦЕПЦИЯХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ

Ращупкина Л.В., Кокляева М.О., Сафонова С.А., Петрухин Г.А.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. Происходившие в 90-е годы изменения в социальной, экономической и политической жизни в России привели к значительному падению нравов, деградации правосознания, что ощущается и в настоящее время. В современном российском обществе ведутся поиски путей преодоления указанного тяжелого наследия. В связи с этим большую ценность приобретают исследования, направленные на изучение достижений русских религиозных философов в деле формирования совершенной нравственности и высокого правосознания. Цель статьи состоит в исследовании философско-правовой и нравственной проблематики в творческом наследии русских религиозных философов. Установлено, что в их трудах доказывается социальная необходимость права, разработанного на высокой нравственной основе.

Ключевые слова: право, религиозная философия, нравственность, свобода, личность, общество, благо.

MORALITY AS THE BASIS OF LAW IN THE CONCEPTS OF RELIGIOUS PHILOSOPHERS

Rashupkina L.V., Koklyaeva M.O., Safonova S.A., Petruhin G.A.
National Research University "MPEI", Moscow, Russia

Abstract. The changes in social, economic and political life in Russia in the 90s led to a significant decline in morals, degradation of legal consciousness, which is still felt today. In modern Russian society, there are searches for ways to overcome this difficult legacy. In this regard, studies aimed at studying the achievements of Russian religious philosophers in the formation of perfect morality and high legal consciousness are of great value. The purpose of the article is to study the philosophical, legal and moral issues in the creative heritage of Russian religious philosophers. It is established that their works prove the social necessity of law developed on a high moral basis.

Keywords: law, religious philosophy, morality, freedom, personality, society, good.

Проблема правового нигилизма в нашей стране во все времена стояла довольно остро. В немалой степени это было связано с несправедливостью государственных законов и неравенством российских людей перед судом, на что в середине XIX в. указывал крупный деятель отечественной культуры А.И. Герцен. При этом несоблюдение законов не вызывало осуждения в обществе. С тех пор многое изменилось в отечественном праве. Юридическая проблематика получила освещение в тысячах научных исследований. Однако число нарушителей законодательства велико и в настоящее время.

Необычайно часто по самым различным каналам СМИ передают сообщения о громких уголовных преступлениях, совершаемых людьми самого различного рода деятельности – бизнесменами, чиновниками и др. Причем многие из них имеют высокий уровень образования и на правонарушение идут совершенно сознательно. Все это служит причиной дальнейшего поиска эффективных нравственно-правовых ориентиров, способствующих воспитанию высоконравственных и послушных граждан.

На первый взгляд может показаться, что для преодоления правового нигилизма достаточно ужесточить законодательство, но, как показывает опыт других стран и опыт нашей страны, подобные меры не дают должного эффекта. Все это свидетельствует о том, что возможности одного только права недостаточны для преодоления правового нигилизма. Ведь поведение людей, по словам крупнейшего отечественного историка В.О. Ключевского, лишь на 30% регулируется правом, а остальные 70% - в ведении нравственности. Таким образом, воспитание высокого правосознания возможно лишь на нравственной основе.

Значительный вклад в решение данной проблемы внесли русские религиозные философы конца XIX – начала XX вв. Их исследования в этой области, к сожалению, в период большевистского правления, для которого был характерен разрыв с традицией, были преданы забвению. Правовая наука в период коммунистического правления основывалась на классовом позитивистском подходе и не имела ничего общего с концепциями русской религиозной философии.

В настоящее время многие правоведы и философы, занимающиеся проблемой совершенствования российского законодательства, вновь обращаются к работам русских религиозных философов, предложивших ряд заслуживающих пристального внимания идей нравственно-правового характера.

В последнее время появился целый ряд работ, в которых исследуются вопросы права в русской религиозной философии [1; 5; 6; 10 и др.]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в новейших работах в основном

исследуются вопросы права в творческом наследии русских религиозных философов и недостаточное внимание уделяется проблеме его взаимодействия с нравственностью. Однако без учета религиозно-философских воззрений невозможно адекватно осмыслить их понимание сущности права и его роли в регулировании отношений в обществе, поскольку именно нравственность положена ими в основу права.

Одним из первых русских религиозных философов, исследовавших проблему права, был В.С. Соловьев, предпринявший попытку раскрыть его природу, определить сущность и выявить роль в обществе. Если представители русской религиозной философии до В.С. Соловьева недооценивали роли права и считали, что отношения в обществе должны регулироваться лишь нравственностью, то В.С. Соловьев указал на объективную социальную необходимость права. При этом он исходил из учета блага личности и блага общества, подчеркивая приоритет общества, так как жизнь индивида осуществляется в обществе и именно от состояния общества зависит благосостояние каждого человека.

В.С. Соловьев прямо указывал, что «нравственный интерес требует, чтобы личная свобода не противоречила условиям существования общества» [7, с. 330]. Следовательно, человек и общество представляют собой диалектическое единство. Автор считал главным нравственным принципом общее благо, сущность которого заключается в том, что это благо должно быть у всех без исключения. Благо всех – это благо каждого, поэтому необходимо «внутреннее соединение каждого со всеми» [7, с. 251].

В отличие от своих предшественников В.С. Соловьев утверждал, что гармония личных и общественных интересов обеспечивается не только нравственностью, но и правом, под которым он понимал «исторически подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общества» [7, с. 320].

Идеи В.С. Соловьева о необходимости гармонии личного и общественного блага были поддержаны и развиты С.Л. Франком, обосновавшим важность учета как личного, так и коллективного интереса. Философ считал, что права каждого не должны ограничивать права других [8, с.191]. А указанная гармония в отношениях регулируется моралью и правом. Эта же мысль отчетливо проявляется у П.И. Новгородцева, который полагал, что не должно быть так, чтобы одно из этих начал было средством, а другое – целью [4, с.199].

О необходимости наличия права писал крупный религиозный философ И.А. Ильин, считавший право необходимой формой человеческого бытия. При этом он был убежден, что для преодоления правового нигилизма личность должна понимать практическую необходимость права, следовательно, оно должно быть убедительно обосновано [3, с.110].

В.С. Соловьев утверждал, что право и нравственность выражают одну и ту же сущность, но по-разному проявляются. Право представляет собой «определенный минимум нравственности», выражающийся в принудительном требовании «реализации определенного минимума добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [7, с 320]. Отсюда следует, что право в отличие от нравственности основано на внешнем принуждении, а нравственность – на внутреннем.

Концепция права В.С. Соловьева у многих религиозных философов вызвала протест в аспекте понимания права как минимума нравственности. Против такой трактовки права выступили П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, Б.Н. Чичерин.

Так, Б.Н. Чичерин подверг критике толкование права в качестве низшей ступени нравственности, четко разграничив категории права и нравственности. По утверждению философа, право обусловливает внешнее поведение личности, а нравственность – внутренние побуждения. Впрочем, и В.С. Соловьев разграничивал нравственность и право. Б.Н. Чичерин резко выступил против принудительного осуществления добра, поскольку это прерогатива человеческой совести. Однако именно этот тезис Б.Н. Чичерина вызвал острые споры в философской и юридической среде. Многие философы и правоведы разделяли мнение Б.Н. Чичерина.

Широкая полемика развернулась вокруг проблемы о принуждении в праве. В.С. Соловьев справедливо утверждал, что принуждение в нравственном отношении оправдано, поскольку оно необходимо для обеспечения свободы личности. Действительно, право должно охранять людей от насилия, грабежа, убийства и др. С суждением В.С. Соловьева по данной проблеме выразил согласие С.Л. Франк, утверждавший, что без принуждения невозможно обойтись во внешней борьбе со злом [9, с 391].

С оправданием принуждения в праве выступили Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев. Важным аргументом в необходимость осуществления принуждения в праве послужило суждение о существовании принуждения в морали, о чем писали В.С. Соловьев, Б.П. Вышеславцев, С.Л. Франк. Моральное принуждение выражается в стыде перед мнением общества, коллектива. При этом, по мнению С.Л. Франка, мораль не исчерпывается принуждением. Влечение человека к добру должно быть ему присуще внутренне. Только такого человека можно считать высоконравственным. Конечно, если человек соблюдает тот или иной нравственный закон не из внутрен-

них побуждений, не из требований совести, а исключительно из-за страха перед обществом, его поведение нельзя признать нравственно ценным. Главное в таком случае для общества заключается в том, что такое поведение соответствует социальным нормам. И в этом смысле мораль сближается с правом. Отсюда следует, что право, основанное на принуждении, не утрачивает от этого своего ценностного характера, поскольку не вызывающая ни у кого сомнений ценность морали также не исключает принуждения. Однако отличие ценности морали от ценности права, по мнению С.Л. Франка и Б.А. Кистяковского, заключается в том, что первая является абсолютной, а вторая – относительной.

Одним только правом невозможно достичь добра, но право ограждает человека от внешнего зла. Именно оно обеспечивает через формальное принуждение внешнюю свободу и справедливость, и в этом его относительная ценность. Основная задача права заключается в создании условий для совершенствования и развития нравственности.

В этой связи вызывает недоумение утверждение В.Н. Жукова о том, что представители русской религиозной философии, защищая естественно-правовую теорию, девальвировали право [2, с. 101].

Наоборот, представители русской религиозной философии отстаивали право как форму выражения социальной справедливости. Они высоко оценивали естественное право, но нисколько не умаляли роли позитивного права. И.А. Ильин, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк считали, что любовь к людям, смирение выражаются как в моральных, так и правовых отношениях. Они были убеждены, что совершенное человеческое общество может быть создано лишь на основе высокого внутреннего содержания, которое выражается в должном уровне нравственно-правового сознания людей. Такое общество невозможно создать лишь внешним насилием [7, с. 236].

Русские религиозные философы подчеркивали, что позитивное право лишь в том случае будет эффективно, если будет признаваться людьми как справедливое. Реформы права и государства должны проводиться с учетом нравственно-правового сознания людей.

В.С. Соловьев подчеркивал, что всякая реформа должна соответствовать уровню правосознания. С.Л. Франк отмечал, что совершенные отношения в обществе могут быть достигнуты путем нравственного воспитания. Отсюда следует, что уровень правосознания личности зависит от нравственного содержания.

Итак, несмотря на определенные различия в воззрениях русских религиозных философов, основные принципы их философии права сходны в том, что право, основополагающей чертой которого является нравственность, социально необходимо, служит гармонии общественного и личного блага, правовое принуждение нравственно оправдано, охраняет личность от внешнего насилия, тем самым способствует духовному развитию личности. Право и мораль не противоречат друг другу, поскольку представляют одну сущность, своеобразно ее воплощая.

Список источников и литературы:

1. Жданов П.С. Истоки политико-правового мышления Нового времени//М.: Юрлитинформ – 2023.
2. Жуков В.Н. Возрожденное естественное право в России конца XIX- начала XX в.: Общественно-политическая функция и онтологическая основа//Государство и право – 2001. № 4. С. 99-106.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания//Ильин И.А. Сочинения в двух томах: Т. 1//М.: ТОО Papor – 1993.
4. Новгородцев П.И. Об общественном идеале//М.: Пресса – 1992.
5. Сафронов Н.А. Эволюция доктрины политической лояльности христианства к государству//Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки – 2021. Т. 7 (73). № 4. С. 16-19.
6. Соболев А.В. О русской философии права (Школа П.И. Новгородцева)//Россия XXI – 2006. № 4. С. 113-153.
7. Соловьев В.С. Оправдание добра//М.: Институт русской цивилизации Алгоритм – 1996.
8. Франк С.Л. Реальность и человек//М.: Республика – 1997.
9. Франк С.Л. Свет во тьме//М.: Православная литература – 1998.
10. Яхина А.Р. Учение П.И. Новгородцева о праве и государстве. Дисс…канд. юрид. наук: 12.00.01//Уфа – 2007.

Сведения об авторах:

Ращупкина Людмила Валерьевна, к.ю.н, доцент, НИУ «МЭИ» доцент RashchupkinaLV@mpei.ru

Кокляева Мария Оскаровна, НИУ «МЭИ», студент.

Сафонова София Андреевна, НИУ «МЭИ», студент.

УДК 141

ИСТИНА СПАСЕНИЯ В «ЛЕГЕНДЕ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Пионткевич Л.Ю.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. В данной статье предпринята попытка обрисовать общие контуры решения Ф.М. Достоевским экзистенциальной проблемы спасения человека, обреченного судьбой на выживание в неприютном и враждебном мире и запутавшегося в громадной неправде современной культуры. В фантастической, придуманной писателем, Легенде о Великом инквизиторе эта идея обретает решение в потрясающем своим драматизмом монологе Великого инквизитора. В его уста писатель вкладывает обоснование отречения человечества от Христа ради хлеба насущного: великие нравственные подвиги во имя истины, свободы непосильны человеку, он слаб и заслуживает сострадания. Однако Достоевский убежден, что это вселенское предательство не может увенчаться успехом. Помимо корыстных стремлений и скверного тщеславия неутолима в человечестве жажда духовная, и, как бы не соблазнителен был путь наименьшего страдания, мирского умиротворения и сытого обыденного счастья, человек никогда не успокоится, разрывая путы удушающей его реальности. В этом состоит вековечная незыблемость и абсолютность истины Христа.

Ключевые слова: бессмертие, тайна, Великий Инквизитор, страх, Ничто, Бог, спасение, любовь, познание.

THE TRUTH OF SALVATION IN THE LEGEND OF THE GRAND INQUISITOR BY F.M. DOSTOEVSKY

Piontkevich L.Y.
National Research University "MEI", Moscow, Russia

Annotation. This article attempts to outline the general contours of F.M. Dostoevsky's solution to the existential problem of saving a person doomed by fate to survive in an uncomfortable and hostile world and entangled in the enormous untruth of modern culture. In the fantastic Legend of the Grand Inquisitor, invented by the writer, this idea finds a solution in the Grand

Inquisitor's monologue, which is stunning in its dramatic nature. In his mouth, the writer puts the justification for humanity's renunciation of Christ for the sake of daily bread: great moral deeds in the name of truth and freedom are beyond man's strength; he is weak and deserves compassion. However, Dostoevsky is convinced that this universal betrayal cannot be crowned with success. In addition to selfish aspirations and nasty vanity, the spiritual thirst in humanity is unquenchable, and no matter how tempting the path of least suffering, worldly peace and well-fed everyday happiness is, a person will never calm down, breaking the bonds of reality suffocating him. This is the eternal inviolability and absoluteness of the truth of Christ.

Keywords: immortality, mystery, Grand Inquisitor, fear, Nothingness, God, salvation, love, knowledge.

Начиная свои размышления о «Легенде о Великом Инквизиторе» Достоевского, В.В. Розанов пишет, что, очевидно, боязнь той жизни, «откуда не возвращается никто», и заставляет человека с такой мучительной силой прилепляться к земле и, осознавая неизбежность конца, прилагать усилия, чтобы уход был неполным.

«Жажда бессмертия, - пишет Розанов, - земного бессмертия, есть самое удивительное и совершенно несомненное, что есть в человеке.» [5, С. 38]. Именно жажда бессмертия обрекает человека на вечный поиск того, ради чего стоило бы жить, «ибо тайна бытия человеческого, - писал Ф.М. Достоевский, - не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить» [1, С. 300]. Необходим смысл, который бы не уничтожался смертью, а был бы спасительной надеждой в противостоянии небытию, выходу из-под власти его. Сопротивляясь необходимости, пытаясь разорвать путы своей обреченности, человечество бредет по миру в надежде отвоевать у смерти пространство и обрести желанную свободу.

Что значит в таком случае свобода? Означает ли свобода возможность выйти из плена обстоятельств, которые подталкивают к определенного рода практике: освободиться от постоянной зависимости от хлеба насущного, от необходимости непрестанно думать о том, как бы сохранить себя в преисполненном опасностями мире? В этом смысле свобода предполагает избавление от постоянного животного страха за свою жизнь, за ее продолжение и упрочение. При этом, так понимаемая свобода, если и накладывает ограничения на реализацию эгоистических желаний человека, так органично присущих каждому, то только ради самих же этих желаний, предлагая наиболее рационально выверенный вариант их реализации.

Однако стоит напомнить, что именно эгоизм и себялюбие - стремления, подчиняющие человека естественному желанию быть во что бы то ни стало, порой не щадя ближнего своего, и выявляют суть человеческой греховности. Именно они с такой невероятной силой привязывают человека к земле, поглощают все его существо, не давая вырваться из цепей страха перед «*Ничто* надвигающегося небытия». И мучается, и страдает человек от своего бессилия, забывая о гордости цепляется за малейшую возможность укрепить и продлить свое пребывание в мире.

Здесь возможны аналогии между ходом мысли Достоевского и последними изысканиями новейшей философии М. Хайдеггера. «Ужасом приоткрывается *Ничто*», - пишет М. Хайдеггер [6, С. 21]. В ужасе «земля уходит из-под ног», и жутко делается не «тебе» и «мне», а «человеку». Нет ли здесь преувеличения, ведь исходный ужас охватывает человека нечасто, лишь в редкие мгновения, и обычная повседневная жизнь протекает весьма размеренно и спокойно? Это потому, что на поверхности Ничто от нас заслонено нашей поглощенностью сущим, мы «даем себе потонуть в сущем». Чем вернее наше стремление ускользнуть от Ничто, тем надежнее мы «выгоняем себя на обыденную внешнюю поверхность нашего бытия» [6, С. 23], и тем вернее истина бытия уходит от нас. Ползая по земле, пригибаясь к ней в надежде на неуязвимость, человек постепенно привыкает к этому неудобному положению и недосуг ему поднять голову и увидеть, что «над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих, сияющих звезд» [1, С. 423], и недосуг понять, что в их сиянии только и может ожить душа его, «соприкасаясь мирам иным».

Здесь мы выходим на главную тему, так метафорично, и в то же время значимо, представленную в «Легенде о Великом Инквизиторе». Ведь на самом деле умереть не страшно, страшно - жить бессмысленной, тупой жизнью. В этом грех. Только освободившись от страха, человек может стать свободным, единственным господином собственной воли. Почти как у Шопенгауэра, философское кредо которого излагает Кириллов в «Бесах», пожалуй, самого мрачного произведения Достоевского: «Кому будет все равно, жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам Бог будет» [3, С. 470]. Но это ли путь к свободе?

Несвобода и греховность - два понятия, соотносимые как причина и следствие, предопределили путь человека, изгнанного из рая. Он застает себя в мире как природное и сотворенное существо. Он не сам сотво-

рил себя, не он выбрал условия своего бытия. Он осужден на горе и страдания, вынужденный в поте лица добывать хлеб свой насущный, сгибаясь под гнетом необходимости. Жизнь превращается в борьбу, «потому что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немыслимы» [1, С. 298 Парадоксальность ситуации заключается в том, что каждый, осознавая всю нелепость, бессмысленность происходящего, не в силах что-либо изменить. Артур Шопенгауэр приводит замечательно красивое выражение этой мысли Байроном: «Есть что-то неестественное в характере нашей жизни: в гармонии вещей не может лежать она, - этот суровый рок, эта неискоренимая зараза греха, этот безграничный Предел, это всеотравляющее древо, корни которого - земля, листья и ветви которого - тучи, как росу, струящие на людей свои скорби: болезни, смерть, рабство - все то горе, которое мы видим, и, что хуже, все то горе, которое мы не видим и которое все новою и новою печалью волнует неисцелимую душу» [8, С. 67].

Достоевский предлагает иное, нежели у Шопенгауэра, решение проблемы свободы. Противостояние необходимости возможно, но оно происходит через обретение цели как выражения претензии на абсолютность человеческого воления, цели, с которой только и начинается человек. Достоевский называет эту цель – Бог. Не уподобиться Богу, как призывает Кириллин, а идти ему навстречу. Бог как Высший Свет, отдохновение, как высшая истина и обретение себя. Вне этой цели жизнь не имеет смысла.

На всей земле есть только одна личность, в которой воплотилась истина жизни, личность, полностью осуществившая человеческое бытие - Иисус Христос. Он пришел и сказал, что человечеству уготован иной путь, высший, что нужно отказаться от хлеба земного во имя небесного, и тогда откроется правда. Он освятил разум и показал, что люди все, без исключения определены к высокому бытию; что они должны стремиться к этому бытию, представляющее собой небесное или божественное царство. И царство это - не во внешних обстоятельствах, а, прежде всего, в них самих. Он показал им, что люди всего лишь омрачены грехом, что они могут очиститься, что рай лежит в них и у них есть ключи от него.

Вот чеканное выражение этой идеи Великим Инквизитором. Обращаясь к Христу, он говорит: «Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за тобою, прельщенный и плененный тобою. Вместо твердого древнего закона - свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ пред собою...» [1, С. 300].

Добро есть состояние и деятельность совершенной любви. Бытие, соответствующее этому состоянию и деятельности, и есть реализованное идеальное бытие. Его невозможно установить, определить, как безусловное, должное. Здесь нет единого алгоритма действия, поэтому и здесь опять заявляет о себе свобода, без которой не обойтись: «Всякая непременность... в деле любви похожа будет на мундир, на рубрику, на букву... Надо делать только то, что велит сердце: велит отдать имение - отдайте, велит идти работать на всех - идите... обязательна и важна лишь решимость ваша делать все ради деятельной любви, все, что возможно вам, что сами искренно признаете для себя возможным» [4, С. 61].

К сожалению - это удел избранных, ноша сия не по силам простым смертным. «Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал! - говорит Великий Инквизитор Иисусу. - Может ли он исполнить то, что и ты?» [1, С. 302].

Человек слаб и его легко соблазнить, он предпочитает хлебу небесному хлеб земной, он идет за тем, кто обещает ему облегчение его состояния здесь и сейчас, он продает свою свободу, не в силах отказаться от благ, суть которых размеренная, сытая и покойная жизнь. Разум человеческий, действительно, способен все просчитать, и если не сегодня, то завтра, в будущем, в конце концов, можно будет создать мир, в котором все будет устроено самым замечательным образом. Для человека там не будет никакого риска и, следовательно, никакой опасности. Единственное, что от человека потребуется, так это подчинение определенному порядку, закону, который и обеспечит это благоденствие, будучи выражением воли Великого Инквизитора или какого иного суверена, монарха, парламента.

Главное здесь то, что это состояние не отменит того положения дел, суть которого - непрекращающаяся борьба за существование в мире, где «всем хлеба не хватит», оно просто все организует таким образом, что ответственность за содеянное будут нести его устроители. Они, эти Великие инквизиторы, будут отвоевывать пространства, руководствуясь принципом выживания и в обмен на свободу и совесть требуя подчинения, «раздавать хлебы». «Ибо кому же владеть людьми, как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их» [1, С. 304].

В итоге, как пишет Л. Шестов, «мир превратился в завороженное «законами» царство, люди - из свободных существ - в безвольных автоматов... И только у некоторых из них в редкие минуты просыпается страшная тоска по настоящей жизни и вместе с этой тоской смутное сознание, что та сила, которая владеет ими и направляет их и которую они обоготворили, есть сила вечного сна, смерти, небытия» [7, С. 82].

Пробуждение возможно через прорыв к свободе. Значит свобода - это смысл, ради которого стоит жить? Возможно, что так. Но есть одно «но», о котором говорит Достоевский в своей «Легенде о Великом Инквизиторе». Призывая антихриста - Великого Инквизитора, Достоевский обличает человека в том, что для него и для человеческого общества никогда не было ничего невыносимее свободы: нет ничего обольстительнее для человека, но нет ничего и мучительнее, чем свобода. Дело в том, что свобода - это не состояние, в том смысле, что она никогда не сможет состояться, она никогда полностью не может быть воплощена. В подлинной и абсолютной завершенности нашей свободе отказано, потому что мы никогда не сможем «поставить себя перед лицом Ничто» (М. Хайдеггер) и опрокинуть его, ибо мы обречены на конечность. Встать на путь свободы – значит отправиться в никуда.

Вспоминая М. Мамардашвили, можно сказать, что свобода есть условие еще большей свободы. Люди освобождаются ровно настолько, насколько они сами проделали свой путь к освобождению изнутри себя, но для этого нужно принять «поглощенность сущим», т.е. принять собственную греховность как данность и восстать против нее. Полностью безгрешного существования нет и быть не может. Нам кажется, что мы уходим от греховности, скрываясь за внешними правилами и целесообразностями, дозволенностями и недозволенностями в культурных механизмах. На самом деле, все это, упорядоченные социальные системы и структуры, есть лишь превращенные формы, в которых наша греховность обретает свое существование. Бороться с ними бессмысленно, поскольку они представляют единственно возможную форму нашего пребывания в мире. Однако и возводить их в Абсолют также недопустимо: удобно расположиться внутри какого-нибудь царства, т.е. подчиниться — значит обречь себя на ожидание собственной гибели.

Высокое бытие, истину которого открыл человечеству Иисус Христос, предполагает иной образ жизни и мысли. Какой же? На этот вопрос отвечает Розанов В.В., приводя слова старца Зосимы: «…Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад Свой, и взошло все, что могло взойти, но взращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным; если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и взращённое в тебе. Тогда станешь к жизни равнодушен и даже возненавидишь ее» [5, С. 88].

Подобное бытие требует от человека неимоверных усилий, оно возможно лишь через самоотречение, когда не забота о хлебе насущном и собственной выгоде определяют путь его, а любовь и свободное решение его сердца. Смысл этой любви может быть не совсем понятен. Здесь нет ничего личного, что можно было бы объяснить любовью-заботой, любовью-привязанностью. Эта Любовь отсылает нас к постижению мира как целостности, которое возможно благодаря проникновению в его тайну, т.е. познанию. Вот они - святые истины из Бесед и поучений старца Зосимы из Братьев Карамазовых: «Будешь любить каждую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день» [2, С. 376].

Оба они - познающая любовь и любящее познание - объединены совершенством. Только в этой связке оба эти свойства в конечном счете становятся плодотворными смысловыми ориентирами, благодаря которым человеческое бытие обретает свое высшее выражение и надежду на спасение.

Список источников и литературы

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. / Достоевский Ф.М. Собр. Соч. В 12-ти т. - М., 1982. -Т.11. 622 с.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. / Достоевский Ф.М. Собр. Соч. В 12-ти т. - М., 1982. -Т.12. 539 с.
3. Достоевский Ф.М. Бесы. /Достоевский Ф.М. Полн. Собр. Соч. В 30 т. Л., 1972. - Т.10. 519 с.
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. /Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972 - 1990. Т.25. С. 377-516.
5. Розанов В.В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского/ В.В. Розанов Несовместимые контрасты жития. -М., 1990, С. 37-225.
6. Хайдеггер М. Что такое метафизика? /Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. - М., 1993. С.16-27.
7. Шестов Л. На весах Иова (Странствия по душам). /Шестов Л. Соч. В 2-х т. - М., 1993. – Т.2. 552 с.
8. Шопенгауэр А. О ничтожестве и горестях жизни. /Избранные произведения. - М., 1993. С. 63-81.

Сведения об авторе:

Пионткевич Лариса Юрьевна, к.ф.н., доцент, НИУ «МЭИ», доцент

УДК 168.5

ФИЛОСОФИЯ КАК ПОНИМАНИЕ ПРИРОДЫ НАУКИ

В.Е. Семенов
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме сложности понимания природы науки. В настоящее время недостаточно простого изучения научных знаний. Следует обратить внимание на чрезвычайную значимость понимания самой природы науки. Насколько хорошо студенты и аспиранты, а также начинающие преподаватели естественных наук и даже молодые ученые понимают природу науки? Многолетние и широкоохватные международные исследования этой проблемы дают ответ: «совсем не хорошо». Эти же исследования свидетельствуют: (i) достаточный опыт в истории и философии науки явно влияет на способность наставников преподавать естественные дисциплины; (ii) студенты, обучающиеся эпистемологии и философии науки, развивают более глубокое понимание природы науки. В отношении отечественной системы высшего образования необходимо подчеркнуть: добавление курса по эпистемологии в учебные программы бакалавриата, особенно естественнонаучных и технических вузов, без всякого сомнения, поможет существенным образом улучшить понимание природы науки.

Ключевые слова: понимание природы науки, эпистемология, философия науки.

PHILOSOPHY AS AN UNDERSTANDING OF THE NATURE OF SCIENCE

V.E. Semyonov
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the problem of complexity of understanding the nature of science. At present, it is not enough to simply study scientific knowledge. Attention should be paid to the extreme importance of understanding the nature of science itself. How well do undergraduate and graduate students, as well as beginning science teachers and even young scientists, understand the nature of science? Longstanding and wide-ranging interna-

tional studies of this problem provide the answer: “not well at all”. The same studies indicate that (i) sufficient experience in the history and philosophy of science clearly affects the ability of mentors to teach science, and (ii) students trained in epistemology and philosophy of science develop a deeper understanding of the nature of science. Regarding the domestic higher education system, it is necessary to emphasize: the addition of a course on epistemology to the undergraduate curricula, especially of natural science and technical universities, would undoubtedly help to significantly improve the understanding of the nature of science.

Keywords: understanding the nature of science, epistemology, philosophy of science.

В статье я хочу рассмотреть две важнейшие функциональные задачи философии, а именно – эпистемологическую и логико-методологическую. Поскольку обе эти функции напрямую ориентированы на науку и научное познание, их вполне можно рассматривать как единую – интегративную – функцию. Чрезвычайно важным является тот факт, что данные функции прямо и непосредственно имеет отношение не только к науке и познанию, но и к университетскому образованию. И эти же функции – будучи реализованными в научной и образовательной сферах – обнаруживают фундаментальную проблему, которая присутствует в этих важнейших областях человеческой деятельности.

Эту открывшуюся проблему я обозначил бы как *сложность понимания природы науки*. Именно о сложности понимания природы науки и пойдет речь в данной статье. Естественно, это затруднительное положение дел в наибольшей степени касается людей, имеющих отношение к науке – как в статусе сложившегося ученого, так и в статусах студента или аспиранта.

Научное исследование и понимание природы науки.

В свое время Иммануил Кант, размышляя об отношениях высших факультетов университета (теологического, юридического и медицинского) с низшим (философским), чрезвычайно прозорливо заметил, что, поскольку «философский факультет включает все части человеческого знания (стало быть, исторически и высшие факультеты), но делает все эти части (а именно специфические учения или предписания высших факультетов) не содержанием, а лишь предметом своего исследования и своей критики, имея целью пользу всех наук», постольку «философский факультет может, следовательно, претендовать на право проверять истинность всех учений» [6, с. 71].

Без сомнения, Кант имел в виду тот общеизвестный факт, что любая другая наука, кроме, разумеется, философии, располагает именно в философии свои основоположения и наиболее глубокий научный фундамент. Совокупность этих краеугольных камней любой научной дисциплины называется философским основанием наук и изучается эпистемологией и философией науки. Опираясь как раз на философские основания всех других сфер познавательной деятельности, философия науки имеет право и претендует на то, чтобы исследовать природу любой области знания и выносить экспертные суждения в отношении, допустим, соответствия конкретных и частных научных заключений их собственному философско-научному базису. Стало быть, никакая отдельная наука не может обойтись без фундирующего обоснования своих положений со стороны эпистемологии и философии науки. Ибо последние имеют целью исследования не больше и не меньше, как природу науки самой по себе.

Эту позицию Канта наглядным образом проясняет схоларх Марбургской школы неокантианства и – одновременно – выдающийся философ науки Герман Коген: «Философия не является “доктриной”, но является критикой; она не сама порождает науку о предметах природы, но учит вскрывать заблуждения и делает то, без чего была бы невозможна никакая наука: позитивно определять “горизонт” познания» [7, с. 572].

При этом Коген обнаруживает неразрывную связь между философией как пониманием природы науки и математическим естествознанием, порожденным большей частью Ньютоном: «Таким образом, критика означает прежде всего предупреждение: не следует ставить философию на одну плоскость с математическим естествознанием. Философия не может производить вещи, или, как гласит заимствованное из математики выражение, их “конструировать”, но прежде всего она их осмысляет и проверяет то, как конструируются объекты и законы математического опыта. Это предупреждение одновременно содержит в себе и понимание, и утешение: математическое естествознание не покоится лишь на математике и опыте, оно является и самостоятельной частью философии» [7, с. 573].

Стало быть, философия исследует и раскрывает фундаментальные принципы и базовые понятия, которые лежат в основании любой науки. Следует подчеркнуть, что эти принципы и понятийная система заимствуется наукой, как мы ниже увидим, как раз из философии. Именно по этой причине «Ньютон как систематик своей науки является не более и менее чем философом. Понятия, которые он предпосылает [физике], являются философскими понятиями» [7, с. 139.]. В самом деле, вся первая глава «Математических начал натуральной философии» под названием «Опре-

деления» неожиданно открывает нам Ньютона как знающего и толкового философа. К тому же можно вспомнить, что и сам творец механики называл свою систему науки, изложенную в его бессмертном творении, «*ньютоновой* философией» [9, с. 13].

Очевидно, что наука в целом оказывает в современном мире колоссальное и всё возрастающее влияние на всю социальную жизнь человечества.

Как и в других случаях с ценными и социально значимыми вещами, социум поощряет людей изучать науки и заниматься научной деятельностью, прежде всего – в сфере естественных наук. Однако в настоящее время совершенно очевидно, что простого изучения различных научных знаний уже недостаточно для достижения важнейших социальных результатов. Следует также обратить пристальное внимание на чрезвычайную значимость понимания самой природы науки.

Иными словами, следует не просто изучать содержание научного знания. Ничуть не менее важно для студента, аспиранта, ученого отчетливо понимать, к примеру, 1) процесс, структуру, функции, признаки и виды научного познания; 2) закономерности развития, внутреннюю динамику, факторы и смену парадигм научного знания; 3) все разновидности оснований науки; 4) соотношение различных этапов развития науки; 5) механизмы отбора гипотез, теорий и научно-исследовательских программ; 6) современное понимание характера научных истин; 7) способы обоснования, доказательства и аргументации научного знания; 8) конструктивный характер современного естествознания; 9) всю бесконечную совокупность разнообразнейших научных методов, конкретных методик, методологий и исследовательских стратегий; 10) изощренную философию научного факта и научного закона; 11) социокультурные и внутринаучные факторы, влияющие на развитие и облик науки; 12) характеристики, факторы и фундаментальные проблемы научно-технического изменения и прогресса; 13) историю и философию технических наук; 14) философские и социальные проблемы науки, техники и технических наук.

Всё здесь перечисленное в своей совокупности как раз и составляет природу науки, причем – далеко не полный ее объем. Но то, что принято называть «природой науки» – как уже стало ясно из этого перечня – относится не к науке как таковой, не к науке самой по себе, а к сугубо философским дисциплинам – эпистемологии и философии науки. Именно эпистемология и философия науки закладывают надежнейший фундамент науки и научного познания. И коль скоро человек занимается наукой, научными и техническими исследованиями, – даже на уровне бакалавриата и магистратуры, – то все перечисленное он должен прекрасно знать.

В противном случае возникнет ситуация, когда и студент-естественник, и ученый-исследователь схватят только «вершки», так и не достигнув фундаментального уровня «корешков», т.е. понимания природы науки.

Однако даже все выше перечисленное еще не составляет всей природы науки. Существует более глубокий «этаж», или «фундамент» природы науки (если так позволено будет выразиться).

К этому более глубокому этажу относятся все конституэнты структуры *научного мышления*, или *научного разума*. Навскидку я назвал бы такие элементы научного мышления, как например: 1) осознание природы научной реальности; 2) понимание объективного и предметного характера научного познания; 3) соотношение естественной причины и научного закона; 4) понимание всего масштаба актуальной бесконечности (с чем, кстати говоря, не справился даже Ньютон: из «Математических начал натуральной философии» видно, что реально он имеет дело не с бесконечно большим (= абсолютным) пространством, а с тем пространством, которое простирается вплоть до «сферы неподвижных звезд»); 5) представление о бесконечно малом; 6) метод суммирования бесконечно большого числа бесконечно малых величин (= дифференциальное исчисление) как универсальный принцип мышления; 7) метод экстраполяции как такой же всеобщий научный принцип мышления; 8) онтологический и эпистемологический статусы закона науки; 9) природа, эффективность и границы мысленного эксперимента в науке; 10) фундаментальные эпистемологические категории как матрицы научного понимания и познания: научный факт, закон науки, объект и предмет науки, причинность, детерминизм, закономерность, случайность, вероятность, необходимость и ее виды, пространство, время, свойство, процесс, отношение и т.д.; 11) базовые эпистемологические понятия, объясняющие познавательные процессы и научные процедуры: истина, достоверность и обоснованность, метод, статус знания, объяснение, доказательство, теория, дескрипция и аскрипция, реальность и аскрипция, факт и аскрипция и т.д.

Приведу в качестве примера случай недопонимания природы науки. Преподавательская практика наглядно и постоянно демонстрирует, что некоторые обучающиеся (студенты или аспиранты) слышали и даже отчасти представляют, что такое научная парадигма. Кое-кто из их числа даже знает, что эти парадигмы сменяют друг друга. Но абсолютно непознанными и непонятными остаются те фундаментальные философские основания научной парадигмы, изменение которых как раз и влечет за собою ее радикальную смену. Я имею в виду следующие базовые факторы: 1) понимание естественной причинности, а также проблемы кор-

реляции; 2) различение природной и эпистемологической реальности; 3) детальную концептуализацию пространства и времени как условий существования познания и науки; 4) теоретические представления о неделимом и бесконечно малом; 5) понимание и эксплицитная формулировка сущности, онтологического и эпистемологического статуса научного закона; 6) соотношение физической реальности и научного закона; 7) позиции реализма и анти-реализма в понимании онтологического и эпистемологического статуса научных объектов и т.д.

Только осознание этих фундаментальных философских оснований природы науки приблизит и студента, и начинающего ученого к искомой цели – пониманию природы науки. Это, конечно, частный пример такого «прорыва к пониманию», но как раз из таких партикулярных случаев постепенно складывается общая научная картина, вырастающая из уровня философских оснований науки.

Классическим образцом превосходного осмысления природы науки является, на мой взгляд, то положение дел, которое сложилось в философской деятельности Пауля Наторпа.

Пауль Наторп – крупнейший философ науки, представитель Марбургской школы неокантианства, – исследуя сущность предмета познания в науке и философии, подчеркивал: «предмет – это *только x*, предмет – это *только проблема*, но *никогда не данное*; проблема, целостный смысл которой определен лишь в отношении к известным величинам уравнения, а именно – нашим фундаментальным понятиям, представляющим собой основные *функции* познания, законы их *действия*, в которых заключается само познание. Это, скорее, их можно назвать “данными”, поскольку они вообще и делают познание возможным. Но сам предмет не дан, а скорее задан» [4, S. 367].

В «Философской пропедевтике» Наторп еще раз обращается к разъяснению энигматической сущности предмета познания: «Предмет есть предмет для познания, он означает только ту задачу, которую познание само себе ставит. Вопрос о последнем отношении познания к предмету может быть решен, следовательно, лишь с точки зрения самого познания и присущего ему закона. Если предмет представляет собой как бы x в уравнении познания, то смысл этого x должен быть понят из самой природы уравнения (т.е. из самого познания) через отношение к известным факторам этого уравнения (т.е. нашим основным понятиям) и именно отсюда должно обнаружится, возможно ли разрешение этой задачи нашего познания, и если возможно, то в какой мере» [8, с. 64]. Пожалуй, лучшей дескрипции сущности философии науки, направленной на понимание природы науки, трудно желать.

И после экспликации этих философских принципов в фундаментальном труде «Логические основы точных наук» (1910) Наторп исследует такие понятия и основоположения чистого познания, как «качество», «количество», «отношение», «причинность», «модальность», «число» и «исчисление», «бесконечность» и «непрерывность», «время» и «пространство» – короче говоря, те самые фундаментальные понятия, представляющие собою основные функции познания, законы их действия, в которых как раз и заключается само познание [5]. Однако эпистемологическое и философско-научное исследование Наторпа совершается уже не в рамках классической (ньютоновской) парадигмы науки, а с позиций нового, неклассического (эйнштейновского), варианта математического естествознания.

Зачем необходимо понимание природы науки?

Особое внимание к «важности понимания природы науки не является чем-то новым. Понимание природы науки как основная цель изучения естественных наук пропагандировалось, по крайней мере, с начала прошлого века» [3, p. 2]. И эта цель выдвигалась вовсе не узкой профессиональной группой заинтересованных лиц или же научно развитых стран. Понимание природы науки «пропагандировалось как важнейший образовательный результат в различных документах о реформе научного образования по всему миру» [2, p. 831].

Почему же понимание природы науки является такой важной особенностью научного образования? Первый из ответов, который сразу же приходит на ум, заключается попросту в том, что чем лучше студенты понимают природу науки, тем лучше они будут подготовлены к тому, чтобы стать хорошими учеными. Ибо очевидно, что более глубокое понимание деятельности, которой человек занимается, позволит ему лучше справляться с этой деятельностью. Лучшими шахматистами являются те, кто глубоко разбирается в шахматной игре. Лучшими плотниками являются те, кто глубоко разбирается в сложнейших работах по дереву. Таким образом, вполне обоснованно можно полагать, что лучшими учеными будут те, кто глубоко постиг непростую и многообразную природу науки. Однако даже более важным, чем задача стать хорошим ученым, является преимущество повышения научной грамотности как таковой.

Поскольку научное знание – это всего лишь частный случай знания вообще, понимание природы науки в целом может дать ключевое представление о природе научного познания, а также о методологии принятия научно обоснованных решений. Здесь необходимую помощь как раз окажет философия (эпистемология и философия науки).

Почему вообще необходимо исследовать природу научного знания? Позволю себе предложить несколько вариантов ответа.

1. Такое исследование помогает в постижении сущности научного знания и тех фундаментальных принципов, на которых построены не только естественные, но также и гуманитарные, и социальные науки.

2. Это необходимо для понимания научного и научно-технического развития, а также для наиболее эффективного управления технологическими объектами и всеобщими процессами в мире.

3. Понимание природы науки необходимо для принятия обоснованных решений по масштабным социально-научным вопросам (например, глобальное потепление, техногенные катастрофы, радиоактивное загрязнение, проблема сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, исследования стволовых клеток и т.д.).

4. Постижение природы науки необходимо для полного осознания важности науки в современной культуре. Кроме того, исследуя и проясняя ключевые проблемы эпистемологии и философии науки, можно снять многие внутринаучные дискуссии о самой природе науки. Например, до сих пор продолжаются споры о том, какова должна быть истинная цель преподавания различных научных теорий. Одни ученые утверждают, что основной целью научного образования является выработка *научной веры*. Другие настаивают на том, что «вера, хотя и важна, не должна быть целью научного образования. Вместо этого они утверждают, что *понимание* науки должно быть основной целью научного образования, а вера – потенциально желаемым результатом. Стало быть, скрупулезное прояснение таких эпистемологических понятий, как “вера”, “знание” и “понимание” может пролить свет на эту дискуссию об основных целях научного образования» [3, p. 3].

5. Исследование природы научного знания помогает обеспечить понимание норм научного сообщества – в частности, моральных обязательств сообщества и того, насколько они важны для социума в целом. Интернализация такой системы ценностей и норм представляет собою отнюдь не только внутринаучную задачу и проблему, но является широкомасштабным и крайне значимым социальным процессом.

Короче говоря, без надлежащего понимания природы науки невозможно по-настоящему понять сложный, противоречивый, как внутренне, так и социально обусловленный процесс науки, принимать хорошо обоснованные решения по широким социальным и научным вопросам и полностью оценить важность науки в современной культуре.

Сложность понимания природы науки.

Теперь вполне очевидны те преимущества, которые дает правильное понимание природы науки. Однако при этом возникает вопрос: насколько хорошо обучающиеся (студенты и аспиранты), а также начинающие преподаватели естественных наук и даже молодые ученые понимают природу науки? К сожалению, многолетние и широкоохватные международные исследования этой проблемы дают следующий ответ на этот вопрос: «совсем не хорошо» [3, p. 4].

Стало быть, в любое время существует общемировая внутринаучная и дидактическая проблема, а именно – *сложность понимания природы науки*. Общемировая преподавательская и научная практика, а также специальные исследования свидетельствуют о том, что даже сложившиеся ученые и преподаватели, не говоря уже о студентах и аспирантах, не всегда отчетливо понимают *саму природу науки.*

Так, например, Норман Ледерман подчеркивает, что «преподаватели естественных наук не обладают адекватными представлениями о природе науки, независимо от инструмента, используемого для оценки понимания» [2, p. 852]. При этом «неопровержимый вывод о том, что учащиеся не обладают адекватными представлениями о природе науки или научными рассуждениями, становится особенно важным, когда понимаешь, что использовалось большое разнообразие инструментов оценки» [2, p. 838]. Обнаружилось, что многие преподаватели естественных наук средних учебных заведений понимают природу науки не так хорошо, как студенты! Эти результаты позже были подтверждены до такой степени, что можно с уверенностью сказать: «понимание ученика и учителя не находится на желаемом уровне» [2, p. 861].

Однако, как известно, многие крупные ученые, достигшие в своей научной деятельности максимальных высот, с необходимостью обращались к эпистемологии и философии науки. Почему? Дело в том, что в своей работе они в определенный момент времени закономерно и с неизбежностью выходили на уровень *философских проблем собственной науки*. Достаточно назвать имена таких всемирно известных «светил», как Эрнст Мах, Герман Гельмгольц, Анри Пуанкаре, Генрих Герц, Альберт Эйнштейн, Леопольд Инфельд, Макс Планк, Нильс Бор, Вернер Гейзенберг, Макс Борн, Эрвин Шрёдингер, Ричард Фейнман и многих-многих других. Все они – в итоге – известны не только как крупнейшие ученые-естествоиспытатели, но также как значительные философы. Эйнштейн вообще заявлял: «Наука без эпистемологии – насколько это вообще можно вообразить – примитивна и запутанна» [1, p. 683].

В международных науковедческих исследованиях был выявлен ряд факторов, которые способствуют лучшему пониманию природы науки. Прежде всего необходимо обратить внимание на два важнейших факта.

1) Достаточный опыт в истории и философии науки явно влияет на способность наставников преподавать естественные дисциплины.

2) Кроме того, есть свидетельства, что студенты, обучающиеся эпистемологии и философии науки, развивают более глубокое понимание природы науки, чем студенты, которые изучают только курс научных методов [3, p. 5].

В отношении отечественной системы высшего образования необходимо подчеркнуть: ***добавление курса по эпистемологии в учебные программы бакалавриата, особенно естественнонаучных и технических вузов, без всякого сомнения, поможет существенным образом улучшить понимание природы науки***.

Необходимо изучать процесс познания с самого его основания: с первоначального уровня восприятия, синтеза сенсуальных и рациональных элементов, формирования опыта. Глубокое изучение процесса формирования знания не только продвинет обучающегося в понимании природы науки, но и доставит настоящее удовольствие открывать как правило «закрытые» процессы научного понимания.

Для понимания природы науки очень важно исследовать динамику развития науки: смену парадигм и самое главное – что лежит в основаниях этих парадигм, почему философские взгляды на фундаментальные основания науки изменяют сам фактический состав наук. Нужно рассматривать философские предпосылки науки как принципы, конституирующие парадигмы.

Кроме того, огромную пользу для понимания природы науки принесет изучение взаимосвязи знания, веры и понимания. Тогда станут понятны и философские принципы, лежащие в основе реализма и анти-реализма. Сегодня также невозможно пройти мимо социальной эпистемологии и этики науки.

Подобная интеграция эпистемологии и естественнонаучных дисциплин сможет укрепить как естественнонаучное образование, так и философские подходы к пониманию научного знания.

Без эпистемологии и философии науки невозможно выработать адекватное представление о природе науки, что в последствии может негативно сказаться и на самом научном творчестве.

Список источников и литературы

1. Einstein A. Remarks concerning the Essays brought together in this co-operative Volume // Albert Einstein: Philosopher-Scientist / Ed. by P.A. Schilpp. (The Library of Living Philosophers). Evanston (Ill.): North-western University Press – 1949. P. 665–688.
2. Lederman N.G. Nature of Science: Past, Present, and Future // Handbook of Research on Science Education / Eds. by S.K. Abell & N.G. Lederman. Mahwah: Erlbaum – 2007. P. 831–879.
3. McCain K. The Nature of Scientific Knowledge. Dordrecht: Springer – 2016.
4. Natorp P. Platos Ideenlehre. Eine Einfurung in den Idealismus. Leipzig: Verlag der Durr'schen Buchhandlung – 1903.
5. Natorp P. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig; Berlin: Druck und Verlag von B.G. Teubner – 1910.
6. Кант И. Спор факультетов // Кант И. Собр. соч: в 8 т. / под общ. ред. А.В. Гулыги. Т. 7. М.: Чоро – 1994. С. 57–136.
7. Коген Г. Теория опыта Канта / Пер. с нем. В.Н. Белова. М.: Академический Проект – 2012.
8. Наторп П. Философская пропедевтика // Наторп П. Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. М.: ИД «Территория будущего» – 2006. С. 55–118.
9. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука – 1989.

Сведения об авторе:

Семенов Валерий Евгеньевич, докт. филос. наук, проф., МГУ имени М.В. Ломоносова semyonov.ve@philos.msu.ru.

УДК 304.2

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В НАШЕЙ СТРАНЕ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Хамитова Р.Р.

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению основных периодов развития женского образования в России и рассмотрению ключевых моментов биографий выдающихся отечественных женщин-философов, получивших профессиональную подготовку в области философии, М. В. Безобразовой

и П.П. Гайденко. Автором прослеживается влияние разных этапов становления женского образования Российской Федерации на возможности женщин различных сферах общества, упоминаются исторические личности, которые внесли вклад в развитие мировой и национальной культуры, указываются труды перечисленных деятелей и мыслителей. Особое влияние уделено демонстрации взаимосвязи периодов модернизации женского образования и этапов философской деятельности М.В. Безобразовой и П.П. Гайденко.

Ключевые слова: женское образование, историография, философия, женщины-философы, биография.

CHANGING THE STATUS OF WOMEN IN OUR COUNTRY IN THE LIGHT OF THE DEVELOPMENT OF EDUCATION

Khamitova R.R.
National Research University "MPEI", Moscow, Russia

Annotation. The article is devoted to the study of the main periods of the development of women's education in Russia and the consideration of the key points of the biographies of outstanding Russian women philosophers who received professional training in the field of philosophy, M. V. Bezobrazova and P. P. Gaidenko. The author traces the influence of different stages of the formation of women's education in the Russian Federation on the opportunities of women in various spheres of society, mentions historical figures who contributed to the development of world and national culture, and indicates the works of these figures and thinkers. Special attention is paid to demonstrating the relationship between the periods of modernization of women's education and the stages of philosophical activity of M. V. Bezobrazova and P. P. Gaidenko.

Keywords: women's education, historiography, philosophy, women philosophers, biography.

Российская федерация – демократическое правовое государство согласно содержанию Конституции РФ, то есть высшего нормативного правового акта. Именно благодаря этому документу женщины считаются полноправными гражданами страны и обладают таким же набором прав, как и мужчины, а именно: гражданскими, политическими, социально-экономическими и культурными. Сегодня женщины, как Эльвира Набиуллина, глава Центрального Банка России занимают высокие должности; могут реализовать себя с помощью создания и руководства благо-

творительными фондами подобно Олескиной Елизавете, в 2011 году основавшей Благотворительный фонд помощи пожилым людям и инвалидам «Старость в радость»; могут профессионально развиваться в течение многих лет наподобие Аллы Левушкиной, которая была старейшим хирургом не только в России, но и в мире; осуществляют популяризацию науки на примере Татьяны Черниговской, разработавшей системы модификации программ обучения на основе современных научных данных; покоряют вершины наравне с опытными мужчинами как Валентина Терешкова, единственная в мире женщина, совершившая космический полет в одиночку.

Упомянутые в статье свободы, демонстрирующие положение жительниц России в современном обществе, предоставляющие самостоятельный выбор профессии, получение качественного образования, большие возможности для самореализации в различных сферах, - все то, чего были лишены женщины в недалеком прошлом.

Долгое время круг женских прав был ограничен ведением быта, хотя девушки из состоятельных семей могли получить образование за границей, однако имелись сложности, поэтому борьбу за свои права женщины начали с возможности получения образования, так как оно было доступно только мужчинам.

Предоставила возможность получения отечественного высшего образования женщинам Екатерина Великая, по чьему указу был основан Смольный институт благородных девиц 5 мая 1764 г., куда «ежегодно принимали двести дочерей, потомственных дворян, чином не ниже полковника или действительного статного советника» [6], так как институт представлял собой закрытое привилегированное учебное заведение. В течение обучения девушки изучали такие дисциплины, как языки (русский и два иностранных), арифметику, рисование, танцы, музыку, рукоделие, историю, географию, элементы архитектуры и геральдики, обучение светским манерам, религиозное воспитание, домоводство и другие. В 1765 г. при институте открылось подразделение для других сословий, кроме крепостного крестьянства. Они получали элементарное образование, где особое внимание уделялось получению знаний в области домоводства и шитья. После завершения обучения девушки могли работать преподавательницами, классными дамами, фрейлинами, переводчицами и писательницами, медицинскими сестрами.

Открытие Смольного института имело большое значение не только для развития культуры, но и для изменения положения женщин в обществе, положив начало развитию женского образования в России, продемонстрировав их способность к обучению, предоставив возможность

участвовать в культурной и общественной жизни и вносить свой вклад. После завершения обучения известными выпускницами стали такие смолянки, как: Мария Будберг – писательница, сценаристка, переводчица; Екатерина Хвостова – пианистка, композитор; Глафира Алымова – художница; Мария Добролюбова – поэтесса, революционерка, и другие.

Следующим важным этапом в развитии женского образования в России становится появление высших женских курсов в Москве в 1872 г., после окончания которых женщины получали аттестаты, предоставляющие возможность преподавать в женских учебных заведениях., и открытие «Бестужесвских» высших женских курсов в Санкт-Петербурге в 1878 г., позволяющих женщинам получить высшее образование в таких областях, как гуманитарные и естественные науки, искусство и педагогика. «Среди выпускниц Бестужевских курсов были такие известные и влиятельные личности, как Надежда Крупская, жена Владимира Ленина, его сестры Анна и Ольга Ульяновы, а также Лидия Фотиева. Многие из них получили высокие ученые степени кандидатов и докторов наук. Софья Романская стала первой русской женщиной-астрономом, а Елизавета Столица - первой женщиной-агрономом. Вера Попова - одной из первых женщин-докторов химии», - пишет в статье про Бестужевские курсы Иванов Н.А. [3]

С приходом большевиков к власти положение женщин в обществе кардинально меняется вследствие принятия декретов, предоставляющих им права и свободы, демонстрирующих равенство обоих полов во всех сферах: от получения образования до политического равноправия. Таким образом, женщины становятся свободными в выборе и получении образования, избирательном праве, выборе супруга, получают защиту материнства и детства, декретный отпуск и иные свободы. Стремление большевистской власти использовать наличие женщин-ученых для пропаганды достижений советского строя способствовало улучшению их положения, благодаря чему за короткий срок выросло количество женщин-учёных. Немаловажным будет их упоминание, например, Зинаида Ермольева, «Госпожа Пенициллин», создавшая первый отечественный антибиотик “Крустозина” - аналог пенициллина; Александра Глаголева-Аркадьева, женщина-физик, создавшая рентгеностереометр[40]; Евгения Рубинштейн, первая в России и в мире женщина-климатолог и другие.

Философия – одна из наук, в которые был закрыт доступ женщинам в течение длительного времени. Сегодня, при упоминании философов и при обсуждении этой науки, на ум чаще всего приходят имена

[40] прибор, который измеряет глубину залегания пуль и осколков снарядов у раненых

мужчин, например, Аристотель, Платон, Кант, Фома Аквинский, П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, Н.Г. Чернышевский, что кажется поразительным, ведь столько десятилетий, или даже столетий, женщины боролись за свои права, преодолевали трудности, достигали успехов, а их персоны до сих пор остаются менее затрагиваемые. Именно поэтому далее в этой статье будут рассмотрены отечественные женщины-философы, которые также справились со всеми невзгодами и добились успехов в области философии.

«Мария Владимировна Безобразова – первая женщина в России, получившая докторскую степень по философии», - пишет Элла Россман в статье [8]. А путь Марии Владимировны к получению докторской степени был отнюдь не легок. Она проложила женщинам России дорогу в сферу, являющуюся исключительно мужской. М.В. Безобразова (10 июн. 1857 – 15 сент. 1914) выросла в интеллигентной семье, где отец, В.П. Безобразов, был известным публицистом, автором научных трудов, преподавателем политической экономии и финансового права, а мать, Е.Д. Безобразова, писательница, публиковалась главным образом в зарубежных изданиях под псевдонимом «Татьяна Светова». «Для получения начального образования Безобразова была отдана в десять лет в пансион Мезе. Это был немецкий пансион с хорошей репутацией, все предметы преподавались на немецком языке. Мария была первой ученицей, пристрастилась к чтению философской литературы» - отмечает В.В. Ванчугов [6]. По завершении обучения Мария Владимировна сдала экзамен на отлично и решила поступать в Цюрихский университет (Швейцария), ведь именно там она могла получить научную степень. Как было изложено в статье ранее в тот период времени женщины, даже пройдя курсы, которые открылись по инициативе государства, получали аттестаты, не приравнивающиеся к дипломам, полученным мужчинами. Для поступления М.В. Безобразова усердно готовилась, самостоятельно изучая математику и древние языки, параллельно посещая различные лекции и курсы. Э. Россман сообщает, что «с 1887 года она слушала лекции в Лейпцигском университете, потом училась в Цюрихе, а степень доктора философии получила уже в Берне в 1891» [8].

После возвращения на Родину, Мария Владимировна продолжила активно заниматься философией: выступила в Москве с публичной лекцией «О значении Канта», собрав большое количество слушателей и слушательниц; выпустила в 1894 г. в Москве книгу «Краткий обзор существенных моментов истории философии», включающую психологию, этику, логику; В 1896–1897 гг. Безобразова читала в Педагогическом музее курс лекций «Введение в философию» и иные лекции в различных городах

России; много печаталась на Родине и за рубежом; работала помощником во многих журналах, однако карьера философа трудно складывалась: печаталась она за свой счет, а многие ее рукописи редакция утеряла. Также М.В. Безобразова, опираясь на статью В.А. Кислова: «…занималась ещё и общественной деятельностью, особенно в области движения за равноправие женщин. По её инициативе в 1897 году возникло Философское общество при Санкт-Петербургском университете. Она участвовала в основании Этического общества в 1910 году. В 1895 году приняла активное участие в создании первого в России Русского женского взаимно-благотворительного общества, которое насчитывало в своих рядах около восьмисот членов. Общество имело общежитие для временно нуждающихся женщин, библиотеку (носящую имя Н.В. Стасовой), литературно-музыкальный кружок, бюро для прииска заработка, кассу взаимопомощи. В 1908 году Общество провело в Москве Первый Всероссийский женский съезд» [4].

Биография М.В. Безобразовой демонстрирует, какие преграды существовали для женщин на тот период времени, как сложно было найти возможности для самореализации и общественного признания, однако Мария Владимировна обладала пытливым умом и храбрым сердцем, позволившими ей не бояться общественного осуждения и заниматься такой сложной наукой, как философия, профессионально и наравне с мужчинами.

Для сравнения влияния предоставления больших свобод женщинам на основе жизней женщин-философов следует изучить деятельность Пиамы Павловны Гайденко (30 января 1934 – 2 июля 2021). Пиама Павловна – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, лауреат премии имени Г.В. Плеханова (1997), долгие годы главный научный сотрудник Института философии РАН.

«Пиама Павловна родилась в селе Николаевка Донецкой области. В 1957 г. окончила философский факультет МГУ, а в 1962 г. – аспирантуру философского факультета с успешной защитой кандидатской диссертации на тему «Философия истории М. Хайдеггера», - сообщает в статье В. Н. Князев [5]. После она преподавала на кафедре истории зарубежной философии и исследовала немецкую классическую философию и зарубежную философию XX века. В те годы П.П. Гайденко опубликовала внушительное число работ: «Проблема личности в экзистенциализме», «Фундаментальная онтология М. Хайдеггера как форма обоснования иррационализма», «Проблема времени в онтологии М. Хайдеггера», «Проблема интенциональности у Гуссерля и категория трансценденции в экзистенциализме», «Философия искусства Хайдеггера», «Философия культуры Ясперса», «Трагедия эстетизма. К характеристике миросозерцания С. Киркегора» и др. В трудах она пыталась донести, что историк философии не должен

обозначать исключительно проблему, а обязан определить личностные характеристики умов прошлого и выявить влияние жизни мыслителя на его идеи. С 1969 по 1988 г. Пиама Павловна проявляла интерес к историческим модернизациям философской и научной рациональности, - об этом можно судить по следующим работам: книги «Философия Фихте и современность», «История и рациональность», а также статьи: «О философско-теоретических предпосылках механики Галилея», «Проблема рациональности на исходе XX века» и прочие. Эти исследования привели П.П. Гайденко к успешной защите докторской диссертации «Эволюция понятия науки с VI в. до н.э. по XVI в.» (1982).

На основе биографий Пиамы Павловны и Марии Владимировны очевидно прослеживается, насколько изменения в законодательстве и предоставление женщинам возможностей получать образование и развиваться в различных сферах кардинально влияют на изменения не только в какой-то конкретной области, но и в самом обществе. М. В. Безобразова в свое время вынуждена была получать образование за границей, так как тогда женщины были лишены других перспектив, а читать лекции в высших образовательных учреждениях она не имела права, потому что не обладала русской учёной степенью, хотя очень хотела выступать перед подготовленной публикой. П. П. Гайденко в свою очередь получила отечественное философское образование, работала преподавателем философского факультета и получила русскую учёную степень, то есть практически все, чего была лишена Мария Владимировна в своё время, хотя обе они внесли значительный вклад в развитие отечественной философии.

Благодаря многолетней борьбе женщин за свои права сегодня перед девушками Российской Федерации открыты двери для самореализации, поиска себя и просто счастливой и свободной жизни независимо от возраста, образования, национальности и вероисповедания.

Список источников и литературы

1. Ванчугов В. В. М. В. Безобразова – женщина-философ, этик и историк русской философии [Электронный ресурс] / Научная электронная библиотека. Москва: ЖУРНАЛ: ВЕСТНИК ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21604769 (дата обращения: 02.11.2024).

2. Иванов Н. А. Бестужевские курсы [Электронный ресурс] / Научная электронная библиотека. Санкт-Петербург: материалы VI международной научной конференции: в 3 т., 2023. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59667582 (дата обращения: 31.10.2024)

3. Кислов В. А. Мария Владимировна Безобразова [Электронный ресурс] / Электронный исторический журнал «Гатчина сквозь столетия». URL: http://history-gatchina.ru/article/bezobrazova.htm (дата обращения: 31.10.2024)

4. Князев В. Н. ПИАМА ПАВЛОВНА ГАЙДЕНКО [Электронный ресурс] / Научная электронная библиотека. Москва: МПГУ, 2021. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47400459_18372628.pdf (дата обращения: 01.11.2024)

5. Помелов В. Б. Смольный институт благородных девиц [Электронный ресурс] / Электронная научная библиотека. Вятский государственный гуманитарный университет. URL: https://www.elibrary_23734906_46937081.pdf (дата обращения: 31.10.2024)

6. Шестакова С. А. РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ [Электронный ресурс] / Научная электронная библиотека. URL:https: // www.elibrary.ru/download/elibrary_68502316_49303262.pdf (дата обращения: 01.11.2024)

7. Э. Россман. История Марии Безобразовой — первой женщины-философа в России [Электронный ресурс] / Электронный журнал «Мел». URL: https://mel.fm/zhizn/istorii/9803612-bezobrazova (дата обращения: 29.10.2024)

8. Ярмизина М. Н. ПРАВА ЖЕНЩИН В РОССИИ В XIX-XX ВВ. [Электронный ресурс] / Научная электронная библиотека. МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ, 2021. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47715643 (дата обращения: 30.10.2024)

Сведения об авторах:

Хамитова Ралина Рамилевна, НИУ «МЭИ», студент ИНЭИ, ralina-kamitova@gmail.com

УДК 316.7

БЕРНАРД СТИГЛЕР И ARS INDUSTRIALIS (МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)

Цибизова Л.А., Самохвалова В.К.
Всероссийский государственный институт кинематографии имени С.А.Герасимова (ВГИК), Москва,
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва.

Аннотация. В статье рассматривается философская позиция Бернарда Стиглера, одного из самых влиятельных мыслителей двадцать первого века, включающая критику капитализма и общества потребления

с левых позиций. Кроме того предлагается анализ манифестов созданной группой философов и искусствоведов под руководством Стиглера Ассоциации промышленной политики в области интеллектуальных технологий - ARS INDUSTRIALIS. Разбираются основные моменты возникновения и развития либидинальной экономики, культурных индустрий в построении общества экологии разума, взаимной заботы и ответственности социальных институций всех уровней общества.

Ключевые слова: Бернард Стиглер, ARS INDUSTRIALIS, культурные индустрии, конвергенция, либидинальная экономика, фармакон.

BERNARD STIGLER AND ARS INDUSTRIALIS (INTERNATIONAL ASSOCIATION FOR INDUSTRIAL POLICY IN THE FIELD OF INTELLIGENT TECHNOLOGIES)

Tsibizova L.A., Samokhvalova V.K.
Russian State Institute of Cinematography named after S.Gerasimov (VGIK), Moscow, National Research University "MEI", Moscow.

Abstract. The article examines the philosophical position of Bernard Stigler, one of the most influential thinkers of the twenty-first century, including criticism of capitalism and consumer society from the left. In addition, an analysis of the manifestos created by a group of philosophers and art historians under the leadership of Stigler of the Association for Industrial Policy in the field of intelligent technologies - Ars Industrialis. The main points of the emergence and development of the libidinal economy, cultural industries in building a society of the ecology of reason, mutual care and responsibility of social institutions at all levels of society are analyzed.

Keywords: Bernard Stigler, Ars Industrialis, cultural industries, convergence, libidinal economics, pharmacon.

Бернард Стиглер, один из самых известных философов XXI века, родился 1 апреля 1952 года в Вильбон-сюр-Иветт. В молодые годы он оказывается в тюрьме за вооруженное ограбление банка. В заключении появился серьезный интерес философией. Он получает высшее образование, а позже в Высшей школе социальных наук получает докторскую степень под научным руководством Жака Дерриды.

В 1994 году Стиглер публикует первый том одной из самых известных своих работ «Техника и время». В 1996 и 2001 году выходят второй и третий тома этого фундаментального труда. Кроме этого трех-

томника авторству Б.Стиглера принадлежат такие книги как «Неверие и дискредитация» (2004-2006 гг.) в трех томах, «О символической нищете» (2004 г.) в двух томах, «То, что делает жизнь стоящей. О фармакологии» (2010 г.). В 2005 году Б.Стиглер вместе с философом Жоржем Коллинзом, искусствоведом Марком Крепоном, философом Катрин Перре, философом Кэролайн Стиглер основывает политическую и культурную Ассоциацию Ars Industrialis (Международная ассоциация промышленной политики в области интеллектуальных технологий).

В 2012 году Б.Стиглер принимал участие в работе круглого стола «Искусство как связь поколений» при поддержке фонда «Про Арте» в Санкт-Петербурге. Философ умер 5 августа 2020 года в Эпинёй-ле-Флёрьель, в возрасте 68 лет.

Рассмотрим, что является теоретической базой создания Ассоциации Ars Industrialis. В 2005 году был принят Манифест, содержащий основные причины создания новой культурной и политической институции. В качестве предшественников для авторов Манифеста выступают как философы древности (Сократ, Платон), так и теоретики, и практики XX века (Э.Гуссерль, З.Фрейд. Ж.Деррида, Х. Арендт).

Красной линией через весь Манифест проходит довольно замысловатая, порой жесткая левая критика технической рациональности.

Начинается текст с признания серьезной угрозы современности, заключающейся в том, что «жизнь духа» (в понимании Ханны Аренд) была полностью поглощена и подчинена требованиям рыночной экономики, необходимости возврата инвестиций из компаний, которые мы относим сегодня к культурным индустриям (средствам массовой информации, телекоммуникациям, когнитивным технологиям). Таким образом, культурные индустрии являются проводниками экономических, социальных и культурных изменений общества [1].

В эпоху цифровизации все эти отрасли стремятся к конвергенции. Об этом движении пишет и Дэвид Хезмондалш, профессор Университета Лидса (Великобритания) в своей монографии «Культурные индустрии». Институты государственных, коммерческих и некоммерческих организаций, целью функционирования которых является производство социальных смыслов, создание разного рода текстов или символов стремятся к конвергенции.

В прошлом веке это было, по словам Д.Х., как обещание будущих чудес, связанных с расширяющимися экономическими и коммуникативными возможностями Интернета. «Давняя мечта о конвергенции телекоммуникаций, компьютеров и медиа руководила экономическими программами в США и Европе в конце 1990-х годов» [2, с.335].

Не обошел эту тему своим вниманием и Грэхем Мердок, выделив три формы конвергенции [3, с.36-39].

Конвергенция культурных форм. Появляется новый термин «мультимедиа», объединяющий в себе музыкальное звучание, слово, образы и графику.

Конвергенция корпоративной собственности как организационный и экономический феномен. Те, кто раньше занимался только потребительскими товарами в сфере электроники, вышли на рынок цифрового телевидения и Интернета.

Конвергенция телекоммуникационных систем или «конвергенция медиатехнологий», включающая дигитализацию всех сфер человеческой жизни.

Вернемся к Манифесту, где утверждается, что технологии разума должны стать новой эпохой духа, стать «промышленной политикой духа».

Через несколько лет после принятия Манифеста, выступая на Всемирной конференции интернета в Лионе в 2012 году, Стиглер размышляет о том, стало ли современное общество Интернета обществом mündig, то есть зрелым (совершеннолетним) обществом Просвещения в Кантовском смысле. И сам отвечает: «Конечно, нет: нынешнее общество, похоже, становится, напротив, глубоко регрессивным. В нем непрестанно множатся ментальные, экологические, экономические, политические, социальные и военные расстройства, а всеобщая отслеживаемость, кажется, только усугубляет несамостоятельность индивидов через профилирование поведения» [4].

В Манифесте подчеркивается необходимость введения новой промышленной политики или индустриальной экологии разума. Технологии разума могут стать основой современного этапа развития цивилизации во избежание пугающего хаоса.

Стиглер вводит концепт «либидинальная экономика», основываясь на теории З.Фрейда. Либидинальная экономика трансформирует энергию влечения (в том числе сексуального влечения) в инвестиции. Философ считает, что каждое общество, основанное на либидинальной экономике, превращает удовлетворение импульсов, которые по своей сути асоциальны, в социальный акт. В прошлом веке капитализм сделал либидо своей основной энергией. Но в XXI веке захват либидо в конечном счете разрушил его как желание. В перспективе это ведет человечество к глобальному экономическому кризису.

Таким образом, мы можем сказать, что прежняя экономика строилась на желании. Сейчас мы наблюдаем разрушение желания, сублимации и образования сверх-Я. Значит, мы должны учитывать не только экологию разума, но и экологию желаний в будущем.

Наши желания формируются символическими практиками и представляют собой как уникальность объекта желания, так и уникальность желающего, то есть субъекта. Ассоциация ARS INDUSTRIALIS в своей деятельности намерена бороться с самоубийственной политикой капитализма путем изобретения практик технологии разума, которые воссоздают объекты желания и переживания собственной уникальности индивида. Речь идет о возрождения желания, а не о возрождении потребления. В Манифесте звучат радикальные предложения по изобретению новой формы публичной власти, которая объединила бы в себе представителей всех слоев общества, экономических субъектов и государственных учреждений, исследовательских институтов и ассоциаций, экономистов, философов, ученых, художников, инвесторов и социальных партнеров.

Несмотря на жесткую критику капитализма и общества потребления, Манифест был выражением оптимистического взгляда на будущее. Есть проблемы, есть угрозы, но возможны и решения проблем путем изменения основных стратегий и создания новых институций в области разумных технологий.

Манифест 2010 года относится к другим реалиями глобального масштаба. Мировой экономический кризис, начавшийся за три года до создания документа, показал саморазрушительность капитализма как системы, считает Стиглер. Размывание ответственности финансового капитала стало катализатором беспрецедентного каскада проблем. В манифесте подчеркивается, что глобализация потребительской модели привела к бессмысленным растратам и показала свою бесперспективность. На смену ей должна прийти новая модель экономики вклада, характеризующейся заботой о себе и других. Сюда Стиглер относит экономику открытого исходного кода, которая присутствует в ИТ-индустрии. Цифровые технологии открывают сетевое пространство участников, которые разрабатывают и делятся знаниями (Стиглер различает понятия знания и информации). В результате мы имеем связанную среду, в которой есть индивидуальная и коллективная ответственность.

Да, на цифровые технологии возлагаются большие надежды. Но Стиглер – мыслитель критического склада. Он отсылает нас к Платону и его понятию «фармакон». Фармакон одновременно может быть и лекарством, и ядом. Следовательно, любая методика является «фармакологической» в этом смысле. При отсутствии заботы, контроля она вполне может быть токсичной. Философ подчеркивает особую роль культуры, которая свои бережным отношением может справиться с возможной токсичностью рационализации. На основе опыта, полученного из мирового

кризиса, Манифест утверждает возможность и необходимость воссоздания политического проекта нового утверждения роли государственной власти – превращения технического будущего в социальное будущее.

Список источников и литературы

1. Ars industrialis association internationale pour une politique industrielle des technologies de l'esprit https://arsindustrialis.org/manifeste2005 (дата обращения: 05.10.2024).

2. Хезмондалш Д. Культурные индустрии//М.: Изд.дом Высшей школы экономики – 2018. С.335.

3. Murdock G. Digital Futures European Television in the Age of Convergence// J.Wietan, G.Murdock, P.Dahlgen. Television Across Europe. L.- 2000. P. 36-39.

4. Стиглер Б. Дух просвещения в эпоху философской инженерии//Художественный журнал. № 106. 2018 https://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775.

Сведения об авторах:

Цибизова Лилия Александровна, канд.филос.наук, доцент, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК), доцент кафедры истории и философии, lcib@mail.ru

Самохвалова Варвара Климентьевна, канд.филос.наук, доцент, НИУ «МЭИ», доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой, bar-bar@mail.ru

NEUROPSYCHOLOGY: NEUROLOGICAL BASIS, CLINICAL EVALUATION, AND ASSESSMENTS

D.Tomasi
Vermont Academy of Arts and Sciences, VT, USA; St. Kliment Ohridski University of Sofia, Sofia Bulgaria; Community College of Vermont, Burlington, VT, USA

Introduction.

To best define the neurological basis, clinical evaluation, and theoretical constructs of neuropsychology, it is appropriate to begin with definitions. Neuropsychology is a scientific discipline which focuses on the relationship between brain, behavior and cognitive functioning. More in detail, this disci-

pline consists of the evaluation, diagnosis, and treatment of neuropsychological disorders, including the study of the effects of General Brain injuries, Neurodegenerative and neurological diseases, and Mental disorders. These psychological-physiological problems are investigated, assessed, and tested using a variety of techniques and batteries of tests in neuropsychology. As with any type of evaluation, the parameters which determine the type of truth such evaluation should provide, and whether these evaluations are capable of this task, are in themselves in need of a clear philosophical description, especially in lieu of the effect this discourse can have in the social domain.

Theoria and praxis in neuropsychology.

The field of neuropsychology is a discipline at the intersection between neuroscience and psychology, and in the case of clinical neuropsychology, tightly connected with healthcare and medicine. It thus presupposes the validity of brain research as a fundamental cornerstone to understand human functioning. From a philosophical standpoint, this means that the brain plays a fundamental role in emotion, cognition, and behavior. While neuropsychology does not necessarily venture into assessing whether the brain has causal powers in the aforementioned areas, it certainly *expects* those to be clearly manifested in the brain activity. And this is the key to the neuropsychological assessment and evaluation – the expectation and the ability to detect changes in brain activity which can be interpreted as proof of variation/deviation from the standards in the general population, accounting for age, gender, education, background and history, etc., as well as the baseline of the subject himself. The latter aspect is philosophically interesting, as it asks two questions:

a) if brains are similar, to what extent can we generalize from standard human brains or utilizing non-human brains as in animal modeling, or computer-based interfaces, artificial intelligence and simulation

b) to what extend the person can change (for instance, as a result of development or aging, but also of stroke, dementia, etc.) her emotion, cognition, and behavior, and still *remain herself*?

In this sense, a neuropsychological assessment is a scientific process that aims to assess a person's neuropsychological *performance*. It consists of standardized tests and neuropsychological batteries, which in turn include tests of attention, memory, language, executive functions, intelligence, and perception. Furthermore, neuropsychological assessments utilize test batteries which have been previously validated and. The interpretation of these results is, as with any other medical field, both art and science, and rests on the Aristotelian triad episteme, phronesis, and techne.

Main neuropsychological batteries.

Cambridge Neuropsychological Test Automated Battery.

The Cambridge Neuropsychological Test Automated Battery (CANTAB), originally developed at the University of Cambridge in the 1980s, is a computerized test that assesses cognitive functions using a touchscreen computer. The CANTAB is used to assess a range of cognitive functions, including memory, attention, executive functions, learning, problem-solving, visual memory, reaction time, decision making, and response control. The CANTAB is sensitive enough to detect changes in cognitive functioning caused by medications or CNS disorders. It has been used to evaluate cognitive impairment in children with neurodevelopmental disorders, such as autism spectrum disorders and attention deficit hyperactivity disorders.

Halstead-Reitan neuropsychological battery

The Halstead-Reitan neuropsychological battery consists of 9 different tests that assess different aspects of cognitive and neurological functions, such as attention, memory, language, executive functions, and perception. Therefore: The first test of the Halstead-Reitan neuropsychological battery is the category test, which is used to assess classification ability. The second test is the tactile performance test, which is used to assess the ability to discriminate tactile abilities. The third test is the rhythm test, which is used to assess auditory discrimination capacity and consists of 30 sounds. The fourth test is the sound perception test, which is used to assess the ability to discriminate in hearing. The fifth test is the tapping test, which is used to measure spatial localization capability. The sixth test is the aphasia test, which is used to assess language and communication skills. The seventh test is the sensory-perceptual test, which is used to assess the ability to perceive sense. The eighth test is the lateral dominance test, which is used to assess the laterality of the brain. The ninth test is the track test, which is used to assess motor coordination and planning skills.

Luria-Nebraska Neuropsychological Battery.

The Luria-Jastak-Nebraska Neuropsychological Battery is a neuropsychological assessment tool to assess neuropsychological performance in individuals with brain damage. This battery consists of 269 items divided into 14 scales, which are rated on a scale of 0 to 2. The first scale of this battery is the attention scale, which assesses the ability to concentrate and follow complex tasks. The second scale is that of memory, which assesses the ability to store and retrieve information. The third is the language scale, focusing the ability to understand and express language. The fourth scale is that of executive func-

tions, which assesses the ability to plan, organize, and complete complex tasks. The fifth scale is that of perception, assessing the ability to recognize and discriminate visual and auditory stimuli. The sixth scale is praxia, which examines the ability to plan and execute fine movements. The seventh scale is that of gnosy, which assesses the ability to recognize objects through touch. The eighth scale is diction, which focuses on the ability to articulate words and sentences correctly, as well as the ability to follow verbal instructions. The ninth scale is that of spatial perception, which assesses the ability to perceive and orient oneself in space. The tenth scale is that of balance, which studies the ability to maintain balance and control body movements. The eleventh is the coordination scale, which concerns the ability to coordinate body movements. It refers to elements such as the ability to coordinate limb and body movements with visual and auditory stimuli. The twelfth scale is that of processing speed, which assesses the ability to process information quickly and efficiently. It includes things like the ability to perform mental calculations and the ability to quickly process visual and auditory information. The thirteenth scale is that of intelligence, which assesses overall cognitive ability. The fourteenth scale is that of personality, which assesses the personality traits and emotions of the individual.

Standardized neuropsychological assessments.

With standardized neuropsychological we define tests designed to measure an individual's cognitive function, behavior, and functioning. Although many have been developed, in the context of this paper we will focus on the following: testing of the complex figure of Rey; Boston Naming Test; short attention test (BTA); Hooper Visual Organization Test (HVOT); Wechsler Adult Intelligence Scale-IV (WAIS-IV); Stroop Word-Color test.

Rey's Complex Figure Test.

The Rey complex figure test for adults is a neuropsychological test that assesses short-term memory and learning ability. This test consists of a series of 18 complex drawings that the subject must reproduce from memory after viewing them for a short period of time. Each drawing is evaluated with 2 points if the execution is correct. The maximum possible score is therefore 36 points. However, the average adult score on this test is 30 points, with a normal range of 25 to 35 points. A score below 25 is considered low and may indicate short-term memory or learning problems, while a score above 35 is considered high and indicates excellent memory and learning ability. The relationship between the score of the Rey test on the complex figures and the percentile can also be used to interpret the results. In this sense, the percentile is a statistical measure that indicates the percentage of individuals in a population who score equal to or lower than the subject in question.

Boston Naming Test.

The Boston Naming Test is a standardized neuropsychological assessment used to measure naming ability in people with brain injuries and neurological disorders. The purpose is to determine an individual's ability to name objects, images, and symbols based on their meaning. The test consists of several stimuli presented to the subject in a specific order. These stimuli can be images of everyday objects, symbols, or letters. The examiner must name each stimulus as quickly and accurately as possible. The test takes place in a limited time and is evaluated based on the number of correctly named stimuli in the allotted time. The Boston Naming Test also includes a word comprehension subtest, in which the patient is presented with individual words and asked about their meanings. It assesses the patient's ability to understand the meaning of words and can be used to identify language comprehension problems. The test score is used to determine an individual's level of naming ability.

Short Attention Test (BTA).

The Short Attention Test (BTA) is a standardized neuropsychological assessment used to measure an individual's attention span and concentration. The purpose of this test is to determine if a person has difficulty sustaining attention on specific tasks and to identify the factors that contribute to these difficulties. The BTA is composed of different subtests that assess different aspects of attention. One of the most relevant is the digit span, in which the individual is asked to repeat a series of numbers in reverse order after they have been presented. This subtest assesses the ability to retain verbal information in the short term. Another common subtest is the symbol digit modalities test (SDMT), in which the subject is presented with a table of matching numbers and symbols and asked to match them as quickly as possible. This subtest tests the ability to perform symbolic and numerical tasks quickly and accurately. In addition, the BTA includes subtests that assess the ability to follow instructions, the ability to organize and plan, and the ability to move quickly from one task to another.

Hooper Visual Organization Test (HVOT).

The Hooper Visual Organization Test (HVOT) is a standardized neuropsychological assessment used to measure visual organization and planning ability in people with brain injuries and neurological disorders. The purpose of this test is to determine an individual's ability to organize and plan complex visual tasks and to identify factors that contribute to these difficulties. The HVOT consists of two parts: Planning subtests and Organization subtests.

In the planning subtest, the subject must visualize how to complete a given task using building blocks. In the organization subtest, however, the subject must arrange a series of objects in a logical order. Both subtests are time-limited and are evaluated based on the number of objects that are properly organized or scheduled in the allotted time. In this regard, the planning subtest assesses the individual's ability to plan and follow the steps necessary to complete a task, as well as the ability to generate effective strategies to achieve a goal. The organization subtest, on the other hand, examines the individual's ability to organize objects according to a logical pattern and to use spatial and temporal relationships to solve problems. The HVOT score is used to determine an individual's skill level in organization and visual planning. A low score on this test may indicate difficulty planning and completing tasks, organizing objects, and using spatial and temporal relationships to solve problems. Each question is assigned a score from 1 to 3, thus the maximum total score is 30 points.

Wechsler Adult Intelligence Scale-IV (WAIS-IV).

The Wechsler Adult Intelligence Scale-IV (WAIS-IV) is a standardized neuropsychological assessment used to measure intelligence quotient (IQ) in people over the age of 16. Therefore, the purpose of this test is to determine the overall cognitive abilities of an individual, being used to identify intellectual strengths and weaknesses, as well as in view of the diagnosis of neurological and psychiatric disorders. The WAIS-IV test is made up of several subtests that assess different cognitive skills, such as verbal comprehension, memory, spatial perception, and processing speed. An example of a WAIS-IV subtest is the digit span, where, as previously indicated, the individual is asked to repeat a series of numbers in reverse order after they have been presented. This subtest assesses the ability to retain verbal information in the short term. Another subtest is the symbol search, in which a table with symbols is presented and the subject is asked to locate the specific symbol in the shortest possible time. This subtest assesses processing speed and sustained attention span. Finally, the score of the WAIS-IV is used to determine the individual's IQ, which is displayed as a numerical score and is considered an indicator of the individual's overall cognitive ability.

Stroop Word-Color Test.

The Stroop test is a standardized neuropsychological assessment used to measure reaction time and inhibition capacity in people with brain injuries and neurological disorders. The aim is to measure the ability to ignore irrelevant

information and follow precise instructions. This test consists of several tasks to be done in a limited time. In the first task, the individual must read a list of words written in black. In the second task, the individual has to name the colors of a series of words written in different colors. In the third, he must name the colors of a series of words written in different colors, but which have a semantic meaning related to the color: for example, the word red written in blue. The most difficult task is the latter, as it requires a greater capacity for inhibition, as the individual must ignore the semantic meaning of the word and focus on the color. The difference in reaction time between the three tasks is used to measure the individual's ability to inhibit. The Stroop test score is used to determine an individual's level of inhibition ability. A low score may indicate difficulty ignoring irrelevant information and following precise instructions, which may indicate a problem in the area of executive control.

Bringing it all together.

Neuropsychology is a fantastic tool to investigate human performance in all the areas above, as it combines the scientific rigor of standardized validated test batteries, with the skills of the traditional “Physician of Souls” in the broader sense of the “artist-scientist-doctor” who provides insight and support healing in the patients he treats. It is a discipline which makes an important, and verifiable claim: The connection between brain activity, mind/psyche processes, and *logos* are determining factors in understanding ourselves and others. This is essential in the healing professions, but also on a societal level. The rapid changes undergoing around the world, for instance in the USA where in the last few years a constant rejection of both science and common sense appeared to rule over the mind of many, and infiltrated even the most respected academic institution, are indicative of this. They illustrate how, in science -just as in metaphysics- the three primary transcendentals (good, true, and beautiful) are cornerstones to the very significance of this profession. They bring those subjected to misunderstanding, hurt, and ideology to the realization that knowledge, evidence, and principles are not “against them” but “with them” to support their healing. They help realize that what started as a mixture between a selfish, individualist culture and the human need for love and acceptance (“I am who I am,” “I can be whatever I want,” “if you don’t accept my self-invented self, I will cancel you,” etc.) is healed by truth, particularly where this truth is indeed verifiable, predicated on reliable standards, and directly connected to the way the person feels, thinks, and behaves. Neuropsychology is certainly not philosophy or theology. Its claims do not venture into the transcendental. However, such discipline clearly rests on the fact that

when rationality is abandoned and self-knowledge is corrupted by pseudo-cultural brainwashing, grief, and trauma, *then* irrational thoughts, unbalanced emotions, and disordered behavior appear. This is of course not to say that the above are the only causes (after all, it is always about nature vs. nurture) of psychological problems, or that neuropsychological tests are perfect (far from it, given the very fact that no single test in itself should ever be used to diagnosed anyone). What is suggest, however, is that certain truths are indeed stable, universal, and available-accessible to anyone with proper scientific training and a "good-positioned heart," or -if you prefer- "men of goodwill."

Neuropsychology is certainly not philosophy or theology. However, knowing that we can discover these truths, and they are applicable and valid for all, better "for every *one* of us" gives us a glimpse of where they come from. It brings health and joy to the researching scientist, to the treating doctor, to the healing patient, to the studying philosopher… and to the praying monk.

References

1. Riccio, Cynthia A.; Sullivan, Jeremy R.; Cohen, Morris J. 2010. Neuropsychological Assessment and Intervention for Childhood and Adolescent Disorders. John Wiley & Sons
2. AA.VV. Esneca Medical & Science, 2024. Neuropsicologia, Psicoterapia e Deficit Cognitivi. Evimeria Editorial, Madrid
3. Baer, Lee; Blais, Mark A., eds. 2009. Handbook of Clinical Rating Scales and Assessment in Psychiatry and Mental Health. Springer.
4. Tomasi, D. 2016. Medical Philosophy. Philosophical Analysis of Patient Self-Perception in Diagnostics and Therapy. New York, NY: Ibidem Verlag / Columbia University Press
5. Tomasi, D. 2023. Transgender Ideology Literature in Elementary Schools: An Open Letter from a Professor, Researcher, and Psychologist. Sofia, BG: Sofia Philosophical Review 15(2) (Eng)
6. Gregory, Robert. Psychological Testing, 5th ed. Pearson, 2007.
7. Boyle, G.J., Saklofske, D.H., & Matthews, G. (2012). (Eds.), SAGE Benchmarks in Psychology: Psychological Assessment, Vol. 3: Clinical Neuropsychological Assessment. London: SAGE.

Раздел IV

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В МЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ

УДК 316.75

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ЦЕННОСТИ СТУДЕНТОВ: ИЗМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Денисова А.Б.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. Статья рассматривает динамику ценностных ориентаций студентов в России, подчеркивая влияние социальных, экономических и технологических трансформаций на формирование личных и общественных ценностей. Проводится сравнение результатов опросов студентов, проведенных в 2015 и 2023 годах. Исследование показывает, что среди студентов наблюдается снижение значимости материального положения и рост интереса к духовному удовлетворению и самореализации. Упор на креативность и активные социальные контакты также становится более выраженным, что свидетельствует о переменах в ценностных приоритетах молодежи. Результаты могут быть полезны для разработки образовательных программ, направленных на формирование социально и гражданско зрелой личности.

Ключевые слова: ценностные ориентации, студенческая молодежь, социальные трансформации, личностные ценности, исторический контекст.

STUDENTS' SOCIAL AND PERSONAL VALUES: CHANGES IN THE CONTEXT OF HISTORICAL TRANSFORMATIONS

Denisova A.B.
National Research University "MPEI", Moscow, Russia

Annotation. The article examines the dynamics of students' value orientations in Russia, emphasizing the impact of social, economic and technological transformations on the formation of personal and social values. The re-

sults of the student surveys conducted in 2015 and 2023 are compared. The study shows that among students there is a decrease in the importance of the financial situation and an increase in interest in spiritual satisfaction and self-realization. The emphasis on creativity and active social contacts is also becoming more pronounced, which indicates changes in the value priorities of young people. The results can be useful for the development of educational programs aimed at the formation of a socially and civilly mature personality.

Keywords: value orientations, student youth, social transformations, personal values, historical context.

Исторический период, который переживает наше государство, в ближайшем будущем определят, вероятно, как один из ключевых не только в нашей российской истории, но и в истории человечества. В такие моменты становится актуальным вопрос определения ценностных ориентаций. Ценностные ориентации – динамическое образование: всю историю человечества в целом можно рассматривать как историю изменения общественных и личностных ценностей под воздействием различных факторов. Учитывая, что ценности могут меняться и развиваться на протяжении всей жизни, регулярное обновление и переосмысление ценностных ориентиров является важным аспектом личностного роста и развития. Система ценностей, тесно связывая бессознательные желания, осознанные и неосознанные потребности, а также ценности и ценностные ориентиры, которые формируются в обществе, определяет поведение человека как социального существа и является важнейшим показателем характеризующем личность и общество в целом, так как позволяет выявить специфичность в построении картины мира и отношении к нему.

Анализируя перемены, происходящие в ценностных ориентирах за последние 30 лет, можно обнаружить не только естественные изменения, зависимые от социальных, экономических, технологических трансформаций окружающего мира, но и неслучайные, целенаправленно программируемые. Например, тема Великой отечественной войны длительное время была запретной для шуток, но в 2010-х она постепенно выходит из-под запрета (что, например, транслируется редакторами многочисленных лиг КВН), в это же время появляются опросы типа, «нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?» (умышленно некорректный вопрос, с формулировкой утверждающий, что, если бы город был сдан немцам, то эти сотни тысяч жизней были бы спасены, был задан на телеканале «Дождь»[41] в день снятия блокады Ленинграда 27 января 2014 го-

[41] Организация признана Минюстом иностранным агентом.

да), герои войны оказываются не героями, а шизофрениками (высказывания карикатуриста А. Бильжо, журналиста А. Невзорова[42] относительно партизанки Зои Космодемьянской (2016-17 гг.))[43] и т.д. Наверное, сейчас можно сделать вывод, что, для этой важной для нашего общества темы, долгое время остающейся «болевой точки» и одновременно скрепляющей основы общественного сознания, была «пошагово» применена технология переформирования человеческого восприятия от неприемлемого, недопустимого в нормальное и даже модное, престижное – так называемое «окно Овертона».

Студенческий период является временем становления взрослой личности и социально значимых жизненных ориентиров. В зависимости от того, на какие ценности ориентируются студенты — к чему они стремятся в жизни, что хотят создать или получить, в чём видят ценность общения, своей деятельности и т. д., — можно судить об их социальной и гражданской зрелости. В этом аспекте интересно проанализировать изменения, произошедшие с ценностными ориентациями студентов вузов за последние 10 лет.

Различные исследования 2012-16гг. описывают студенчество следующим образом:

– «мировоззрение большей части студенческой молодежи характеризуется неопределенностью ожидания, инфантилизмом, растерянностью, минимальной социальной активностью, апатией, недостатком знаний и опыта, прагматическими ценностями и целями (высокооплачиваемая работа, деньги, желание получить от жизни как можно больше удовольствий)» [1, с. 134];

– отмечается наличие негативных тенденций «в области духовной культуры российского общества, влияющих на девальвацию ценностей разных поколений, разрушающих моральные устои и жизненные ориентиры молодежи, нивелирующих ценности труда, деформирующих традиционные моральные нормы и ценности» [7];

– студенты «практически не контролируют и не участвуют в происходящих вокруг них событиях, мало интересуются общественной жизнью» [6, с. 153],

– «счастье других», «общественное призвание», «красота природы и искусства» занимают последние места в иерархии ценностей [6, с. 152], минимальные значения получают эстетические ценностные ориентации [3, с. 108], низшие значения имеют показатели: общая хорошая обстановка в стране, познание, общественное признание, творчество, возможность творческой деятельности, красота природы и искусства [4, с. 47].

[42] Внесен в реестр иноагентов.

[43] https://www.vesti.ru/article/1449654.

В исследовании П.Н. Осипова приводятся сравнительный анализ результатов опросов, проведенных в 1991 и в 2016 гг. и отмечается различие: «если независимость, способность действовать самостоятельно и смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов была для студентов 90-х вверху иерархической шкалы, что, очевидно, отражало общую социально-политическую ситуацию того времени, то сегодня эти качества у студентов оказались менее востребованы». При этом значимость образования и в 1991 и 2016 г. занимает одно из самых низких мест [4, с. 50-51].

Результаты перечисленных исследований находятся в соответствие с собственным исследованием автора статьи [2], которое проводилось в 2015 г. по методике В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной «Морфологический тест жизненных ценностей» (МТЖЦ). По данной методике были протестировано около 300 студентов первого года обучения разных произвольно выбранных вузов Москвы, Казани, Новосибирска, Самары (Казанского государственного архитектурно-строительного университета (КГАСУ), Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ), Московского технического университета связи и информатики (МТУСИ), Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (СибГУТИ), Московского института электронной техники (МИЭТ), Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики (ПГУТИ)).

В статье 2016 года рассмотрены параметры, по которым критерий Стьюдента показал существенность различий. Но по большинству параметров статистически значимые различия отсутствовали, что позволило сделать вывод, что «на структуру ценностей молодых людей только что окончивших школу практически не влияет их место жительства (Москва, Казань, Новосибирск, а учитывая 50% иногородних студентов, обучающихся, например, в МТУСИ, география опроса гораздо шире), культурные различия (КФУ находится в столице Татарстана – центра мусульманства), направления подготовки» (рис. 1) [2, с. 138].

Наиболее высокое значение у студентов 1 курса в 2015 году имеет такой параметр жизненных ценностей, как «Высокое материальное положение», что демонстрирует «убежденность в том, что материальный достаток является главным условием жизненного благополучия» [8]. Среди жизненных сфер самое высокое значение, существенно отличное от остальных, имеет параметр сферы увлечений. Показатели параметров «Активные социальные контакты» и «Креативность» при этом имеют наименьшее значение, как и показатель сфер общественной жизни и физической активности.

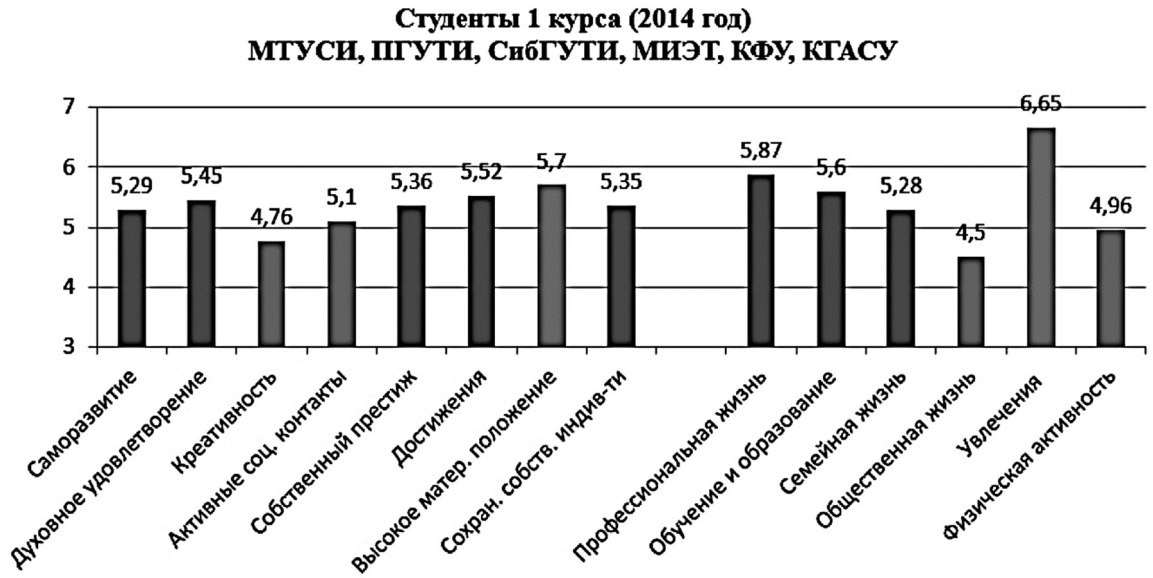

Рис. 1. Результаты опроса 2015 г.

В 2023 году в НИУ МЭИ был проведен опрос по той же методике около 300 человек студентов 1 курса (16 академических групп) (рис. 2).

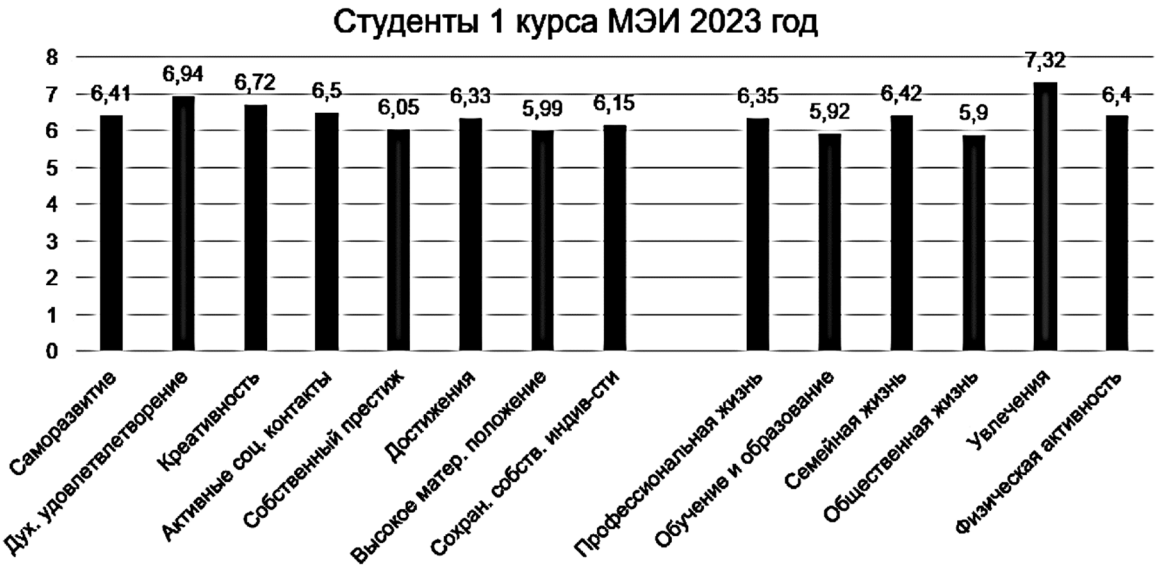

Рис. 2. Результаты опроса 2023 г

Результаты 2023 года показывают изменение в ценностных параметрах: надо отметить, что в целом среднее значение всех шкал стало выше, и разница между показателями шкал стала уменьшилась. Показатель «высокое материальное положение» стал наименьшим, а «духовное удовлетворение» получил наивысший средний балл. Среди жизненных сфер так же продолжает доминировать сфера увлечения, а самые низкие

показали оказались вновь у сферы общественной жизни и сферы обучения и образования (что является очень настораживающим результатом, так как студенты только поступили в образовательное учреждение).

Низкая значимость сферы обучения и образования на данном этапе может объясняться большей значимостью самореализации и самосовершенствования, чем достижения в учебе, что отмечается, например, в статье Ж.В Пузановой и Т.И. Лариной [5]. Поступление в вуз — это значительное изменение в жизни студентов, требующее адаптации к новым условиям. В этом контексте первокурсники могут сосредоточиться на социальных взаимодействиях и личной идентичности, а не на учебе или будущей карьере. С другой стороны, общее выравнивание показателей жизненных ценностей, повышение показателя «креативность», «духовное удовлетворение», в то время как показатель «высокого материального положения» уходит вниз, может говорить об изменении ценностных приоритетов в обществе в целом. Повышение значения и популярности творческого подхода в решении задач, как и модность физической активности, здорового образа жизни также дают результаты, что отражается на формировании ценностных приоритетов молодежи.

Регулярное исследование ценностных приоритетов молодежи позволяет выявлять изменения, которые происходят в обществе, их корреляцию с другими социальными процессами, а также может быть полезно для разработки программ воспитания и обучения, направленных на формирование социально и граждански зрелой личности.

Список источников и литературы

1. Васильева Т.В., Касаткина Н.Э. Ценностные ориентации студентов российских вузов // Система ценностей современного общества. – 2014. – № 38. – С. 133-139.

2. Денисова А. Б. Влияние информационно-коммуникационных технологий на формирование мотивационно-ценностной структуры личности // Мир образования - образование в мире. – 2016. – № 2(62). – С. 136-142.

3. Дроздикова-Зарипова А. Р. Особенности ценностных ориентаций у студентов - будущих педагогов и психологов // Модернизация педагогического образования: сборник научных трудов Международного форума, Казань, 03–05 июня 2015 года. – Казань: Бриг, 2015. – С. 105-110.

4. Осипов П.Н., Осипова Л.Н. Ценностные ориентации студентов // Право и образование. – 2017. – № 6. – С. 45-52.

5. Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. Влияние обучения в вузе на изменение ценностных ориентаций обучающихся // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 4. С. 99-111.

6. Сидоров Д. Г. Динамика ценностных ориентаций студентов в период обучения / Д. Г. Сидоров // Приволжский научный журнал. – 2013. – № 1(25). – С. 150-153.

7. Скрипова Н.Е. Ценностная ориентация на рабочие профессии как достижение обучающимися образовательного учреждения личностных результатов [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5. – Режим доступа: http:// www.scienceeducation.ru/105-6969.

8. Сопов В. Ф. Морфологический тест жизненных ценностей / В.Ф. Сопов, Л. В. Карпушина // Прикладная психология. – 2001. – № 4. – С. 9–30.

Сведения об авторе:

Денисова Алла Борисовна, к.филос.наук, доцент, НИУ МЭИ, DenisovaAB@mpei.ru

УДК 323

ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: О РОЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И САМООРГАНИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Жаров А. С.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению вопроса исторической преемственности общественной солидарности в российском обществе. В исторической динамике рассматриваются некоторые формы проявления общественной солидарности. Характерные для конкретного исторического периода внешние вызовы и угрозы оказывают определённое влияние на процесс развития общественной солидарности, в той или иной степени приводят к новым формам её проявления. В работе также рассматривается роль государства и института местного

самоуправления, способствующих проявлению общественной солидарности в разных исторических периодах посредством реализации общественных инициатив, самоорганизации, с целью стабилизации социально-политических отношений.

Ключевые слова: Россия, российское общество, солидарность, общественная солидарность, местное самоуправление, общественно-политические отношения, общественная инициатива.

Public Solidarity in Russian Society: The Role of Local Self-Governance and Self-Organization in Socio-Political Processes

Zharov A. S.
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. This article is devoted to the consideration of the issue of historical continuity of public solidarity in Russian society. Some forms of public solidarity manifestation are considered in the historical dynamics. External challenges and threats characteristic of a particular historical period have a certain impact on the process of development of public solidarity, to a greater or lesser extent leading to new forms of its manifestation. The paper also considers the role of the state and the institute of local self-government, contributing to the manifestation of public solidarity in different historical periods through the implementation of public initiatives, self-organization in order to stabilize socio-political relations.

Keywords: Russia, Russian society, solidarity, public solidarity, local self-government, social and political relations, public initiative

Процесс развития общественно-политических отношений на современном этапе сопряжён, в частности, с цивилизационными вызовами и внешними угрозами, а также с фактором высокого темпа роста технологического прогресса, являющегося гипотетической предпосылкой технологической сингулярности. Определенное место в данном процессе занимает общественная солидарность, которая играла значимую роль в условиях природно-географических (сложные климатические условия, рискованное земледелие и проч.) и социально-политических (войны, социальные кризисы и т.п.) вызовов. С течением времени развивались и трансформировались государственные и общественные институты, ме-

нялись установки и модели поведения, а, также материально-технический уклад, которые существенным образом влияли на практики социального взаимодействия. Всё это влекло изменение форм солидарного участия, общественного взаимодействия.

Общественная солидарность играла в истории России важную роль в различных исторических периодах, способствовала формированию национальной идентичности, оказывая влияние на социально-политические процессы в обществе, обеспечивая сохранение и поддержание социального уклада и мировоззренческой однородности.

Сегодня, в условиях стремительных геополитических, социально-экономических, технологических изменений, вновь становится актуальным общественный запрос на проявление солидарных действий, солидарного участия, как на микро-, так и на макроуровне. Взаимопомощь и солидарность становятся важными принципами, на которых, в частности, должна строиться современная суверенная Россия. Научные исследования, предметом которых выступает общественная солидарность, формы солидарного участия, ценностные ориентиры солидарности и самоорганизации и пр., определённо способствуют более глубокому осмыслению истоков, механизмов формирования, и эффективных способов поддержания общественной солидарности в процессе развития в России современных общественных отношений и совершенствования общественно-политического взаимодействия. Важным также является изучение исторического опыта преемственности традиций солидарности и взаимопомощи в российском обществе.

На протяжении столетий, в период Древней Руси, общественная солидарность проявлялась через общину – мир, посредством того, как крестьянские общины совместно обрабатывали землю, защищали и отстаивали свои интересы, решали внутренние противоречия на народном собрании – вече, ставшей одной из первых форм самоуправления на Руси [3]. Следует отметить, что участие в вече принимали представители различных сословий, имеющие разный социальный статус.

Один из ярких примеров проявления общественной солидарности в истории России – объединение под влиянием внешних угроз. Так, например, во время монгольского нашествия в XIII в., русские княжества, будучи разобщенными, лишенными солидарности в ключевых вопросах совместного общежития, не справились с неприятелем. Лишь осознание общих потребностей, целей и интересов, обретение солидарности позволило со временем одолеть общего врага. Похожая ситуация повторилась в Смутное время в начале XVII в., когда второе народное ополчение под предводительством земского старосты Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарско-

го освободило Москву от польских интервентов. Это событие стало символом национального единства и самопожертвования ради общего блага, сохранения государства. Немаловажно, что по предложению князя Дмитрия Пожарского «решением межсословного совета ответственным за финансовое и материальное обеспечение ополчения назначен Кузьма Минин, именовавшийся с этого времени «выборным человеком»[4]. Как утверждается, «главный смысл событий 1612 года видится в следующем: в России того периода были настолько развиты муниципальное и земское самоуправление и гражданская солидарность в целом, что в условиях отсутствия верховной государственности ее народ смог не только свергнуть иноземную военную силу и разгромить внутренних изменников, но и воссоздать эту государственность» [2]. Таким образом, народная инициатива, поддержанная и выраженная на местном уровне в военно-политическом решении представителей всех сословных групп Нижнего Новгорода и Нижегородского уезда, оказала решающую роль в спасении и сохранении государства.

Как отмечается, «Отечественная война 1812 года так же очень ярко выявила механизмы муниципальной, земской, общегражданской солидарности. Шуйские ратники входили тогда во Владимирское ополчение, кинешемские и юрьевецкие – в Костромское. Муниципии приняли активное участие в поддержке армии. Кругом царил гражданский подъем» [2].

В позднеимперский период феномен общественной солидарности проявлялся в тенденциях к модернизации в различных областях государственного устройства, общественно-политических отношений. Великие реформы, в частности, Крестьянская и Земская, стали результатом кропотливого труда, в котором участвовали как государственные деятели, так и представители общественности. Отмена крепостного права и создание органов земского самоуправления, способствовали развитию гражданского общества и укреплению общественной солидарности, особенно, на местном уровне. Деятельность земств способствовала развитию губернской и уездной инфраструктуры, появлялись новые рабочие места, местное население было активно вовлечено в процесс принятия общественно-значимых решений на уровне определённого территориального образования. Строились дороги, больницы, школы, др. инфраструктурные объекты и учреждения общественного значения. Сохранение и функционирование некоторых из них в настоящее время подтверждает достаточно высокий качественный уровень деятельности земств, местного самоуправления того времени. Многие деятели земского движения в дальнейшем принимали активное участие в работе первого парламентского института России – Государ-

ственной Думы. Традиции земского самоуправления играла значимую роль в политических платформах «Партии Народной Свободы» и «Союза 17 октября».

В тяжёлый для страны период Первой мировой войны возрастали потребности в привлечении дополнительного финансирования и организации мероприятий для обеспечения военных нужд: мобилизации войск, помощи раненым, содержании семейств призывников и т.д. С ростом политической роли земств, возник и стал активно развиваться Всероссийский земский союз, расходы которого покрывались в значительной мере казенными ассигнованиями. Образованный в 1914 г., во главе с князем Г. Е. Львовом, Всероссийский земский союз помощи больным и раненым войнам в 1915 г. объединился с Всероссийским союзом городов и создалась единая организация – Объединённый комитет Земского союза и Союза городов. Созданная организация осуществляла помощь фронту. Под руководством князя Г. Е. Львова создавались госпиталя, санитарные поезда, происходила отправка на фронт медикаментов, одежды и др.

В советскую эпоху понятие общественной солидарности обрело новое значение. Коллективизм и взаимная поддержка предполагались одними из базовых принципов организации общества. Индустриализация и коллективизация осуществлялись, в частности, благодаря пропаганде идеи солидарности и коллективной ответственности, которая, в свою очередь, находила значительный общественный отклик. В годы Великой Отечественной войны советский народ продемонстрировал исключительное единство и самоотверженность, как на фронте, так и в тылу, что сыграло одну из решающих ролей в достижении победы. Общественная солидарность, проявленная советским народом в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, объединяла людей далеко за пределами СССР. В качестве проявления международной солидарности можно привести пример «…широкой кампании моральной и материальной поддержки борьбы советского народа, в которой принимали участие рабочие, крестьяне, представители творческой интеллигенции, мужчины и женщины, молодежь и пожилые люди Мексики, Кубы, Аргентины, Уругвая, Чили, Бразилии, других стран, объединённые антифашисткой солидарностью и верой в победу над фашизмом» [6]. Как и сотни лет назад, народ объединился перед лицом глобальной экзистенциальной угрозы. После победы в Великой отечественной войне, в рекордные сроки были восстановлены и отстроены заново разрушенные города, строились автомобильные и железные дороги, новые заводы, больницы,

школы, высшие учебные заведения, развивалось сельское хозяйство, наука и промышленность. Общественная солидарность, проявленная советским народом в послевоенные годы и далее, подкреплённая идеей строительства светлого будущего, играла значимую роль в реализации глобальных модернизационных проектов. Так, например, «БАМ, ставший последней социалистической «стройкой века», и сегодня играет ключевую роль в транспортной доступности, социально-экономическом развитии региона и самосознании местных жителей»[5].

С распадом Советского Союза возросла социально-экономическая и политическая нестабильность, нарастающие противоречия требовали консолидации общества для преодоления возникших трудностей, внутренних и внешних экзистенциальных угроз. Качественно функционировавшие ранее институты, способствующие реализации общественной солидарности, перестали в достаточной мере выполнять свои функции.

Процесс стабилизации политической системы, начавшийся в начале 2000-х годов, способствовал нормализации социально-политических отношений. Постепенно стали возобновляться и развиваться такие формы общественной солидарности как благотворительность, волонтёрские движения, общественные инициативы, социальные проекты. С развитием информационных технологий и расширением цифрового пространства стали возможны новые формы общественной солидарности, например, краудфандинг, реализация общественных инициатив и государственной поддержки населения посредством цифровых платформ «Добродел» и «Активный гражданин».

В современных социально-политических реалиях, общественная инициатива, в основе которой лежит чувство коллективной ответственности и взаимопомощи, движимое исторически обусловленной константой общественной солидарности, способна реализоваться и привести к качественным изменениям на разных уровнях общественного устройства. Особенно, если такая инициатива находит положительный отклик на вышестоящем уровне социетальной системы. В данном контексте, актуальным становится вопрос о роли института местного самоуправлении в данном процессе. С принятием поправок в Конституцию Российской Федерации, институт местного самоуправления претерпел определённые изменения. С закреплением гарантий местного самоуправления в Конституции, возможностью наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями, включением местного самоуправления и органов государственной власти в единую систему публичной вла-

сти в Российской Федерации [1], изменился статус местного самоуправления. В контексте данных изменений целесообразно предположить, что войдя в систему публичной власти, став максимально приближенным к обществу общественно-политическим институтом, институт местного самоуправления будет способствовать, в пределах своих компетенций и полномочий, реализации лучших практик общественно-политических отношений, развитию и поддержанию общественной инициативы и самоорганизации, становясь своего рода механизмом передачи социально-исторического опыта общественной солидарности, способствующим пониманию закономерностей и особенностей этого процесса, возможно, в последствии, станет формой общественной солидарности.

Список источников и литературы

1. Конституция Российской Федерации Ст. 132 [Электронный документ] // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_28399/326beffc479b43476874aff34bd07d0da05f6574 / (дата обращения 05.11.2024)
2. Игумен Виталий (Уткин): Гражданская солидарность и отечественная демократическая традиция [Электронный ресурс] // URL: https://1000inf.ru/news/10080/ (дата обращения: 05.10.2024)
3. Местное самоуправление в зеркале искусства [Электронный ресурс] // URL: http://www.russmp.ru/stat17-2-5.php (дата обращения: 05.10.2024)
4. Назаров В. Д. Второе ополчение 1611–1612 // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: https://bigenc.ru/c/vtoroe-opolchenie-1611-1612-029518/?v=6927118. – Дата публикации: 12.04.2023 (дата обращения: 05.10.2024)
5. Поворознюк О.А. (ПОСТ)СОВЕТСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭМОЦИЙ НА БАМЕ // Сибирские исторические исследования. 2020. №3. С. 32-47.DOI: 10.17223/2312461X/29/3
6. Савин В. М. Солидарность народов Латинской Америки с СССР в разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2003. №1. С. 7-17.

Сведения об авторе:

Жаров Артем Сергеевич, к.полит.н., Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), старший научный сотрудник, msutema@gmail.com.

Исследование выполнено в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 г. по теме «Общественная солидарность в развитии Российского общества: институты, установки, модели поведения» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 124092300050-4.) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

УДК 327.7

РОЛЬ РОССИИ В БРИКС С УЧЕТОМ МЕНЯЮЩЕЙСЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Листова С.И.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. Статью написала сотрудница кафедры Философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой Листова Светлана Игоревна, в которой проводится анализ роли России в формате БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка, Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия) на фоне меняющейся общественно-политической реальности. В условиях глобальных изменений, вызванных экономическими вызовами, политическими конфликтами и новыми геополитическими тенденциями, Россия сталкивается с необходимостью адаптации своей стратегии и политического курса в рамках группы. Особое внимание уделяется тому, как внутренние и внешние факторы, такие как санкции, кризисы и изменения в мировой экономике, влияют на взаимодействие России с другими странами-участниками БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС, Россия, внешняя политика, международные отношения, экономическое сотрудничество, геополитика, общественно-политическая реальность.

RUSSIA'S ROLE IN BRICS GIVEN THE CHANGING SOCIO-POLITICAL REALITY

Listova S.I.
National Research University «MPEI», Moscow, Russia

Abstract. The article was written by Svetlana Igorevna Listova, an employee of the G.S.Arefieva Department of Philosophy, Political Science and Sociology. The article is devoted to the analysis of Russia’s role in BRICS

(Brazil, Russia, India, China, South Africa, Egypt, Iran, UAE, Saudi Arabia and Ethiopia) against the backdrop of changing socio-political reality. In the context of global changes caused by economic challenges, political conflicts and new geopolitical trends Russia faces the need to adapt its strategy and policy within the group. Particular attention is paid to how internal and external factors such as sanctions, crises and changes in the global economy affect Russia's interaction with other BRICS countries.

Keywords: BRICS, Russia, foreign policy, international relations, economic cooperation, geopolitics, socio-political reality.

В условиях стремительных изменений в международной политике, нарастающих геополитических кризисов и экономических вызовов актуальность изучения роли России в рамках БРИКС становится особенно значимой. Формат БРИКС, объединяющий крупнейшие развивающиеся экономики — Бразилию, Россию, Индию, Китай, Южную Африку, Египет, Иран, ОАЭ, Саудовскую Аравию и Эфиопию — представляет собой важный форум для обсуждения и решения глобальных вопросов. С учетом растущего влияния этих стран на мировой экономический и политический ландшафт понимание перспектив и проблематики их взаимодействия, а также места России в этом созидательном процессе является не только теоретически, но и практически важным.

Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать место и роль России в БРИКС с учетом современных политических и экономических вызовов.

Формат БРИКС возник в начале XXI века как ответ на растущие противоречия в глобальной экономике, формируя альтернативный центр силы против традиционных западноцентричных международных структур, таких как G7. Создание форума проходило в несколько этапов: В 2001 году Джим Онил, экономист Goldman Sachs, заявил о потенциале развивающихся стран, к которым он отнес Бразилию, Россию, Индию и Китай. Он впервые представил БРИК как «новую экономическую суперсилу», основывая своё предсказание на аналитических данных о росте экономик этих стран. Его доклад и последующие публикации задали тон для дальнейшего формирования повестки дня БРИКС и привлекли внимание мирового сообщества [1].

В 2009 году на уровне глав государств состоялась первая, с тех пор ежегодная, встреча этих четырёх стран, что стало важным шагом в направлении активизации многостороннее сотрудничества. В 2010 году добавилась Южная Африка, и в результате сформировалась полноценная группа, олицетворяющая интересы быстроразвивающихся экономик глобального юга [2].

Знаменательным также стал 2023 год, когда было объявлено о присоединении к организации шести стран - Египта, Ирана, ОАЭ, Саудовской Аравии и Эфиопии. При этом на последнем саммите в Казни официальные заявки на вступление в БРИКС подали еще более 30 стран, включая Алжир, Бангладеш, Бахрейн, Венесуэлу, Пакистан, Малайзию, Азербайджан и Турцию.

В данном контексте отдельно стоит упомянуть вклад такого видного политического деятеля, как Евгений Примаков, который, излагая концепцию «треугольника Примакова», подчеркивал важность стратегического взаимодействия между Россией, Китаем и Индией. Элементы этой концепции до сих пор играют значительную роль в формировании внешнеэкономической политики России, определяя её приоритеты и подходы к сотрудничеству в рамках БРИКС.

Стратегические интересы России в БРИКС многогранны и основаны на стремлении страны укрепить свои позиции на международной арене, а также создать условия для многополярного мира. Первостепенной задачей является развитие экономического сотрудничества с дружественными странами, что позволяет России уменьшить зависимость от традиционных западных рынков.

Россия, обладая большими запасами природных ресурсов и являясь одной из крупнейших экономик в мире, заметно усиливает экономический потенциал БРИКС. Участвуя в реализации совместных проектов, Россия способствует расширению торгово-экономических связей между партнерами по объединению, развитию соединяющей их инфраструктуры и совершенствованию международных финансовых институтов, в том числе за счет создания таких механизмов, как «Новый банк развития». При этом особенно стоит отметить растущий объем двустороннего товарооборота с партнерами по формату, который за последние годы демонстрирует опережающие темпы роста.

Важнейшими направлениями экономического взаимодействия являются сферы энергетики, фармацевтики, авиационной и космической промышленности. Россия, выступая в роли надежного поставщика энергии, предоставляет необходимое сырьё не только для стран БРИКС, но и для многих развивающихся государств, удовлетворяющих свои потребности в энергоресурсах. Однако, как подчеркивал министр иностранных дел С.В. Лавров, Россия имеет значительный потенциал не только как поставщик сырья, но и в новых высоких технологиях, например, в авиастроении и медицине [3].

Благодаря своему высокому международному авторитету Россия усиливает влияние БРИКС в глобальных вопросах, в частности в решении проблем климатических изменений, международной безопасности и

борьбы с терроризмом. Во многих крупных региональных конфликтах Россия выступает в качестве авторитетного нейтрального посредника, реально способного помочь урегулировать кризис на основе интересов противоборствующих сторон. Именно это делает её активным участником многосторонних переговоров [4].

С точки зрения безопасности российское присутствие в БРИКС оказывает стабилизирующее влияние в таких чувствительных регионах, как Центральная Азия и Ближний Восток. Объединяющим элементом также выступают совместные усилия по борьбе с терроризмом, киберугрозами, нелегальной миграцией и другими вызовами, что способствует формированию общих платформ для обсуждения вопросов безопасности, крайне важных как для России, так и для её партнеров.

Что касается политического взаимодействия России в рамках БРИКС, то оно проявляется в выработке общих подходов к решению глобальных проблем и стремлении к многополярному миру, во главе которого стоит соблюдение норм международного права и принцип невмешательства во внутренние дела других стран. При этом БРИКС ориентируется на необходимость учета интересов развивающихся стран, что делает его уникальным форумом для дискуссий [5].

Культурное сотрудничество также играет значительную роль в укреплении связей между странами БРИКС. Обмен опытом, знаниями и традициями позволяет укрепить взаимопонимание и доверие между народами, а также способствует развитию образования и культуры в странах-членах формата. Россия также инициировала и поддерживает различные культурные проекты, направленные на сближение культурных традиций и исторического наследия [6].

В истории БРИКС отдельно стоит выделить 2022 год, когда началась острая фаза противостояния между Россией и Западом из-за украинского конфликта. Многочисленные антироссийские санкции США и их европейских союзников подтвердили предвзятость и конъюнктурность западноцентричного мира, от чего в любой момент может пострадать каждая страна, что, в конечном счете, придало импульс развитию БРИКС. В этой связи можно сказать, что по иронии судьбы западные меры, которые были призваны ослабить Россию на международной арене, наоборот, сделали ее одним из локомотивов интеграционных процессов среди независимых дружественных стран. Несмотря на жесточайшие санкции, Россия не оказалась в изоляции и теперь окружена стратегическими партнерами, тогда как Запад заметно утратил престиж в глазах внешних обывателей и, прежде всего, представителей выходящего на первый план Глобального Юга.

В заключение, роль России в БРИКС остается важной и влиятельной. Формат продолжает служить платформой для сотрудничества между крупными развивающимися странами и способствует укреплению системы глобального управления, основанного на равноправии и уважении к интересам развивающихся государств. Помимо этого, для России участие в объединении дает возможность сохранить и усилить свои экономические позиции, эффективно противостоять санкционной политике Запада, создавать новые альянсы и продвигать идеи многополярного мироустройства.

Список источников и литературы

1. Бордачев Т., Чижова Д. Центральная Азия и украинский кризис. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М. Декабрь 2022. 56 с.
2. Кирсанов Ф. Российский поворот на Восток идет на пользу Центральной Азии // https://asia24.media/main/rossiyskiy-povorot-na-vostok-idet-na-polzu-tsentralnoy-azii/ (дата обращения: 02.11.2024).
3. Исаев А. Доллары на ненависть: США разжигают в Центральной Азии вражду не только к России, но и к местным русским // https://stanradar.com/news/full/53307-dollary-na-nenavist-ssha-razzhigajut-v-tsentralnoj-azи-vrazhdu-ne-tolko-k-rossи-no-i-k-mestnym russkim.html?ysclid=lucze4nsri909044686 (дата обращения: 02.11.2024).
4. Нежданов В. Как США втянули НАТО в борьбу с Китаем // https://ia-centr.ru/experts/vladimir-nezhdanov/kak-ssha-vtyanuli-nato-v-borbu- s-kitaem/?ysclid=lucw0cbhqg662441564 (дата обращения: 02.11.2024).
5. Сергеев В.М., Алексеенкова Е.С. Перспективы институализации БРИК (включая расширение повестки дня) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric (дата обращения: 02.11.2024).
6. Толорая Г.Д. Россия и БРИКС: стратегия взаимодействия [Электронный ресурс] // Стратегия России. 2021. № 8. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1314789648&archive=1314876917&start_from=&ucat=14&.html (дата обращения: 02.11.2024).

Сведения об авторе:

Листова Светлана Игоревна, НИУ «МЭИ», заведующий методическим кабинетом кафедры ФПС им. Г.С. Арефьевой, ListovaSI@mpei.ru

УДК 340.13

ПРАВОПОРЯДОК И ЕГО ТРЕНДЫ

Ращупкина Л.В.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируются основные подходы философов, правоведов к понятию правопорядка как к форме действительного общественного явления и как к понятийной категории права. Основную понятийную нагрузку в юридической науке несут ее правовые категории, т. е. те фундаментальные понятия, которые способствуют познанию и пониманию правовых явлений и права в целом. Анализ генезиса категории «правопорядок» позволяет говорить о том, что ее понимание менялось на протяжении всего развития человечества и до сих пор не обрело какой-либо систематизированной правовой формы. Вопросы формирования и упрочения правового порядка предъявляют справедливые требования к науке и практике. В работе автор предлагает свою дефиницию категории правопорядок и выделяет основные тенденции развития правопорядка в Российской Федерации.

Ключевые слова: правопорядок, право, общественные отношения, цифровизация права, тренды права.

LAW AND ORDER AND ITS TRENDS

Rashchupkina L.V.
National Research University "MEI", Moscow,
Russia Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes the main approaches of philosophers and jurists to the concept of law and order as a form of a real social phenomenon and as a conceptual category of law. The main conceptual burden in legal science is borne by its legal categories, i.e. those fundamental concepts that contribute to the knowledge and understanding of legal phenomena and law in general. An analysis of the genesis of the category "law and order" suggests that its understanding has changed throughout the development of mankind and has not yet acquired any systematic legal form. The issues of formation

and consolidation of the legal order place fair demands on science and practice. In the work, the author offers his definition of the category of law and order and highlights the main trends in the development of law and order in the Russian Federation

Keywords: law and order, law, public relations, digitalization of law, trends of law.

Правопорядок составляет основу современной цивилизованной жизни общества и является важным условием существования и развития правового государства. Качество и степень правоупорядоченности общественной жизни во многом определяет общее «здоровье» всего общественного организма и его индивидов. В условиях стабильного правопорядка эффективно функционирует экономика, достигается гармония в действиях законодательной, исполнительной и судебной властей, осуществляется активная деятельность различных общественных и частных организаций, гарантируется свободное развитие человека, максимально удовлетворяются его материальные и духовные потребности и интересы. Для удовлетворения потребностей и интересов общества, государства и граждан требуется упорядоченность и стабилизация основных сторон общественной жизни. На современном этапе четкий и жесткий правовой порядок выступает единственно возможным путем дальнейшего развития России. Только при таком положении возможна гарантия прав и свобод граждан, выполнение всеми субъектами возложенных на них обязанностей, реализация ответственности за собственное поведение. Правопорядок есть тот юридический итог, к которому стремится и государственная власть, и все субъекты права, использующие лишь различные пути для его достижения. Состояние стабильности, уравновешенности и соразмерности, гарантированности и упорядоченности важнейших сторон жизни людей сегодня необходимо как никогда. Общество прилагает усилия по пресечению негативных явлений.

Правовой порядок – явление, присущее государственно-организованному обществу, оно появляется вместе с правом и выступает показателем его действенности.

Познание сущности исследуемого явления начинается с выработки его понятия, которое позволит охватить все связи и опосредования действительности. Попытки раскрыть содержание и дать определение правопорядка многократно предпринимались на протяжении всей истории человечества. Проблема порядка и права уходит своими корнями в основание европейского философского сознания. Уже на ранних этапах развития античной философской классики (прежде всего в учениях Платона и Аристотеля) социальные феномены закона (права) и порядка рассматривались как во взаимосвязи, так и в относительной самостоятельности по

отношению друг к другу. Под правопорядком понимали не только отношения людей в обществе, но и базирующуюся на нормах права организацию политической власти, т.е. само государство. На эту сторону правопорядка обращал внимание еще Цицерон, вопрошая: «Да и что такое государство, как не общий правопорядок?» [8, с. 24].

Наиболее весомую теоретическую разработку взаимодействия права и устойчивых форм социальной жизнедеятельности можно обнаружить в учениях средневековья: в трактатах Юстиниана, Ульпиана, Фомы Аквинского, Грациана, а также в трудах исследователей нового времени: Т. Гоббса, Э. Берка, Д. Дидро, Ж. Даламбера. Вместе с тем на фоне упрочения юридических начал в европейской культуре вплоть до XIX в. строго очерченного философского смысла сам термин «правопорядок» так и не обрел. Формирование собственно категориального статуса понятия правопорядка связано уже с развитием философии права в немецкий классический период (это, прежде всего, работы И. Канта [2, с. 233], рассматривавшим государство как «объединение множества людей, подчиненных правовым законам», и Г. Гегеля) и в период постклассики (труды К. Маркса). «Урегулированность и порядок, – писал К. Маркс, – являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола» [3, с. 356].

Значительное развитие понятие «правопорядок» получило в работах А. Меркеля, К. Савиньи (историческая философско-правовая школа), а затем данное понятие в позитивистской школе, позднее – в прагматистской, приобрело ключевое значение (труды Р. Иеринга, О. Холмса, Р. Паунда, Дж. Франка и др.).

Осознание исключительной роли правопорядка представлено в так называемой теории «чистого права» Г. Кельзена. Одновременно с этим активно развивается российская философско-правовая традиция интерпретации правопорядка, сформировавшаяся к концу XIX в. и нашедшая свое яркое отражение в работах Ф. Регельсбергера, Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, И.А. Ильина, С.А. Муромцева, Б.Н. Чичерина [4] и др.

Советский период развития теоретико-правовых исследований категории правопорядка характеризуется монополизацией теоретического сознания политико-идеологической, упрощенной моделью марксистского учения. Институт права также понимался как способ установления классового порядка. Само же понятие правопорядка связывалось, во-первых, с формационным его основанием (буржуазный, социалистический и т.п.), во-вторых, с инструментарием социальных преобразований, в котором преобладает обеспечительно-принудительная составляющая, и, в-третьих, понималось как исторически преходящий этап в развитии общества, который неизбежно должен быть изжит в ходе коммунистического строительства и иметь собственную ценность и историческую значимость.

Основание такого видения правопорядка в российской историко-правовой традиции XX в. было заложено В.И. Лениным. Законность и правопорядок, согласно ленинскому учению, – составляющие демократического режима, характеризующиеся господством закона, а не произволом, строгой согласованностью деятельности всех органов советской власти и должностных лиц на основании законов[5, С.10].

Ленинские идеи о сущности правопорядка получили дальнейшее развитие в работах Д.И. Курского, А.Я. Вышинского, П.И. Стучки, И.П. Разумовского, М. А. Рейснера, А.К. Стальгевича, Е.Б. Пашуканиса, Л.С. Явича. Для этого направления характерна сугубо нормативная и конструктивистская модель понимания процессов и проблем правопорядка. Теоретические проекции категории правопорядка, представленные А.М. Васильевым уже на закате этого направления, являются редким исключением: «Правопорядок синтезирует правопроявления на уровне реальных общественных связей, служит для обобщенного выражения взаимодействия правоотношений, субъективных прав и обязанностей, характеризуя единый социальный план их регулирующего воздействия на весь уклад общественной жизни» [1, С.56].

Наиболее фундаментальные в 90-х годах в области философии права работы С.С. Алексеева, И.П. Малиновой, В.С. Нерсесянца, Э.А. Позднякова, А.П. Семитко, Ю.В. Тихонравова, А.К. Черненко лишь обозначают общий контур проблемы правопорядка, обходя наиболее существенные ее вопросы[7, С.78].

Правопорядок – это состояние реализованности и показатель реализации права. В известном смысле, он есть цель и итог реализации, ее необходимое условие. Правовые отношение – форма, юридическая оболочка общественных отношений, а правопорядок – их цель и вместе с тем необходимое условие, фактор.

В своем работе Л.В. Ращупкина пришла к выводам, что понятие «правопорядок» нельзя отождествлять ни с понятием «право», ни с понятиями «реализация права» и «правовые отношения», ни с понятием «общественные отношения».

Правопорядок есть цель и результат права, который заключается в том, чтобы предмет его регулирования получил определенные характеристики (упорядоченность, согласованность, организованность), которые выражаются в приобретении под воздействием права известного качества, которое охватывает все свойства и состояния общественных отношений (системность, упорядоченность, согласованность, непротиворечивость, неконфликтность, гармоничность интересов и др.).

Правопорядок можно рассматривать и как состояние общественных отношений, которым придано известное правовое качество. Это качество – суть список реализованных свойств права и охватывает все правовые состояния и связи субъектов и объектов права.

Правопорядок выступает как результат действия права (всех правовых средств, всего того, что в нем заложено) и целенаправленного воздействия государства на общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования.

В результате этого воздействия в параметрах, предусмотренных правовыми нормами, достигается состояние правопорядка, которое является совокупностью действий правовых средств, усилий, предпринимаемых субъектами права по претворению в жизнь правовых предписаний, и управленческого воздействия государства, направленного на его обеспечение.

Воздействие на общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования, представляет собой обеспечение функционирования общества в определенных правовых параметрах: организованности, согласованности, гармоничности, стабильности, устойчивости, неконфликтности, непротиворечивости.

Таким образом, правопорядок – качественное правовое состояние, которое можно рассматривать как функционирование общества как системы общественных отношений в заданных правом параметрах. [6, С.29].

Тема развития информационных технологий, в частности их повсеместное использование в повседневной жизни, уже на протяжении продолжительного времени волнует общественность. Не исключением является и сфера права: все большую популярность обретает LegalTech – применение технологий в отрасли права, направленных на автоматизацию и цифровизацию юридических процессов. Право должно быть готово к цифровой трансформации, которая включает необходимость переводить многие процессы в цифровой вид и автоматизировать.

Главный вопрос для решения: каким образом следует интерпретировать право для перевода его в цифровой вид? Также следует определить, как следует подготавливать новые правовые нормы для того, чтобы вопрос цифровизации права в будущем решался проще.

Развитие науки и технологии всегда происходит быстрее, чем общество интегрирует их в повседневную жизнь. Право, как всегда, отстает от реальности и технического прогресса, а технологии заставляют нас торопиться с поиском ответа на эти вопросы выработкой новых правовых решений, чтобы предусмотреть все правовые риски. Важно, чтобы в таком правовом регулировании были заложены возможные механизмы защиты интересов человека.

Мнения экспертов-юристов по вопросу того, что первоочередно – технологический прогресс или его регулирование – остается открытым. Часть ученых в сфере информационных технологий считают, что в первую очередь следует сформулировать и законодательно закрепить нормы права функционирования искусственного интеллекта. Осмысление процессов постоянного сближения и взаимного воздействия содержания правового регулирования и его внешних форм выражения приводит к обновлению, пополнению не только понятийного аппарата юриспруденции, но и средств и методов правового регулирования. Таким образом, мы видим что, динамизм в правовой сфере привносит с собой новые парадоксы. Новые технологии, глобальные вызовы и социальные сдвиги формируют новые тренды и требуют от юристов постоянного развития и адаптации. Существуют убеждения, что любые перемены в правовом порядке подразумевают четкий алгоритм той системы показателей, демонстрирующих процент адекватного общественного восприятия, уровень качества действующих юридических норм и, конечно же, степень эффективности функционирования государственных органов.

Список источников и литературы

1. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категории теории права М. 2024 - 264с.
2. Кант И. Сочинение в шести томах М., 1965 т.4, ч1, - 544 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинение т.2, ч.2 М.,1955, - 651с.
4. Поляков А.В. Козлихин Ю.Н. Власть и право: из истории русской правовой мысли Л., 1990. - 317 с.
5. Рагинский М. В.И. Ленин о социалистической законности и ее обеспечении // Социалистическая законность. - М.: Известия, 1980, № 4. - С. 9-12.
6. Ращупкина Л.В. Экологический правопорядок: Общетеоретический анализ: дис.... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Владимир. юрид. ин-т. - Владимир, 2006. -160 с.
7. Тардонов С.В. Правовой порядок и пути его укрепления. Параметры внутригосударственного и международно-правового совершенствования// Государство и право. 2006.-№5. С.78-84.
8. Цицерон М.Т. Диалоги: О государстве. О законах. М, - 1966 - 224 с.

Сведения об авторах:

Ращупкина Людмила Валерьевна, к.ю.н, доцент, НИУ «МЭИ», РЭУ им. Г.В. Плеханова, доцент RashchupkinaLV@mpei.ru

Раздел V

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

УДК 340.1

КОНЦЕПТ ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВ

Беспалько В.Г.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. В статье поднимается вопрос о соотношении цивилизационного подхода к классификации государств с другими основаниями выделения различных форм и типов государств, применяемыми в теории права и государства. Автором показана актуальность и обоснована состоятельность выделения государства-цивилизации как отдельного типа государств, выделены характерные сущностные признаки государства-цивилизации, построены соответствующие обобщения относительно данного типа государств, приведены иные рассуждения по заявленной теме.

Ключевые слова: государство, классификация государств, тип государства, типология государств, государство-цивилизация.

THE CONCEPT OF STATE-CIVILIZATION IN THE CONTEXT OF MODERN CLASSIFICATION OF STATES

Bespalko V.G.
National Research University «MPEI», Moscow, Russia

Abstract. The article raises the issue of the relationship between the civilizational approach to classifying states and other grounds for distinguishing different forms and types of states, used in the theory of law and state. The author demonstrates the relevance and substantiates the validity of distinguishing a state-civilization as a separate type of state, identifies the characteristic essential features of a state-civilization, builds appropriate generalizations regarding this type of state, and provides other considerations on the stated topic.

Keywords: state, classification of states, type of state, typology of states, state-civilization.

Социально-политический институт государства существует уже более пяти тысяч лет и за столь долгую историю уже доказал не только свою объективную необходимость, но и высокую эффективность как действенный и надежный инструмент решения разнообразных общественных проблем, преодоления бесчисленных социальных противоречий и обеспечения поступательного развития человечества. Одновременно государство можно рассматривать и как оригинальный продукт самобытной политической истории конкретного народа, концентрированное выражение всех достижений его политической культуры. Особенности возникновения и исторического развития каждого государства, специфика многих условий (экономических, географических, климатических и др.) их современного функционирования и ряд других факторов предопределяют уникальность, неповторимость каждого государственного образования как в истории человечества вообще, так и на политической карте современного мира в частности.

Вместе с тем все известные из прошлого и существующие в настоящем многочисленные государства являются, тем не менее, частными случаями единого явления – государства как такового, обладают его общими и групповыми устойчивыми характеристиками, позволяющими теоретикам права говорить о понятии государства и его признаках (т. е. о его сущности) [2, с. 27–34], а также о классификации государств, предполагающей их деление на основании каких-либо универсальных критериев на те или иные виды (т. е. об их особенностях, групповых отличиях).

Классическая научная политическая и юридическая мысль, обращаясь к проблематике классификации государств, традиционно выделяет формы государств и типы государств [3, с. 82–94; 9, С. 108–145], соотношение которых друг с другом условно можно рассматривать сквозь призму соотношения таких философских категорий, как «форма» (т. е. совокупность внешнеобъективных проявлений какого-либо явления) и «содержание» (комплекс ценностно-смысловых, сущностно-функциональных характеристик того или иного явления) только применительно к конкретному объекту – государству. В частности, под формой государства традиционно понимается совокупность неких внешних проявлений организации политической власти, проявляющаяся через своеобразную триаду, в рамках которой, собственно, и сгруппированы по результатам теоретических обобщений соответствующие объективные отличия в подходах к построению государственно-властной структуры и видимым проявлениям ее существования, а именно:

1) форма правления;

2) форма государственного устройства;

3) политический (государственный) режим.

Тогда как тип государства, в отличие от его формы, характеризуется вовсе не внешними аспектами государственного строительства, не системой (структурой) государственной власти, а ее внутренними, глубинными аспектами деятельности, раскрывающими ее предназначение, ценностные основы и ориентиры, смысл и цели реализуемой государственной политики и т. п.

Так, например, отнесение того или иного государства к типу правовых государств означает, что его политика нацелена на обеспечение верховенства права и закона, торжество законности и правопорядка, реальную и эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина, стремится к ограничению правом инструментов (мер) государственного принуждения, а также оснований их применения и достижению иных подобных целей. Поэтому в Конституции Российской Федерации мы встретим не только утверждение, что Россия – это правовое государство (ст. 1 Конституции РФ), но и соответствующие данной политической декларации юридические нормы-принципы прямого действия, раскрывающие смысл и содержание соответствующего направления внутренней политики Российского государства – его должным образом осуществляемой правовой функции:

– конституционная норма, провозглашающая человека, его права и свободы высшей ценностью, а их соблюдение и защиту – юридической обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ);

– правовое положение о юридическом верховенстве Конституции РФ и федеральных законов на всей территории государства (ст. 4 Конституции РФ);

– конституционное правило, предусматривающее всеобщую (т.е. всех без исключений органов государственной власти и местного самоуправления, их должностных лиц, а также граждан и их объединений) обязанность соблюдать Конституцию РФ и законы государства (ст. 15 Конституции РФ);

– и др. [5]

Тогда как главным ориентиром политики социального государства будет обеспечение высокого уровня жизни граждан, доступности для населения жизненно значимых благ, гарантированного социального равенства, недопущение резкой социальной поляризации общества и другие подобные цели. На примере Конституции РФ как основного закона Российского государства это подтверждается опять же не только включением в нее юридической нормы-декларации о том, что Россия – «это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7 Конституции РФ),

но и необходимым правовым обеспечением и параллельно юридической регламентацией и этого направления внутренней политики – социальной функции государства:

– возложение на государство обязанности по защите материнства, детства, семьи (ст. 38 Конституции РФ);

– гарантированное государством всеобщее право на социальное обеспечение в установленных действующим законодательством случаях (ст. 39 Конституции РФ);

– гарантированное каждому государством право на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ);

– конституционные гарантии создания в Российской Федерации условий «для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества», а также для защиты достоинства граждан и уважения человека труда, обеспечения сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75.1 Конституции РФ);

– и др. [5]

Таким образом, как наблюдается в обоих приведенных выше случаях, и, справедливости ради, это необходимо особо подчеркнуть, не сама по себе постановка той или иной цели перед институтами политической власти делает государство правовым или социальным, равно как и светским или полицейским и т. д. Чтобы признаваться таковым государство должно обладать наличием определенного набора зримых (а значит – все-таки внешних) признаков, указывающих на его реальное стремление к заявленным целям внутренней или внешней политики, соответствующую им действенную, а не только декларируемую функциональность, проявляющуюся в конкретных достижениях, общественно значимых результатах такой политики. К примеру, видимыми, ощутимыми признаками правового государства являются наличие развитой системы права, доступность правосудия, эффективная правоохранительная деятельность, низкий уровень преступности и высокий уровень развития общественного правосознания и др., указывающие в конечном счете на приоритет правовой функции государства среди других направлений его внутренней политики и, как следствие, определенные успехи в ее реализации.

Последнее замечание определенно указывает на условность отмеченного выше разделения форм и типов государства по «внешним» и «внутренним» характеристикам организации и функционирования элементов механизма государственной власти. Само существование

понятий «форма государства», «тип государства», а также разделение государств на различные формы и типы являются результатами развития теории права и государства, то есть плодами осмысления в среде академического юридического сообщества истории, сути данного социально-политического института, а также его конкретных проявлений в общественно-исторической практике. А из этого умозаключения следует, что проблематика классификации государств является актуальной не только в контексте развития юридического учения о государстве (теоретико-правовой аспект), но и в плане практическом – государственное строительство и политика государства (прикладной аспект). Иначе говоря, вопросы классификации государств – это вопросы, находящиеся на стыке юридической теории и практики.

Убедительным свидетельством актуальности, теоретической и практической значимости обозначенной проблематики является широко обсуждаемый в последние несколько лет правоведами и политологами концепт государства-цивилизации: что скрывается за этим термином – форма или тип государства, чем данный вид государства отличается от других [8]? Безусловно, цивилизационный подход и ранее имел много сторонников (равно как и противников) в юридической науке, политической философии, истории и политологии, он давно применялся в типологии государств (например, при выделении восточного и западного типов государств и др.) [6, с. 160–163; 7, с. 183–185]. Но применительно к историко- и теоретико-правовому осмыслению особенностей российской государственности он обрел второе дыхание после конституционной реформы 2020 года [4] и по сей день остается в центре внимания широкого спектра общественных наук, последовательно проявляя себя в важнейших программных политических документах высших органов государственной власти Российской Федерации. В частности, среди приоритетных направлений научно-технологического развития страны официально закреплено укрепление социокультурной идентичности российского общества, а в перечень критических технологий de-jure включен и зафиксирован среди прочих и современный инструментарий исследования и укрепления цивилизационных основ и традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества, включая историко-культурное наследие и языки народов Российской Федерации [13].

Для уяснения содержания концепта государства-цивилизации на примере отечественной государственности обратимся к его официальным толкованиям в действующих нормативных правовых актах, определяющих основные направления современной внешней и внутренней

политики России, и попытаемся их осмыслить с целью выделения отличительных признаков данного типа государств и формулирования на их основе соответствующей дефиниции теоретико-правового толка.

Например, в п. 4 Концепции внешней политики Российской Федерации [11] указано: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира».

В свою очередь, в п. 5 Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения [12] нашло закрепление следующее базовое положение: «Россия – великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшее огромный вклад в общемировое развитие. В основе самосознания российского общества лежат формировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются обязательным условием гармоничного развития страны и ее многонационального народа, неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации».

При этом в соответствии с Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [10] к числу последних отнесены:

– жизнь;
– достоинство;
– права и свободы человека;
– патриотизм;
– гражданственность;
– служение Отечеству и ответственность за его судьбу;
– высокие нравственные идеалы;
– крепкая семья;
– созидательный труд;
– приоритет духовного над материальным;

– гуманизм;
– милосердие;
– справедливость;
– коллективизм;
– взаимопомощь и взаимоуважение;
– историческая память и преемственность поколений;
– единство народов России.

Ориентируясь на процитированные выше положения нормативных правовых актов Российской Федерации об отечественной государственности, с одной стороны, и отдавая отчет в том, что «цивилизация» – это все-таки термин, означающий «исторически наиболее развитую форму социального общежития» [14], т.е. это характеристика определенного уровня развития общества, включающая в себя среди прочего и наличие государства, с другой стороны, попытаемся выделить характерные признаки государства-цивилизации как особого типа государств. При этом нужно старательно избегать соблазна выдать признаки общества за признаки государства, а такое смешение понятий нередко встречается в публикациях на данную тематику. Необходимо помнить, что в отличие, например, от античной политической мысли, современные общественные науки исходят из убеждения, что государство вовсе не тождественно обществу, что это один из общественных институтов, представляющий собой особую суверенную единую политико-территориальную организацию политической власти в обществе, опирающуюся на право, аппарат управления и принуждения.

Руководствуясь указанными общими соображениями, замечаниями и методологическими предпосылками, к основным отличительным признакам государства-цивилизации, на наш взгляд, можно и следует отнести:

1) исторический признак – длительность и непрерывность исторического пути государства, включая устойчивость и преемственность в историческом развитии государственности, историческое единство различных этапов становления государственности, ибо такие государства не возникают с нуля и на пустом месте;

2) внутренний функциональный признак – приоритет культурно-просветительной функции государства среди других направлений внутренней политики, а именно – его нацеленность на защиту и развитие самобытной богатой материальной и духовной культуры общества (продуктом которой собственно это государство и является), обеспечение культурного суверенитета государства и общества, включая охрану памятников истории и культуры, обеспечение духовной безопасности личности и общества [1], укрепление традиционных ценностей, поощрение научного, технического, литературного, художественного и других видов творчества и т. п.;

3) внешний функциональный признак – активное взаимодействие с другими государствами мира (международное сотрудничество), проявляющееся в глобальном влиянии на развитие мира и человечества, с одной стороны, и открытости к зарубежным достижениями и инновациям, с другой стороны, а также во влиятельной культурной экспансии, нацеленной на межкультурный диалог и обмен.

Например, первый признак государства-цивилизации нашел свое юридическое отражение и в преамбуле Конституции РФ, где упоминается «исторически сложившееся государственное единство», и в ст. 67.1 Конституции РФ, где утверждается, что Россия – это не только правопреемник СССР, а это страна «объединенная тысячелетней историей», которая сохраняет память предков, а также «преемственность в развитии Российского государства» и «признает исторически сложившееся государственное единство» [5] и др.

Второй признак государства-цивилизации юридически проявился, например, в положениях ст. 43 Конституции РФ о всеобщем характере права на образование, ст. 44 Конституции РФ о государственных гарантиях свободы творчества и преподавания, права на участие в культурной жизни, защиты интеллектуальной собственности, доступности учреждений культуры и культурных ценностей, ст. 68 Конституции РФ, где говорится, что «культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа» и поэтому поддержка и охрана культуры объявлены обязанностями государства [5] и др.

В качестве примеров правового выражения третьего признака государства-цивилизации, наблюдаемых в основном законе Российского государства, можно привести содержание одного из положений ст. 69 Конституции РФ, которое гласит: «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности», а также, конечно, положения ст. 79 и 79.1 Конституции РФ о таких направлениях внешней политики России, как участие в межгосударственных объединениях, поддержание и укрепление международного мира и безопасности, обеспечение мирного сосуществования государств и народов планеты, недопущение вмешательства во внутренние дела государства [5].

Таким образом, можно заключить, что, в конечном счете, государство-цивилизация представляет собой такой тип государства и такой результат эволюции данного социально-политического института, который, будучи продуктом древней, устойчивой, самобытной, высокоадаптивной

и влиятельной развитой цивилизации, нацеленно принимает активное участие в ее формировании, развитии, распространении и сохранении. Естественно, что данному конкретному типу государства должны быть присущи и все признаки государства вообще, традиционно выделяемые в теории права и государства (например, единство государственной власти, суверенитет, обособленный аппарат управления и принуждения и др.). Также естественно, что цивилизационный подход к классификации государств никоим образом не исключает и нисколько не отрицает другие, является одним из перспективных направлений осмысления вопросов сущности и предназначения государств в мире, а признание того или иного государства именно государством-цивилизацией не является препятствием для отнесения его к иным разнообразным типам и формам данного явления. Наконец, несмотря на наличие обозначенных выше общих признаков, не менее естественна непохожесть государств-цивилизаций мира друг на друга (например, Индии, Китая, России и др.), равно как и неповторимость многих политически значимых характеристик конкретного государства-цивилизации на отдельных этапах его долгого исторического развития (например, Российская Империя, Советская Россия (РСФСР, СССР) и современная Россия (Российская Федерация)).

Список источников и литературы

1. Беспалько В.Г. Духовная безопасность как объект уголовно-правовой охраны // Право и безопасность. – 2006. – № 3–4 (20–21). – С. 155–166.
2. Беспалько В.Г. Проблемы теории государства и права. Юнита 1: учеб. пособие. – М.: Современный гуманитарный университет, 2002.
3. Беспалько В.Г., Жданов С.П., Лебедева М.Л., Скрячев А.М. Политология: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2024.
4. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 16.03.2020. - № 11. – Ст. 1416.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&dst=100017#bDiGzSUANPKflhg7 (дата обращения – 20.10.2024).
6. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. – М.: Проспект, 2001.

7. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах / отв. ред. М.Н. Марченко. – Том 1. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.

8. Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. – М.: Изд-во «Наука», 2024.

9. Теория государства и права: учебник / под ред. В.Н. Жукова, Е.А. Фроловой. – М.: Проспект, 2024.

10. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.11.2022. – № 46. – Ст. 7977.

11. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.04.2023. – № 14. – Ст. 2406.

12. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 13.05.2024. – № 20. – Ст. 2587.

13. Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.06.2024. – № 26. – Ст. 3640.

14. Цивилизация // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://bigenc.ru/c/tsivilizatsiia-2cd1e8 (дата обращения – 20.10.2024).

Сведения об авторе:

Беспалько Виктор Геннадиевич, д-р юрид. наук, доцент, НИУ «МЭИ», профессор, BespalkoVG@mpei.ru

УДК 130.2

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО В ИСТОРИОСОФИИ П.Д. УСПЕНСКОГО

Шелковников А. Ю.

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается историософская концепция русского философа П. Д. Успенского (1878 – 1947). В наше время актуализировался цивилизационный подход к осмыслению истории. В связи

с этим концепция Успенского представляет интерес. Человеческая история рассматривается мыслителем как сложное взаимодействие двух противоположных тенденций – цивилизации и варварства. Работа может представлять интерес как для широкого круга читателей, включающего студентов и аспирантов, так и для специалистов в области социально-гуманитарного знания – историков, социологов, культурологов, философов, антропологов и др.

Ключевые слова: история, цивилизация, варварство, историософия, мифология.

CIVILIZATION AND BARBARISM IN P.D. USPENSKY'S HISTORIOSOPHY

A. Yu. Shelkovnikov
National Research University "MPEI", Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the historiosophical concept of the Russian philosopher P.D. Uspensky (1878 – 1947). The civilizational approach to understanding history draws increasing attention nowadays, which arouses interest in Uspensky's concept. The thinker views human history as a complex interaction of two opposing tendencies: civilization and barbarism. The work may be of interest to a wide range of readers, including students and postgraduates, as well as social and humanitarian specialists – historians, sociologists, cultural scientists, philosophers, anthropologists, etc.

Keywords: history, civilization, barbarism, historiosophy, mythology.

В наше время в науке и образовании актуализировался цивилизационный подход к истории человечества. В преподавании новой дисциплины «Основы российской государственности» цивилизационный подход играет организующую и идеологическую роль. На первый план выступают имена Н. Я. Данилевского [1], О. Шпенглера [9], А. Тойнби [3], С. Хантингтона [8] и др. В связи с этим понятие цивилизации нуждается в переосмыслении, новых интерпретациях. Мы хотим обратиться к концепции цивилизации русского философа П. Д. Успенского (1878 – 1947). Он выразил ее в книге «Новая модель вселенной» [6, с. 22 - 80], в первой главе, работу над которой продолжал с 1912 по 1929 гг. В 1919 г. Успенский эмигрировал из России. Интересующая нас книга вышла на английском языке, на русский она была переведена в 1993 г.

Прежде чем перейти к концепции Успенского, хотелось бы несколько слов сказать о современном социально-гуманитарном дискурсе, связанном с обсуждением цивилизации. Общеизвестно, что сегодня в качестве альтернативных рассматриваются два подхода, ориентированных на мировую цивилизацию и на множество различных цивилизаций, так или иначе взаимодействующих друг с другом. Последний получил название цивилизационного подхода. Понятно, что человечество можно рассматривать и как единую цивилизацию, и как множество цивилизаций. Все зависит от исходной установки, определения понятий и, конечно же, идеологии. В целом же характеристика человеческого опыта как цивилизации, варварства или дикости, единства или множественности, западного или восточного, европейского, азиатского или евразийского, традиционного, модернистского или постмодернистского, в общем, любая социокультурная характеристика представляется чисто мифологической конструкцией. Например, «Россия между Западом и Востоком», «Россия как Евразия», «Запад есть Запад, Восток есть Восток», «У каждого народа – своя душа», «Просвещенный Запад, традиционный Восток» и т. д. и т. п. – типичные мифологемы. Мы создаем социальные мифы, выражая свое отношение к человеческому опыту. В этой мифологии мы конституируем себя в таком виде, в каком хотим себя наблюдать, а также других, чужих, иных и пр. Вся проблематика самоидентификации выглядит в этом свете как мифотворчество, и в этот процесс вовлечено все социально-гуманитарное знание. После такой обобщающей характеристики гуманитарного опыта перейдем к историософской концепции П.Д. Успенского.

Нужно сказать, к тому времени, когда Успенский закончил работу над главой, уже была хорошо известна книга О. Шпенглера «Закат Европы» [9], хотя автор на нее не ссылается. Успенский и Шпенглер испытали существенное влияние Ф. Ницше, и в их историософских построениях чувствуется ориентация на мифопоэтические идеи, характерные для «Рождения трагедии» [2, с. 7 - 143]. Ницше в этой своей ранней работе выделяет в человеческой культуре и истории два противоположных начала – аполлоновское и дионисийское, взаимодействие которых определяет характер творчества. Подобно этому, Успенский выделяет в культуре два начала – цивилизацию и варварство, которые также диалектически взаимодействуют, определяя характер человеческого бытия. Обратим внимание, что культура у Успенского фигурирует в качестве более широкого понятия, чем цивилизация, и появляется возможность говорить о двух контрастирующих культурах – культуре цивилизованной и культуре варварской. Успенский не рассматривает оппозицию «культура – природа»,

он усматривает бинарную структуру в самой культуре, распадающейся на организованное и неорганизованное человеческое бытие. Понятно, что, если мы проводим аналогии с ницшеанской философией культуры, цивилизация у Успенского будет соответствовать аполлоновскому началу, а варварство – дионисийскому. Если у Ницше ценностный акцент падает на дионисийскую стихию, то Успенский - аполлонист, отдает явное предпочтение гармонии и порядку.

Успенский рассматривает происхождение цивилизации с точки зрения идеи эзотеризма. Он испытал влияние Е. П. Блаватской и других теософов, а также французского оккультизма. Некоторое время он сотрудничал с Международным теософским обществом, путешествовал по Индии, но эти контакты прекратились до Первой мировой войны. После этого он стал последователем Г. И. Гурджиева и до конца жизни вел занятия по психологии и космологии школы «Четвертого пути» [5]. Но как философ он был независимым мыслителем и в некоторых своих книгах, таких как «Tertium organum» [4] и «Новая модель вселенной» развивал собственные философские концепции. Философской рефлексии он подвергает и идею эзотеризма. Действительно, в древнейших цивилизациях огромную роль играли эзотерические религиозные культы, говорим ли мы о Египте, Шумере, Вавилоне, Индии или Греции. Тайное знание, сакральные ритуалы, которые находились в ведении жреческой касты в различных культурах, играли определяющую роль в организации социальной и личной жизни. С этими тайными культами, мистериальными религиозными знаниями теснейшим образом были связаны наука, философия, искусство и медицина. Для нас сейчас важно то, что Успенский рассматривал древние цивилизации не с эволюционистской точки зрения, как развившиеся из примитивных первобытных состояний, а как результат целенаправленной культуросозидающей деятельности других, более древних и более развитых цивилизаций. По сути дела, эта точка зрения самой религиозно-мифологической традиции, которая, как правило, приписывает свое происхождение каким-либо высшим силам – культурному герою, первопредкам, богам и др. существам, более развитым, чем обычные люди. Вспоминая Ницше, можно охарактеризовать это как сверхчеловеческое, предшествующее человеческому.

Успенский пишет: «Согласно эзотерическим идеям, на земле сменяли друг друга многочисленные цивилизации, неизвестные нашей исторической науке. Некоторые из них достигли гораздо более высокого уровня, чем наша, которую мы считаем высшей из всех, когда-либо достигнутых человечеством. От многих древних цивилизаций не осталось

никаких следов; но достижения науки тех отдаленных эпох не оказались полностью утраченными. Приобретенное знание сохранялось из века в век, из одной эпохи в другую; оно передавалось от одной цивилизации другой. Хранителями этого знания были школы особого рода; в них знание хранили от непосвященных, которые могли исказить и разрушить его. Скрытое знание передавалось только от учителя к ученику, прошедшему длительную и трудную подготовку» [6, с. 42]. Здесь не ставится вопрос о происхождении первой цивилизации. Понятно, что с исторической точки зрения такие рассуждения представляются ненаучными. Вообще, Успенский был не чужд современной ему науке. Он изучал математику, физику, биологию, штудировал Г. Спенсера, изучал научные труды по первобытной культуре, например, «Золотую ветвь» Дж. Фрэзера [7]. Успенский много путешествовал: Египет, Турция, Индия, Цейлон, Европа. Его внимание привлекали загадочные артефакты, как правило, связанные с религиозными традициями – пирамиды, Сфинкс, Нотр-Дам, Тадж-Махал, буддийские храмы и скульптуры, священные танцы суфийских дервишей… Знакомясь с древними и средневековыми произведениями искусства, философскими текстами, религиозными традициями и мифами, открывая для себя сложнейшую символику, глубокие идеи, достижения человеческого духа в области психофизиологической практики и медитации, Успенский убеждается в том, что эти феномены не могли быть историческими случайностями, объяснимыми в рамках эволюционистской научной парадигмы. Заметим, что и для современной науки – археологии, сравнительной мифологии, религиоведения, филологии и др. историко-гуманитарных дисциплин, генезис древних религий, мифов, ритуалов, магических практик остается открытым вопросом. В этом смысле мы можем рассматривать различные гипотезы происхождения древних культур и цивилизаций, не только научные, но и философские, в том числе историософские.

Успенский размышляет: «Но, если мы попытаемся придерживаться идеи последовательно сменяющихся цивилизаций, мы обнаружим, что каждая большая культура общечеловеческого цикла состоит из целой серии отдельных культур, принадлежащих разным расам и народам. Все эти отдельные культуры развиваются волнообразно: они переживают подъем, достигают точки наивысшего развития, затем приходят в упадок. Раса или народ, достигшие очень высокого уровня культуры, могут постепенно утратить ее, и мало-помалу перейти в стадию полнейшего варварства. Дикари нашего времени, как уже было сказано выше, вероятно, являются потомками рас, некогда обладавших высокой культурой. Совокупность расовых и национальных культур, рассматриваемая на

протяжении очень длительного периода времени, образуют «большую культуру» или «культуру великого цикла». Культура великого цикла также представляет собой волну, состоящую, как и любая волна, из множества мелких волн; эта культура, подобно всем отдельным расовым и национальным культурам, проходит через подъем, достигает наивысшего уровня и в конце концов погружается в варварство» [6, с. 51]. Автор замечает, что «это деление на периоды варварства и периоды культуры не следует понимать буквально» [6, с. 51]. Далее он пишет: «Культура может полностью исчезнуть на одном континенте и частично сохраниться на другом, причем между обоими не остается никакого сообщения. Мы можем представить себе, что именно так обстояло дело и с нашей культурой, когда во времена глубокого варварства в Европе могла существовать высокая культура в отдельных частях Центральной и Южной Америки, а может быть и в странах Африки, Азии и Океании. Возможность сохранения культуры в некоторых частях мира в период общего упадка не противоречит главному принципу волнообразного развития культуры, подъемы которой разделены длительными промежутками более или менее полного варварства. Весьма возможно, что такие подъемы возникают регулярно, особенно если они совпадают с геологическими катаклизмами, с переменами в состоянии земной коры, когда исчезает всякая видимость культуры, и остатки человечества начинают новую культуру с самого низкого уровня, с каменного века» [6, с. 51 - 52].

По Успенскому, «не все ценности, приобретенные человечеством в период культуры, теряются им во времена варварства» [6, с. 52]. «Главная суть приобретенного человечеством в период культуры сохраняется в эзотерических центрах в эпоху варварства и впоследствии служит началом новой культуры» [6, с. 52].

Современные исследователи мифологии различают эзотерические и экзотерические мифы. В эзотерическую мифологию посвящаются в процессе ритуала инициации, как правило, юноши, достигшие определенного возраста, готовые к тому, чтобы стать полноценными членами племени, т. е. жениться, охотиться, воевать и организовывать сакральные ритуалы. Это – мифология для внутреннего круга, т. е. для посвященных. Для внешнего круга, к которым часто относятся женщины, дети, а также представители других родовых общин, существуют экзотерические мифы, целью которых является сокрытие смыслов внутреннего, истинного мифа. Это, как правило, запугивания, запреты, в отдельных случаях комические истории, пародирующие сакральные смыслы. Возвращаясь к Успенскому, можно предположить, что эзотерическая мифология как раз

и представляет собой некий «ковчег», священное убежище основных ценностей и смыслов, доставшихся в наследие от предыдущей, более цивилизованной социальной общности.

Далее мы переходим к самой концепции соотношения цивилизации и варварства, представляющей для нас основной интерес. «Любая культура переживает подъем и падение. Причины этого заключаются в следующем: в любой культуре (как это можно видеть, например, по нашей культуре) одновременно развиваются и эволюционируют совершенно противоположные принципы, а именно, принципы варварства и принципы цивилизации» [6, с. 52].

«Начало культуры идет из внутреннего круга человечества, зачастую благодаря насильственным мерам. Иногда миссионеры внутреннего круга цивилизуют дикие расы огнем и мечом, потому что для управления дикарями нет иного средства, кроме насилия. Далее развиваются принципы цивилизации, постепенно создающие те формы духовного проявления человечества, которые называются религией, философией, наукой и искусством, а также те формы общественной жизни, которые дают индивиду известную свободу, досуг, безопасность и возможность само проявления в более высоких сферах деятельности» [6, с. 52].

Здесь Успенский использует мифологему «внутреннего круга», но, если под нее подставить реальную цивилизующую историческую культуру, все становится на свои места. Она и будет выполнять миссию так называемого «внутреннего круга». В качестве исторического примера, близкого нам, можно рассмотреть призвание варягов и крещение Руси. Погружаясь в отдаленное религиозное прошлое, запечатленное в священном писании, можно отметить историю еврейского народа, подвергшегося цивилизующему воздействию культур Междуречья и Египта.

Успенский продолжает: «Но одновременно с началом цивилизации было допущено насилие; в результате наряду с цивилизацией растет и варварство. Это означает, что параллельно росту идей, пришедших из эзотерического круга, развиваются и другие стороны жизни, происхождение которых скрыто в человечестве, находящемся в состоянии варварства. Варварство несет в себе принципы насилия и разрушения. Эти принципы не существуют и не могут существовать внутри цивилизации.

В нашей культуре очень легко проследить обе эти линии: линию цивилизации и линию варварства» [6, с. 52 - 53].

Далее Успенский характеризует феномен варварства: «Дикарь убивал своего врага дубиной. Культурный человек имеет для этого всевозможные технические приспособления: взрывчатые вещества ужасной

силы, электричество, аэропланы, подводные лодки, ядовитые газы и т. п. Все эти средства и приспособления для разрушения и уничтожения – не что иное, как формы эволюции дубины; они отличаются от нее только силой своего действия. Культура средств разрушения, культура средств и методов насилия – это культура варварства» [6, с. 53].

К варварству Успенский относит также все формы рабства, а также насилие во имя государства, религии, идей, морали и т. п. Варварскими представляются Успенскому многие тенденции современного общества: «Жажда зрелищ и увеселений, страсть к соревнованиям, спорту, играм, сильнейшая внушаемость, готовность подчиняться всем видам влияний, панике, страху, подозрениям – все это черты варварства» [6, с. 53]. Все эти варварские черты транслируются благодаря разнообразным техническим средствам – книгопечатанию, телеграфу, радио и другим коммуникациям. Для цивилизованной культуры характерно стремление к установлению границы между собой и варварством. Варварство, как правило, характеризуется как преступление. Цивилизация ставит варварство в его наиболее явном виде как бы вне закона. В связи с этим Успенский говорит о криминологии. Он указывает на недостаточность юридических усилий для изоляции варварства. Сама идея преступления в современном обществе представляется искусственной. «Ибо то, что называется преступлением, на деле представляет собой нарушение «существующего закона», тогда как сам этот закон нередко является выражением варварства и насилия» [6, с. 53]. Количество запретительных мер постоянно возрастает. К преступным часто относятся действия, не содержащие насилия или вреда. С другой стороны, несомненные преступления иногда не считаются таковыми, так как еще формально не признаны нарушающими закон или же выходят за рамки некой шкалы ценностей. Например, убийство животных во время разрешенной спортивной охоты, совершаемое ради развлечения, не считается преступлением. В Индии убийство коровы считается тяжким преступлением, в западных странах – это совершенно обычное дело. Успенский отмечает, что в «…существующей криминалистике есть термины «преступник», «преступное занятие», «общество преступников», «преступная секта», «преступное содружество», - но нет понятий преступного **государства**, преступного **правительства**, преступного **законодательства**. В результате самые крупные преступления не удается назвать преступлениями» [6, с. 53 - 54].

По Успенскому, культура варварства развивается одновременно с цивилизацией. Но они не могут совместно развиваться до бесконечности. Неизбежен момент, когда «варварство прерывает развитие цивилизации

и постепенно, а то и очень быстро полностью ее разрушает» [6, с. 54]. Философ задается вопросом, почему варварство с необходимостью побеждает цивилизацию, а не наоборот? Из истории мы знаем, что варварство, как правило, торжествует.

«Но коренная причина развития варварства пребывает в самом человеке: ему присущи внутренние принципы, способствующие росту варварства. Чтобы уничтожить варварство, необходимо уничтожить эти принципы» [6, с. 54]. Но цивилизация никогда не могла искоренить принципы варварства в душе человека. Варварство обычно развивается быстрее, чем цивилизация. Часто оно останавливает развитие цивилизации в самом начале. К тому же, цивилизация регулярно использует варварство для собственной защиты. В качестве примера можно привести армию, военные силы, развитие военной техники и военной психологии, различные формы рабства, узаконивание варварских обычаев…

Эти формы варварства постепенно перестают контролироваться цивилизацией и начинают доминировать над ней. Силовые социальные институты становятся самодостаточными, перестают служить цивилизации и культуре. Они могут поддерживать собственное существование. В этом состоит их преимущество. Цивилизация же нуждается в поддержке извне. С этим также связана идея «внутреннего круга» человечества как источника цивилизации. Развивающееся варварство отрезает цивилизацию от ее источника. Когда это происходит, цивилизация начинает служить развитым формам варварства. Все цивилизованные институты преобразуются в соответствии с требованиями варварства, они адаптируются к нему.

«Так, теократическое правление превращается в деспотию. Касты, если они существовали и были признаны, становятся наследственными. Религия, принимая форму «церкви», оказывается орудием в руках деспотизма или наследственных каст. Наука, превратившаяся в технику, служит целям разрушения и уничтожения. Искусство вырождается и становится средством удержания масс на уровне слабоумия» [6, с. 55].

Прослеживая судьбы цивилизации на службе у варварства, Успенский заключает, что такова вся наша обозримая история, но в то же время говорит, что такие взаимоотношения не могут продолжаться неопределенно долго. Рано или поздно, развитие цивилизации прекращается, и она полностью трансформируется в варварство. Успенский скончался в 1947 г. Я думаю, что он характеризовал бы состояние человечества после Второй мировой войны как окончательную победу варварства над циви-

лизацией. Но варварство тоже нуждается в притоке сил и инициативы от цивилизации. Если этого не происходит, варварство постепенно возвращается к исходному примитивному состоянию. Это знаменует окончание очередного цикла в истории человечества. Сосуществование цивилизации и варварства, без решительного доминирования одного над другим, возможно только на протяжении относительно кратких периодов истории. Затем наступает переломный момент, и «техника разрушения начинает расти так быстро, что уничтожает свой первоисточник, т. е. цивилизацию» [6, с. 55]. Критически рассматривая состояние современной культуры, Успенский полагает, что принципы цивилизации, не подчиненные варварству, играют совсем незначительную роль в нашем обществе. «Действительно, какое ничтожное место в жизни среднего человека занимает мышление или искание истины!» [6, с. 56] Но фальсифицированные формы цивилизации активно используются варварством в качестве средства подчинения масс и удержания их в повиновении.

«Человек живет удовлетворением своих желаний, страхами, борьбой, тщеславием, развлечениями и увеселениями, бездумным спортом, интеллектуальными и азартными играми, приобретательством, чувственностью, отупляющим ежедневным трудом, повседневными заботами и беспокойствами, а более всего – подчинением и наслаждением подчинением; если он перестает подчиняться одной силе, то немедленно начинает подчиняться другой. Человек бесконечно далек от всего, что непосредственно не связано с заботами текущего дня, от всего, что хоть немного поднимается над материальным уровнем его жизни. Если не закрывать на все это глаза, то мы поймем, что в лучшем случае заслужили себе имя цивилизованных варваров, т. е. варваров, обладающих некоторой степенью культуры» [6, с. 56].

Успенский завершает эти свои рассуждения следующим выводом: «Цивилизация нашего времени (это писалось в первой половине XX в., не позднее 1929 г. – А. Ш.) – это бледное, чахлое растение, которое едва живет во мраке глубокого варварства. Технические изобретения, улучшенные средства сообщения и методы производства, возросшие способности борьбы с природой – все это берет от цивилизации, вероятно, больше, чем дает ей» [6, с. 56].

Эти размышления русского философа Серебряного века заставляют задуматься о том, в какой степени мы принадлежим цивилизации определенного типа? Цивилизация ли это? Цивилизация предполагает

некий более совершенный способ существования по отношению к более примитивным. Раньше они назывались варварством и дикостью, сегодня могут называться традиционными, автохтонными культурами. Цивилизация городского и государственного типа может противопоставляться негородским, естественным, а также кочевническим цивилизациям. Но цивилизация, в этимологическом смысле восходящая к Римской империи, всегда соотносится с варварством как неким внешним, неорганизованным и враждебным началом. Успенский видит эту враждебную стихию не вне, а внутри самой так называемой цивилизации и культуры. То, что мы привыкли считать цивилизованным и культурным, на самом деле оказывается замаскированным, завуалированным варварством, основанным на жажде удовлетворения своих страстей и насилии.

Явления чистой культуры или цивилизации играют совсем незначительную роль в нашей жизни и воспринимаются обычно как милые, но необязательные аксессуары, и интерпретируются очень поверхностно.

В наше время активно разрабатывается цивилизационный подход к истории. Остро встает вопрос об идентификации народов и государств с тем или иным культурно-историческим типом, с той или иной цивилизацией. Все более четко вырисовывается образ многополярного мира. Но вновь и вновь мы возвращаемся к тому, что же такое самое цивилизация? Очень сложно за многочисленными социальными наслоениями увидеть ядро чистой цивилизации или культуры. Мы вполне можем рассматривать вслед за Данилевским, Шпенглером и Тойнби различные цивилизации, имеющие свою историю развития, свои корни, и размышлять о том, к какой же цивилизации принадлежим сами, насколько широко или узко следует ее понимать во времени и в пространстве. Но мы не должны забывать об онтологии самой цивилизации. Успенский вслед за теософами и антропософами предлагает модель «внутреннего круга» человечества как источника цивилизации. Для нас это в лучшем случае – мифология. Но, по существу, речь идет об идеалах, лежащих в основании цивилизации. Насколько соответствует современное состояние этим идеалам?

Актуальная задача состоит в реконструкции и экспликации этих идеалов. Но этому должна предшествовать новая проблематизация самого понятия цивилизации. Возможно, цивилизация является не очевидным, исходным, а только искомым состоянием. Надеюсь, что мысли П.Д. Успенского способствуют такой проблематизации.

Список источников и литературы

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. 6-е изд. / Предисловие Н. Н. Страхова; статья К. Н. Бестужева-Рюмина; составление, вступительная статья и комментарии А. А. Галактионова. – СПб. Издательство С.-Петербургского университета, Издательство «Глаголъ», 1995. – 552 с. – (Литературное наследие русских мыслителей).

2. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии. – М.: Культурная революция, 2005. Т. 1/1: Рождение трагедии. Из наследия 1869 – 1873 гг. / Пер. с нем. В. Бакусева, Л. Завалишиной и др.; общ. ред. И. А. Эбаноидзе. – 2012. – 416 с.

3. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Пер. с англ. / Сост. Огурцов А. П.; Вступ. ст. Уколовой В. И.; Закл. ст. Рашковского Е. Б. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.

4. Успенский П. Д. Tertium organum. Ключ к загадкам мира. – СПб. «Андреев и сыновья», 1992.

5. Успенский П. Д. В поисках чудесного: Пер. с англ. – СПб.: Издательство Чернышева, 1994. – 528 с.

6. Успенский П. Д. Новая модель вселенной: Пер. с англ. – СПб: Издательство Чернышева, 1993. – с. 560.

7. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с. – (Б-ка атеист. лит.).

8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. – М.: АСТ, 2017.

9. Шпенглер О. Закат Европы / Авт. вступит. статьи А. П. Дубнов, авт. комментариев Ю. П. Бубенков и А. П. Дубнов. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – 592 с.

Сведения об авторе:

Шелковников Андрей Юрьевич, д. филос. н., доцент, НИУ «МЭИ», профессор, ShelkovnikovAY@mpei.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ……. 4

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Гынгов, А.Л.
Софийский Университет им. Св. Климента Охридского, София, Болгария
ФИКЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ... 5

Ключарев Г.А.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ……. 12

Мамычев А.Ю.
Национальный исследовательский университет «МЭИ», ФГБОУ
ВО «Владивостокский государственный университет»
НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ РОССИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ
И ЦИФРОВОЙ ТРАНСТФОРМАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ……. 17

Соколова Ю.В.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ФЕНОМЕН УНИВЕРСИТЕТА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ
АУТОПОЭЗИСА……. 26

Раздел I

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Власенко О.Б.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ОТ КИБЕР-ПРЕСТУПНОСТИ……..…… 34

Демидов Н.Д.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИЙ
ТЕПЛОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА…… 40

Жданов С.П.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ……..... 47

Ильинский Г.М.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ЭМОДЗИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВОМ МИРЕ…… 53

Матюк Ю.С.
Владивостокский государственный университет
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОБРАЗА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО РОССИИ…… 58

Пластиков В.С., Кострюков Д.С.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕКЛАМЫ В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ…….. 62

Рашитова Л.К.
«Национальный исследовательский университет «МЭИ»
РАЗРАБОТКА ПОДДЕРЖИВАЮЩИХ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ ОТЦОВ-ОДИНОЧЕК……. 68

Скиба М.С., Бологова В.В.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ И РОБОТИЗАЦИИ
В УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ…… 73

Тонковидова А.В.
Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма
ОБЗОР ГЛОБАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ И ЭТИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ В НАУКЕ О ДАННЫХ…… 82

Hans Krauch
Independent Scholar, Araminda
DON'T WORRY – I'M FROM THE INTERNET!..... 87

Fu-Shoun Mao
St. Kliment Ohridski University of Sofia
MEMORY IN THE AGE OF AI…….. 101

Vincenzo Filetti
Liceo T. Gargalllo
THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY: A METAMODERN/
/DIGIMODERN AND GLOCAL PERSPECTIVE…… 108

Раздел II
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Гаврилов А.А., Селиванова З.К.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ
В РАМКАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА……. 115

Горбачев А.Ю., Колягина А.Д., Селиванова З.К.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ… 121

Гусева И.И., Синьбухова М.С.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
МИР В ЦИФРЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ…… 127

Денисова А.Б., Денисова К.Е.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОТ ТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ
К СОВРЕМЕННЫМ…… 132

Кирилина Т.Ю.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛЯЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ…… 138

Марчуков А.Н., Калакутина Д.Д.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.. 147

Разина Д.А.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛУЖБ УНИВЕРСИТЕТА СО СТУДЕНТАМИ…… 152

Силайчева В.В.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ЦЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ…… 160

Скворцов Н.С., Гусарова М.Н.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ…. 168

Старухин С.Д.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ…… 174

Уражок Т.В.
ФГБОУ ВО «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова»
ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА АСПИРАНТУРЫ…… 178

Хохлов С.В.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ…… 187

Чайкина Е.В.
Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»
ТЕСТИРОВАНИЕ НА ЛЕКЦИИ КАК СПОСОБ УСИЛЕНИЯ МОТИВАЦИИ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ…… 196

Черных С.И.
Новосибирский государственный аграрный университет
АКАДЕМИЧЕСКОЕ МОШЕННИЧЕСТВО ИЛИ НОВЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ…….. 202

Шафранова М.В.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
КЕЙС-ПОДХОД И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОСВОЕНИЯ ОСНОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ БУДУЩИМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ ПО РЕКЛАМЕ И СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ……. 209

Раздел III
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

Вигель Н.Л., Меттини Э.
Ростовской государственный медицинский университет,
РНИМУ им. Н.И.Пирогова
ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ…… 217

Князев В.Н.
Московский педагогический государственный университет,
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ОНТОЛОГИИ И ЭПИСТЕМОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ…… 224

Кудинова К.С.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ М.М. РУБИНШТЕЙНА…… 231

Леушин В.В., Соколова Ю.В.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
СКАЖИ ЖИЗНИ «ДА». ЛОГОТЕРАПИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.. 236

Панкратова А.В.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
«СМЫСЛ ЛЮБВИ» В.С. СОЛОВЬЕВА КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД….. 241

Ращупкина Л.В., Кокляева М.О., Сафонова С.А., Петрухин Г.А.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА ПРАВА В КОНЦЕПЦИЯХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ…….. 245

Пионткевич Л.Ю.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ИСТИНА СПАСЕНИЯ В «ЛЕГЕНДЕ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО……. 251

Семенов В.Е.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ФИЛОСОФИЯ КАК ПОНИМАНИЕ ПРИРОДЫ НАУКИ……. 258

Хамитова Р.Р.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В НАШЕЙ СТРАНЕ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ…….. 268

Цибизова Л.А., Самохвалова В.К.
Всероссийский государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК), Москва, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва.
БЕРНАРД СТИГЛЕР И ARS INDUSTRIALIS (МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ) …… 275

Tomasi D.
Vermont Academy of Arts and Sciences, St. Kliment Ohridski University of Sofia, Community College of Vermont
NEUROPSYCHOLOGY: NEUROLOGICAL BASIS, CLINICAL EVALUATION, AND ASSESSMENTS……. 280

Раздел IV
РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В МЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ

Денисова А.Б.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
СОЦИАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ЦЕННОСТИ СТУДЕНТОВ: ИЗМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ…… 288

Жаров А.С.
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ: О РОЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
И САМООРГАНИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССАХ…….. 294

Листова С.И.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
РОЛЬ РОССИИ В БРИКС С УЧЕТОМ МЕНЯЮЩЕЙСЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ…… 301

Ращупкина Л.В.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
ПРАВОПОРЯДОК И ЕГО ТРЕНДЫ…… 306

Раздел V
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Беспалько В.Г.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
КОНЦЕПТ ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВ…… 312

Шелковников А.Ю.
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО В ИСТОРИОСОФИИ
П.Д. УСПЕНСКОГО…… 321

Научное издание

СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

VII АРЕФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Международной научной конференции
19–21 ноября 2024 года

Компьютерная верстка А.В. Худяковой

Подписано в печать	10.03.25.	Печать цифровая	Формат 60x84 1/16
Печ. л. 21,25	Тираж 22 экз.	Изд. № 25н-013	Заказ №

Оригинал-макет подготовлен в РИО НИУ «МЭИ».
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14.
Отпечатано в типографии НИУ «МЭИ».
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 13.